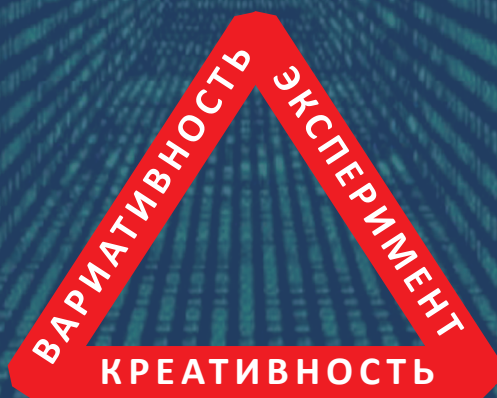

ДИСКУРС И ЯЗЫК В ЭПОХУ «БОЛЬШИХ ДАННЫХ»

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

**ДИСКУРС И ЯЗЫК
В ЭПОХУ «БОЛЬШИХ ДАННЫХ»:
ВАРИАТИВНОСТЬ,
КРЕАТИВНОСТЬ,
ЭКСПЕРИМЕНТ**

Сборник научных статей

Ответственный редактор И.В. Зыкова

Москва
2023
«Р.Валент»

УДК 81
ББК 81
Д48

*Печатается по решению Ученого совета
Института языкознания РАН от 3 октября 2023 г.*

Рецензенты:

доктор филологических наук, профессор, заведующая лабораторией
мультиканальной коммуникации Института языкознания РАН
Ольга Камалудиновна Ирисханова

доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой
теоретической и прикладной лингвистики
Омского государственного университета имени Ф.М. Достоевского
Оксана Сергеевна Иссерс

Ответственный редактор: И.В. Зыкова
Редакция: В.З. Демьянков, М.И. Киосе, О.В. Соколова

Дискурс и язык в эпоху «больших данных»: Вариативность, креативность, эксперимент: Сборник научных статей / Отв. ред. И.В. Зыкова. — М.: Р.Валент, 2023. — 368 с.
ISBN 978-5-93439-654-2

Книга посвящена проблеме лингвистической креативности, исследуемой сквозь призму современных цивилизационных условий развития языка и новых технологических возможностей того, что терминологически обозначается сегодня как «большие данные». Представленные в книге исследования проводятся на обширном и разнообразном языковом материале, источником которого выступают национальные и индивидуально-авторские корпуса текстов и видеозаписей, печатные и электронные лексикографические издания. Авторами предлагаются оригинальные подходы к идентификации, анализу и описанию языковых новаций (в широком понимании), определяющих тенденции языковых изменений.

Книга адресована лингвистам, а также всем тем, кто интересуется проблемами языкового творчества.

Сборник подготовлен за счет гранта Российского научного фонда
(проект № 19-18-00040) в Институте языкознания РАН

ISBN 978-5-93439-654-2

© Авторы, 2023

© Ответственный редактор, И.В. Зыкова, 2023

© Оформление ООО «Р.Валент», 2023

СОДЕРЖАНИЕ

Вступительное слово (И.В. Зыкова).....	5
--	---

РАЗДЕЛ 1.

Актуальные проблемы языковых изменений в новом теоретическом измерении

<i>Е.Г. Беляевская.</i> Дискурсивная реализация концептуальных оппозиций как мера креативности дискурса	10
<i>В.З. Демьянков.</i> Параметры возможности и вероятности в немецком корпусе	23
<i>С.Т. Золян.</i> Семиозис как диалог между квази-разумами: о незавершенном замысле Чарльза Пирса.....	40
<i>М.В. Ильин.</i> Мысль изреченная. Оязыковление <i>дбмысли</i> (материала, <i>tening, purport</i>) Луи Ельмслева	51

РАЗДЕЛ 2.

Системность и потенциальность лингвистической креативности

<i>В.В. Красных.</i> Психологическая структура значения и лингвокреативность: союзники или враги?	66
<i>Н.Б. Мечковская.</i> В каких направлениях дети преобразуют грамматическую и лексическую семантику русского глагола?	80
<i>Т.Б. Радбиль.</i> «Ценностные сдвиги» в речевой реализации нейтральных лексем: опыт корпусного анализа дискурса интернет-СМИ.....	93
<i>О.Г. Ревзина.</i> Слово как субъект «больших данных» истории.....	106
<i>М.Н. Эпштейн.</i> Грамматические аномалии как потенции: о системно-проективном подходе к языку.....	117

РАЗДЕЛ 3.

Лингвокреативность сквозь призму новых методологических построений

<i>Н.Б. Гвишиани.</i> Динамическая модель лингвокреативности в функционально-дифференцированной речи (на материале английского языка)	130
<i>И.В. Зыкова.</i> Параметризация лингвокреативности в кинодискурсе: новые эмпирические данные	145
<i>М.И. Киосе.</i> Лингвокреативность и дискурсивная интерференция в научно-популярной детской литературе.....	162

<i>О.В. Соколова. Linguaggio e opposizione: междискурсивное взаимодействие в поэзии итальянского неоавангарда</i>	177
<i>Л.О. Чернейко. Креативный потенциал невербального семантического дифференциала в психолингвистическом эксперименте</i>	188
<i>Л.Л. Шестакова, А.С. Кулева. Поэтическая антропонимия в контексте «больших данных»</i>	202

РАЗДЕЛ 4.

Креативный потенциал образных средств языка: большие и малые данные

<i>В.В. Фещенко. Метаморфозы метаязыковой метафоры: language poetry «на randevu» с лингвистикой</i>	214
<i>Н.А. Николина, З.Ю. Петрова, Н.А. Фатеева. Исследование динамики компаративных тропов в современной художественной прозе: корпусный подход (на материале фитоморфных тропов)</i>	225
<i>Е.В. Шаропова. Компаративные тропы и их взаимодействие в романе Веры Богдановой «Сезон отравленных плодов»</i>	237
<i>Е.А. Красикова. Креативная и некреативная реализация эмотивной лексики в кинодискурсе китайского языка</i>	247
<i>С.С. Кулиджанян. Армянская фразеология и особенности ее функционирования в кинодискурсе</i>	260

РАЗДЕЛ 5.

Когнитивные и коммуникативные факторы креативности в дискурсах разных типов

<i>А.Э. Левицкий. Театральный дискурс: креативность без альтернативы</i>	278
<i>А.В. Нагорная. «Здравицина» и «здравологизмы»: хелсистский дискурс как территория языковых экспериментов</i>	289
<i>Е.С. Шмелёва. Лингвокреативность в медийном дискурсе: диахроническая перспектива (на материале англо- и русскоязычной прессы разных типов за 1990–2022 гг.)</i>	301
<i>А.Е. Босов. Толкование спорных юридических текстов как источник лингвистической креативности и как средство ее дискурсивного ограничения</i>	315
<i>М.П. Таймур. Матрица когнитивных фильтров как инструмент анализа лингвокреатива в современном англоязычном дискурсе</i>	328
<i>Е.В. Захаркив. Аномальное употребление персональных дискурсивных слов в новейшей поэзии</i>	337
<i>Э.Р. Нигматуллина. Лингвокреативный потенциал прозвищ в текстах современных политических мемуаров</i>	349
Информация об авторах	363

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Книга, которую читатель держит в руках, — это сборник научных статей. Его авторы являются представителями крупнейших российских и зарубежных академических институтов и университетов и постоянными участниками Международной научной конференции **«ДИСКУРС И ЯЗЫК В ЭПОХУ “БОЛЬШИХ ДАННЫХ”: ЛИНГВОКРЕАТИВНЫЕ ПРЕДЕЛЫ И ВОЗМОЖНОСТИ»**, проводимой в Институте языкознания РАН на протяжении пяти лет: в 2019, 2021 и 2023 гг.

Целью *Конференции* явилось обсуждение специалистами из разных отраслей или направлений лингвистики вопросов, касающихся изменения языков в эпоху «больших данных» и научно-технического прогресса.

Значительное ускорение процесса обмена информацией, установление обширных сетевых контактов, институционализация новых форматов и способов коммуникации и усложнение системы отношений между ее участниками усиливает актуальность проблематики, связанной с изучением творческой деятельности языковой личности в разных дискурсивных практиках и выявлением ее допустимых «пределов». С учетом этих социокультурных тенденций и их стремительного развития, особую значимость обретает исследование языковых новаций (в широком понимании), обусловленных конкретным типом дискурса, временем и культурой, в которых они стихийно возникают или целенаправленно создаются, а также изучение факторов порождения языковых изменений, которые, появляясь в дискурсе, затем закрепляются в языке. Принимая во внимание данные приоритетные области научного поиска, в рамках Международной научной конференции «Дискурс и язык в эпоху “больших данных”: лингвокреативные пределы и возможности» к рассмотрению была предложена следующая основная научная проблематика:

- Лингвистическая креативность в дискурсах разных типов.
- Современная методология изучения языковых девиаций.
- Философско-семиотические основания лингвистической креативности.
- Лингвистическая креативность в свете новейших теорий.
- Языковые новации vs. стереотипизация: параметры и типология.

- Языковая игра и языковой эксперимент в контексте современных информационных технологий.
- Поэтика ошибки и креативность языковых аномалий.
- Когнитивные механизмы дискурсивной креативности.
- Языковое творчество в диахроническом измерении.
- Лингвокреативная специфика и языковое творчество в поликодовом дискурсе и мультимодальной коммуникации.
- Лингвокреативные тенденции в разных сферах культуры и языка.
- Корпусный и компьютерный подходы к анализу динамики языковых новаций.

Настоящий сборник научных статей, получивший название «**ДИСКУРС И ЯЗЫК В ЭПОХУ “БОЛЬШИХ ДАННЫХ”**: **ВАРИАТИВНОСТЬ, КРЕАТИВНОСТЬ, ЭКСПЕРИМЕНТ**», является, с одной стороны, продолжением обсуждения проблематики *Конференции* только уже в ином — печатном — формате, а с другой стороны, — своего рода подытоживанием той научной дискуссии, которая велась на протяжении всего пятилетнего периода плодотворного научного взаимодействия ее участников. Названием *Сборника* очерчивается контур исследовательского поля, основу которого составляют такие глобальные оппозиции и одновременно диалектические единства современной лингвистики и современной теории лингвистической креативности, как ‘язык — дискурс’, ‘система — узус’, ‘конвенция — новация’. В названии *Сборника* триада ‘вариативность, креативность, эксперимент’ несет указание на необходимость осмысления соотносимости и взаимосвязи трех фундаментальных явлений, определяющих характер и меру языковых преобразований, с новых теоретических позиций, в ракурсе новых эмпирических реалий и технологических возможностей того, что терминологически обозначается сегодня как «большие данные».

В соответствии с указанными задачами *Сборник* представляет собой научное издание, посвященное разработке теории и методов изучения лингвистической креативности, освещению результатов анализа разного рода языковых новаций или новообразований (аномалий, девиаций, лингвокреатем, сдвигов, эвристем, ошибок, окказионализмов, неологизмов и др.), возникающих в разного рода дискурсах, от повседневного до экспериментального, под влиянием определенных факторов. Исследования проводятся авторами на значительном по объему и разнообразном языковом материале, источниками которого являются национальные и индивидуально-авторские одно- или многоязычные корпуса текстов и видеозаписей, обширные коллекции печатных и электронных лексикографических изданий. Использование этих

источников позволяет придать анализу лингвокреативных процессов бóльшую объективность и надежную верификацию, обеспечив репрезентативный массив эмпирического материала.

Сборник состоит из следующих пяти разделов:

- Раздел I. Актуальные проблемы языковых изменений в новом теоретическом измерении.
- Раздел II. Системность и потенциальность лингвистической креативности.
- Раздел III. Лингвокреативность сквозь призму новых методологических построений.
- Раздел IV. Креативный потенциал образных средств языка: большие и малые данные.
- Раздел V. Когнитивные и коммуникативные факторы креативности в дискурсах разных типов.

Особого внимания заслуживают предлагаемые и используемые авторами методы и подходы к идентификации, анализу и описанию языковых изменений. Становится очевидным, что для постижения сущности креативной природы языка требуется разработка комплексных методик и многошаговых алгоритмов исследовательской процедуры. Представленные в *Сборнике* методы и подходы являются именно такими. Они учитывают типологические особенности дискурсов, раскрывают глубинные механизмы их способности к порождению языковых новаций самых разных уровней сложности и неконвенциональности, выявляют когнитивные основания выбора определенных языковых средств для конструирования дискурса конкретной прагматической и функциональной направленности. В отношении выбора определенных средств Ю.М. Лотман в свое время отмечал, что любая единица текста (графическая, зрительно-образная, звуковая и проч.) имеет альтернативу «хотя бы в виде неупотребления ее самой, и, следовательно, появляется в тексте не автоматически, а сопряжена с некоторым значением», с определенным творчески реализуемым намерением создателя этого текста. Примененные авторами методы, подходы, алгоритмы представляют собой совокупно мощный методологический инструментарий изучения в синхронии и диахронии вариативности и креативности языковых единиц, способов и форм экспериментирования с языковыми средствами, которые не только не разрушают идентичность того или иного языка, а напротив, выявляют эту идентичность, стимулируют внутренние ресурсы определенного языка к проявлению новаторства.

Результаты проведенных авторами *Сборника* исследований показали многообразие лингвокреативных явлений и их эвристическую ценность; выявили активные и неактивные модели креативного использования языка в дискурсах разных типов и сенситивность разных языков к изменениям; раскрыли механизмы, техники, стратегии возникновения и функционирования языковых новаций в разных лингвокультурных условиях; определили диапазон языкового варьирования, а также меру возможных или допустимых трансформаций (модификаций) языковых средств, обусловленных разными когнитивными и коммуникативными факторами. Полученные данные проясняют вопрос о потенциальной «тиражируемости» различных классов языковых новаций и вопрос о возможности прогнозировать их переход из порождающего их дискурса в общезыковой узус и распространения в нем. Объединенные под одной обложкой *Сборника* научные статьи, разные по своему исследовательскому фокусу и объекту, позволяют сопоставить полученные в них сведения и факты и сформировать многомерное представление о феномене лингвокреативности.

В заключение представляется важным отметить, что настоящее издание не претендует на исчерпывающее рассмотрение всех затронутых в нем вопросов. *Сборник* не ставит точки в изучении обозначенной в его названии проблематики, а напротив, приглашает к продолжению научного диалога. Содержащиеся в *Сборнике* научные исследования выявляют масштаб этой проблематики и указывают на необозримость границ познания сложнейших внутренних процессов и внешних механизмов развития языковой системы, в котором проявляется ее зависимость от дискурсов, запускающих инновационные процессы и определяющих перспективы конструирования новой лингвистической реальности.

Итак, мы ставим м н о г о т о ч и е ...

Ирина Владимировна Зыкова
доктор филологических наук,
ведущий научный сотрудник,
Отдел теоретической лингвистики
Институт языкознания РАН

*****

Редколлегия адресует слова благодарности рецензентам сборника за их конструктивные рекомендации и Российскому научному фонду за финансовую поддержку исследования, проведенного на базе Института языкознания РАН.

РАЗДЕЛ 1.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЯЗЫКОВЫХ ИЗМЕНЕНИЙ В НОВОМ ТЕОРЕТИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ

ДИСКУРСИВНАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ ОППОЗИЦИЙ КАК МЕРА КРЕАТИВНОСТИ ДИСКУРСА

Е.Г. Беляевская

Московский государственный лингвистический университет, Москва

Статья ставит своей целью показать, что, определяя степень лингвистической креативности, следует не только фиксировать случаи творческого, «нетипового» использования языковых средств в дискурсе, но и учитывать закономерности конструирования текста/дискурса, особенно в аспекте выбора языковых единиц, который определяется фреймовыми структурами, в основе которых лежат разного рода концептуальные оппозиции. Выступая в качестве конструктивного основания дискурса, концептуальные оппозиции образуют иерархически организованные кластеры с доминантными и вспомогательными составляющими, которые могут быть включены в систему параметризации лингвокреативности.

Ключевые слова: *лингвокреативность, параметризация, конструирование текста, концептуальные оппозиции, классификация.*

DISCURSIVE REALIZATION OF CONCEPTUAL OPPOSITIONS IN MEASURING CREATIVITY OF DISCOURSE

Elena G. Belyaevskaya

Moscow State Linguistic University, Moscow

The paper sets out to show that the system of parameters elaborated to measure and estimate the creativity of discourse and to compare the creative potential of different types of text should include, besides the already acknowledged forms pointing to the creative use of language means in discourse, reference to some of the cognitive structures underlying text construal. In part, mental models underlying the choice of words, as well as the choice of other language means, merit special attention. As the models in question stem from the frame structures and binary conceptual oppositions frames are built on, it is necessary to work out a typology of conceptual oppositions instrumental in the process of text formation and to estimate their significance for further measuring creativity. The paper looks at the main types of conceptual oppositions accounting for the choice of words, and holds that they tend to form hierarchical clusters with dominant and supporting constituents which might find their way into the parametric system for measuring creativity.

Keywords: *linguistic creativity, parametric analysis, text construal, conceptual oppositions, classification.*

1. Введение

Обращение исследователей к рассмотрению тех разновидностей дискурса, которые ранее не подвергались системному изучению в рамках лингвистики (например, кинодискурса, других мультимодальных

дискурсов и разных видов интернет-текстов), не могло не повлечь за собой постановки вопроса о творческом подходе человека к языку, а также о том, в каких формах это проявляется в коммуникации. Эта группа явлений получила название лингвистической креативности, что обусловило формирование целого научного направления изучения языкового материала. Основные подходы к трактовке лингвокреативности и таких смежных с ней понятий, как языковая игра, языковой эксперимент и словесное искусство описаны в [Зыкова 2017: 542–638].

Проведенные исследования и анализ полученных данных показал, что, во-первых, проблемы лингвистической креативности тесно связаны с давно известными проблемами теоретической лингвистики, например, с проблемой варьирования-вариативности-вариантности — одной из ключевых теоретических проблем самых разных лингвистических школ и направлений. Во-вторых, изучение лингвокреативности потребовало разработки специальной методологии, и был разработан **метод параметризации**, позволяющий представить общую матрицу возможных креативных реализаций языковых средств в тексте, которая может служить объективным основанием для сопоставления текстов разных жанров, а также текстов, разных по времени создания [Зыкова 2020, 2021а, 2021б; ЛДРТ 2021]. Матрица включает около 80 параметров, распределяющихся по разным уровням языковой системы, и допускает возможное дальнейшее расширение.

Далее мы постараемся показать, что в такую параметрическую матрицу можно включить информацию о семантических особенностях лексических и фразеологических единиц, составляющих текст, опираясь, в основном на выявление когнитивных оснований их выбора в процессе дискурсивной деятельности.

2. Постановка проблемы

В имеющихся исследованиях, касающихся различных аспектов лингвокреативности, отправной точкой анализа является рассмотрение творческого и несовпадающего с «типовым» использованием языковых средств. И в определении лингвокреативности И.В. Зыковой внимание также фокусируется на языковых средствах: «Лингвокреативность — способность глубинных (концептуальных) оснований (как результатов познания мира), реализуемая коллективной личностью (социумом, народом) и индивидуальной личностью (отдельным представителем социума, народа), системно порождать разнородные знаки языка, способствуя развитию или эволюционированию последнего, и обеспечивать процесс их коммуникативной адаптации к построению

прагматически ориентированного дискурса, в ходе которого базовые формы языковых знаков могут подвергаться разного рода преобразованиям, т. е. модифицируются» [Зыкова 2017: 638].

Эти две центральные идеи — о том, что при оценке степени креативности в центре внимания находятся «языковые знаки» и характер их речевой модификации в конкретной реализации, — нашли свое отражение при параметризации лингвокреативности, когда в ходе анализа языкового материала необходимо фиксировать все языковые элементы разных уровней языковой системы, которые, проявляясь на фоне текста, указывают на необычность и нестандартность употребления [Зыкова 2017; Зыкова 2021a 2021: 126–140].

Представление о **выборе** языковых средств в разработанной системе параметризации присутствует имплицитно, проявляясь наиболее отчетливо, в частности, в фиксации таких параметров, как «смена социокоммуникативных регистров» и «смена профессионального кода». Но и во всех остальных параметрах отражается необходимость обращения к изучению закономерностей выбора языковых средств в процессе формирования текста. Действительно, хотя лингвокреативность основывается на потенциале языковой системы (т. е. на *language competence*), она реализуется в речи, т. е. не существует вне дискурсивной практики человека (*language performance*). По сути лингвокреативность напрямую связана с «ролью личности в языке», т. е. с вопросом о том, насколько «креативен» может быть говорящий в процессе пользования языком, при каких условиях креативность говорящего может проявляться и почему необычный выбор языковых средств говорящим не препятствует пониманию в ходе коммуникации. В свете этих обстоятельств лингвокреативность не может существовать без связи с языковой нормой, и, таким образом, следует определять лингвистическую креативность как тестирование вариативного потенциала языковой системы в процессе дискурсивной деятельности говорящего с учетом возможных пределов расширения нормы [Беляевская 2022б].

Однако, приняв в качестве исходного утверждение о том, что параметризация лингвокреативности, по крайней мере, тесно связана с вопросами текстоформирования и особенностями выбора языковых средств в ходе речевой деятельности, необходимо также поставить вопрос о том, следует ли относить к проявлениям лингвистической креативности выбор только «модифицированных» и необычных в том или ином контексте языковых средств или же креативен выбор вообще **всех языковых единиц, составляющих текст**. С одной стороны, формирование текста креативно по определению, поскольку каждый текст

является результатом творчества его автора, но, с другой стороны, неясно, как и на каких основаниях можно оценить креативность выбора каждого слова в тексте.

Может показаться, что замена слова в тексте на его близкий синоним мало что меняет в смысловой структуре всего сообщения и в текстах художественной литературы такие семантические изменения не всегда отчетливо заметны. Однако в текстах документов, где необходима точность, а также в текстах *mass media*, которые активно воздействуют на получателя информации, заставляя его принимать точку зрения того или иного издания, замена слова может быть очень значима. Например, в англоязычном политическом (газетном) дискурсе выбор глагола с общим значением 'оставить свой политический пост' может предоставить читателю достаточно большой объем дополнительной информации. Так, выбор сочетания *to leave office* указывает на прекращение полномочий человека, занимающего официальный пост, и может считаться относительно нейтральным. Сочетание *to die in office* передает информацию о том, что политик умер до истечения срока его полномочий (например, *President F.D. Roosevelt died in office*). Глагол *to retire* обозначает 'уход в отставку по возрасту или по болезни'; глагол *to resign* предполагает, что политик был вынужден уйти в отставку. В свою очередь, выбор конструкции *to be ousted from office* формирует у читателя представление о том, что политика «подсидели», что его политический соперник сумел добиться его замены на занимаемом посту. И, наконец, описывая ситуацию с помощью глагола *to step down*, автор сообщения имплицитно указывает, что политик принимает самостоятельное (и, возможно, неожиданное) решение, протестуя против политики той партии или того политического окружения, к которому он принадлежит. Иными словами, выбор одного из нескольких возможных вариантов описания ситуации является проявлением креативности автора текста, который подобным образом меняет ракурс интерпретации происходящего и предлагает читателю свое видение, которое может и не соответствовать действительности.

Не отрицая важности выбора слов (и вообще — языковых средств), отметим, что этот аспект лингвистической креативности по-разному проявляется в текстах разных функциональных стилей и жанров. Приведенные выше в качестве иллюстрации случаи относятся к достаточно специфическим функциональным сферам, где тексты, во-первых, обычно невелики по объему, и, во-вторых, тесно связаны или с событиями, или с предписаниями (в документальном стиле), непосредственно соотносимыми с тем, что имеет место в окружающей

действительности. В результате получатель информации, воспринимая и изучая текст, может легко соотнести его со своим знанием о мире. Такое сравнение и служит мерилем креативности автора текста, с интерпретацией которого реципиент может либо соглашаться, либо не соглашаться, исходя из собственного опыта. Но как быть с художественной прозой или с художественной публицистикой, где особую роль играет личное мнение и игра воображения автора? Можно ли там найти какие-либо основания для того, чтобы оценить степень креативности автора в выборе слов и других языковых средств, особенно если они не подвергаются явной модификации?

Мы выдвигаем гипотезу о том, что мерилем лингвистической креативности при таком подходе может стать изучение концептуальных оппозиций, входящих в когнитивное основание смысловой структуры текста, и рассмотрение распределения словесных составляющих текста в соответствии с этими оппозициями. Таким образом, мы полагаем, что в основе выбора языковых средств в процессе текстоформирования лежат фреймовые структуры и входящие в них концептуальные бинарные блоки, т. е. когнитивные модели, которые могут быть определенным образом структурированы и объективно систематизированы как указания на основания реализации авторского замысла и авторской лингвистической креативности.

3. Методология

Представление о концептуальных оппозициях коррелирует с идеей двойных отношений в фонологии Пражской лингвистической школы, с теорией смысловозначительных оппозиций Н.С. Трубецкого и с анализом по непосредственным составляющим (*immediate constituent analysis*), разработанным в рамках американского дескриптивизма [ОНС 1964]. Все эти методологические приемы основаны на той предпосылке, что «каждый самостоятельный отрезок речи является бинарным по своей структуре» [ОНС 1964: 255].

Однако все перечисленные выше подходы использовались при анализе «поверхностных структур», а не содержательной стороны языковых явлений. Так, фонологические оппозиции Н.С. Трубецкого позволяли уточнить фонемный состав языковой системы. Метод НС применялся в морфологии (при морфемном и словообразовательном анализе), а также в синтаксисе при анализе структуры предложения. Кроме того, бинарные составляющие грамматических конструкций языка составляли модельное основание порождающих грамматик Н. Хомского.

Однако, утверждая, что метод НС разрабатывался, прежде всего, как метод сегментации высказывания, следует также иметь в виду, что он позволял определить и некоторые семантические параметры предложения. Рассмотрим в качестве примера следующее предложение: *В осажденном городе оставались старые мужчины и женщины*, которому соответствуют две НС-структуры (ICS).

ICS 1	НС в осажденном городе оставались	↔	НС старые мужчины и женщины
	НС в осажденном городе ↔ НС оставались		НС старые ↔ НС мужчины и женщины
	НС в ↔ НС осажденном городе		НС мужчины ↔ НС и женщины
	НС осажденном ↔ НС городе		НС и ↔ НС женщины
ICS 2	НС в осажденном городе оставались	↔	НС старые мужчины и женщины
	НС в осажденном городе ↔ НС оставались		НС старые мужчины ↔ НС и женщины
	НС в ↔ НС осажденном городе		НС старые ↔ НС мужчины
	НС осажденном ↔ НС городе		НС и ↔ НС женщины

Каждая из НС-структур фиксирует разное смысловое содержание предложения. В предложении, построенном по ICS 1, утверждается, что в осажденном городе оставались только *старика* (т. е. старые мужчины и старые женщины). Предложение, построенное по ICS 2, передает информацию о том, что в осажденном городе оставались *старые мужчины и женщины разных возрастов*. Пример показывает, что анализ по НС позволяет не только формально сегментировать высказывание и выделить его грамматические составляющие, но также дает возможность указать на высказывания, разные в смысловом отношении.

Бинарный характер процесса формирования дискурса признается и в когнитивной лингвистике, о чем свидетельствуют, в частности, модели концептуальной интеграции, бинарные по своей природе [Croft, Cruse 2007].

Таким образом, бинарность поверхностных структур высказывания оказывается тесно связанной с его содержательной стороной, что косвенным образом свидетельствует о том, что смысловые оппозиции в высказывании (и, следовательно, в тексте), по крайней мере, заслуживают более пристального внимания. Кроме того, представление о концептуальных оппозициях, которые лежат в основе выбора языковых единиц при формировании высказывания и текста, согласуется с хорошо известной методикой изучения семантических полей в тексте, практически просто добавляя к ней требование учитывать антонимичные блоки, входящие в семантические поля.

То, что концептуальные оппозиции следует считать важной частью когнитивной (и смысловой) организации лексико-семантических категорий (например, английских глаголов устной коммуникации), культурно значимых концептов и текстов (например, дискурса британских детективных сериалов) уже было продемонстрировано в ряде работ (см. обзор в [Беляевская 2022а; Беляевская 2023]).

В проведенном нами исследовании на материале более 70 коротких рассказов английских и американских писателей XIX–XXI вв. были первоначально выделены лексико-фразеологические семантические поля и далее были поставлены две задачи:

Зафиксировать концептуальные оппозиции, обеспечивающие формирование семантических полей в тексте;

Провести типологию полученных концептуальных оппозиций.

4. Результаты исследования

В результате анализа были выделены следующие виды концептуальных оппозиций.

Архетипические оппозиции (ЖИЗНЬ — СМЕРТЬ, СВЕТ — ТЬМА и другие). В качестве примера реализации этого типа оппозиций в тексте приведем следующий контекст.

(1) *And now was acknowledged the presence of the Red Death. He had come like a thief in the night. And one by one dropped the revelers in the blood-bedewed halls of their revel, and died each in the despairing posture of his fall. And the life of the ebony clock went out with that of the last of the gay. And the flames of the tripods expired. And Darkness and Decay and the Red Death held illimitable dominion over all* [P&P 1983: 220–221].

Концептуальная оппозиция ЖИЗНЬ — СМЕРТЬ (*death, blood-bedewed, died, life went out, the last of, expire, decay vs. life*) и концептуальная оппозиция СВЕТ — ТЬМА (*night, ebony, darkness vs. flames*) не единственные в данном контексте, что свидетельствует о том, что, во-первых, концептуальные оппозиции могут пересекаться и, во-вторых, они реализуются кластерами. В приведенном контексте можно также отметить концептуальную оппозицию ЧЕРНЫЙ — ЦВЕТНОЙ (*red, blood-bedewed, flames vs. night, darkness*) и концептуальную оппозицию ВЕСЕЛЬЕ — ОТЧАЯНИЕ (*gay vs. despairing*), которые пересекаются с отмеченными выше архетипическими оппозициями и дополняют их.

К архетипическим оппозициям близки **ориентационные концептуальные оппозиции** (ВВЕРХУ — ВНИЗУ, ДАЛЕКО — БЛИЗКО, СТАТИКА — ДИНАМИКА и другие). Эта группа концептуальных оппозиций эксплицитно представлена в метафорических концептах и обычно активно реализуется в текстах художественной прозы. В частности, в приведенном контексте (1) ориентационные концептуальные оппозиции проявляются в реализации таких единиц, как *dropped, fall*, а также имплицитно в *went out, expire*, причем оппозиция ВВЕРХУ — ВНИЗУ асимметрична (фиксируется только движением вниз).

Большинство концептуальных оппозиций, которые можно выделить в текстах художественной прозы, связано с сюжетом и варьируется в зависимости от жанра. Эти **концептуальные оппозиции связаны с общим знанием о мире и о человеке**. Примерами могут служить ЧЕЛОВЕК — МАШИНА; ГОРОД — ДЕРЕВНЯ; ЛЮБОВЬ — НЕНАВИСТЬ и многие другие. Рассмотрим следующие контексты:

(2) *Of my country and of my family I have little to say. Ill usage and length of years have driven me from the one and estranged me from the other. Hereditary wealth afforded me an education of no common order, and a contemplative turn of mind enabled me to methodize the stories which early study very diligently gathered up* [P&P 1983: 59].

(3) *To conceive the horror of my sensations is, I presume, utterly impossible; yet the curiosity to penetrate all the mysteries of these awful regions, predominates even over my despair, and will reconcile me to the most hideous aspect of death. It is evident that we are hurrying onwards to some exciting knowledge — some never-to-be-imparted secret* [P&P 1983: 68].

Контекст (2) располагается в начале рассказа Э.А. По “Ms. Found in a Bottle” (пер. «Письмо, найденное в бутылке»), контекст (3) в самом конце того же текста, и оба отрывка демонстрируют реализацию концептуальной оппозиции ЗНАНИЕ / ОБРАЗОВАНИЕ — НЕЗНАНИЕ. Первая составляющая представлена такими лексическими единицами, как: *education (of no common order), contemplative turn of mind, to methodize, study, diligently, stories gathered up, to conceive, to penetrate the mysteries, exciting knowledge*. Во вторую часть этой асимметричной концептуальной оппозиции входят: *to drive from, to estrange, utterly impossible, curiosity, the mysteries of these awful regions, to hurry onwards (to knowledge), some secret, never to be imparted*. Помимо этого, в рассматриваемых контекстах можно также указать на оппозиции ЖИЗНЬ — СМЕРТЬ (*length of years*

vs. *death*) и РАЗУМ — ЭМОЦИИ (*contemplative turn of mind, to methodize, study, evident vs. horror, sensations, curiosity, despair, hideous, exciting*).

В ходе исследования были выделены еще два типа концептуальных оппозиций, которые носят скорее дополнительный или вспомогательный характер, — **оппозиции градуальные**, фиксирующие степень качества (МЕДЛЕННО — БЫСТРЕЕ — БЫСТРО, МАЛО — БОЛЬШЕ — МНОГО и другие) и **оппозиции оценочные**, близкие к оппозициям предыдущей категории (ХОРОШИЙ — ПЛОХОЙ, КРАСОТА — УРОДСТВО и другие).

Выделение оценочных оппозиций может показаться лишним, поскольку формирующаяся в тексте оценка непосредственно связана со всеми типами концептуальных оппозиций, которые были выделены выше. Действительно, положительное или отрицательное оценивание логически вытекает из самой концептуальной структуры, которая лежит в основе выбора лексики в тексте, и в этом смысле и архетипические, и ориентационные оппозиции уже оценочны по самой своей природе. Однако возможны случаи, когда автор дает собственную оценку событиям или персонажам, и тогда в тексте появляются семантические поля, противоположные по знаку оценки. Например, в рассказе Э.А. По *Hop-Frog* (пер. «Лягушонок») персонажами являются два карлика-шута, живущие при дворе некоего короля, — юноша (уродливый) и девушка (красивая) (указания на оппозицию КРАСОТА — УРОДСТВО выделены в приводимых ниже примерах жирным шрифтом):

(4) *His (Hop-Frog's) value was trebled in the eyes of the king, by the fact of his being also a **dwarf** and a **cripple** ... Hop-Frog, through the **distortion** of his legs could move only with **great pain** and **difficulty** ... [P&P 1983: 299].*

(5) *Hop-Frog, and a young girl very little less dwarfish than himself (although of **exquisite proportions**, and a **marvelous dancer**) had been ... sent as presents to the king ... [P&P 1983: 299–300].*

В свою очередь, **градуальные концептуальные оппозиции** выполняют в тексте поддерживающую функцию, сочетаясь с концептуальными оппозициями СВЕТ — ТЬМА и ДВИЖЕНИЕ — ОТСУТСТВИЕ ДВИЖЕНИЯ, например, *the train **glided** out of the station vs. as the train **attained its normal speed** vs. the train **rushed** to the bridge — a catastrophe!* Следует отметить, что градуальные концептуальные оппозиции встречаются в нашем материале реже, чем другие типы оппозиций.

Исследование также показало, что в ряде случаев концептуальные оппозиции могут быть многомерными, например, КРАСОТА — ОТСУТСТВИЕ КРАСОТЫ — УРОДСТВО.

5. Интерпретация результатов и выводы

Выбор в качестве иллюстрации рассказов Э.А. По не является случайным. Креативность прозы Э.А. По признается всеми литературоведами. По является одним из родоначальников нескольких литературных жанров, например, жанра *horror* и жанра детективного рассказа, поскольку его рассказ “The Murders in the Rue Morgue” (пер. «Убийства на улице Морг») был практически первым в этом жанре в англоязычной прозе. Кроме того, неоднократно отмечалось, «проза По была прозой поэта» [P&P 1983: 24], это признавали и другие писатели, в том числе Ф.М. Достоевский [P&P 1983: 26], отмечая особую поэтику его текстов. Таким образом, рассказы Э.А. По можно считать креативными по определению. Выделенные в ходе анализа закономерности реализации концептуальных оппозиций характерны и для остальных текстов, входящих в наш исследовательский материал, однако у По они проступают более отчетливо.

Проведенное нами исследование показало, что **необходимо фиксировать не только сами оппозиции, которые можно выделить в тексте, но также и особенности их распределения в дискурсе.** В текстах, больших по объему, репрезентанты концептуальных оппозиций, особенно концептуальных оппозиций первых двух типов, обычно распределяются равномерно. В коротких рассказах они обычно концентрируются на отдельных участках текста. Обратимся, например, к рассказу Э.А. По “The Oval Portrait” (пер. «Овальный портрет»), в котором повествуется о том, как одному путешественнику пришлось переночевать в старинном замке, где он увидел портрет необычайно красивой молодой женщины. Потом путешественник узнал, что портрет был написан мужем этой молодой дамы, и что женщина умерла, как только муж закончил портрет, и все выглядело так, как будто муж-художник забрал жизнь своей жены, перенес ее на холст. В первом абзаце этого рассказа, состоящего из шести абзацев, начинает формироваться оппозиция СВЕТ — ТЬМА (*night, gloom, black vs. light*), причем первоначально оппозиция асимметрична — «темная» составляющая оппозиции представлена большим числом элементов. Далее, в абзацах 2–5 оппозиция становится более сбалансированной: *deep midnight, thrown into deep*

shade, niche of the room, vague yet deep shadow vs. candelabrum, to throw the rays, the rays of the numerous candles, vivid light, flashing of the candles. Начиная с третьего абзаца, к реализации указанной оппозиции подключаются и другие концептуальные оппозиции: ВИДЕТЬ — НЕ ВИДЕТЬ (*gazed, glanced, gaze, look fixedly vs. unnoticed, unanticipated, closed my eyes, lids remained thus shut*), ПОНИМАТЬ (ВОСПРИНИМАТЬ) — НЕ ПОНИМАТЬ (*apparent, ran over my mind, perception vs. to gain time for thought, stupor stealing over my senses, imperceptibly*) и СПАТЬ — БОДРСТВОВАТЬ (*slumbering, dreamy vs. startle me at once into waking life*). В самом конце третьего абзаца впервые в тексте появляется слово *life* (*startle me at once into waking life*), которое указывает на начало формирования в тексте ключевой для данного текста оппозиции ЖИЗНЬ — СМЕРТЬ, которая разворачивается в последнем шестом, самом объемном абзаце рассказа (*all light and smiles, a maiden of rarest beauty, it's life itself vs. withered the health and spirits, dispirited and weak, dead*), сочетаясь с новыми репрезентантами концептуальной оппозиции СВЕТ — ТЬМА.

Таким образом, можно подтвердить, что концептуальные оппозиции реализуются в процессе формирования текста совместно и могут появляться на разных участках дискурса, и можно полагать, что **дальнейшее изучение роли концептуальных оппозиций в параметризации лингвистической креативности должно быть связано не столько с составлением списка оппозиций, сколько с рассмотрением закономерностей их репрезентации в структуре текста.**

Проведенный анализ языкового материала позволил сделать еще один общий вывод, важный для дальнейшего исследования.

Полученные данные позволяют высказать предположение о том, что концептуальные оппозиции, обуславливающие выбор языковых средств в процессе текстоформирования, не только связаны между собой, но и образуют иерархически организованную структуру, в которую входят относительно самостоятельные концептуальные блоки. Так, **концептуальные оппозиции, которые указывают на пространственно-временные основания повествования, достаточно автономны и могут рассматриваться отдельно.** Более того, во многих случаях в составе одного дискурса они находятся во взаимодополняющих отношениях. Так, в приведенном выше в качестве примера тексте "The Oval Portrait", где пространственно-временные концептуальные оппозиции не были включены в рассмотрение, все действие происходит в одной небольшой комнате, и при этом повествование охватывает достаточно длительный временной период. Сначала это вечер приез-

да путешественника в замок и ночь, проведенная им в комнате, где он обнаружил портрет неизвестной красавицы. Затем путешественник узнает историю портрета, таким образом этот «рассказ в рассказе» имеет свою временную организацию, поскольку здесь описывается, как создавался портрет и что при этом происходило, и эти события покрывают очень длительный временной отрезок, хотя действие и происходит все в той же комнате.

Для сравнения обратимся к рассказу “The Masque of the Red Death” (пер. «Маска Красной Смерти»). Здесь действие происходит в нескольких комнатах замка, между которыми постоянно перемещаются действующие лица. Время при этом как бы останавливается, и, несмотря на то, что в повествовании постоянно упоминаются большие черные напольные часы, сам ход времени никак не фиксируется, о нем можно судить только по указанию на то, в какую комнату переходят участники. Пространство описано очень подробно с привлечением «цветных» концептуальных оппозиций, поскольку действие происходит в семи залах, разных по цветовому оформлению.

Пространственно-временные оппозиции обычно сочетаются с концептуальной метафорой ДВИЖЕНИЯ, образуя устойчивый концептуальный блок (кластер).

Еще один вывод из проведенного исследования заключается в том, что по результатам анализа можно констатировать, что полюсы концептуальных оппозиций обычно представлены в дискурсе разным количеством языковых единиц, демонстрируя асимметрию концептуальной оппозиции. Эта особенность реализации оппозиции в дискурсе заслуживает особого внимания. Асимметрия оппозиции сразу указывает читателю или исследователю, какой аспект ситуации привлекает внимание автора. Предварительные данные показывают, что «симметричные» оппозиции в тексте имеют больше значения для передачи основной идеи текста, чем «асимметричные», поскольку их реализация не позволяет сразу «угадать», какой оценки описываемой ситуации придерживается автор, и таким образом держит получателя информации в напряжении. Представляется, что **симметрия или асимметрия концептуальных оппозиций в конкретном тексте может рассматриваться как отражение авторской креативности**, и в этом плане возможно в дальнейшем удастся разработать количественные критерии оценки зависимости «необычности» дискурса от соотношения реализующихся в нем «симметричных» и «асимметричных» оппозиций.

6. Заключение

Подводя итоги, отметим, что сравнительный анализ использования концептуальных оппозиций разных типов при формировании текста/дискурса может способствовать дальнейшей разработке метода параметризации как объективного основания измерения степени и особенностей креативности дискурсов разных видов и жанров. Определить и формализовать авторскую интенцию и авторскую «лабораторию» создания текста современными методами (не только лингвистического анализа) практически невозможно. Единственным «ключом» к решению этой проблемы, хотя бы приближительному, является изучение когнитивных оснований текстоформирования, частью которых являются концептуальные оппозиции, лежащие в основе выбора языковых средств в процессе речевой (дискурсивной деятельности).

Литература

Беляевская Е.Г. Концептуальный анализ: результат, на который обычно не обращают внимания // Когнитивные исследования языка. 2022а. № 4 (51). С. 89–94.

Беляевская Е.Г. Лингвистическая креативность: нарушение нормы? // Вопросы психолингвистики. 2022б. № 3 (53). С. 62–73.

Беляевская Е.Г. О бинарной структуре когнитивных оснований текстоформирования // Когнитивные исследования языка. 2023. № 2 (53). С. 18–26.

Зыкова И.В. Метаязык лингвокультурологии: константы и варианты. М.: Гнозис, 2017.

Зыкова И.В. Методологические векторы изучения лингвистической креативности в кинодискурсе // Уральский филологический Вестник: Серия: Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива. 2020. № 2(29). С. 23–36. DOI: 10.26170/ufv20-02-02 ISSN 2306-7462.

Зыкова И.В. Лингвокреативность в кинодискурсе // Лингвокреативность в дискурсах разных типов: Пределы и возможности: коллективная монография / Отв. ред. И.В. Зыкова. М.: Р.Валент, 2021а. С. 100–189.

Зыкова И.В. Язык и дискурсы: На новых рубежах теории лингвокреативности // Лингвокреативность в дискурсах разных типов: Пределы и возможности: коллективная монография / Отв. ред. И.В. Зыкова. М.: Р.Валент, 2021б. С. 11–20.

ЛДРТ — Лингвокреативность в дискурсах разных типов: Пределы и возможности: коллективная монография / Отв. ред. И.В. Зыкова. М.: Р.Валент, 2021.

ОНС — Основные направления структурализма. М.: Наука, 1964.

Croft W., Cruse D.A. Cognitive Linguistics. Cambridge: Cambridge University Press. 2007.

Источники

P&P — Poe, Edgar Allan. Prose and Poetry. Moscow: Raduga, 1983.

ПАРАМЕТРЫ ВОЗМОЖНОСТИ И ВЕРОЯТНОСТИ В НЕМЕЦКОМ КОРПУСЕ¹

В.З. Демьянков

Институт языкознания РАН, Москва

В результате исследования корпуса немецких художественных и нехудожественных текстов выявляются классы контекстов для лексических единиц класса «возможность», «невозможность», «вероятность» и «невероятность». Главное внимание уделяется установлению степени рутинности / креативности (в соответствии с количеством найденных контекстов) при употреблении «модификаторов» этих единиц со значением интенсификации, например: «очень возможный», «большая вероятность», «в высшей степени невероятный».

Ключевые слова: *возможность, вероятность, семантика возможных миров, креативное употребление лексем класса возможности, контрастивная корпусная лингвистика.*

PARAMETERS OF POSSIBILITY AND PROBABILITY IN GERMAN CORPUS

Valery Z. Demyankov

Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Moscow

Lexical items denoting 'possible' and 'impossible' in different languages indicate the way possible worlds are built up in human mentality on the basis of sentences. These worlds are normally ascribed a certain degree of reality or irreality. German text corpus demonstrates various, both creative and non-creative, ways of using stems denoting possibility, probability, impossibility, and improbability in different contexts. Special attention is paid to statistics of using various intensifiers of such lexical items. Results of statistical investigation of the German corpus show universal and idiosyncratic German features of the lexical items in question, with a much broader array of contexts of use than what is admitted in the framework of the logical branch of the possible world semantics.

Keywords: *possibility, probability, possible world semantics, creative use of possibility-class lexical items, contrastive corpus linguistics.*

1. Введение

Слова со значением «возможно» и «невозможно» указывают, как следует воспринимать мир, выстраиваемый по предложению: насколько реальным или мнимым он должен, по «заказу» автора, представляться интерпретатору. Такой подход вытекает из концепции интерпретации текста в рамках логики возможных миров [Демьянков 2021а].

---

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00040) в Институте языкознания РАН.

В естественном языке к физикалистскому противопоставлению логиков «возможно — невозможно» добавляются еще *вероятно, правдоподобно, маловероятно, совершенно невероятно* и т. п., уводящие иногда очень далеко от предмета формальной семантики. Результаты такого обследования русского, испанского и английского корпусов в терминах параметров креативной и рутинной сочетаемости слов дают пусть и неполное, отдаленное, представление о языковом аспекте создания и восприятия реальных и мыслимых миров, см. [Демьянков 2021].

Очень продуктивным «синтактическим» способом образования единиц класса «возможно» является комбинация уже существующей лексемы класса «возможный» с «модификатором». Так образуются, например, в русском языке, сочетания типа *очень возможно* и *весьма невероятно*. Классификация таких сочетаний по параметру частотности в текстах большого корпуса отражает, в частности, и степень их креативности, которая, в свою очередь, позволяет заглянуть в глубины массового подсознания. В таких случаях модификаторами выступают обстоятельства степени, идущие непосредственно перед интересующим нас словом, например, наречие *очень* и частица *не* в словосочетаниях *очень возможно, очень возможный, не возможный* и *не невозможный*. В сочетании *не очень-то возможный* частица *не* модифицирует слово *очень*, а частица *-то* — сочетание *не очень*. К модификаторам, в принципе, следует отнести и артикли, относительные местоимения и подобные члены предложения, но далее мы рассмотрим только модификаторы, усиливающие, уменьшающие или даже уничтожающие ожидание возможности или вероятности, вкладываемое в предложение.

В результате автоматической обработки немецкого корпуса 6478 художественных и 3588 нехудожественных текстов, составленного автором данного раздела, выявляются сложные элементы с указанными основами. Это исследование продолжает описание немецкого материала, начатое в работе [Демьянков 2022], где речь шла о сочетаемости обстоятельств, означающих «возможно» / «невозможно», с модальными глаголами возможности и невозможности (*können, dürfen* и *mögen*).

Числом после символа «>» будем обозначать суммарное количество случаев, встреченных в корпусе с данным контекстом, а в скобках — количество примеров для разновидностей каждого контекста, со своими статистическими данными. Например:

>9178 *als* «как, в качестве» (*als möglich* 8739, *als Möglichkeit* 143, *als mögliche* 67, *als möglichst* 49, etc.).

Этот абзац следует понимать так: суммарно найдено 9178 предложений, в которых слово *als* предшествует лексеме с основой *möglich-*; из них словосочетание *als möglich* встретилось 8739 раз, *als Möglichkeit* — 143, *als mögliche* — 67, *als möglichst* — 49; остальные выражения входят в общее число 9178, но еще менее часты.

Как правило, уже второй упоминаемый тип словоформы (в данном случае *als Möglichkeit* 143) бывает значительно реже первого (*als möglich* 8739).

При этом приводится пример из корпуса, с указанием в скобках автора, названия произведения и года первого издания (иногда — годов жизни автора).

Помимо этого, указывается представленность правых контекстов — слов и / или позиций непосредственно после словоформы данной основы.

Из-за недостатка места, ограничимся перечислением только типовых словосочетаний, количество примеров у которых ненамного меньше 100.

2. Возможное

Основа *möglich-* найдена в 148 748 предложениях, в художественных текстах 85 001 раз; существительное *Möglichkeit* «возможность» встретилось 38 206 раз.

Правые контексты:

>**9563** в самом конце предложения: *Nur durch diese [Kajütsfenster] allein war eine Verbindung mit der See möglich* «Только через эти [каютные окна] была возможна связь с морем» (Heinrich Smidt, Meeresstille und hohe See, 1861);

>**6706** перед союзом *daß / dass* «что», вводящим придаточное: *Ebensogut ist es möglich, daß gar nichts passiert* «Точно так же возможно, что совсем ничего не произойдет» (Wolfgang Hohlbein, Azrael, 1994);

>**3123** перед инфинитивным оборотом, вводимым союзом *zu*: *Sie haben versprochen, mich sobald als möglich zu sehen, und wollen mich nun entfernen?* «Вы обещали увидеться со мной как можно скорее, а теперь хотите меня удалить?» (Johann Wolfgang von Goethe, Die Aufgeregten: Politisches Drama in fünf Aufzügen, 1793).

Модификаторы:

>**9178** *als* «как, в качестве» (*als möglich* 8739, *als Möglichkeit* 143, *als mögliche* 67, *als möglichst* 49, etc.), типовая конструкция *so ... als möglich*

«настолько, насколько возможно»: *Endlich fassen sie sich und suchen den angerichteten Schaden so wirkungslos **als möglich** zu machen* «Наконец, они берут себя в руки и стремятся сделать нанесенный ущерб как можно более неэффективным» (Heinrich Smidt, *Meeresstille und hohe See*, 1861);

>**8288** *alle* «все» (*alle möglichen* 2059, *allen möglichen* 1940, *alles mögliche* 1572, *alle mögliche* 872, *aller möglichen* 656, *alles möglich* 363, *allem möglichen* 295, *alle Möglichkeiten* 289, etc.): *Ununterbrochen strömten Spiritus und Rum, **alle möglichen** feinen Liköre, Branntwein und Kognak in das Wasser hinab* «В воду непрерывно лились спирт и ром, всевозможные изысканные ликеры, бренди и коньяк» (Sophie Wörishöffer, *Onnen Vissere: Der Schmugglersohn von Norderney*, 1885);

>**7699** *nicht* «не» (*nicht möglich* 7576, *nicht menschenmöglich* 18, *nicht möglicherweise* 18, etc.): *Es ist **nicht möglich!*** «Это не возможно» (Johann Wolfgang von Goethe, *Der Groß-Cophta: Ein Lustspiel in fünf Aufzügen*, 1792);

>**6543** *wie* «(столь же,) как» (*so viel wie möglich* 6522, *wie Möglichkeit* 6, etc.): *Genug, in diesem Gefühl seiner bisherigen Verschwendung wollte mein Vater jene Kupferstiche **so viel wie möglich** wieder hergestellt wissen* «Довольно, в этом осознании своей прежней расточительности мой отец хотел узнать, что эти эстампы максимально восстановлены» (Johann Wolfgang Goethe, *Aus meinem Leben*, 1811);

>**2845** *nur* «лишь» (*nur möglich* 2185, *nur möglichen* 235, *nur mögliche* 208, *nur möglichst* 80, *nur möglicher* 32, etc.): *Wie war es **nur möglich**, daß sie das nicht begriff?* «Как это только было возможно, что она этого не осознала?» (Adine Gemberg, *Morphium: Novellen*, 1895);

>**1192** *mehr* «более», часто в отрицательных конструкциях типа *nicht mehr* «больше не» (*mehr möglich* 1076, *mehrere Möglichkeiten* 21, etc.): *Das ist nun **nicht mehr möglich*** «Теперь это уже невозможно» (Karl May, *Lopez Jordan*, 1889/1890);

>**1181** *wohl* «пожалуй, возможно» (*wohl möglich* 1165, *wohl möglichst* 3, etc.): *«Du lieber Gott!» sagte der Major, «das ist wohl möglich; du wirst doch deiner Frau am Ende nicht übel nehmen, wenn sie einmal ein kleines Geheimniß vor dir hat?* «Боже мой! — сказал майор, — это, наверное, возможно; в конце концов, разве ты не обидишься на свою жену, если она скроет от тебя маленькую тайну?» (Friedrich Wilhelm Hackländer, *Erlebtes: Erster Band*, 1860);

>**1128** *anders / andere* «другой, иначе» (*anders möglich* 441, *andere Möglichkeit* 269, etc.): *Wie wäre es bei solchen Tugenden auch **anders***

möglich? «Кроме того, как могло быть иначе с такими достоинствами?» (Gustav Schwab, *Die schöne Magelone*, 1924);

>**1123 einzig** «единственный» (*einzig mögliche* 477, *einzig Möglichkeit* 337, *einzig möglichen* 171, *einzig mögliche* 67, etc.): *Schönheit aber ist der einzig mögliche Ausdruck der Freiheit in der Erscheinung* «Красота же является единственно возможным выражением свободы в кажимости» (Friedrich Schiller, *Über die ästhetische Erziehung des Menschen*, 1794);

>**1077 kein** «никакой» (*keine Möglichkeit* 854, *keine mögliche* 38, etc.): *Aber es geht nicht; wir müssen warten, bis die Gefangenen am Lande sind, da wir ja leider keine Möglichkeit besitzen, die drei Kanonenboote mit Erfolg anzugreifen* «Но это невозможно; нам придется подождать, пока пленные высадутся на берег, поскольку, к сожалению, у нас нет возможности успешно атаковать три канонерские лодки» (Sophie Wörishöffer, *Onnen Visser: Der Schmugglersohn von Norderney*, 1885);

>**1066 irgend** «как-нибудь» (*irgend möglich* 915, *irgendwie möglich* 42, etc.): *Richten Sie sich so verrückt wie irgend möglich her* «Веди себя так безумно, как только можешь» (Artur Landsberger, *Liebe und Bananen: Eine wilde Sache*, 1927);

>**1057 jede** «каждый» (*jede Möglichkeit* 317, *jede mögliche* 232, etc.): *Der scharfe Blick der großen dunkelblauen Augen, das spöttische Lächeln, welches bei jedem Anlaß um die Rosenlippen der schönen Aurelia spielte, vernichtete jede Möglichkeit herzlichen Vertrauens zu ihr* «Острый взгляд больших темно-синих глаз, насмешливая улыбка, которая при каждом удобном случае играла на розовых губах прекрасной Аурелии, уничтожали всякую возможность теплого доверия к ней» (Johanna Schopenhauer, *Gabriele: Ein Roman*, 1819);

>**844 immer** «всегда» / *immerhin* «все-таки, все же» (*immer möglich* 573, *immer möglich* 158 etc.): *Es ist nicht immerhin möglich, / Im Leben sich so kinderrein zu halten, / Wie's uns die Stimme lehrt im Innersten* «Не всегда возможно / В жизни вести себя так по-детски невинно, / Как учит нас внутренний голос» (Friedrich Schiller, *Die Piccolomini* 1800);

>**832 leicht** «легкий, легко» (*leicht möglich* 723, *leichter möglich* 49, etc.): *Ihr Geliebter entfernte sich, ein unbequemer Liebhaber drohte zu kommen, und das größte Unheil stand bevor, wenn beide, wie es leicht möglich war, einmal zusammentreffen sollten* «Ее возлюбленный удалился, появился неудобный любовник, и самое большое несчастье было впереди, если, как это было легко возможно, они оба должны были как-то встретиться» (Johann Wolfgang Goethe, *Wilhelm Meisters Lehrjahre*, 1795);

>782 *viel* «много», включая 229 случаев с *vielleicht* «возможно» (*viel möglich* 232, *vielleicht möglich* 205, *viele Möglichkeiten* 68, etc.): *Aber es ist dem lieben Gott gar viel möglich, woran der Mensch nicht denkt* «Но для доброго Бога тем более возможно даже многое, о чем человек не думает» (Jeremias Gotthelf, *Wie Uli der Knecht glücklich wird*); *Es ist vielleicht möglich, daß ich sie noch brauchen könnte* «Возможно, возможно, что они мне еще понадобятся» (Friedrich Gerstäcker, *Im Busch* (1864));

>653 *überhaupt* «вообще» (*überhaupt möglich* 540, *überhaupt möglichchen* 58, etc.): *Dabei darf man nicht vergessen, daß die Wildschweine durchaus nicht glaubten, daß eine Niederlage ihres Kämpfen überhaupt möglich war* «При этом не следует забывать, что кабаны совершенно не верили в то, что поражение в их битве вообще возможно» (Paul Hambruch, *Malaiische Märchen*, 1922);

>585 *kaum* «едва ли» (*kaum möglich* 572, *kaum mögliche* 4, etc.): *Diese dringen in biologische Gründe, wären aber kaum möglich gewesen ohne die Vorarbeiten der Denker Fechner, Avenarius, Mach, Mauthner, [...]* «Они проникают в биологические основания, но вряд ли были бы возможны без предварительной работы мыслителей Фехнера, Авенариуса, Маха, Матнера, [...]» (Alexander Moszkowski, *Der Venuspark: Phantasien über Liebe und Philosophie*, 1923);

>373 *bloß / bloss* «лишь» (*bloße Möglichkeit* 136, *bloßen Möglichkeit* 53, *bloß möglich* 50, etc.): *So schwer, daß die bloße Möglichkeit mich noch abhalten kann, mich aufstellen zu lassen* «Настолько тяжелый, что сама лишь возможность этого все еще может помешать мне встать» (Ida Boy-Ed, *Ein königlicher Kaufmann*, 1911);

>343 *erst* «первый, впервые» (*erst möglich* 265, *erste Möglichkeit* 18, etc.): *Sei, wie Du willst, aber lerne auch scheinen, um Das zu erringen, wodurch es Dir erst möglich wird, wahrhaft zu seyn* «Будь таким, каким ты хочешь, но также учись казаться, чтобы достичь того, что только сделает возможным для тебя быть по-настоящему» (Ludwig Tieck, *Der wiederkehrende griechische Kaiser*, 1831);

>268 *gut* «хорошо» (*gut möglich* 261, *gut womöglich* 2, etc.): *Es ist auch nicht gut möglich, daß er nach einer ermüdenden Jagd noch den weiten Ritt nach Hause macht, und nicht lieber auf dem Gute seines Freundes bleibt, der ihn eingeladen* «Не так-то и возможно, что после утомительной охоты он все же отправится домой верхом, а не предпочтет остаться в имении своего друга, который его пригласил» (Louise Aston, *Lydia*, 1848);

>254 *sehr* «очень» (*sehr möglich* 241, *sehr möglicherweise* 4, etc.): *Es ist sehr möglich, daß Kenntnisse, Virtuositäten und Verständnis der Welt, soweit*

dies den Tieren möglich ist, sich in engerem Kreise ebenso wandelte, als bei den Menschen «Вполне возможно, что знания, виртуозность и понимание мира, насколько это возможно для животных, будут развиваться в более узком кругу так же, как и у людей» (Gustav Freytag, *Die verlorene Handschrift: Roman in fünf Büchern*, 1864);

>**249** *allein* «единственный, одинокий» (*allein möglich* 159, *allein mögliche* 53, *allein möglichen* 25, etc.): *Aus diesem Satze folgt, daß diejenige Erzählung den Namen einer Fabel nicht verdiene, welche nicht **allein möglich**, sondern auch höchst wahrscheinlich ist* «Из этого предложения следует, что тот рассказ не заслуживает названия басни, которая не только возможна, но и в высшей степени вероятна» (Gottlieb Wilhelm Rabener, *Satiren*: 8. Auflage, 1764);

>**248** *neu* «новый» (*neue Möglichkeiten* 78, *neue Möglichkeit* 48, *neuen Möglichkeit* 20, etc.): *Den ganzen Abend kam sie von dem Gleichnis nicht mehr los und dachte sich immer wieder **neue Möglichkeiten** aus* «Весь вечер она не могла отделаться от этой притчи и продолжала придумывать всё новые варианты» (Jakob Wassermann, *Faber oder Die verlorenen Jahre*, 1924);

>**217** *letzte* «последний» (*letzte Möglichkeit* 90, *letzten Möglichkeiten* 19, *letztere Möglichkeit* 19): *Sie ist in diese **letzte Möglichkeit**, die ihr noch geblieden ist, vernarrt* «Она увлечена этой последней возможностью, которая у нее осталась» (Alfred Schirokauer, *Kleopatra*, 1930);

>**124** *durchaus* «абсолютно» (*durchaus möglich* 116, *durchaus mögliche* 3, etc.): *Es ist **durchaus möglich**, daß Schopenhauer ohne seine habituelle Obstipation kein Pessimist geworden wäre* «Вполне возможно, что Шопенгауэр не стал бы пессимистом, если бы не его привычный запор» (Egon Friedell, *Kleine Porträtgalerie*, 1878–1938);

>**116** *so* «такой» (*so möglich* 99, *so möglicher* 5, etc.): *Das Fehlschlagen ist in der Regel ganz **so möglich** wie das Gelingen, vielleicht möglicher* «Неудача, как правило, так же возможна, как и успех, возможно, даже более возможна» (Max Nordau, *Paradoxe*, 1885);

>**108** *sogar* «даже» (*sogar möglich* 96, *sogar möglich* 4, etc.): *Es war **sogar möglich**, daß Ottomar nur deshalb Blumfeld solange vertröstet hatte, weil er zwei solche Praktikanten gesucht und sie, was begreiflich war, lange nicht hatte finden können* «Возможно даже, что Оттомар так долго терпел Блюмфельда только потому, что он искал двух таких стажеров и, что было совершенно очевидно, долгое время не мог их найти» (Franz Kafka, *Handschriften* 1897–1915).

3. Вероятное

Основа *wahrscheinlich*– найдена в 43 400 предложениях, в художественных текстах 26 869 раз; существительное *Wahrscheinlichkeit* «вероятность» встретилось 4864 раза.

Правые контексты:

>**1736** перед *daß / dass*: *Denn es ist allerdings **wahrscheinlich**, daß man dort meine Weigerung als launischen Hochmut auffaßt* «Потому что, однако, вполне вероятно, что там мой отказ воспримут как капризное высокомерие» (Gustav Freytag, *Die verlorene Handschrift: Roman in fünf Büchern*, 1864);

>**920** в самом конце предложения: *Beides war nicht sehr **wahrscheinlich*** «И то, и другое было не очень вероятно» (Wolfgang Hohlbein, *Azrael: Die Wiederkehr*, 1989);

>**502** перед союзом *zu*, часто, но не всегда вводящим инфинитивный оборот: [...] *so versteht er es nicht einmal, seine Erfindungen **wahrscheinlich zu machen*** «так, он даже не понимает, как его измышлениям придать правдоподобие» (Ludwig Tieck, Peter Lebrecht: *Eine Geschichte ohne Abenteuerlichkeiten*, 1795–1796).

Модификаторы:

>**1401** *sehr* «очень» (*sehr wahrscheinlich* 136, *sehr wahrscheinliche* 15, *sehr wahrscheinlichen* 14, *sehr wahrscheinlicher* 4, *sehr wahrscheinlicherweise* 2, *sehr wahrscheinliches* 1): *Nur mich verfolgt das Elend in allen Gestalten, und es ist **sehr wahrscheinlich**, daß ich euch bald verlasse: bin ich doch auch mir und allen Menschen nur zur Last* «Только вот меня преследуют все мыслимые напасти, и очень вероятно, что я скоро покину вас: ведь я и себе, и всем людям только в тягость» (Ludwig Tieck, Victoria Accorombona, 1840);

>**1114** *höchst* «в высшей степени» (*höchst wahrscheinlich* 1008, *höchste Wahrscheinlichkeit* 32, etc.): *Aber Erich wird dann selbst einen Versuch machen und vielleicht, ja **höchst wahrscheinlich** die Stelle gewinnen; da wäre es doch besser, ihn durch Dank gebunden zu haben* «Но тогда Эрих сам сделает попытку и, возможно, даже, скорее всего, выиграет место; в конце концов, было бы лучше, если бы он был связан благодарностью» (Berthold Auerbach, *Das Landhaus am Rhein: Band I, Buch 1–3*, 1869);

>**908** *alle* «весь, целый» (при существительном со значением «возможность») (*aller Wahrscheinlichkeit* 675, *alle Wahrscheinlichkeit* 78, *allerdings wahrscheinlich* 30, etc.): *Was die würdigen alten Herren miteinander*

zu besprechen hatten, wußten sie beide — auch, daß sich daraus **aller Wahrscheinlichkeit** nach eine Ehe zwischen ihnen ergeben würde! «Они оба знали, что достойные старые джентльмены должны были обсудить друг с другом, в том числе и то, что это, по всей вероятности, привело бы к браку между ними!» (Adolf Paul, Die Tänzerin Barberina: Roman aus der Zeit Friedrich des Grossen, 1915);

>**543** nicht «не» (*nicht wahrscheinlich* 460, *nichts wahrscheinlicher* 27, *nicht wahrscheinlicher* 19, etc.): *Möglich, aber **nicht wahrscheinlich*** «Возможно, но маловероятно» (Theodor Fontane, Wanderungen durch die Mark Brandenburg, 1861/1892);

>**347** als «чем», в оборотах типа *более чем, менее чем* (*als wahrscheinlich* 287, *als wahrscheinliche* 16, etc.): *Ihm schien das Buch nicht gleichgültig, und Sie können wohl denken, wie wichtig es mir war, da es mir mehr **als wahrscheinlich** Emiliens Nähe beurkundete* «Он не казался равнодушным к книге, и вы, вероятно, можете догадаться, насколько она была важна для меня, поскольку, скорее всего (букв. более чем вероятно), свидетельствовала о близости Эмилии ко мне» (Ludwig Tieck, Der Mondsüchtige, 1832);

>**274** viel «много» (*viel wahrscheinlicher* 104, *viel Wahrscheinlichkeit* 41, *vieler Wahrscheinlichkeit* 30, etc.): *Das letztere wurde noch durch seine Jugend so **viel wahrscheinlicher**, da er kaum mehr als siebzehn Jahre zählen konnte* «Последнее стало намного более вероятным еще в молодости, когда ему было чуть больше семнадцати лет» (Friedrich Gerstäcker, Die Regulatoren in Arkansas: Aus dem Waldleben Amerikas, 1845);

>**199** wenig «мало» (*wenig wahrscheinlich* «маловероятный» 85, *weniger wahrscheinlich* 41, etc.): *Die Möglichkeit des Eintreffens eines stärkeren Zuzugs, so **wenig wahrscheinlich** eine solche Hilfe jetzt auch sei, nötige uns, bis zum äußersten Moment auszuharren* «Возможность прибытия более сильного подкрепления, какой бы маловероятной ни была сейчас такая помощь, вынуждает нас держаться до самого крайнего момента» (Stephan Born, Erinnerungen eines Achtundvierzigers, 1898);

>**169** so «так» (*so wahrscheinlich* 102, *so wahrscheinlicher* 58, etc.): *Ein Zufall, der sie eben auf jene stoßen ließ, war **so wahrscheinlich**, als das Zusammentreffen zweier Kanonenkugeln in der Luft* «Случай, который заставил ее столкнуться именно с той, был так же вероятен, как столкновение двух пушечных ядер» (Ferdinand Prantner, Dissolving Views: Romanfragmente von Leo Wolfram, 1861);

>**143** *sogar* «даже» (*sogar wahrscheinlich* 127, *sogar wahrscheinlicher* 6, etc.): *Wir könnten, ja es ist sogar **wahrscheinlich**, wir werden preußisch werden* «Мы могли бы, да это даже вероятно, мы станем прусскими» (Willibald Alexis, Cabanis, 1832);

>**141** *groß / gross* «большой» (*großer / grosser Wahrscheinlichkeit* 99, *große / grosse Wahrscheinlichkeit* 28, etc.): *Dieser Prozeß ließ sich mit **großer Wahrscheinlichkeit** nicht rückgängig machen, ohne diesen Wesen Schäden zuzufügen oder sie zu toten* «Этот процесс, скорее всего (букв. с большой вероятностью), невозможно было бы обратить вспять, не причинив этим существам вреда или не убив их» (Arndt Ellmer, Perry Rhodan: Das hohle Paradies: Ein Planetenroman, 1995);

>**104** *mehr* «больше» (*mehr Wahrscheinlichkeit* 67, *mehr wahrscheinlich* 23, etc.): *Die Vermuthungen, welche aus der technischen Beschaffenheit der Stücke hergeleitet werden, haben wenigstens **mehr Wahrscheinlichkeit**, als solche, welche aus einer Zusammenstellung der vorhandenen Dramen mit nicht erhaltenen hervorgehen* «Предположения, основанные на техническом характере пьес, по крайней мере, более вероятны, чем предположения, основанные на сопоставлении существующих драм с не сохранившимися» (Gustav Freytag, Die Technik des Dramas, 1905);

>**90** *wie* «как» (*wie wahrscheinlich* 82, *wie wahrscheinliche* 3, etc.): *Auf Kreta wurde damals, **wie wahrscheinlich** allgemein in der ägäischen Welt, die große Muttergottheit verehrt* «В то время на Крите, как и, вероятно, повсеместно в Эгейском мире, поклонялись великому божеству-матери» (Sigmund Freud, Der Mann Moses und die monotheistische Religion, 1939).

4. Невозможное

Основа *unmöglich*-: всего 42 237 предложений, в художественных текстах 28 473. Существительное *Unmöglichkeit* «невозможность» встретилось 4460 раз.

Правые контексты:

>**3681** в абсолютном конце предложения: *Was wäre mit solch einer braven Armee **unmöglich**?* «Чего невозможно было бы добиться с такой храброй армией?» (Friedrich Wilhelm Hackländer, Erlebtes: Zweiter Band, 1860);

>**1286** перед *daß / dass*: *Es ist **unmöglich**, daß weltliche Kräfte sich selbst ins Gleichgewicht setzen* «Невозможно, чтобы светские власти сами

по себе пришли в равновесие» (Joseph von Eichendorff, *Geschichte der poetischen Literatur Deutschlands*, 1857);

>934 перед инфинитивом, вводимым союзом *zu*: *Wenn er aufschneidet, ist es unmöglich zu unterscheiden, ob er dich zum Besten hat, oder ob er toll ist* «Когда он хвастается, невозможно отличить, хочет ли он вас развлечь — или он действительно такой чудный» (Johann Wolfgang von Goethe, *Der Groß-Cophta: Ein Lustspiel in fünf Aufzügen*, 1792).

Модификаторы:

>1674 *ganz* «совсем» (*ganz unmöglich* 1583, *ganz unmögliche* 28, *ganz unmögliche* 22, etc.): *Du hingest ab vom Winke dieser Hand, / Und ganz unmöglich war dir Widerstand* «Ты зависел от малейшего движения этой руки, / И совершенно невозможно было твое сопротивление» (Friedrich Rückert, *Kindertodtenlieder*, 1833/34);

>1184 *nicht* «не» (*nicht unmöglich* 915, *nichts unmöglich* «ничто» 129, *nichts unmögliches* 90, etc.): *Nicht unmöglich, sondern nur schwierig* «Не невозможно, а просто сложно» (Karl May, *Der verlorene Sohn oder der Fürst des Elends: Roman aus der Criminal-Geschichte*, 1884–1886);

>755 *fast* «почти» (*fast unmöglich* 696, *fast unmögliche* 20, etc.): *Ich konnte nicht weiter sprechen, und das brave Thier raste ja auch mit fast unmöglicher Geschwindigkeit dahin* «Я не мог больше говорить, а зверюга мчал меня с почти невозможной скоростью» (Karl May, *Old Firehand: Aus der Mappe eines Vielgereisten*, 1875);

>354 *so* «так» (*so unmöglich* 322, *so unmögliches* 14, etc.): *Eins war so unmöglich wie das andere* «Одно было так же невозможно, как и другое» (Artur Landsberger, *Das Blut: Abenteuer-Roman nach einer Idee von Tilla Durieux*, 1921);

>285 *als* «чем», в оборотах типа *более чем, менее чем* (*als unmöglich* 257, *als Unmöglichkeit* 11, etc.): *Sie begehren nur diese Welt, möchten ewig darin bleiben obwohl sie dies als unmöglich wissen* «Они желают только этого мира, хотят оставаться в нем вечно, хотя знают, что это невозможно (букв. «знают это как невозможное»)» (Karl Bleibtreu, John Macready, *Der Aufgang des Abendlandes*, 1925);

>222 *völlig* «вполне» (*völlig unmöglich* 178, *völlige Unmöglichkeit* 24, etc.): *Ich ginge gerne zurück, das ist aber völlig unmöglich, ich muß und muß vor, ob mir gleich der Athem vergeht* «Я хотел бы вернуться, но это совершенно невозможно, я должен идти и идти вперед, даже если задохнусь» (Johann Ludwig Tieck, *Die Ahnenprobe*, 1833);

>210 *eben* «именно, как раз» (*ebenso unmöglich* 165, *eben unmöglich* 25, *ebenfalls unmöglich* 7, etc.): *Der Naturalismus ist also künstlerisch ebenso unmöglich wie die verhimmelnde abgeblaßte Schönrederei, in der gebundenen wie ungebundenen Rede* «Таким образом, натурализм в художественном отношении так же невозможен, как и штампованное превознесение до небес, что в связанной, что в несвязанной речи» (Hermann Conradi, *Ich bin der Sohn der Zeit*, 1862–1890);

>181 *schlechterdings* «безусловно; решительно, совершенно, положительно; просто, прямо-таки» (*schlechterdings unmöglich* 178, *schlechterdings unmögliche* 2, *schlechterdings unmöglichen* 1): *Man findet Menschen, denen es schlechterdings unmöglich ist, eine Sache zu verschweigen* «Можно найти людей, от которых совершенно невозможно что-либо скрыть» (Adolph Freiherr von Knigge, *Über den Umgang mit Menschen*, 1788);

>177 *absolut* (*absolut unmöglich* 100, *absolute Unmöglichkeit* 46, etc.): *Ich komme heut nicht, ich kann nicht, ich bin verhindert, es ist absolut unmöglich!* «Я не приду сегодня, я не могу, мне помешали, это абсолютно невозможно!» (Friedrich Huch, *Enzio*, 1905);

>175 *gar* «совсем, совершенно; очень» (*gar unmöglich* 162, *gar unmögliches* 8, etc.): *Ja, es ist meine heiligste Überzeugung, daß das Republikentum unpassend, unersprießlich und unerquicklich wäre für die Völker Europas, und gar unmöglich für die Deutschen* (букв.) «Да, это мое самое святое убеждение, что республика была бы неподходящей, бесплодной и никчемной для народов Европы и даже попросту невозможной для немцев» (Heinrich Heine, *Die parlamentarische Periode des Bürgerkönigtums*, 1842);

>172 *wie* «как» (*wie unmöglich* 161, *wie unmöglicher* 2, etc.): *Und Valentin erschrak, als er empfand, wie unmöglich es sei, von dem, was er gefühlt und erlebt, reden zu können, und daß er sich in Geheimnisvolles, Unaussprechliches begeben habe* «И Валентин ужаснулся, когда почувствовал, как невозможно говорить о том, что он чувствовал и переживал и что он погрузился в таинственное, невыразимое» (Helene Böhlau, *Der schöne Valentin*, 1937);

>147 *einfach* «просто» (*einfach unmöglich* 141, *einfache Unmöglichkeit* 3, etc.): *Ein Mensch, der immer die Wahrheit sagte, wäre gesellschaftlich einfach unmöglich* «Человек, который всегда говорит правду, был бы просто невозможен в социальном плане» (Alice Berend, *Die Reise des Herrn Sebastian Wenzel*, 1956);

>**140** *beinahe* «почти» (*beinahe unmöglich* 128, *beinahe unmögliche* 6, etc.): *Er studierte damals auch die Verfassung und Statuten des Ordens noch einmal gründlich und sah, daß sein Entkommen aus der Provinz im Grunde nicht so schwer, nicht so **beinahe unmöglich** zu erreichen sei, wie er es sich anfangs vorgestellt hatte* «В то же время он еще раз тщательно изучил конституцию и устав Ордена и увидел, что его побег из провинции в принципе не так труден, не так почти невозможен, как он предполагал вначале» (Hermann Hesse, *Das Glasperlenspiel*, 1943);

>**100** *überhaupt* «вообще» (*überhaupt unmöglich* 99, *überhaupt unmöglichen* 1): *Es war zuweilen **überhaupt unmöglich**, tausend Dollar zu leihen* «Иногда было вообще невозможно одолжить тысячу долларов» (Bernhard Kellermann, *Der Tunnel*, 1913).

В отличие от романских языков, суперлативное употребление возможно, правда, не в том же количестве, что в русском, напр.: [...] *die zwanzig Männer, welche mit Pfeil und Bambusknüppeln, **unmöglichen** Pistolen und allen Sorten von Messern, Dolchen und Degen bewaffnet waren* «эти двадцать человек, вооруженные стрелами и бамбуковыми дубинками, невозможными пистолетами и всевозможными ножами, кинжалами и шпагами» (Karl May, *Am Stillen Ocean*, 1894). «Невозможные пистолеты» — самые необычные, возможно, и наилучшие, но не те, которых, действительно, нет, потому что иначе можно вообще без пистолетов остаться. В классической немецкой литературе найдем и невозможные ситуации, и невозможные вопросы, и идеи, и обычаи... И только изредка уточняют, почему нечто реальное названо невозможным: [...] *und dazu sang er irgendeine **unmögliche** Melodie, denn er war gänzlich unmusikalisch, und seine Stimme klang laut und schreiend* «[...] и к тому же он пел какую-то невозможную мелодию, потому что он был совершенно немзыкален, и голос его звучал громко и крикливо» (Gustav Falke, *Die Kinder aus Ohlsens Gang*, 1908). Французский автор сказал бы без обиняков, в лоб: «невозможная для восприятия мелодия», потому что певец не отличался музыкальностью, а его громкий голос напоминал крик [Демьянков 2021а: 16]. Чутким читателям немецких и русских авторов этого можно и не говорить: зная факт, они сами вычислят причину такой невозможности, опираясь на собственный, иногда очень интимный, опыт.

5. Невероятное

Основа *unwahrscheinlich*–: всего 2261 предложений, в художественных текстах 3529. Существительное *Unwahrscheinlichkeit* «невероятность» встретилось 384 раза.

Правые контексты:

>367 перед союзом *daß / dass* «что», вводящим придаточное: *Es war sehr unwahrscheinlich, dass es ein Stern wäre, der vom Himmel gefallen war* «Было очень невероятно, чтобы это была звезда, упавшая с неба» (Manfred Kyber, Märchen, 1921);

>250 в абсолютном конце предложения: *Das klingt mir sehr unwahrscheinlich* «Это звучит очень невероятно для меня» (Karl May, Der Weg zum Glück, 1886–1888);

>15 перед инфинитивом с *zu*: *Es ist mir nur lieb, daß du ihn dazu gemacht hast, und ich sehe daraus, daß oft ein Märchen durch Das wahrscheinlich wird, wodurch es anfangs unwahrscheinlich zu sein schien* «Мне просто приятно, что ты сделал его таким, и я вижу из этого, что часто сказка становится вероятной благодаря тому, что изначально казалось маловероятным (букв. невероятно быть казалось)» (Friedrich Maximilian Klinger, Reisen vor der Sündfluth, 1794).

Модификаторы:

>470 *nicht* «не» (*nicht unwahrscheinlich* 433, *niehts unwahrscheinliches* 12, etc.): *Dennoch wäre es nicht unwahrscheinlich, dass das Haus eine andere Wirklichkeit annähme, die in lang versunkener Vergangenheit entschwunden, sich wieder selbst herstellte* «Тем не менее, не было бы невероятно, что дом принял другую реальность, которая, исчезнув в давно ушедшем прошлом, сама себя восстановила» (Mannie Manie, Galgenberg, 1997);

>231 *sehr* «очень» (*sehr unwahrscheinlich* 208, *sehr unwahrscheinlichen* 10, etc.): *Sehr unwahrscheinlich klingt das alles* «Все это звучит очень маловероятно» (Artur Landsberger, Haß, 1915);

>207 *so* «столь» (*so unwahrscheinlich* 175, *so unwahrscheinlicher* 17, etc.): *So unwahrscheinlich es war, daß er wieder so mächtigen Anhang finden werde, so riß ihn im verblendeten Wahnsinn sein Schicksal dennoch in diese Unternehmung* «Как маловероятно ни было, что он снова обретет столь могущественную привязанность, но в слепом безумии судьба все же втянула его в это приключение» (Johann Ludwig Tieck, Der wiederkehrende griechische Kaiser, 1831);

>**169** *höchst* «в высшей степени» (*höchst unwahrscheinlich* 132, *höchst unwahrscheinlichen* 13, etc.): *Böswillige behaupteten, es sei ihr eigener Sohn, obgleich das **höchst unwahrscheinlich** war* «Злоумышленники утверждали, что это был их собственный сын, хотя это было в высшей степени невероятно» (Heinrich Albert Oppermann, Hundert Jahre: 1770–1870: Zeit- und Lebensbilder aus drei Generationen);

>**131** *ganz* «вполне» (*ganz unwahrscheinlich* 92, *ganz unwahrscheinliche* 13, etc.): *Daß dieser Mann die Neigung einer Person wie Adelheid erwidern könne, war ihr **ganz unwahrscheinlich** — und doch machte ihr die Frage zu schaffen* «То, что этот человек мог ответить взаимностью на склонность такой особы, как Адельгейда, было для нее совершенно невероятным, — и все же этот вопрос не давал ей покоя» (Otto Roquette, Das Eulenzeichen, 1824–1890).

В прямом смысле *unwahrscheinlich* то, что невероятно, но существование чего где-нибудь за горизонтом обычного мира не отрицается. Например: *Je zahlreicher die Truppe, desto unwahrscheinlicher ist der Erfolg* «Чем многочисленнее войско, тем невероятнее удача» (Karl May, Weihnacht! 1897). Однако в суперлативном смысле невероятно красиво то, что более чем красиво: *Wie **unwahrscheinlich schön** ist sie, dachte er* «Как невероятно она красива, подумал он» (Heinz G. Konsalik, Ein Kreuz in Sibirien, 1983). Как и невероятная любовь: *Es wurde eine romantische, geradezu **unwahrscheinliche** Liebe, schon an diesem ersten Abend* «Это была романтическая, прямо-таки невероятная любовь, уже в тот первый вечер» (Heinz G. Konsalik, Ein Mann wie ein Erdbeben, 1976). И многое другое. Кроме того, бывают и наименее вероятные (*allerunwahrscheinlichste* «то, что невероятно всего») вещи: *Das **Allerunwahrscheinlichste** läßt sich am leichtesten verbergen* «Скрыть легче всего самое невероятное» (Ida Boy-Ed, Annas Ehe, 1923).

6. Заключение

1. Приводим сводку «суммарной статистики» модификаторов рассмотренных четырех основ в немецком тексте:

– *möglich*–: >**9178** *als* «как, в качестве» >**8288** *alle* «все» >**7699** *nicht* «не» >**6543** *wie* «(столь же,) как» >**2845** *nur* «лишь» >**1192** *mehr* «более» в отрицательных конструкциях >**1181** *wohl* «пожалуй, возможно» >**1128** *anders / andere* «другой, иначе» >**1123** *einzig* «единственный» >**1077** *kein* «никакой» >**1066** *irgend* «как-нибудь» >**1057** *jede* «каждый» >**844** *immer* «всегда» / *immerhin* «все-таки, все же» >**832** *leicht* «легкий»,

легко» >**782** *viel* «много», включая 229 случаев с *vielleicht* «возможно» >**653** *überhaupt* «вообще» >**585** *kaum* «едва ли» >**373** *bloß / bloss* «лишь» >**343** *erst* «первый, впервые» >**268** *gut* «хорошо» >**254** *sehr* «очень» >**249** *allein* «единственный, одинокий» >**248** *neu* «новый» >**217** *letzte* «последний» >**124** *durchaus* «абсолютно» >**116** *so* «такой» >**108** *sogar* «даже»

– *wahrscheinlich*–: >**1401** *sehr* «очень» >**1114** *höchst* «в высшей степени» >**908** *alle* «весь, целый» >**543** *nicht* «не» >**347** *als* «чем», в оборотах типа *более чем, менее чем* >**274** *viel* «много» >**199** *wenig* «мало» >**169** *so* «так» >**143** *sogar* «даже» >**141** *groß / gross* «большой» >**104** *mehr* «больше» >**90** *wie* «как»

– *unmöglich*–: >**1674** *ganz* «совсем» >**1184** *nicht* «не» >**755** *fast* «почти» >**354** *so* «так» >**285** *als* «чем», в оборотах типа *более чем, менее чем* >**222** *völlig* «вполне» >**210** *eben* >**181** *schlechterdings* «безусловно; решительно, совершенно, положительно; просто, прямо-таки» >**177** *absolut* >**175** *gar* «совсем, совершенно; очень» >**172** *wie* «как» >**147** *einfach* «просто» >**140** *beinahe* «почти» >**100** *überhaupt* «вообще»

– *unwahrscheinlich*–: >**470** *nicht* «не» >**231** *sehr* «очень» >**207** *so* «столь» >**169** *höchst* «в высшей степени» >**131** *ganz* «вполне»

2. Множества модификаторов для разных основ пересекаются, но различаются по своей частотности в корпусе, а именно:

Часты со всеми основами: *nicht, so*

Часты только с отрицательными основами: *ganz*

Часты только с *möglich*: *nur, wohl, anders / andere, einzig, kein, irgend, jede, immer, leicht, kaum, bloß / bloss, erst, gut, allein, neu, letzte, durchaus*

Часты только с *unmöglich*–: *fast, völlig, eben, schlechterdings, absolut, einfach, beinahe*

Часты только с *wahrscheinlich*– и *unwahrscheinlich*–: *höchst*

Часты только с *wahrscheinlich*–: *wenig, groß / gross*

Редки только с *unmöglich*–: *sehr*

Редки только с *unwahrscheinlich*–: *wie, als*

Редки только с *wahrscheinlich*– и *unwahrscheinlich*–: *überhaupt*

Редки только с отрицательными основами: *alle, viel, mehr, sogar*

Нет в корпусе с *unmöglich*–: *kaum*

Нет в корпусе с *unwahrscheinlich*–: *allein, bloß / bloss, einzig, gut, kaum, schlechterdings*

Нет в корпусе с *wahrscheinlich*–: *absolut, schlechterdings, völlig*

3. Лексемы с основой *möglich*- «возможный», в отличие от лексем с основой *wahrscheinlich*- «вероятный», встречаются в самом конце предложения заметно чаще, чем непосредственно перед союзом *daß / dass*, вводящим придаточное. Позиция такой лексемы непосредственно перед инфинитивным оборотом, вводимым союзом *zu* (со значением цели), в случае всех рассмотренных основ является наименее частой.

4. Задача последующего рассмотрения — установить семантические, синтаксические и прагматические причины такой сочетаемости в немецком корпусе и сопоставить с аналогичными явлениями других языков (русский, английский и испанский материалы описаны в работе [Демьянков 2021], французский и латинский см. [Демьянков 2021a], немецкий см. [Демьянков 2022], итальянская часть готовится к печати).

Так, в русском корпусе первые позиции модификаторов при основе класса «возможный», лидирующих по количеству примеров, заняты следующими лексемами: >9009 *вполне* >5835 *такая* >4037 *никакой* >3290 *единственный* >1991 *все* [Демьянков 2021: 40–41]. А те же первые позиции в английском корпусе выглядят так: >16 788 *no / not* >7001 *all* >5826 *every* >3478 *quite* >3475 *only* >2150 *very* [Демьянков 2021: 58]. При всех несомненных пересечениях, значимость конкретных модификаторов в этих трех языках различна. Так, отрицание в качестве модификатора занимает первое место на английской шкале, но лишь третье на русской и немецкой. Английский квантор *all*, как и его немецкий собрат *alle*, занимает вторую позицию в обоих языках, соответствуя русской единице *вполне*, занимающей на русской шкале первое место и обладающей иными синтаксическими свойствами.

Литература

Демьянков В.З. Лингвокреативность в дискурсах о возможном и вероятном // Лингвокреативность в дискурсах разных типов: Пределы и возможности: коллективная монография / Отв. ред. И.В. Зыкова. М.: Р.Валент, 2021. (Институт языкознания Российской академии наук). С. 21–99.

Демьянков В.З. О возможности в логике и в когнитивной семантике // Вопросы когнитивной лингвистики. 2021а. № 4. С. 5–21.

Демьянков В.З. Категории вероятности и возможности в креативном употреблении языка: невозможная возможность в немецком тексте // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2022. Т. 13. № 3. С. 589–607.

СЕМИОЗИС КАК ДИАЛОГ МЕЖДУ КВАЗИ-РАЗУМАМИ: О НЕЗАВЕРШЕННОМ ЗАМЫСЛЕ ЧАРЛЬЗА ПИРСА¹

С.Т. Золян

Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта, Калининград

В статье рассматривается хронологически последняя, оставшаяся в рукописях концепция семиозиса Чарльза Пирса. В ней семиозис описывается как интерпретация, которая не предполагает внешнего по отношению к знаку интерпретатора. Сам знак предстает как (квази-)разумная сущность. Семиозис описывается как последовательно осуществляемое персонифицированное взаимодействие структурных компонентов (квази-разумов) этого же семиозиса. Квази-говорящий (*quasi-utterer*) связан с объектом, а квази-интерпретатор (*quasi-interpreter*) — с интерпретантой. Логическим продолжением концепции знака Ч. Пирса может стать теория семиопойзиса, понимаемого как знаковая манифестация аутопойэтических процессов.

Ключевые слова: *Чарльз Пирс, знак, интерпретатор, интерпретанта, знак как квази-разум, семиопойзис.*

SEMIOSIS AS A DIALOGUE BETWEEN QUASI-MINDS: ON CHARLES PEIRCE'S UNFINISHED PROJECT²

Suren T. Zolyan

Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad

We address Charles Peirce's chronologically last and mainly unpublished conception of semiosis. Semiosis is considered as an interpretation, but does not imply any kind of interpreter external to a sign. A sign is regarded as a quasi-mind. Semiotic operations are performed by signs themselves, more precisely, by quasi-minds welded into them: there are a quasi-utterer and a quasi-interpreter. Semiosis is described as consistently carried out personalized interaction of structural components (quasi-minds) of the same process. A quasi-utterer is associated with an object, and a quasi-interpreter is associated with an interpreter. As a logical development of Ch. Peirce's sign conception it may be the theory of semiopoesis, understood as a semiotic manifestation of autopoietic processes.

Keywords: *Charles Peirce, sign, interpreter, interpretant, sign as quasi-mind, semiopoesis.*

1. Возможна ли семиотическая деятельность, которая не предполагает интеллекта или сознания? Может ли семиотическая система

---

¹ Исследование выполнено в рамках гранта РФ (№ 22-18-00591) «Прагмасемантика как интерфейс и операциональная система смыслообразования» в Балтийском федеральном университете им. И. Канта.

² This research is supported by the Russian Science Foundation under the grant No. 22-18-00591.

выступать в функции агента, или субъекта? Эти и подобные вопросы, которые до последнего времени игнорировались или считались абсурдными, получают неожиданную актуальность в связи с проблемами, которые ставит, с одной стороны, интенсивное развитие искусственного интеллекта, а с другой — описание биомолекулярных процессов передачи генетической информации как семиотических. Между тем, не предполагающий разумного субъекта семиозис — одна из основных идей семиотики Чарльза Пирса, который последовательно исключал субъекта из определений знака. Поэтому несколько парадоксальной выглядит сложившаяся ситуация, когда ряд учебников и энциклопедий приписывают Ч. Пирсу лавры отца прагматики, — не удосужась проверить, упоминает ли основоположник прагматизма прагматику, — или же интерпретатора как субъекта (или агента) знаковой деятельности. Адекватнее позиция тех авторов, которые соотносят появление прагматики с Чарльзом Моррисом. Однако и в этом случае предполагается, что Ч. Моррис лишь заполнил очевидный пробел в концепции знака Ч. Пирса, поскольку у Ч. Пирса есть понятие интерпретанты, но нет, казалось бы, логически предшествующего ему понятия интерпретатора. В самом деле, Ч. Моррис вводит понятие интерпретатора, но в этом вопросе он избегает ссылаться на Ч. Пирса, и предпочитает говорить не о наделенных разумом субъектах, а об организмах и интерпретаторах:

«Предметом исследования, далее, может стать отношение знаков к интерпретаторам. Это отношение мы назовем прагматическим измерением семиозиса, а изучение этого измерения — прагматикой» [Моррис 1983: 42].

Ч. Моррис особо подчеркивает биотический характер семиозиса:

«Поскольку интерпретаторами большинства (а может быть, и всех) знаков являются живые организмы, достаточной характеристикой прагматики было бы указание на то, то она имеет дело с биотическими аспектами семиозиса, иначе говоря, со всеми психологическими, биологическими и социологическими явлениями, которые наблюдаются при функционировании знаков» [Там же: 63].

Поэтому если отвлечься от прямолинейной бихейвиористской интерпретации, очевидно, что концепция семиозиса Ч. Морриса ближе к биосемиотике, нежели лингвистике:

«Интерпретатор знака — организм; Интерпретанта — это навык организма реагировать под влиянием знакового средства на отсутствующие объекты, существенные для непосредственной проблемной ситуации, как если бы они были налицо» [Там же: 64].

Вместе с тем, такое понимание позволяет предложить предельно очищенное от контекста понимание интерпретатора — как некоторого формализованного оператора, заложенного внутри самой семиотической системы и преобразующего структурные отношения в поведенческие паттерны:

«Правила образования и преобразования соответствуют реальным сочетаниям знаков и переходам, которые использует интерпретатор, или ограничениям на использование знаков, которые он устанавливает для себя, подобно тому, как он пытается сознательно управлять другими видами поведения по отношению к лицам и вещам. С точки зрения прагматики, структура языка — это система поведения» [Там же: 65].

На наш взгляд, именно такое, значительно отличающееся от большинства принятых в современной прагматике понимание интерпретатора — не столько как субъекта или агента, сколько задаваемой знаками системы операций, — оказывается весьма близким к семиотической концепции Ч. Пирса последних лет.

2. К проблемам знака Ч. Пирс обращался на протяжении всего своего творчества, ему принадлежат многочисленные, при этом достаточно различающиеся друг от друга определения знака (см.: [Marty 1997]). Но при всем их различии очевидно, что у Ч. Пирса отсутствие интерпретатора при наличии самого процесса интерпретации — это вовсе не оплошность гения, а продуманная исследовательская позиция. По словам Юргена Хабермаса, разум, как и интерпретатор, у Ч. Пирса *поглощаются структурой знака*³. Ч. Пирс особо подчеркивает, что в его определении знака нет ничего, что потребовало бы обращения к сознанию, или разуму. Тем не менее, к полному отказу от понятия интерпретатора Ч. Пирс приходит уже только в последней версии семиотики, которая большей частью осталась в рукописных набросках под условным названием “Pragmatism — Notes and Drafts” [Peirce MS 1907].

³ Ср.: «Он <Ч. Пирс> настроил фундаментальные концептуальные интерфейсы <букв.: переключатели, switches> таким образом, что эпистемическое отношение знака к чему-либо в мире не может быть отделено от коммуникативного отношения к возможному интерпретатору. В то же время, однако, Ч. Пирс настаивал на анонимизации интерпретационного процесса, из которого он исключил интерпретатора. После подобного абстрагирования остаются только потоки обезличенных последовательностей знаков, в которых каждый знак отсылает к предыдущему знаку как интерпретатор и к последующему знаку как интерпретируемое (interpretandum). Разумеется, эти связи устанавливаются только посредством разума (a mind), в котором знаки способны возбуждать интерпретации... Тем не менее, этот разум остается анонимным, поскольку он есть не что иное, как трехместное отношение репрезентации в целом; он поглощается структурой знака» [Habermas 1995: 247].

Знаковые отношения понимаются Ч. Пирсом как алгебраические, почему и фактор интерпретатора оказывается избыточным. В 1899 г. знаку (*репрезентамену*) дано следующее определение:

«Репрезентация — это такая характеристика вещи, в силу которой, для произведения некоторого умственного эффекта, она может замещать другую вещь. Вещь, обладающую такими характеристиками, я называю репрезентаменом, умственный эффект, или мысль, — его интерпретантом, а вещь, которую он замещает, — объектом» [Peirce 1931–1958] (здесь и далее перевод наш — С.З.).

Казалось бы естественным, если Ч. Пирс ввел бы понятие субъекта, того, у кого возникает *мысль* или *умственный эффект*, и тогда его концепция была бы примерно такой, как она дана в современных энциклопедиях. Но Ч. Пирс идет в противоположном направлении: он стремится элиминировать эти понятия и особо указывает это:

«Знак — это некое А, которое соотносит некое В, интерпретирующий его знак (интерпретант), определенный или созданный им, с некоторым С, его объектом, как то, что он замещает. Это определение включает в себя какую-либо ссылку на человеческую мысль не более, чем определение линии как места, в котором частица находится в течение промежутка времени» [Peirce 1976: 54].

В качестве агента подобных операций предстает сам знак, поэтому, по Ч. Пирсу, знак выступает как (квази-)мыслящее существо, или квази-разум:

“... Now as every thinking requires a mind, so every sign even if external to all minds must be a determination of a quasi-mind. The quasi-mind is itself a sign, a determinable sign.” [Peirce 1977: 195]. («Поскольку всякое мышление предполагает разум, так и каждый знак, даже если он внешний по отношению ко всем разумам, должен быть детерминацией квази-разума. Квази-разум сам по себе является знаком, детерминированным знаком.»)

Насколько не по душе приходится Ч. Пирсу понятие оперирующего знаком *персонифицированного лица*, можно судить по его оговорке: в письме к лэди Уэлби, повторив свое определение знака, он добавляет, что указание на лицо (a person) есть вынужденная *подачка Церберу* — желанию быть понятым другими:

«Я определяю знак как нечто, что детерминировано чем-то иным, и тем самым детерминирует воздействие на лицо (an effect upon a person), и это воздействие я называю его интерпретантой, и это второе опосредованно детерминировано первым. Моя вставка — «на лицо» — есть

подачка <лепешка, *sop*> Церберу, поскольку я отчаялся сделать понятной мою собственную концепцию» [Peirce 1977: 80–81].

В размышлениях, оставшихся в рукописи и, возможно, не предназначенных для публикации, это «лицо» явно избыточно, оно может быть изъято из определения знака и заменено на неопределенное нечто (*something capable of somehow 'catching on'*):

«Действие знака обычно осуществляется между двумя сторонами, говорящим и интерпретатором. Они не обязательно должны быть личностями; хамелеон и многие виды насекомых и даже растения обеспечивают свою жизнь, производя знаки, при этом и ложные. Кто высказывает знаки погоды, которая не отличается правдивостью? Тем не менее, каждый знак безусловно передает нечто из общего характера мысли (*thought*), идущего если не от разума (*mind*), хотя бы от некоторого хранилища идей, или значимых форм, а если не человеку, то тем не менее чему-то способному каким-то образом понять (букв. ухватить) это: то есть принять не просто физическую дозу энергии, а значимый смысл (*significant meaning*)» [Peirce 1907: 318].⁴

Принято считать, что семиотика Ч. Пирса, в отличие от семиотики системы Ф. де Соссюра, есть семиотика знака. Если у Ф. де Соссюра знак определяется исключительно внутри системы, то у Ч. Пирса знак не предполагает какой-либо системы и определяется операциями над ним. Это в принципе верно, однако стоит уточнить: Ч. Пирс также не принимает идею изолированного знака: “it may further be declared that there can be no isolated sign” [Peirce 1931–1958: CP 4.551]. Однако Ч. Пирс определяет знак не через его парадигматические и синтагматические отношения с другими знаками, как это принято в Соссюрианской семиотике, а посредством взаимодействий в цепи порождающих его и порождаемых им знаков. В первую очередь, это его ближайшие «соседи» в этой последовательности: знак-высказыватель (*quasi-utterer*) и знак-интерпретатор (*quasi-interpreter*). Знак выступает в трех лицах, а интерпретатор появляется не как внешний по отношению к знаку

---

⁴ Поскольку возможны альтернативные версии перевода основных терминов, приведем оригинал: “The action of a sign generally takes place between two parties, the utterer and the interpreter. They need not be persons; for a chameleon and many kinds of insects and even plants make their living by uttering signs, and lying signs, at that. Who is the utterer of signs of the weather...? However, every sign certainly conveys something of the general nature of thought, if not from a mind, yet from some repository of ideas, or significant forms, and if not to a person, yet to something capable of somehow ‘catching on’ ... that is, of receiving not merely a physical, nor even merely a psychical dose of energy, but a significant meaning”.

субъект, а как результат (точнее — процесс) раздвоения заключенного в самом знаке квази-сознания, как нечто впаянное (welded) в сам знак:

“Thought is not necessarily connected with a brain... Admitting that connected Signs must have a Quasi-mind, it may further be declared that there can be no isolated sign. Moreover, signs require at least two Quasi-minds; a Quasi-utterer and a Quasi-interpreter; and although these two are at one (i.e., are one mind) in the sign itself, they must nevertheless be distinct. In the Sign they are, so to say, welded” [Peirce 1931–1958: CP 4.551(1906)]⁵.

Дальнейшее развертывание семиозиса предстает как последовательно осуществляемое персонифицированное взаимодействие структурных компонентов (квази-разумов) этого же семиозиса⁶. Квази-говорящий (или квази-высказывающий) связан с объектом, а квази-интерпретатор — с интерпретантой. Квази-говорящий, который и есть производитель знаков, также представляет (олицетворяет) некоторое до-семиотическое или экстра-семиотическое отношение между объектом и знаком. Объект (подразумеваемый первый говорящий) создает осмысленную связь между знаком и объектом. Объект детерминирует знак посредством говорящего, а знак посредством интерпретатора детерминирует интерпретанту. Далее образуемая интерпретанта становится знаком-объектом и запускается процесс вторичного семиозиса, когда уже предварительно семиотизированный знак начинает соотноситься с подразумеваемым вторым квази-говорящим объектом. Это порождает вторую интерпретанту (с подразумеваемым вторым квази-интерпретатором). На первом этапе эти квази-разумы выступают как высказыватели и интерпретаторы *мысли*, на втором — высказыватели и интерпретаторы *знака*⁷. На каждом этапе возникают новые

⁵ «Мысль необязательно связана с мозгом... Признавая, что связанные Знаки должны иметь Квази-разум, можно далее утверждать, что не может быть изолированного знака. Более того, знаки требуют, по крайней мере, два квази-разума: это квази-говорящий и квази-интерпретатор; и хотя эти двое находятся в одном (т. е. являются одним разумом) в самом знаке, они, тем не менее, должны различаться. В Знаке они, так сказать, спаяны» [Peirce 1931–1958: CP 4.551].

⁶ Ключ к пониманию подобной рекурсии можно найти уже в другой рукописной заметке: «До того как знак был произнесен, он уже практически присутствовал в сознании говорящего, в форме мысли. Но мысль сама по себе является знаком и сама должна иметь высказывающего (an utterer) ... и вновь в обратном направлении» [Peirce 1998: 403].

⁷ Примерно так можно понимать оставшийся в рукописях набросок Ч. Пирса: “A sign is whatever there may be whose intent is to mediate between an utterer of it and an interpreter of it, for being repositories of thought or quasi-mind by conveying a meaning from the former to the latter. We may say that the sign is moulded to the meaning in the quasi-mind that utters it, where it was, virtually at least, (i.e., if not in fact, yet the moulding of the sign took place as if it has been

знаки (близок к нашему и комментарий к этому отрывку в [Gorlee 1994: 217–218]).

Семиозис предстает как само-порождаемая процессуальность, независимая от человеческого мышления. Мысле-знак (*thought-sign*) замещает знак артикулированный и тем самым получивший форму (буквально: отлитый знак – *moulded sign*), который в свою очередь становится мысленным знаком, и так далее. Бесконечный семиозис, теорию которого, опираясь на Ч. Пирса, впоследствии развил Умберто Эко [Есо 1990, 1992], по мысли самого Пирса, тем не менее может (если не должен) иметь пределы. Ч. Пирс продолжает размышлять об этом, и после приведенного в сноске 6 отрывка [Peirce 1907: 206–207] (в котором почти все слова были подчеркнуты, и, видимо, планировалось набрать их курсивом) он пишет:

«Хватит курсива! Следующим шагом к нашему определению является соображение, что цепочка знаков, передающая данный смысл, во многих случаях, во всяком случае, не может быть ни безначальной, ни бесконечной. Это должно иметь ментальную природу. Должен существовать некий иной ментальный элемент, нежели знак, который может наделить знак значением; некто, на кого в конечном итоге может быть распространено значение» [Peirce 1907: 196].

Однако ясного продолжения не последовало, так что остается только гадать, как Ч. Пирс мог бы уточнить ту трактовку, которую его теории впоследствии придал У. Эко и с которой полемизировал Э. Бенвенист⁸. Очевидно, однако, что, по Ч. Пирсу, финальной точкой, если

---

there) already an ingredient of thought. But thought being itself a sign the meaning must have been conveyed to that quasi-mind, from same anterior utterer of the thought, of which the utterer of the moulded sign had been the interpreter. The meaning of the moulded sign being conveyed to its interpreter, became the meaning of a thought in that quasi-mind; and as there conveyed in a thought-sign required an interpreter, the interpreter of the moulded sign becoming the utterer of this new thought-sign" [Peirce 1907: 206–207]. («Знаком может быть все то, чья цель в том, чтобы быть посредником между тем, кто его высказывает и кто его интерпретирует, поскольку он является хранилищем мысли или квази-разума, передавая смысл от первого ко второму. Можно сказать, что знак отливается в значение в том квази-разуме, который его высказывает. Но мысль, будучи сама по себе знаком, значение которого должно было быть передано квази-разуму, от того же предыдущего высказывателя мысли, интерпретатором которого является высказыватель отлитого знака. Значение отлитого знака, переданного его интерпретатором, стало значением мысли в этом же квази-разуме; и, как для передаваемого в мысле-знаке требовался интерпретатор, то так и интерпретатор оформленного знака становится высказывателем этого нового мысле-знака»).

⁸ Может создаться впечатление, что Ч. Пирс пытается ответить на поставленный полвека спустя вопрос: «Чтобы в этом умножении знаков до бесконечности не растворилось само понятие знака, нужно, чтобы где-то в мире существовало различие между знаком и означа-

бы она была найдена, должен был быть не физический объект, а *ментальный элемент*, то есть некий новый мысле-знак, и тогда процесс семиозиса вновь должен приходиться в движение, порождая новых семиотических квази-говорящих и квази-интерпретаторов. В продолжении вышеприведенного рассуждения появляется несколько странный гибрид *машины-реакции*:

«... разум может быть приблизительно определен как создатель знаков, связанный с машиной-реакцией, которая приходит в действие от слабых возбуждений» (“... *a mind may, with advantage, be roughly defined as a sign creator in connection with a reaction-machine. A reaction-machine is very delicately susceptible... to physical forces*”) [Peirce 1907: 197].

Понимать ли это как смутное предвидение бихейвиористской концепции значения как стимула-реакции или же предвидение нейронных взаимодействий — можно только гадать, поскольку эта линия рассуждений Ч. Пирсом не была продолжена. Тем самым вопрос о *ментальном элементе*, отличном от знака, в теории Ч. Пирса ответа не получает, и, видимо, не случайно. Вновь вспомним вышеприведенное замечание Ю. Хабермаса: разум здесь есть не что иное, как трехместное отношение репрезентации в целом; он поглощается структурой знака. Более подробно, поскольку она учитывает также и приведенные нами черновые записи Ч. Пирса, этот вопрос рассматривает и Динда Горли. Она также приходит к аналогичному выводу: в терминах формально-логических знаковых отношений говорящий и интерпретатор избыточны, так как они не в состоянии воздействовать на трехстороннее отношение *знак — объект — интерпретант* [Gorlee 1994: 217–218].

3. Как видим, Ч. Пирс пытался найти место для субъекта в своей семиотической теории, и даже дает его описательное определение: *someone upon which the meaning can ultimately be expended* (*некто, на которого в конечном итоге может быть распространено значение* — примечательно одушевленное местоимение *someone*). Однако конкретизировать, кто есть этот *некто*, уже то ли не удалось, то ли не понадобилось. Современные исследователи в основном предпочитают не замечать колебания Ч. Пирса; видимо, ввиду их незавершенности нет возможности предложить их однозначное толкование.

Кроме того, опасения Ч. Пирса быть превратно понятым не развеялись и до сих пор — идея знака как квази-разума и сейчас может быть подвергнута сомнению как проявление панпсихизма и гилозоизма

емым. Необходимо, следовательно, чтобы знак входил в некоторую систему знаков и в ней получал осмысление» [Бенвенист 1974: 71].

(panpsychism and hylozoism) [Sharov & Tønnessen 2021: 211] или же, в придачу к гилозоизму, еще и как агапистический интегративный подход к науке и религии (hylozoist view of matter and mind and agapistic integrative view of science and religion [Brier & Joslyn 2013: 144]. Вместе с тем новейшие результаты в молекулярной генетике позволяют лучше понять, каким образом возможна интерпретация без внешнего по отношению к системе интерпретатора. Так, Т. Дикон, не упоминая о неопубликованных самим Ч. Пирсом размышлениях о квази-интерпретаторе и квази-говорящем, рассматривает условия, при которых молекула становится семиотической системой. Он непосредственно указывает на проблему, поставленную, но не проясненную Ч. Пирсом.

«В терминах Ч. Пирса это равносильно вопросу о том, какая молекулярная система способна производить интерпретанты, которые могут установить связь между системой и воспроизводимыми характеристиками? Во многих отношениях этот вопрос фокусируется на таком свойстве семиозиса, которого Ч. Пирс старательно избегал: это разговор об интерпретаторах» [Deacon 2021: 540].

Дикон объясняет эту ситуацию тем, что

«В эпоху, когда нейронаука находилась в раннем зачаточном состоянии, а молекулярная биология была даже не мыслимой, неудивительно, что он <Ч. Пирс> избегал спекуляций о том, какого рода динамические системы в состоянии быть интерпретаторами» [Deacon 2021: 540].

Оговорки самого Ч. Пирса вполне согласуются с подобным предположением. Напомним мифологический сюжет, на который намекает Ч. Пирс. Сивилла вызвалась помочь Энею пройти в царство мертвых мимо охранявшего его Цербера. Она умилила пса медовой лепешкой, в которую было примешано сонное снадобье. Цербер ненадолго заснул, что дало возможность ей и Энею проследовать в царство мертвых. Как видим, ссылки и на мышление, и разум при описании семиотических процессов мыслились Ч. Пирсом как способ усыпить бдительность философского сообщества. Вместе с тем нельзя не заметить, что и для самого Ч. Пирса вопрос недостаточно ясен — отказываясь от персонализированного разума, он тем не менее вводит гибридные термины (квази-сознание) и создает гибридные персонажи (квази-говорящий, квази-интерпретатор). Приведенные мысли Ч. Пирса остались на уровне его рассуждений для себя, они большей частью содержатся даже не в рукописях и письмах, а в черновых заметках к ним. Ч. Пирс доходит до того, что приписывает растениям или даже природным явлениям способность совершать семиотические операции, почему

и Ч. Моррис вполне последователен, говоря о *биотическом* характере прагматики. Излишне говорить, что он не имел возможности знать об оставшейся в рукописях и не доведенной до конца куда более радикальной концепции Ч. Пирса, не предусматривавшей автономного от знака интерпретатора.

Как видим, семиозис может быть описан как последовательно осуществляемое персонифицированное взаимодействие структурных компонентов (квази-разумов) этого же семиозиса. Квази-говорящий (*quasi-utterer*) связан с объектом, а квази-интерпретатор (*quasi-interpreter*) — с интерпретантой. Квази-говорящий, который и есть производитель знаков, также представляет (олицетворяет) некоторое до-семиотическое или экстра-семиотическое отношение между объектом и знаком. Семиозис предстает как само-порождаемая процессуальность, которая может быть независима от человеческого мышления.

Естественным продолжением концепции знака Ч. Пирса может стать теория кодопойэзиса [Barbieri 2012] или семиопойэзиса [Золян 2021, 2022; Zolyan 2022], понимаемого как знаковая манифестация аутопойэтических процессов. Помимо рассмотрения семиопойэтических процессов на микро- (био-молекулярном) уровне, другим направлением экспликации и развития теории Ч. Пирса уже применительно к объектам макроуровня может стать концепция Юрия Лотмана о семиотических «Я». Согласно Ю. Лотману, сложно организованные семиотические объекты — текст, культура, семиосфера в целом, — приобретают характеристики одновременно организма и интеллектуального устройства и способны к автономной деятельности [Лотман 1984, 1989, 1992] (подробнее см. [Золян 2022]).

Литература

Бенвенист Э. Общая лингвистика. Пер. с франц.; ред., вступ. ст. и коммент. Ю.С. Степанова. М.: Прогресс, 1974.

Золян С.Т. Семиопойэзис: становление значения в молекулярной генетике и биосемиотике // Критика и семиотика. 2021. № 1. С. 57–77. DOI: 10.25205/2307-1737-2021-1-57-77.

Золян С.Т. Семиопойэзис: о рождении семиосферы из биосферы // Слово.ру: балтийский акцент. 2022. Т. 13, № 2. С. 37–54. DOI: 10.5922/2225-5346-2022-2-2.

Лотман Ю.М. О семиосфере // Труды по знаковым системам. Вып. 17. Структура диалога как принцип работы семиотического механизма. Тарту: Изд-во Тартуского гос. ун-та, 1984. С. 5–23.

Лотман Ю.М. Культура как субъект и сама себе объект // Wiener Slawistischer Almanach. 1989. S.-Bd. 23. S. 187–197.

Лотман Ю.М. Мозг — текст — культура — искусственный интеллект // Избр. ст.: в 3 т. Т. 1: Статьи по семиотике и типологии культуры. Таллин: Александра, 1992. С. 25–33.

Morpurc Ч.У. Основания теории знаков // Семиотика. М.: Радуга, 1983. С. 37–89.

Barbieri M. Codepoiesis — the Deep Logic of Life // *Biosemiotics*. 2012. Iss. 5. P. 297–299. DOI: 10.1007/s12304-012-9162-4.

Brier S., & Joslyn C. What does it take to produce interpretation? Informational, Peircean and code-semiotic views on biosemiotics // *Biosemiotics*. 2013. 6(1). P. 143–159.

Eco U. *Drift and Unlimited Semiosis*. Bloomington, IN: Indiana University Press, 1990.

Eco U. *Interpretation and Overinterpretation*. Cambridge: Cambridge University Press, 1992.

Deacon T.W. How Molecules Became Signs // *Biosemiotics*. 2021. Iss. 14. P. 537–559. DOI: 10.1007/s12304-021-09453-9.

Gorlée D.L. *Semiotics and the Problem of Translation. With Special Reference to the Semiotics of Charles S. Peirce*. Leiden: BRILL, 1974.

Habermas J. Peirce and communication // *Peirce and Contemporary Thought: Philosophical Inquiries* / K.L. Ketner (ed.). NY: Fordham University Press, 1995. P. 243–266.

Marty R. 76 Definitions of the Sign by C. S. Peirce Collected and Analyzed by Robert Marty. 1997. <http://perso.numericable.fr/robert.marty/semiotique/76defeng.htm> (accessed: 03.02.2023).

Peirce Ch.S. *The New Elements of Mathematics*. The Hague–Paris: Mouton Publisher, 1976. Vol. 4: *Mathematical Philosophy*. P. 13–73.

Peirce Ch.S. *The Collected Papers of Charles S. Peirce*. Vols. 1–6 / C. Hartshorne, P. Weiss (eds.). Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1931–1958.

Peirce Ch.S. *The Essential Peirce: Selected Philosophical Writings*. Vol. 2. Peirce Edition Project. Bloomington, IN: Indiana UP, 1998.

Peirce Ch.S. *Pragmatism — Notes and Drafts*. 1907. <https://fromthepage.com/jeffdown1/c-s-peirce-manuscripts/ms-317-318-1907-pragmatism-notes-and-drafts> (accessed: 03.02.2023).

Peirce Ch.S. *Semiotic and Significs: The Correspondence between Charles S. Peirce and Victoria Lady Welby* / Ed. by Ch.S. Hardwick. Bloomington: Indiana UP, 1977.

Sharov A. & Tønnessen M. *Semiotic Agency. Science beyond Mechanism*. Dordrecht: Springer, 2021.

Zolyan S. From Matter to Form: the Evolution of the Genetic Code as Semio-Poiesis // *Semiotica*. 2022. Iss. 245. P. 17–61. DOI: 10.1515/sem-2020-0088.

**МЫСЛЬ ИЗРЕЧЕННАЯ.
ОЯЗЫКОВЛЕНИЕ ДО́МЫСЛИ (МАТЕРИАЛА, MENING, PURPORT)
ЛУИ ЕЛЬМСЛЕВА**

М.В. Ильин

Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН, Москва

Статья предлагает переосмыслить ключевую проблематику языкового творчества и деятельности в русле радикальной воплощенной эколлингвистики. Точкой отсчета становятся ключевые идеи Соссюра и Ельмслева. Автор обнаруживает не использованные в полной мере интеллектуальные возможности их идей и инструментария. Он показывает, каким образом представления о разных модусах использования языка и речи могут обогатить современную лингвистику, в частности, связанную с изучением оязыковлениа (languaging).

Ключевые слова: *язык и речь, планы выражения и содержания, модус, креативность.*

**SPEAK NOT. LANGUAGING OF HJELMSLEV'S
MENING, PURPORT, MATERIAL AND PROTOTHOGHT (DOMYSL')**

Mikhail V. Ilyin

*Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences,
Moscow*

The article suggests rethinking the key issues of linguistic creativity and activity in line with radical embodied ecolinguistics. The starting point is the key ideas of Saussure and Hjelmslev. The author uncovers the intellectual possibilities of their ideas and tools that have not been fully used so far. He shows how ideas about different modes of language and speech use can enrich modern linguistics, in particular, related to the study of languaging.

Keywords: *le langage, la langue, la parole, expression and content planes, modus, creativity.*

Мысль изреченная есть ложь. Эта поэтическая строка спорит с собою, будучи сама изречением. По сути, Ф.И. Тютчев формулирует парадокс лжеца, переведя его из обыденного контекста в метафизический. Практически такая же фундаментальная истина иначе выражена Л. Витгенштейном: «О чем невозможно говорить, о том следует молчать» (“*Wovon man nicht sprechen kann, darüber muss man schweigen*”) [Витгенштейн 1994: 73]. Этой фразой заключает он свой «Логико-философский трактат» и делает ее отдельным, седьмым разделом своего опуса.

В поэтическом мире Ф.И. Тютчева люди отдельные существа, обреченные на молчание как раз в силу того, что они замкнуты сами в себе. «*Есть целый мир в душе твоей*», — изрекает поэт [Тютчев 1993: 25]. Каждый человек — особый универсум, как каждый другой человек, как сама Вселенная. Эта универсальная уникальность делает нас самодостаточными и самозамкнутыми, порождает вопросы:

Как сердцу высказать себя?

Другому как понять тебя? [Тютчев 1993: 25]

Действительно, разные миры уже в силу своего различия непередаваемы и невоспринимаемы, ведь каждый из них так же велик и сложен, как сама Вселенная. Один «целый мир» не может ни объять другой, ни слиться, а точнее влиться в него, став его частью. Тютчевский Космос людей-миров безусловен и первичен. Это отвечает строю его мысли. Излюбленные тютчевские формы — певучесть *есть* в морских волнах, *есть* в осени первоначальной, *есть* в моем страдальческом застое и т. п. — как раз отражают его поэтическое приятие непреложного и невозмутимого *строя во всем*. И только люди рискуют его нарушать в своих призрачных устремлениях к свободе и произволу.

Иначе устроен мир О.Э. Мандельштама в стихотворении с тем же названием “*Silentium*” [Мандельштам 1990: 70–71]. В нем нет невозмутимого строя, а буйствуют страсти поэта по всего живого ненарушаемой связи, которая кристально чиста пока еще не родилась. Это исходное состояние нерожденной еще чистоты поэт именует *первоначальной немотой*. Именно тут, в молчании оба поэта сходятся под общим римским знаком — *Silentium!*

Мыслительный эксперимент. Как бы то ни было, молчание не может не задеть профессионального лингвиста. Становится не по себе от исчезновения языка и речи. К счастью, такое возможно лишь в поэтических мечтах или метафизических размышлениях. Так по воле авторов можно взять, что-то удалить и посмотреть, что получается. Впрочем, за счет активизации креативности подобные мыслительные эксперименты вполне возможны даже в научной теории, а порой даже и в научной методологии. Т. Гоббс, например, вообразил, что куда-то исчезло государство и с ним все политические институты и институции. И что же? Тут же прорисовалось ужасное состояние: человеческая жизнь стала «одинокой, жалкой, мерзкой, скотской и краткой» (“*solitary, poor, nasty, brutish, and short*”) [Hobbes 1651: 62].

Нужно признать, что лингвисты в долгу не остаются. Чтобы отчетливо высветить свой предмет изучения, они порой сознательно, а чаще бессознательно, погружают все остальное во мрак или даже вообще выводят из поля зрения. Это также средство усиления креативности. В поле зрения теперь отчетливо виден язык в себе и для себя. Узнаете? Верно. Это слова нашего великого учителя Ф. де Соссюра, заключающие «Курс общей лингвистики». Ф. де Соссюр пишет — «единственным и истинным объектом лингвистики» (“... la linguistique a pour unique et véritable objet”) является то, что он называет *la langue*, а я нарочито передаю русским новообразованием *яз*, «рассмотренным в самом себе и для себя» (“la langue envisagée en elle-même et pour elle-même”) [Saussure 1971: 374].

Иными словами все, что вне *яза* и его предназначения (“pour elle-même”), оказывается за пределами профессионального лингвистического рассмотрения.

La langue, le langage, la parole. Для целей настоящей статьи возникает потребность в отчетливой и строгой трактовке различения терминов соссюрловской триады. Обычно вопреки практике французского языка соссюрловский термин *le langage* на русский неудачно переводят как «языковая деятельность», чтобы отличить от термина *la langue*, который крайне неудачно передают русским словом *язык*. Я систематически пользуюсь более удачным, на мой взгляд, выбором, перевожу *le langage* как *язык*, а креативное новообразование *la langue* передаю новообразованием же *яз*. Это не просто терминологическая новация, а следование соссюрловской логике.

В тексте «Курса общей лингвистики» в редакции А. Сеше и Ш. Балли равно употребляются слова *le langage* и *la langue*, однако даже чисто статистически частота их употребления существенно отличается. Если первое слово употреблено 76 раз, то второе 784 раза, то есть в десять раз чаще. Более того, распределение этих слов по тексту очень неравномерное и зависит от того, что становится предметом рассмотрения, что высвечивается, а что погружается во мрак. Весьма показательно самое начало второй главы о материале и задачах лингвистики, а также ее отношениях со смежными дисциплинами. Тут Ф. де Соссюр отчетливо разъясняет:

«Материалом лингвистики являются прежде всего все проявления человеческого языка (*toutes les manifestations du langage humain* —

единственное число со слитным артиклем), как у первобытных народов, так и у культурных наций, как времен архаических, классических, так и упадка, с учетом в каждую эпоху как форм правильного или «хорошего языка» (*du langage correct et du « beau langage »*), так и вообще всех форм выражения (*toutes les formes d'expression*). Это, однако, не все: поскольку язык (*le langage* — в единственном числе с определенным артиклем) в большинстве случаев недоступен непосредственному наблюдению, лингвисту приходится учитывать письменные тексты как единственный источник сведений о языках (*les idiomes* — во множественном числе с определенным артиклем) далекого прошлого или далеких стран» [Saussure 1971: 19–20] (пер. с франц. мой — М.И.).

Далее Ф. де Соссюр поясняет, рассмотрение чего является задачей лингвистики как науки. Первая задача включает «описание и историю всех доступных ей язов (*toutes les langues*), что ведет к составлению истории всех языковых семейств (*l'histoire des familles de langues*) и по мере возможности к реконструкции их исходных язов (*les langues mères de chaque famille*)». Вторая задача предполагает «обнаружение факторов, постоянно и универсально действующих во всех язах (*toutes les langues*), и установление тех общих законов (*les lois générales*), к которым можно свести все отдельные явления их истории (*tous les phénomènes particuliers de l'histoire*)». Наконец, и это, пожалуй, самое главное, — «ограничить и определить саму себя (*se délimiter et de se définir elle-même*)» [Saussure 1971: 19–20] (пер. с франц. мой — М.И.). Таким образом Ф. де Соссюр определяет, что высвечивается, а что затеняется научной лингвистикой.

Высвечивание и затенение. Конечно, ни сам Ф. де Соссюр, ни его ученики, ни мы с вами не обязаны всегда и во всем занимать жесткую и бескомпромиссную позицию, обозначенную в подытоживающей фразе Курса. Она скорее предназначена служить идеальным ориентиром научности или предельного абстрагирования, на который нужно оглядываться, но не следовать ему. По сути дела в самом тексте Курса немало такого внешнего, что скорее помогает, чем мешает разглядеть действительно важные свойства и особенности языка и речи, дискурсов, словоупотреблений и вообще жизни языка среди людей и людей в языке.

Ф. де Соссюр охотно признает, что “*le langage est un fait social*”, что “*tout est psychologique dans la langue*” [Saussure 1971: 20]. Он подчеркивает, что яз это

“un trésor déposé par la pratique de la parole dans les sujets appartenant à une même communauté, un système grammatical existant virtuellement dans chaque cerveau, ou plus exactement dans les cerveaux d’un ensemble d’individus; car la langue n’est complète dans aucun, elle n’existe parfaitement que dans la masse” [Там же: 31].

Далее же в Курсе немало положений и о социальных конвенциях, и о полной произвольности и немотивированности знаков, и о самодовлеющем характере структурных различий, и об их связях с практиками общения.

Сошлюсь на авторитетное мнение:

«“Курс” — достаточно противоречивая книга по нескольким причинам: Ф. де Соссюр ощущал недостаток “окончательно оформленной мысли” и системы в построениях, импровизировал у доски и на ходу менял концепцию, студенты могли не все уловить, а способ подготовки издания делал “Курс” еще более неоднородным. Но и сама противоречивость “Курса” могла способствовать использованию его идей: одни находили в нем одно, другие — другое. Например, идея психической реальности языка как “системы, виртуально существующей у каждого в мозгу” (Соссюр, 1977, с. 52) мало согласуется с тезисом: “В языке нет ничего, кроме различий” (Соссюр, 1977, с. 152). Синхрония может пониматься и как состояние языка, и как система, не связанная с фактором времени. И любая из этих точек зрения находила развитие в тех или иных направлениях структурализма» [Алпатов 2008: 21–22].

Иными словами, методология, логика и язык «Курса общей лингвистики» меняются в зависимости от того, что высвечивается, а что погружается во мрак — языки в целом и общее о них представление (*le langage*), явления речи (*la parole*) или языковые системы и законы (*la langue*).

Как бы то ни было, при всем признании неразрывного единства языка и всей жизни людей во всех ее аспектах изучать это целое, этот необъятный и ускользающий предмет жизненной практики методологически строго относящийся к своему профессиональному делу Ф. де Соссюр не может и не хочет — как раз в силу его всеохватности и изменчивости. Так что приходится делать прямо противоположное — обращаться к тому конкретному и неизменному, что поддается точному анализу и изучению. И для этого нового предмета изучения он находит и точное название — *яз* (*la langue*) (подробнее об употреблении Ф. де Соссюром слова *la langue* см. [Dantier 2008]).

Проекция. Именно этот прием делает Ф. де Соссюр ключевым для всей своей теоретико-методологической конструкции:

«Чтобы показать одновременно и автономность, и зависимость синхронического (*du synchronique*) и диахронического (*du diachronique*), первый из них можно сравнить с проекцией тела на плоскость (*la projection d'un corps sur un plan*). В самом деле, всякая проекция непосредственно зависит от проецируемого тела, и все-таки она представляет собою нечто особое, отличное от самого тела. Без этого не было бы особой науки о проекциях: достаточно было бы рассматривать тела сами по себе (*il suffirait de considérer les corps eux-mêmes*)» [Saussure 1971: 143] (пер. с франц. мой — М.И.)

Эти рассуждения Ф. де Соссюра больше, чем аналогия. Это непосредственное выражение креативного потенциала базовой когнитивной метафорики. Особенно важно метафорическое представление предмета изучения как тела — будь он коренным *язом* или также примыкающими к нему *языком* и *речью*. Это станет предметом особого внимания данной статьи. А пока ограничимся тем, что проекция позволяет разглядывать в этом образовании различные стороны или сферы — не только три основные, но также диахронию и синхронию, форму и содержание. Впрочем, форма и ее двойник структура безусловно доминируют. В то же время различие формы и субстанции при всем их интеллектуальном великолепии и аналитической значимости осложнено тем, что фактически, на практике они неразрывны. Для Ф. де Соссюра и всей структуралистской традиции форма, однако, самоценна и самодостаточна. Но тогда оказывается, что основной предмет изучения, рассмотренный в самом себе и для себя, оказывается лишенным субстанции, а значит содержания. А даже если и не лишенным — как же можно повредить целостное тело, — то без сомнения отодвинутым в тень.

Еще проблематичнее становится ситуация с перифериями, с речью, с языком в целом и со многим иным. Нужно же еще учесть и целостные эпизоды общения, некие «малые» *языки*, включающие свои «малые» *речь* и *яз*, как показал Э. Бюиссанс, назвавший этот предмет лингвистических исследований *discurpc (discours)* [Buysens 1942; Бюиссанс 2016].

План выражения и план содержания. Приоритет — работа с формой. Однако форма неразрывно слита с содержанием. Как тут быть? Внешне нехитрое, но крайне креативное решение находит Л. Ельмслев. Языковое целое проецируется относительно и формы, и содержания, но по отдельности. А затем эти проекции проецируются еще раз, но уже

только относительно формы. Появляется возможность систематически, системно и, главное, формально строго работать с формами двух альтернативных проекций. Теперь можно игнорировать порочный круг взаимосвязи формы и содержания, создав на базе соответствующих проекций плана выражения (*udtryksplan, expression plane*) и плана содержания (*indholdsplan, content plane*).

Нет смысла пересказывать знаменитый тринадцатый раздел «Пролегоменов», в том числе уважительный, но непреклонный комментарий по поводу попыток Ф. де Соссюра рассматривать выражение и содержание отдельно друг от друга. Л. Ельмслев признает возможность подобных рассуждений как «педагогический прием», но не видит в нем действительного смысла [Hjelmslev 1993: 46; Hjelmslev 1969: 49–50; Ельмслев 2006: 73]. Взамен он предлагает новый подход, суть которого выражает емкая ключевая формулировка:

«Таким образом, в лингвистическом **содержании** (*sprogliche indhold, linguistic content*), в его процессе (*forlob, process* — !!! — в датском оригинале выделено курсивом, но он не сохранен ни в английском, ни в русском переводе — *М.И.*), мы устанавливаем (*konstaterer, recognize*) специфичную **форму, форму содержания** (*content-form*), которая независима и произвольна (*staar i arbitrært forhold til, stands in arbitrary relation to*) в отношении к **материалу** (*meningen* — с определенным «приклеивающимся» артиклем — *М.И.*, *purport*), и формирует его в **субстанцию содержания** (*indholdssubstans, content-substance*)» [Hjelmslev 1993: 48; Hjelmslev 1969: 52; Ельмслев 2006: 75].

Выступая в качестве формально строгого аналитика, Л. Ельмслев не только не выражает скепсиса по поводу субстанции (*substans*) в каждом из планов, но, напротив, даже настаивает в необходимости структурировать каждый из планов и работать с соответствующими структурами. Получается своего рода структуралистская экспансия, открывающая возможность структуралистского изучения как формального выражения языковых явлений, так и их смыслового содержания.

Соотнесение планов содержания вполне ожидаемо показывает, что они подобны друг другу. Однако есть в них нечто, что не соответствует другому плану. Как лингвист Л. Ельмслев прежде всего обратил внимание на то, что в плане выражения есть своего рода довески, названные им фигурами. У них есть структурные характеристики, конфигурации, но этим структурам нет соответствий в плане содержания. Это касается, например, звуковой стороны дела. Не он первый это заметил.

Еще Ф. де Соссюр утверждал, будто знаки, а скорее их звучание не имеют никого лингвистического смысла и функциональности, в силу чего они якобы *произвольны* (*arbitraire*).

Помимо фигуры, следующей замечательной находкой Л. Ельмслева стало то, что он назвал *mening*, а в авторизованном английском переводе *purport*. Этому понятию замечательный отечественный лингвист Ю.К. Лекомцев нашел прекрасное соответствие — *material*. Содержательно с точки зрения лингвистической логики *mening* — *purport* это только психический материал для оформления в лингвистическую субстанцию содержания. Рискну, однако, предложить свой вариант креативного словотворчества. Можно сотворить слово *дбмысль*, то есть то, что предшествует мысли и требует домысливания и оформления. Мысль сама по себе и в самой себе (психологи вполне могут и даже должны по-соссюровски настаивать на этом) не появляется чудесным образом из головы, как Афина из головы Зевса, а также трудно оформляется, как и речь. Причем оформление это идет как независимо от речевых практик, так и в связи с ними. И это еще при том, что и те, и другие вырастают из общих универсалий космического, биосферного и человеческого развития.

По Л. Ельмслеву, структурный лингвист вынужден исключить из сферы своего анализа то, что происходит в психике людей. Во всяком случае ему приходится абстрагироваться от их собственно структурно-лингвистического изучения, хотя полностью игнорировать когнитивные и психологические аспекты общения невозможно. Л. Ельмслев признает, что все это существенно, но с точки зрения лингвистики неизбежно отодвигается в тень. И это внеязыковое и для него тем самым «бесформенное» мыслительное образование он назвал сначала в исходном датском тексте своих «Пролегоменов» просто смыслом (*mening*). При этом, правда, он использовал одновременно и синонимы — аморфная «масса мысли» (*amorfe "tankemasse"*; *amorphous "thought-mass"*), аморфный континуум. Он также уподобляет *дбмысль* куче песка или облаку.

Еще одним удачным русским соответствием было бы *намерение*. Да, верно, это как раз такой смысл, который *стремится* оформиться в языке. Но в сознании и в нейропроцессах он уже оформлен. Вполне возможно, что это оформление в чем-то не чуждо и лингвистическому за счет общих эволюционных универсалий. Однако для психолога, а тем более нейробиолога важно как раз лингвистическое оформление

исключить, подобно структурным лингвистам, ради более точного и профессионально обоснованного изучения ментальных явлений.

Поворот сюжета. Наступил критический момент. По всем стандартам драматургического анализа, равно как и риторики, должна произойти метанойя, креативная «перемена мысли», а с нею и всего сюжета. Новая мысль, впрочем, не очень уж и стара. Еще И. Кант со своими антиномиями показал зеркальную обратимость и взаимную дополнительность противоположных интерпретаций и пониманий исследуемого нами. Попробуем и мы вслед за ним вывернуть наизнанку то, что уже на протяжении нескольких страниц реконструируется и разъясняется — господствующий в нынешней лингвистике структуралистский подход. Проще всего было бы обратиться к интерпретации и реконструкции гумбольдтианского и прагматического подхода. Не скрою, автору он близок, как подсказывает слово *оязыковление* (*linguaging*) в заголовке статьи. Впрочем, сосюрковский, структуралистский подход тоже не чужд — это подсказывает уже сам текст статьи. Удобнее, однако, пойти иным путем. Уместнее обратиться к помощи того, что мы изучаем, к мудрости самого языка.

Имена и глаголы. Тому, что мы изучаем, мы склонны давать имена: *язык, речь, говор, le langage, la langue, la parole, le discours* и т. д. Однако вслушайтесь: «то, что мы изучаем». Тут уже использован глагол среди служебных слов. Этот глагол точнее передает именно то, что мы делаем на деле.

Наши привычные языки, и особенно специалекты науки, очень склонны к номинализации, а это, как известно, очень сильный инструмент трансформации и даже деформации мышления и сознания. Мы унаследовали от схоластов, будь это номиналисты или реалисты, общую установку именовать, понимать и видеть все их собственные мыслительные создания как вещи или имена. И эта привычка столь прочна и могущественна, что до сих пор формирует наше сознание и мышление вопреки всем новациям позитивного, эмпирического и даже критического исследования.

Характерный пример в этом отношении дает Р. Декарт. Для критической проверки способностей познания он учиняет мыслительный эксперимент, подобный гоббсовскому, но не над людьми, а над самим собой. Р. Декарт последовательно отбрасывает все то, что может счесть

вспомогательными частями своей собственной личности. Результатом становится редукция шаг за шагом многосоставного целостного Я (“*me totum*”) [Brown 2007; Brown 2014; Brown 2016; Ильин 2020] вплоть до двух конечных пределов — сущности собственного бестелесного ума и тела, очищенного от малейших способностей мышления. При этом *me totum* никуда не исчезает. Высвечиваются его абсолютные пределы, а вся сердцевина личности погружается во тьму.

Уже упоминавшийся Т. Гоббс в своих «третьих» возражениях демонстрирует, что интерпретация результатов эксперимента в схоластических терминах субстанции оборачивается существенным искажением:

«Что из всего этого может быть отделено от моего сознания? Что может считаться обособленным от меня самого? Быть может, кто-нибудь на это ответит: от моего мышления отличаюсь я сам, мыслящий; от меня же мое мышление не отчуждено, но лишь отлично — в том же самом смысле, в каком прыжки отличны от прыгающего. Итак, если бы г-н Декарт стал доказывать, что он, постигающий, тождествен постижению, мы снова впали бы в *схоластический стиль* (выделено мной. — М.И.). Интеллект постигает, зрение видит, воля желает, и, таким образом, по закону аналогии, шаг или, по крайней мере, способность шагать будет шагать. Все это туманно, несообразно и недостойно всегдашней ясности выражения, присущей г-ну Декарту» [Декарт 1994: 139].

Р. Декарт вынужден согласиться с аргументами Т. Гоббса, но не отказаться от языка и стиля схоластики:

«Я не отрицаю, что я — мыслящий — отличен от своего мышления, как вещь от модуса; но когда я спрашиваю: что из всего этого можно отделить от моего сознания? (*quid ergo est quod à mea cogitatione distinguatur*) — я разумею перечисленные мною модусы мышления, а не мою субстанцию; а там, где я добавляю: что может быть названо отчужденным от меня самого? (*quid quod à mepso separatum dici possit*) — я всего лишь обозначаю этим, что все указанные модусы внутренне мне присущи (*significo tantum illos omnes cogitandi modus mihi enesse*). Не вижу, что тут может быть изображено как сомнительное и темное» [Cartesius 1641: 243; Декарт 1994: 139–140].

Модусы и модальности. Получается, что дело не только в мышлении и формулировании своих мыслей. Обратите внимание, что все это процессы, а не вещи. Дело еще и прежде всего в том, что и как мы пытаемся понять и назвать. А это опять процессы, причем процессы внешнего мира. Лингвистически их можно охарактеризовать, например, в терминах виноградовских категорий состояния. Однако точнее будет

намеченное Т. Гоббсом различие разных модусов осуществления феноменов, образующих весь мир, в который мы погружены. Собственно, феномен не предмет и не вещь в строгом смысле. Это тот аспект мира, который нам удастся высветить своей мыслью и речью. Само слово *явление* (*φαίνόμενον*) вопреки своей именной форме подсказывает: это то, что процесс появления заставляет нас осознать и называть. Собственно, само греческое слово *φαίνόμενον* — это медиапассивное причастие среднего рода от *φαίνομαι* — «я появляюсь». У нас нет медиапассива, так что самое близкое было бы возвратное причастие *появляющееся*. Нечто появляется и становится высвечиваемым фокусом нашего интереса, осмысления и объяснения с помощью речи.

Важно сделать еще одно уточнение о модусах существования, осмысления и оязыковления. Принципиально отличны, как декартовские духовные и телесные модусы — не субстанции в модусах, а именно модусы — актуальные и виртуальные явления. Первые медиапассивно являются помимо нашей воли. Они явления самого космоса вокруг и внутри нас. Вторые — причиняемые нашими мыслительными фокусировками, речевыми усилиями и оязыковлением проявления общей человеческой действительности (*Wirklichkeit, actuality*). Пусть довольно грубо, но лингвистически удачно можно сказать, что многочисленные и разнообразные виртуальные феномены по сути принадлежат тому, что недавно было названо распределенным языком (*distributed language*) [Cowley 2009; Cowley 2011]. Они удачно высвечиваются терминами *linguaging* и *оязыковление*, активно продвигаемыми радикально воплощенной эолингвистикой [Steffensen, Cowley 2021; Cowley, Gahrn-Andersen 2022; Thibault 2022a, 2022b]. Данное направление инициативно и весьма креативно ищет новые возможности понимания способов человеческого общения и мышления, пытается адекватнее понять, что происходит в языковой сфере.

Что и как происходит? Ответить на этот вопрос пристало так же, как в самом начале этого повествования, — стихами. На этот раз это будет короткая, четырехстрочная «Вечность» (“Eternity”) У. Блейка:

*He who binds to himself a joy
Does the winged life destroy;
But he who kisses the joy as it flies
Lives in eternity's sun rise.* [Блейк 1982: 246]

Изящный, очень органично и естественно звучащий перевод предложил С.Я. Маршак:

*Кто удержит радость силою,
Жизнь погубит легкокрылую.
На лету целуй ее -
Утро вечности твое!* [Блейк 1982: 247]

Перевод замечательный. Но он отмечен привычной номинализацией. Все, что драматически происходит в поэтическом рассказывании У. Блейка вопреки устремлениям самого поэта, удерживается именами: *жизнь легкокрылая и утро вечности*.

Не претендую на поэтическую точность и изящество. Просто попробую рассказать о том же иначе, высветив глаголы:

*Кто ловит радость на лету,
Тот губит вечности красу.
Целует кто ее полет,
Тот с нею в вечности живет.*

И тогда блейковская драма обернется превращениями дѣмыслей в смыслы, а наших предчувствий и устремлений — в поэтический глагол за чередой глаголов *ловит* и *губит*, *целует* и *живет*.

Ну вот, обрадованно возразит скептик. Закончилось же все глаголом, именем. Позволю усомниться. А является ли слово *глагол* именем? Не из числа ли оно тех первобытных дѣслов типа *речь*, *мысль*, *быт*, *лов*, *рык*, о которых наш А.С. Пушкин рассуждал в «Ответе на статью в журнале “Атеней”» [Пушкин 1962: 284–287] на примере слова *топ* во сне Татьяны и подобных случаях?

Postscriptum. Вернемся теперь из поэтических миров У. Блэйка, Ф.И. Тютчева и А.С. Пушкина в наш мир университетских лекций, научных докладов и статей. Мои заметки вовсе не призыв радикально изменить наш научный язык, обратившись исключительно или преимущественно к глагольным формам. Слова типа *linguaging* скорее удачные средства изобретательно обновить наш привычный образ речений и размышлений. Пока русский язык вообще, а лингвистические его специалекты в особенности не готовы к радикальной глаголизации и деноминации. Да в ней нет и нужды. Все что нам сегодня хорошо бы освоить, так это способность ставить мысленные эксперименты и креативно разыгрывать языковые игры, которые сделают наше

понимание и толкование языка, речи, яза, дискурсов и прочих предметов нашего изучения более адекватными и удачными (*happy* — в терминах Дж. Остина). Так что же, *язык* или *оязыковление*? Да как вам самим будет удобнее и удачнее. Завзятые соссюрянцы в споре со мною вполне могут отвергнуть мой *яз* и предложить креативно обновленную версию перевода триады: *le langage* — *оязыковление* вместо *языковая деятельность*, *la langue* — *язык*, *la parole* — *речь*.

Литература

Алпатов В.М. Соссюр и мировая наука // Фердинанд де Соссюр и современное гуманитарное знание. 2008. С. 12–27.

Бюиссанс Э. Абстрактное и конкретное в лингвистических фактах: речь-дискурс-язык // Политическая наука. 2016. № 3. С. 209–216.

Витгенштейн Л. Философские работы. Часть 1. М.: Гнозис, 1994.

Декарт Р. Сочинения в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1994.

Ельмслев Л. Прологомены к теории языка. М.: КомКнига, 2006.

Ильин М.В. Картезианский момент. Новые рассуждения о стилях и методах в старомодной манере Декарта // МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин: Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр перспект. методологий социал. и гуманит. исслед.; Ред. кол.: М.В. Ильин (гл. ред.) и др. М., 2020. Вып. 10: Вслед за Декартом. Идеальная чистота и материальная основа мышления, познания и научных методов. С. 22–76. URL: DOI: 10.31249/metod/2020.10.02.

Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики // Труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1977 С. 31–273.

Brown D. Is Descartes' Body A Mode of Mind? // *Forming the Mind*. Dordrecht: Springer, 2007. P. 263–281.

Brown D. Objective being in Descartes: that which we know or that by which we know? // *Representation and Objects of Thought in Medieval Philosophy 7* / Ed. by D. Cunning. Routledge, 2016. P. 145–164.

Brown D. The Sixth Meditation: Descartes and the embodied self // *The Cambridge Companion to Descartes' Meditations*. Cambridge: Cambridge University Press, 2014. P. 240–257.

Buysens E. De l'abstrait et du concret dans les faits linguistiques: La parole—le discours—la langue // *Acta linguistica*. 1942. Vol. 3. № 1. P. 17–23.

Cartesius. Renati Des-Cartes Meditationes de prima philosophia, in qua Dei existentia et animae immortalitas demonstrantur. Parisiis apud Michaellem Soli. 1641.

Cowley S. J. (ed.). *Distributed Language*. Amsterdam: John Benjamins Publishing, 2011.

Cowley S. J. *Distributed language and dynamics* // *Pragmatics & Cognition*. 2009. Vol. 17. № 3. P. 495–508.

Cowley S.J., Gahrn-Andersen R. *Languaging in an Enlanguaged World* // *Constructivist Foundations*. 2022. Vol. 18. № 1. P. 054–057.

Dantier B. Synchronie, diachronie, structuralisme et histoire autour de la langue: Ferdinand de Saussure, Cours de linguistique générale. Un document produit en version numérique par M. Bernard Dantier, bénévole, Docteur en sociologie de l'École des Hautes Études en Sciences Sociales Courriel: bernard.dantier@orange.fr. 2008. Текст доступен по адресу Bernard Dantier, Synchronie, diachronie, structuralisme et histoire autour de la langue : Ferdinand de Saussure, Cours de linguistique générale (uqac.ca).

Saussure F. de Cours de linguistique générale. Paris: Payot, 1971.

Hjelmslev L. Omkring Sprogteoriens Grundlæggelse. Travaux du Cercle linguistique de Copenhagen. Vol. XXV. Copenhagen: The Linguistic circle of Copenhagen, 1993.

Hobbes Th. Leviathan or The Matter, Forme and Power of a Commonwealth Ecclesiasticall and Civill. London: Andrew Crooke, 1651.

Steffensen S.V., Cowley S.J. Thinking on behalf of the world: Radical embodied eco-linguistics // The Routledge Handbook of Cognitive Linguistics. Milton Park, Adington-on-Thames, Oxfordshire: Routledge, 2021. P. 723–736.

Thibault P.J. Distributed Linguaging, Affective Dynamics, and the Human Ecology Volume I: The Sense-Making Body. Milton Park, Adington-on-Thames, Oxfordshire: Routledge, 2020a.

Thibault P.J. Distributed Linguaging, Affective Dynamics, and the Human Ecology Volume II: Co-Articulating Self and World. Milton Park, Adington-on-Thames, Oxfordshire: Routledge, 2020b.

Источники

Блейк У. Избранные стихи. М.: Прогресс, 1982.

Мандельштам О.Э. Сочинения: в 2 т. М.: Худож. лит., 1990. Т. 1: Стихотворения. Переводы.

Пушкин А.С. Собрание сочинений в 10 томах. Т. 6. М.: ГИХЛ, 1962.

Тютчев Ф.И. Русская звезда: Стихи, статьи, письма. М.: Русская книга, 1993.

РАЗДЕЛ 2.

СИСТЕМНОСТЬ И ПОТЕНЦИАЛЬНОСТЬ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ КРЕАТИВНОСТИ

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ЗНАЧЕНИЯ И ЛИНГВОКРЕАТИВНОСТЬ: СОЮЗНИКИ ИЛИ ВРАГИ?

В.В. Красных

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва

В статье впервые рассматривается соотношение психологической структуры значения слова, изучением которой психологи и психолингвисты начали заниматься с конца 1970-х гг. и лингвокреативности, привлекающей особое внимание исследователей в последние десятилетия, на примере единицы СЕРЕДИНА. Материалом послужили данные этимологических, толковых и ассоциативных словарей, а также контексты (11 179 текстов, 26 389 примеров, датированных с середины XVIII в. до наших дней), представленные в Национальном корпусе русского языка. В ходе исследования были использованы методы сплошной выборки, лингвистического, психолингвистического и контекстуального анализа. В результате исследования на основе анализа конкретного языкового материала было доказано, что психологическая структура значения слова, выявляемая в результате анализа ассоциативных полей, и лингвокреативность как способность к небанальной речевой деятельности взаимодействуют, дополняют друг друга и формируют некий единый «ассоциативно-семантический комплекс».

Ключевые слова: *лексическое значение, психологическая структура значения, ассоциация, лингвокреативность.*

PSYCHOLOGICAL STRUCTURE OF MEANING AND LINGUISTIC CREATIVITY: ALLIES OR ENEMIES?

Victoria V. Krasnykh

Lomonosov Moscow State University, Moscow

The article, using the unit MIDDLE as an example, for the first time examines the relationship between the psychological structure of the meaning of a word, which psychologists and psycholinguists have begun to study since the late 1970s, and linguistic creativity, which has attracted researcher' particular attention in recent decades. The material includes the data of etymological, explanatory and associative dictionaries, as well as contexts (11,179 texts and 26,389 examples, dated from the middle of the XVIIIth century to the present day), presented in the Russian National Corpus. During the study, the methods of continuous sampling, linguistic, psycholinguistic, and contextual analysis were used. The analysis of specific language material has proved that the psychological structure of the word meaning, detected as a result of the analysis of associative fields, and linguistic creativity, understood as the ability for non-banal speech activity, can interact, complement each other and form a single "associative-semantic complex".

Keywords: *lexical meaning, psychological structure of meaning, association, linguistic creativity.*

О бытии языка, о его происхождении, о его сущности, о словах как именах вещей, о грамматике как языковой системе размышляли еще античные философы (Аристотель, Гераклит, Демокрит, Кратил, Платон, стоики Августин, Хрисипп, Кратес Малосский, представители Александрийской школы грамматики Аристарх Самофракийский, Дионисий Фракийский, Аполлоний Дискол и др.), которые «рассматривали космос, природу и человека как единое целое» [Античное языкознание [http](#)]. При этом «теория именованя <...> в своем основном содержании едина в различных культурных традициях — индийской, китайской, греко-латинской, что, вероятно, вызвано общностью взглядов на слово как мировой разум, или логос, и как начало, образующее разумность отдельного человека» [Там же].

В более близкую нам по времени эпоху, начиная с XVIII в., европейские мыслители разрабатывали концепции, созвучные взглядам антиков. Так, И.Г. Гердер утверждал определенную связь между природой, обществом, человеком, его культурой, языком и душой (последнее мы сегодня назвали бы, вероятно, сознанием) (см., например, [Гердер 1977, 2007]). В. фон Гумбольдт во многих работах обращался к творчеству И.Г. Гердера, с одной стороны, продолжая и развивая его взгляды, с другой — полемизируя с его концепциями и выдвигая собственные идеи. В данном случае для нас оказывается наиболее важным, во-первых, диалектическое понимание В. фон Гумбольдтом языка как части психической деятельности человека и как общественного явления, т. е. как связующего звена между социумом и человеком; во-вторых, утверждение тесной связи языка и культуры, языка и того, что сегодня определяется, вслед за А.Н. Леонтьевым и его последователями, как образ мира (см., например, [Леонтьев 1983]): «Язык **тесно переплетен с духовным развитием человечества и сопутствует ему** на каждой ступени его локального прогресса или регресса, отражая в себе каждую стадию культуры. <...> каждый язык описывает вокруг народа, которому он принадлежит, круг, откуда человеку дано выйти лишь постольку, поскольку он тут же вступает в круг другого языка. Освоение иностранного языка можно было бы уподобить завоеванию новой позиции в прежнем видении мира; до известной степени фактически так дело и обстоит, поскольку каждый **язык содержит всю структуру понятий и весь способ представлений** определенной части человечества» [Гумбольдт 2000: [http](#)] (выделено мной — В.К.).

В еще более близкие нам времена, начиная со второй половины XIX в., в трудах отечественных лингвистов значительное внимание уделялось «психологизму языка», «психологическому в языке»,

сознательному и бессознательному в языке и речи (см. работы, например, С.И. Бернштейна, И.А. Бодуэна де Куртенэ, Н.В. Крушевского, Д.Н. Овсяннико-Куликовского, А.М. Пешковского, Е.Д. Поливанова, А.А. Потебни, Ф.Ф. Фортунатова, А.А. Шахматова, Л.В. Щербы, Р.О. Якобсона и других). И совершенно естественно, что проблемы взаимосвязи, взаимодействия и взаимозависимости сознания и языка, мышления и речи не могли не волновать умы физиологов (см. труды, например, И.М. Сеченова) и психологов (труды Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьева, А.Р. Лурии, С.Л. Рубинштейна и других). Впервые вопрос о соотношении и разграничении значения и смысла в отечественной психологии был рассмотрен Л.С. Выготским [Выготский [http](#)], который также указывал на заключенное в слове обобщение как «совершенно своеобразный способ отражения действительности в сознании» [Там же]. Дальнейшие исследования в этой области привели, с одной стороны, к выделению отдельной единицы — образа сознания (см. труды А.Н. Леонтьева, С.Л. Рубинштейна), который рассматривается как одно из базовых понятий в российской психолингвистике (см. работы А.А. Леонтьева, Ю.А. Сорокина, Е.Ф. Тарасова, Н.В. Уфимцевой и других); с другой стороны, к более глубокому и «объемному» пониманию значения слова.

Так, А.Н. Леонтьев писал о «двойной жизни» значений слов: мы имеем, с одной стороны, «независимое существование слов в социуме», с другой — значения как способы и механизмы осознания, выводящие на индивидуальный образ мира [Леонтьев 1977] (здесь, на мой взгляд, явно прослеживается переключка с взглядами В. фон Гумбольдта, упомянутыми ранее). Более того, А.Н. Леонтьев рассматривал значения как орудия, опосредующие мысль, и утверждал, что вне предметности индивидуального образа мира нет и не может быть значений [Там же]. С точки зрения психологии, «психологическая структура значения как единицы психического отражения человека представляет собой **единство вербальных и невербальных компонентов**, причем последние могут быть дифференцированы на операциональные и предметные компоненты» [Стеценко [http](#)] (выделено мной — В.К.). В рамках психолингвистики А.А. Леонтьев рассматривал значение как познавательную единицу, которая выводит на разнообразные формы хранения знаний об окружающем человека мире [Леонтьев 2001]. А.А. Залевская уточнила данное положение, отметив, что функционирование значения слова, «во-первых, неразрывно связано с **эмоционально-оценочным переживанием** отношения к этому знанию, а во-вторых, реализуется при взаимодействии различных уровней осознаваемости, т. е. при важной роли выводного знания, которое **не осознается, но так или**

иначе учитывается и может выводиться на “табло сознания” в случаях необходимости» [Залевская 2011: 23] (выделено мной — В.К.). Слово трактуется «как *средство* доступа к единой информационной базе человека», оно «высвечивает» в индивидуальном образе мира некоторый объект (действие и т. д.) при обязательной включенности в некоторую ситуацию, при этом и объект, и ситуация **могут обернуться любой гранью** при изначально подразумеваемой (на разных уровнях осознаваемости) целостности и **эмоционально-оценочной помеченности** [Там же: 24–25] (выделено мной — В.К.). Иначе говоря, понимание значения как **процесса** (восходящее к идеям Л.С. Выготского) предполагает «установление соответствия» между **значением** слова как коллективным достоянием («социально признанным (системным) значением»), индивидуальным **образом мира** (тем, что в нем «высвечивается»), **объектом** / феноменом, который данным словом обозначается, **ситуацией**, «в которую включен называемый объект» и «**эмоционально-оценочным переживанием** всего вышеназванного активным и пристрастным субъектом» [Залевская [http](#)] (выделено мной — В.К.)

А.А. Леонтьевым было предложено понимание **психологической структуры значения слова** как его ассоциативной структуры [Леонтьев 1971: 11] (использовались также термины «психологически релевантное значение», «психологическое значение» [Леонтьев 1969, 1976]). В последние годы, развивая идеи А.А. Леонтьева, ее изучением активно занимается школа И.А. Стернина, при этом исследователи предпочитают как «более удобный» термин **психолингвистическое значение слова**, которое понимается как «упорядоченное единство всех семантических компонентов, которые реально связаны с данной звуковой оболочкой в сознании носителей языка» [Стернин, Рудакова 2011: 99]; это «психологически реальное значение слова» [Стернин 2010].

Психологическая структура (Ψ-структура) значения слова выявляется путем анализа ассоциативных полей соответствующей единицы, получаемых в результате ассоциативных экспериментов (о последних см., например, [Залевская 2011; Уфимцева 2011; Сергиева [http](#)]). При этом представляется целесообразным уделять особое внимание архаическим слоям сознания, актуальным для современного носителя языка / представителя культуры (см., например, [Красных 2020, 2022]), и коннотативным и эмотивным аспектам значения (см., например, [Мягкова 1990, 2000-а, 2000-б]), что позволит сформировать более объемный, многослойный, голографический портрет самого значения и определить те его (т. е. значения) составляющие, которые не фиксируются

толковыми словарями, но являются актуальными и проявляются в реальных текстах, создаваемых носителями языка.

В некоторых предыдущих работах мы рассматривали базовые метафоры ВЕРХ и НИЗ, являющиеся полюсами соответствующей архетипической оппозиции [Красных 2020, 2022]. В данном случае мы остановимся на единице СЕРЕДИНА.

По данным этимологических словарей [Фасмер [http](#); Крылов [http](#); Семенов [http](#); Шанский [http](#)], слово *середина* восходит к общеслав. *serda ('середина') < индоевроп. **kerd-* ('середина') и имеет тот же корень, что *сердце*.

По данным толковых словарей [Даль [http](#); Ушаков [http](#); Ожегов [http](#); [http](#); Ефремова [http](#); МАС [http](#)], СЕРЕДИНА — это центр; место, равноудаленное от краев; точка на временной оси, равноудаленная от начала и конца; промежуточная позиция (том числе между чем-л. / кем-л. [МАС [http](#)]), лишенная крайностей. Связь с *сердцем* никак не отмечается, только в словаре В.И. Даля представлено значение 'нутро, нутренность, глубина, утроба, глубь, дальность от края' [Даль [http](#)], а в словаре Т.Ф. Ефремовой с пометой *разг.* — некоторым образом соотносимое с ним значение 'внутренняя часть кого-л., чего-л.' [Ефремова [http](#)]. Таким образом, все рассмотренные словари вписывают СЕРЕДИНУ в **ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ** и **ВРЕМЕННЫЕ** координаты, отраженные, соответственно, в оппозициях ВЕРХ — НИЗ (ориентация по вертикали: *верх* — *середина* — *низ*), ПРАВЫЙ — ЛЕВЫЙ (ориентация по горизонтали: *правый* — *середина* / *срединный* — *левый*) (о данной оппозиции см., например, [Иванов, Топоров 1965: 64, 100 и след.; Лакофф, Джонсон 2004]), ЦЕНТР — ПЕРИФЕРИЯ и, по словарям В.И. Даля и Т.Ф. Ефремовой, ВНУТРИ — СНАРУЖИ (о последней — см., например, [Лакофф, Джонсон 2004]) (пространственная ориентация, не имеющая жесткой привязки к горизонтали или вертикали: *середина* / *центр* / *ядро* — *край* / *граница*), а также в оппозиции НАЧАЛО — КОНЕЦ (временная ориентация: *начало* — *середина* — *конец*).

Согласно данным ассоциативных словарей [РАС [http](#); ЕвРАС [http](#); САС [http](#); САНРЯ [http](#); Словарь ассоциаций... [http](#)], СЕРЕДИНА в сознании носителей русского языка также связывается в первую очередь с **ПРОСТРАНСТВОМ** и **ВРЕМЕНЕМ**, что соответствует толкованиям, представленным в толковых словарях (далее из-за ограниченности объема данные приводятся выборочно и в обобщенном виде; подчеркиванием отмечены ассоциируемые единицы, встреченные в иллюстративном материале в рассмотренных толковых словарях):

ПРОСТРАНСТВО: середина → *пути, реки, дороги, поля, моря; земли, мира; улицы, площади, города*; при этом возможна реификация в **конкретном предмете: середина** → *моста; стола; веревки; отрезка, линейки; текста, книги, тетради; фрукта* (возможно название конкретного плода), *косточки*; может актуализироваться **промежуточное положение: середина** → *промеж, посередине, средний // середина* ← **средний**, в том числе **между** относительно **равными частями: середина** → *половина, на половину, пополам, одинаково, ровно, равенство, поровну, равнозначность // середина* ← **половина**; а также **центральное положение** или **противопоставление краю: середина** → *центр, сердцевина, ядро, центральный, мишень, цель, яблочко* и **середина** → *край // середина* ← **край, окраина**;

ВРЕМЯ: середина → *дня* (возможно название *конкретного* дня), *недели, месяца* (возможно название *конкретного* месяца), *лета, осени, зимы, года; жизни; фильма, урока*.

В то же время в указанных ассоциативных словарях можно увидеть актуальные для носителей русского языка ассоциативные связи, которые никак не фиксируются в представленных ранее толковых словарях, но присутствуют в Ψ-структуре значения. Среди таковых обнаруживаются те, которые можно рассматривать, с одной стороны, как проявление архаических слоев сознания, а с другой — как результат авторского (возможно, уникального) ассоциирования (на последнем остановимся чуть позже — при рассмотрении феномена лингвокреативности).

К случаям актуализации архаических слоев сознания можно, вероятно, отнести следующие ассоциации: **середина** → *сердце, внутренности, внутри, сердечко, внутренность, глубина* [Словарь ассоциаций... http] // *середина* ← **душа** [САС http]. Аргументы могут быть сформулированы следующим образом: во-первых, по данным этимологических словарей, *середина* и *сердце* суть однокоренные слова; во-вторых, *сердце* и *душа* тесно связаны в сознании носителей русского языка (см.: **сердце** → *душа* 12 (11-я позиция) [РАС http]; **сердце** → *душа* 14 (8-я позиция), *душа* → *сердце* 10 (9-я позиция) [ЕврАС http]; **сердце** → *душа* (12-я позиция), *душа* → *сердце* (6-я позиция) [Словарь ассоциаций... http]); в-третьих, ассоциации на стимул **середина**, представленные в ассоциативных словарях, фактически «повторяют» одно из значений лексемы *середина* в словаре В.И. Даля, наиболее отстоящем от нас по времени, созданном в XIX в.

Анализ контекстов, представленных в Национальном корпусе русского языка (11 179 текстов, 26 389 примеров, датированных с середины XVIII в. до наших дней), показал, что большинство контекстов

(более 50 %) относится к **ВРЕМЕННОЙ СФЕРЕ**: СЕРЕДИНА — «точка» на временной оси, равноудаленная от начала и конца периода (*середина дня, недели, месяца, сезона, года, века, эпохи; жизни; периода* (например, *эпа*), *тайма, цикла* и т. д.). При этом может подразумеваться равное удаление от начала и конца некоторого **временного отрезка**, необходимого для осуществления какой-либо **деятельности** (*середина процесса, цикла, пути; обучения, исследований, курса, лечения; обработки, жарки; застолья, разговора, лекции* и т. д.). Второй по частотности актуализации (порядка 30 %) является **ПРОСТРАНСТВЕННАЯ СФЕРА**: СЕРЕДИНА — центр, центральная часть какого-либо расстояния, площади, объема, части тела, равноудаленная от краев / границ; промежуточное положение между приблизительно равными частями (*середина пути, дороги, аллеи, парка; реки, озера, моря; комнаты, коридора; стола, диска, доски, нити, веревки, спички, заготовки, сосуда; бедра, лодыжки, пальца, ладони, лба, локтя* и т. д.; *середина слова, фразы, книги, тетради, рассказа, фильма, сказки, песни, сюжета; списка, рейтинга, диапазона (ценового, голосового), таблицы* и т. д.) Все это в той или иной степени демонстрирует функционирование в реальных текстах как лексического значения рассматриваемой единицы, зафиксированного в толковых словарях, так и Ψ -структуры значения, выявляемой на основе данных словарей ассоциативных.

Вместе с тем в Национальном корпусе можно обнаружить примеры (весьма немногочисленные: буквально единичные случаи), в которых прослеживается связь с архаическими слоями сознания, выявленными благодаря ассоциативным словарям, например:

(1) *Богатство впечатлений, воспринимаемых мною в этой слепоте, было огромным, но все они располагались по поверхности моего не вполне определенного в своих границах тела, а само мое Я — в **середине**, глубоко укрытое... <...> В комнате было отчаянно холодно, на подокознике пролитая вода свернулаась ледовой коркой. — Бедные, бедные мои мальчики, — бормотала Таня, отогревая руки у Геня на груди. Температура у него была под тридцать девять, и Тане казалось, что руки ее лежат на сковородке. — Ты промерзла до самой **середины**, — засмеялся Гена, достигнув границ возможного. — Да, — согласилась Таня. — Насквозь. Но ты очень горячий. (Л. Улицкая. «Казус Кукоцкого [Путешествие в седьмую сторону света]» // «Новый Мир», 2000)*

Еще одним подтверждением того, что в данном случае мы, вероятно, имеем дело именно с архаическими слоями сознания, может служить тот факт, что подобные контексты более характерны для текстов (причем, как правило, поэтических) прошедших веков, когда то, что

принадлежит «архаике», было, вероятно, более «живо» (почему — вопрос другой, не такой простой, как кажется, и требующий отдельного разговора), например:

(2) (обращение к «лесной русалке Раутенделейн», которую автор «отыскал не в тайге, а в Москве»)

*Я понял: любуясь, склонялась к ручьям
Ты в темных верховьях, где кедры и тени,
И мчится оно по каляным волнам —
Твое отраженье.*

*Оно, исповедавши гор высоту,
Сорвется каскадом на степи сухие,
И на **середине**, на **сердце**, Катунь
Его донесет до слияния с Бией.*

(Н.И. Дементьев. «Я ждал тебя часом, в лесу, на траве...», 1925)

(3)

*Отчего ж, как Луцилий
Первый дерзнул в этом роде стихи сочинять, совлекая
Шкуры с тех, что, сияя, ходили покрытые ими,
А в **середине** порочные, — то ни Лэлий, ни тот, кто
От Карфагена сражённому вёл заслуженное имя
Не оскорбились, жалея, что был и Метелл тут затронут,
Да забросан и Луп стихами позорными?*

(А.А. Фет. Сатиры: «Есть такие, которым кажусь я в сатире излишне...», 1883)

Кроме того, анализ контекстов Национального корпуса позволил выявить любопытный и, по-видимому, достаточно редкий феномен: контексты содержат единицу в значении, которое никак не проявляется в ассоциациях: СЕРЕДИНА — место **в окружении других людей** или **внутри скопления других живых существ**. В толковых словарях можно обнаружить сходные, но все же не тождественные толкования. Представляется необходимым остановиться на этом подробнее. Первое из представленных толкований: «**В середине** чего, в знач. предлога с род. п. — то же, что посередине (во 2 и 3 знач.) *Оказаться в середине собравшихся. Запнуться в середине рассказа*» [Ожегов <http>]. В данном случае нас интересует второе значение: «2. *чего, предлог с род. п.* В центре чего-н., на равном расстоянии от нескольких предметов, лиц, между ними. *Встать п. комнаты. Оказаться п. толпы*» [Там же]. В представленном толковании отмечено «равное расстояние от нескольких предметов, лиц», что не прослеживается в приводимых далее контекстах (особенно в последних). Второе толкование: «**В середине** — между двумя лицами или предметами; посередине. *Через минуту они уже*

сидели на меньшовской лавочке. Роман в середине, девушки по краям. Седых, Даурия» [МАС <http>]. В данном случае указывается число лиц, что может быть представлено в реальных контекстах:

(4) *Они подбежали к Чаплину, сказали ему что-то по-русски, взяли его под руки — и тут же нашелся фотограф, который сделал снимок: Олег Попов, в **середине** — Чаплин, справа — Филатов.* (И.Э. Кио. «Иллюзии без иллюзий», 1995–1999) —

но не соответствует большинству представленных в Национальном корпусе контекстов, например:

(5) *У меня сохранилась фотография: Спиваков бреется, Ростропович рубает суп из банки, а я в **середине** — молоденькая, расфуфыренная, но совершенно обалдевшая.* (Сати Спивакова. «Не всё», 2002)

(6) *В тот момент, когда я выхватила его из артистической, я увидела, что в **середине** очереди стоит Булат.* (Сати Спивакова. «Не всё», 2002)

(7) — *Слава! Слава! Слава! — хором отзываются голова и **середина** колонны.* (Марина Ахмедова. «Майдан умеет ждать» // «Русский репортер», 2014)

(8) *Персонаж Достоевского, хотя и не подвергается сам прямому насилию, смотрит на его осуществление изнутри, из **середины** солдатских шеренг, а не с обочины, как персонаж Толстого.* (И.М. Чубаров. «Коллективная чувственность: теории и практики левого авангарда», 2014)

(9) *Она, сколько ее помню, никогда не сидела со старушками на лавочках, зато, случись что-нибудь, — тут как тут, бросалась в **середину** любой драки.* (И.Н. Вирабов. «Андрей Вознесенский», 2015)

(10) *Войдя в **середину** табуна лошадей, сгрудившихся вокруг колод, он тербил их за гривы, похлопывал по шеям, что-то высказывал им почти с рыданием, затем бросился обнимать меня, будто я пригнал ему в подарок личных рысаков.* (В. Астафьев. «Обертон», 1995–1996)

Таким образом, Национальный корпус содержит, с одной стороны, контексты, которые в той или иной степени подтверждают данные толковых и / или ассоциативных словарей (и таких контекстов подавляющее большинство), с другой — контексты, в которых лексема *середина* несет значение, лишь частично отмеченное в толковых словарях и никак не фиксируемое словарями ассоциативными. Именно последние случаи представляют для нас особый интерес в контексте настоящей статьи. И основной вопрос: можно ли считать случаи такого рода употребления рассматриваемой единицы проявлением лингвокреативности, поскольку они, хотя и не отражены в результатах ассоциативных экспериментов, свидетельствуют о расширении семантики

рассматриваемой единицы? Чтобы ответить на него, необходимо определиться с пониманием самого термина.

Феномен лингвокреативности стал объектом изучения во второй половине XX в. и в начале XXI в. стал предметом особого внимания исследователей. Сегодня, как представляется, нет единого, принятого всеми определения данного феномена, но, думается, вполне возможно выделить некоторые «общие» аспекты его понимания и определенные характеристики самого феномена, о которых так или иначе говорят все специалисты: оригинальность, нетривиальность, нестандартность в использовании языковых средств (см., например, [Базилевич 2015; Зыкова 2022; Гридина 1996; Кулиева [http](#)] и другие). Лингвокреативность — это «готовность выбирать стилистические приемы», «способность личности к использованию оригинальных, нестандартных лингвистических приемов и средств выражения мысли на иностранном языке» [Галкина 2011: 161]. И не только на иностранном, подчеркнем. Так, В.Б. Базилевич считает, что «лингвистическая креативность представляет собой систему знаний о языке, благодаря которой носитель языка создает новые слова, трансформирует уже существующие языковые средства с целью расширения их семантики, привлечения внимания, достижения определенного эффекта» [Базилевич 2015: 21]. К указанным свойствам лингвокреативности И.В. Зыкова, рассматривая ее на материале кинодискурса, добавляет еще новаторство и экспериментальность [Зыкова [http](#)]. При этом лингвокреативность, по мнению И.В. Зыковой, выступает «как главный источник создания языкового канона и как движущая сила в реализации принятой или утвердившейся языковой нормы» [Зыкова 2017: 601]. Она проявляется на разных уровнях языка и в разных практиках: просодической, лексической, словообразовательной, синтаксической, стилистической, дискурсивной и других [Там же] [Киосе [http](#)]. Отдельными проявлениями лингвистической креативности, которые рассматриваются в трудах разных исследователей, являются языковая игра, языковые аномалии, речевые ошибки, девиации, алогизмы и т. п. [Зыкова 2020: 25–26].

Обратим внимание, что все приведенные точки зрения акцентируют внимание на «игре» в первую очередь с формой и / или стоящим за ней содержанием. И в этом смысле приведенные ранее примеры из Национального корпуса русского языка, вероятно, можно, хоть и с оговорками, признать некоторым проявлением лингвокреативности. Однако в настоящей статье мы фокусируем внимание на Ψ -структуре значения, которая выводится, напомним, на основе анализа ассоциативного поля соответствующей единицы, и, соответственно,

придерживаемся более актуального в данном случае понимания лингвокреативности как способности человека к осуществлению лишенной шаблонности речевой деятельности (в широком понимании, т. е. деятельности, требующей использования языка и опоры на язык), что проявляется в том числе в нестандартных, небанальных, авторских ассоциациях. Таковые в нашем случае связывают СЕРЕДИНУ с **БАЛАНСОМ / ГАРМОНИЕЙ** (*середина* → *равновесие, будда, гармония, баланс, Будда, компромисс* [Словарь ассоциаций... [http](#)], *середина* ← **гармоничный** [ЕврАС [http](#)]) и с **ТОЧНЫМИ НАУКАМИ**, конкретно — с **МАТЕМАТИКОЙ** (*середина* → *треугольник // середина* ← **пятьдесят** [РАС [http](#)], *середина* → *точность, математика, геометрия, мера, размер, радиус, идеал, метр, пять, целое* [Словарь ассоциаций... [http](#)]). Данные ассоциации представляются весьма показательными для настоящего разговора в силу следующих соображений.

Во-первых, с одной стороны, думается, они являются индивидуальными (не просто единичными — *sic!*) и, возможно, в некотором смысле уникальными. И здесь придется вступить в некоторую полемику с Ю.Н. Карауловым, который писал: «... я утверждаю со всей определенностью, что синтаксемы, зафиксированные в парах S – R, не являются результатом порождения, **не возникают в акте творения, творческо-го созидания** словосочетания именно на данный случай, а **воспроизводятся** спонтанно и бессознательно подобно любой другой целостной единице (штампу, идиоме, афоризму) в том виде, как они неоднократно употреблялись ранее в текстах данной языковой личности или ее референтной группы» [Караулов 1996: 73] (выделено мной — *В.К.*). Никим образом не оспаривая данное утверждение в целом (большинство ассоциативных пар, скорее всего, строится именно на основе прежнего опыта, «прежних текстов», как пишет Ю.Н. Караулов), тем не менее нельзя, как представляется, не признать, что приведенные примеры можно рассматривать и как результат определенного творческого акта. Во-вторых, с другой стороны, данные ассоциации можно понять и объяснить именно с опорой на Ψ -структуру значения лексемы *середина* (это представляется вполне очевидным и не требующим дополнительных объяснений и аргументации).

Таким образом, лингвокреативность и Ψ -структура значения не являются антагонистами, не вступают в явные противоречия и никоим образом не исключают, не «игнорируют», не уничтожают друг друга, но взаимодействуют, определенным образом дополняют друг друга и формируют, будучи неразрывно спаяны, некий единый «ассоциативно-се-

мантический комплекс», являя собой своего рода «онтологическую антиномию».

Соответственно, как авангард возможен только на фоне классики, стоит на ее плечах, вырастает из нее, лингвокреативность базируется, вероятно, на Ψ -структуре значения и проявляется в небанальных, нетривиальных ассоциациях.

Литература

Античное языкознание. URL: <https://elib.bspu.by/bitstream/doc/13954/1/античное%20языкознание.pdf> (Дата обращения: 15.05.2023).

Базилевич В.Б. Языковая игра как форма проявления лингвистической креативности // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 8 (50): в 3-х ч. Ч. 3. С. 20–22.

Выготский Л.С. Мышление и речь. URL: https://fip.kpmo.ru/res_ru/0_publication_109_1.pdf (Дата обращения: 15.05.2023).

Галкина А.В. Овладение лингвистической креативностью в контексте овладения иностранным языком // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2011. № 10 (102). С. 158–164.

Гердер И.Г. Идеи к философии истории человечества / Отв. ред. А.В. Гулыга. М.: Наука, 1977. (АН СССР, серия «Памятники исторической мысли»). URL: <http://padaread.com/?book=44282> (Дата обращения: 25.06.2019).

Гердер И.Г. Трактат о происхождении языка. / Пер. с нем.; вступ. ст. В.М. Жирмунского. М.: Изд-во ЛКИ (УРСС), 2007. (История лингвофилософской мысли).

Гридина Т.А. Языковая игра: стереотип и творчество. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 1996.

Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. / Общ. ред. Г.В. Рамишвили; послесл. А.В. Гулыги и В.А. Звегинцева. 2-е изд. М.: Прогресс, 2000. URL: <http://lib.rus.ec/b/325096/read> (Дата обращения: 25.02.2022).

Залевская А.А. Значение слова и возможности его описания. URL: https://iling-ran.ru/library/psylingva/sborniki/Book1998/articles/2_1.htm (Дата обращения: 27.02.2022).

Залевская А.А. Значение слова через призму эксперимента. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2011.

Зыкова И.В. «Метаморфозы» лингвокреативного мышления: от экспериментов раннего авангарда к современной теории поэтики кинодискурса. URL: https://iling-ran.ru/zykova/ZMSZS_97-105-124.pdf (Дата обращения: 17.05.2023).

Зыкова И.В. Константа ЛИНГВОКРЕАТИВНОСТЬ // Метаязык лингвокультурологии: константы и варианты. М.: Гнозис, 2017. С. 542–667.

Зыкова И.В. Методологические векторы изучения лингвокреативности в кинодискурсе // Уральский филологический вестник. 2020. № 2. Серия: Язык. Система. Личность: лингвистика креатива (выпуск 29). С. 23–36.

Зыкова И.В. Трансдисциплинарная модель развития научных воззрений на природу лингвокреативности: философия vs психология vs семиотика vs лингвистика // Человек как открытая целостность: монография / Отв. ред. Л.П. Киященко, Т.А. Сидорова. Новосибирск: Академиздат, 2022. С. 306–318. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/transdistsiplinarnaya-model-razvitiya-nauchnyh-vozzreniy-na-prirodu-lingvokreativnosti-filosofiya-vs-psihologiya-vs-semiotika-vs/viewer> (Дата обращения: 17.05.2023).

Иванов Вяч.Вс, Топоров В.Н. Славянские языковые моделирующие семиотические системы (древний период). М.: Наука, 1965.

Караулов Ю.Н. Типы коммуникативного поведения носителя языка в ситуации лингвистического эксперимента // *Этнокультурная специфика языкового сознания*. М.: Ин-т языкознания РАН, 1996. С. 67–96.

Киосе М.И. 2019.01.016. Зыкова И.В. Метаязык лингвокультурологии: константы и варианты. М.: Гнозис, 2017. 752 с. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/2019-01-016-zykova-i-v-metayazyk-lingvokulturologii-konstanty-i-varianty-m-gnozis-2017-752-s/viewer> (Дата обращения: 17.05.2023).

Красных В.В. Архаические слои сознания современной языковой личности (на примере базовой метафоры жидкость) // *Вопросы психолингвистики*. 2020. № 3 (45). С. 70–84.

Красных В.В. Базовая метафора НИЗ и психологическая структура значения: возможные пути исследования (продолжение разговора) // *Вопросы психолингвистики*. 2022. № 4. С. 36–57.

Кулиева О.Н. Развитие лингвистической креативности студента университета. URL: <https://elib.bs.u.by/bitstream/123456789/209310/1/> (Дата обращения: 27.05.2023).

Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем: Пер. с англ. / Под ред. и с предисл. А.Н. Баранова. М.: Едиториал УРСС, 2004.

Леонтьев А.А. Деятельностный ум (Деятельность. Знак. Личность): Монография. М.: Смысл, 2001.

Леонтьев А.А. Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания. М.: Наука, 1969.

Леонтьев А.А. Психолингвистический аспект языкового значения // *Принципы и методы семантических исследований*. М.: Наука, 1976. С. 156–169. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psiholingvisticheskiy-aspekt-yazykovogo-znacheniya/viewer> (дата обращения: 27.02.2022).

Леонтьев А.А. Психологическая структура значения // *Семантическая структура слова*. М.: Наука, 1971. С. 7–19.

Леонтьев А.Н. Деятельность, сознание, личность. 2-е изд. М.: Изд-во политич. лит-ры, 1977.

Леонтьев А.Н. Образ мира // *Избранные психологические произведения*. М.: Педагогика, 1983. С. 251–261. URL: <https://vshp.pro/wp-content/uploads/2020/04/Leontev-A.N.-Obraz-mira.pdf> (Дата обращения: 11.05.2023).

Мяглова Е.Ю. Проблемы и перспективы исследования эмоционального значения // *Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Ред. В.В. Красных, А.И. Изотов*. Вып 11. М.: Диалог-МГУ, 2000а. С. 20–23.

Мяглова Е.Ю. Эмоциональная нагрузка слова: опыт психолингвистического исследования: Монография. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1990.

Мяглова Е.Ю. Эмоционально-чувственный компонент значения слова: Вопросы теории. Дисс. ... д-ра филол. наук. М., 2000б.

Сергиева Н.В. Ядро языкового сознания: содержание и структура. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yadro-yazykovogo-soznaniya-soderzhanie-i-struktura/viewer> (Дата обращения: 09.08.2020).

Стернин И.А, Рудакова А.В. Психолингвистическое значение слова и его описание. «Ламберт», 2011.

Стернин И.А. К разработке психолингвистического толкового словаря // Вопросы психолингвистики. 2010. № (2) 12. С. 57–63.

Стеценко А.П. Психологическая структура значения и ее развитие в онтогенезе. Автореф. дисс. ... канд. псих. наук. М., 1984. URL: <http://www.dslib.net/obwaja-psixologia/psihologicheskaja-struktura-znachenija-i-ee-razvitie-v-ontogeneze.html> (Дата обращения: 27.02.2022).

Уфимцева Н.В. Языковое сознание: динамика и вариативность. М.: Ин-т языкознания РАН, 2011.

Словари

Даль В.И. Толковый онлайн-словарь русского языка. URL: <https://lexicography.online/explanatory/dal/> (Дата обращения: 25.04.2023).

Европейский ассоциативный словарь (ЕврАС). URL: <https://iling-ran.ru/web/ru/publications/evras> (Дата обращения: 25.04.2023).

Ефремова Т.Ф. Толковый словарь. URL: <https://gufo.me/dict/efremova/> (Дата обращения: 25.04.2023).

Крылов Г.А. Этимологический словарь. URL: <https://gufo.me/dict/krylov/> (Дата обращения: 25.04.2023).

Кузнецов С.А. Толковый словарь. URL: <https://gufo.me/dict/kuznetsov/> (Дата обращения: 25.04.2023).

Малый академический словарь (МАС). URL: <https://gufo.me/dict/krylov/>, URL: <https://gufo.me/dict/mas/> (Дата обращения: 25.04.2023).

Ожегов С.И. Толковый словарь. URL: <https://gufo.me/dict/ozhegov/> (Дата обращения: 25.04.2023).

Русский ассоциативный словарь (РАС). В 2-х т. Прямой словарь. Обратный словарь. URL: <http://thesaurus.ru/dict/> (Дата обращения: 25.04.2023).

Семенов А.В. Этимологический онлайн-словарь русского языка. URL: <https://lexicography.online/etymology/semyonov/> (Дата обращения: 25.04.2023).

Славянский ассоциативный словарь (САС). URL: <http://it-claim.ru/Projects/ASIS/SAS/index.html>, URL: https://www.it-claim.ru/Projects/ASIS/SAS/SAS_pdf/SAS.pdf (Дата обращения: 25.04.2023).

Словарь ассоциативных норм русского языка А.А. Леонтьева (САНРЯ). URL: <http://it-claim.ru/Projects/ASIS/Leont/Index.htm> (Дата обращения: 25.04.2023).

Словарь ассоциаций русского языка онлайн. URL: <https://sinonim.org/as/> (Дата обращения: 25.04.2023).

Ушаков Д.Н. Толковый словарь. URL: <https://gufo.me/dict/ushakov/> (Дата обращения: 25.04.2023).

Фасмер М. Этимологический словарь. URL: <https://gufo.me/dict/vasmer/> (Дата обращения: 25.04.2023).

Шанский Н.М. Этимологический онлайн-словарь русского языка. URL: <https://lexicography.online/etymology/shansky/> (Дата обращения: 25.04.2023).

Источники

Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/new/search-poetic.html?ysclid=ljo0wvifyt53336047> (Дата обращения: март–июнь 2023).

В КАКИХ НАПРАВЛЕНИЯХ ДЕТИ ПРЕОБРАЗУЮТ ГРАММАТИЧЕСКУЮ И ЛЕКСИЧЕСКУЮ СЕМАНТИКУ РУССКОГО ГЛАГОЛА?

Н.Б. Мечковская

Белорусский государственный университет, Минск

В статье представлены систематизированные наблюдения над семантикой окказиональных глаголов в речи детей на родном русском языке. Материал исследования составили примерно 350 рандомных словарных статей о неузальных глаголах в составе трех словарей детской речи. Глагольные инновации рассмотрены в аспектах грамматики, словообразования (частеречная принадлежность производящих слов) и ономазиологии. В аспекте грамматики были выделены серии глаголов-окказионализмов, противопоставленных по диатезе, виду и однократности действия. Окказионализмы в детской речи — явление временное, однако учет количества окказионализмов в разных оппозициях может быть значим для выявления грамматических процессов, идущих в общем («взрослом») языке. В частности, существенный количественный перевес возвратных окказионализмов над невозвратными говорит о большей востребованности возвратных глаголов, что является одним из проявлений более широкой тенденции к неопределенности в выражении субъектно-объектных и ряда других значений.

Ключевые слова: *окказиональные глаголы детской речи, диатеза, возвратные глаголы.*

IN WHICH DIRECTIONS DO CHILDREN TRANSFORM THE GRAMMATICAL AND LEXICAL SEMANTICS OF THE RUSSIAN VERBS?

Nina B. Mechkovskaya

Belarusian State University, Minsk

The paper presents systematized observations on the semantics of occasional verbs in the speech of children in their native Russian language. The material of the article was approximately 350 random dictionary entries about non-usual verbs in three dictionaries of children's speech. Verbal innovations are considered in the aspects of grammar, word formation (part-of-speech affiliation of primary word) and onomasiology. In the aspect of grammar, a series of occasional verbs were distinguished, contrasted by diathesis, the verb's aspect and momentary action. Occasional words in children's speech are a temporary phenomenon, however, the number of occasional verbs in different oppositions can be significant for identifying grammatical processes taking place in a common ("adult") language. In particular, a significant quantitative overbalance of reflexive occasional verbs over non-reflexive ones indicates a greater demand for reflexive verbs, which is one of the manifestations of a broader tendency towards uncertainty in the expression of subject-object and a number of other meanings.

Keywords: *occasional verbs of children's speech, diathesis, reflexive verbs.*

1. Глагол в словаре и в тексте. Сосредоточенность исследования на глаголе объясняется его высокой органичностью для грамматического строя языка. В русском языке у глаголов нет, например, неосвоенных заимствований вроде несклоняемых *пальто* или *хаки*. Являясь морфологической основой сказуемого и, следовательно, синтаксическим организатором большинства высказываний, глагол более всех других компонентов предложения управляет его второстепенными членами. Коммуникативное своеобразие глагола как грамматического класса слов состоит в его повышенной активности по сравнению со словами других частей речи (прежде всего субстантивами и адъективами).

Для лексической семантики глаголов характерна гибкость и лабильность. Глаголы, входящие в первые по частоте 200 слов, в среднем более многозначны, чем 200 первые по частоте существительные. У глаголов более широкие, чем у существительных, референтные возможности. Приводимые в «Новом частотном словаре русской лексики» О.Н. Ляшевской и С.А. Шарова «данные о частотности частеречных классов (на материале подкорпуса со снятой грамматической омонимией)» показывают, что у глаголов процент покрытия текстов в среднем выше, чем у существительных [Ляшевская, Шарова 2011]. Это видно по соотношению между процентом глаголов (16,7 %) во всем подкорпусе (100 %) и процентом покрытия глагольными словоформами текстов данного подкорпуса (15,8 %): оно равно 1,05. Между тем существительные, составляя 28,9 % лемм в подкорпусе, покрывают 30,6 % его текстов, что дает меньшее соотношение — 0,9. Это говорит о в среднем больших текстообразующих потенциях глаголов по сравнению с существительными.

У глаголов более сложная, чем у существительных, грамматическая и словообразовательная организация: богаче словоизменение (есть даже «колони» в атрибутивной и адвербиальной зонах словаря); есть две больших лексико-грамматических категории: вид и диатеза (залог в широком смысле); каждая из категорий охватывает всю глагольную лексику. В сфере диатезы разделение глаголов на переходные, непереходные и возвратные более прямо и содержательно (денотативно) связано с характером самого действия и с лексической семантикой глаголов, чем, например, славянское разделение существительных по родам связано с природой обозначаемых реалий и с лексической семантикой субстантивных слов.

2. Почему в массе детских окказионализмов глаголов меньше, чем существительных и прилагательных? По данным частотных словарей русского языка Л.Н. Засориной (1977), О.Н. Ляшевской и С.А. Шарова (2011), также «Обратного словаря русского языка» (1974) и «Грамматического словаря русского языка. Словоизменение» А.А. Зализняка (1977), три основные части речи по количеству лексем, входящих в каждую из них, образуют следующую последовательность: на 1-м месте — существительные, на 2-м — глаголы, на 3-м — прилагательные. Можно допустить, что данная количественная иерархия трех частей речи характерна также и для детской речи, но эмпирически это не доказано. Можно ли допустить, что количество окказионализмов в лексике разных частей речи пропорционально количественной иерархии этих классов? Уверенного ответа нет. Замеры по словарю С.Н. Цейтлин¹ количества окказионализмов разной частеречной принадлежности показали, что в этом словаре глаголы-окказионализмы занимают примерно 20 % словника, уступая по весомости прилагательным. См. таблицу.

Таблица.

Процент окказионализмов разной частеречной принадлежности в Цтл

	Частеречные разряды лексемных окказионализмов	Количество окказионализмов в трех выборках по 100 слов			Средний процент
		I	II	III	
1	существительные, в т.ч. отглагольные обозначения действий: <i>боление</i> 'быть больным', <i>болтовство</i> 'болтовня', <i>бор</i> 'борьба' и т. п.)	41	40	43	43
2	прилагательные	33	21	33	32
3	глаголы	22	31	20	20
4	наречия	04	06	04	05
5	прочее: междометие <i>верть</i> , числительное <i>всеон</i> 'абсолютно все в саду'; финаль, возможно, по аналогии с <i>миллион</i>	—	02	—	0
	Всего	100	100	100	101

Тот факт, что число глагольных инноваций в детской речи меньше, чем число инноваций-субстантивов и адъективов, объясняется тем, что в устной спонтанной речи, которая вообще тяготеет к эллиптичности, свернутости, конситуативной неполноте, чаще всего незамещенным

¹ Далее Цтл; см. «Используемые условные сокращения лексикографических источников» в конце статьи.

оказывается именно глагол-сказуемое. При порождении высказывания, когда все зависимые от сказуемого актаны отобраны и вот-вот будут названы, глаголы чаще, чем слова других частей речи, скорее подразумеваются, чем оказываются названными, эксплицированными. У исследователей синтаксиса разговорной речи для таких глаголов есть специальный термин — «нулевые глаголы-предикаты» [Земская (ред.) 1973: 288–313].

Глагол в детской речи заслуживает повышенного исследовательского внимания — как грамматический разряд слов с максимальным числом словоизменительных форм и подвижной, текучей лексической семантикой, гораздо более трудной для усвоения (по сравнению со значениями субстантивов и адъективов).

Опубликованные словари детской речи, как и дневники развития речи ребенка, создают хорошие материально-языковые предпосылки для исследования онтогенеза глаголов, прежде всего их парадигматики. Неузальные слова и формы, собранные в словарях детской речи, ценны как экспериментальные факты. В терминологии Л.В. Щербы, это «отрицательный языковой материал», т. е. неузальный, не редактированный. Глагол как грамматический класс слов, в силу своей активности, прогностичен: преобразования глагола в детской речи могут оказаться ключом к судьбам глагола в его будущей истории.

3. Зачем понадобились ребенку однокоренные глаголы-неологизмы? По-видимому, факты внутриглагольного словообразования (*засну — заснись, вылезай — вылезь меня из стула, колдовать — колдануть*) менее доступны для метаязыковой рефлексии дошкольника, чем спонтанное появление глагола, производного от существительного или прилагательного (*балеринить, поклюшкать* или *сплохиться*). Деривация глагола-окказионализма от узального глагола того же корня во многих случаях связана с поиском не названия для нового действия, но с выражением каких-то оттенков значения, которые ребенок стремится выразить. Эти поиски, как и возникшие в результате окказиональные глаголы, мало объяснить невзрослостью говорящего и его неполным знанием языка. Пятилетний Дима может не чувствовать, «правильно» или «неправильно» он сказал (обращаясь к брату): *Разок баловнемся, и спать!* [Цтл, 13], однако он не сказал что-нибудь вроде *Чуток побалуемся и спать*, он выразился предельно точно: *Разок баловнемся*, и это было именно то, что он хотел сказать.

Полученные в ходе исследования количественные данные говорят о наличии определенных групп или серий окказиональных глаголов,

объединенных присутствием в их лексической семантике общего лексико-грамматического компонента (залога, вида или способа действия).

3.1. Почему возвратных окказиональных глаголов в 3,6 раза больше, чем невозвратных?² В рассмотренном материале есть пары, в которых глаголы различаются только залоговыми значениями возвратности-невозвратности (как *издеваться* vs. *издевать*, *расплакаться* vs. *расплакать*, *долбить* vs. *долбиться*, *усну* vs. *уснуть*). Есть и такие пары, в которых противопоставленные члены различаются двумя или тремя признаками, как, например, в парах *трещать* vs. *вытрещаться* ('перестать трещать, натрещавшись вдоволь': *Мороз трещал, трещал... Когда он вытрещался, принес детям елки* [Цтл/Ел, 30]; *танцевать* vs. *затанцеваться* (О Золушке: *А что, она затанцевалась, что туфель потеряла?* [Хр, 175]; *ждать* vs. *выждаться* ('утомиться от ожидания': *Я тебя ждала-ждала и вся выждалась*) [Цтл, 29].

Всего в рассмотренном материале представлено 28 окказиональных глаголов, противопоставленных по признаку возвратности или невозвратности, из них возвратных — 22 глагола, невозвратных 6, т. е. возвратных в 3,6 раза больше, чем невозвратных окказионализмов. В списке окказиональных глаголов, образованных от существительных и особенно от прилагательных, также немало глаголов возвратных: *бигудиться*, *бритвиться*, *вышиться*, *испомадиться*, *кулачиться*, *накуриться* ('насмотреться на кур'), *настрашиться*, *насупиться* ('поесть супу'), *пианиститься*, *разлуниться*, *сплохиться*, *ужиматься* ('делать ужимки'); ср. также игровое: *Я выпальтилась и разгалошилась*.

Окказиональное слово — это слово востребованное, особенно нужное говорящему. Чем так привлекательны для детей возвратные глаголы?

Назначение диатезной оппозиции переходных, непереходных и возвратных глаголов состоит в выражении определенности или неопределенности в субъектно-объектных отношениях (представленных в порождаемом высказывании). Прямопереходный глагол выражает эти отношения с максимальной определенностью; косвенно переходные и непереходные — уклончиво. Между тем возвратные глаголы, благодаря широте и разнообразию их залоговых значений, несмотря на агглютинативную четкость постфикса *-ся* и вопреки омонимии

² В силу ограниченного объема статьи, паспортизация примеров в разделах 3, 4 и 5 приводится только при цитировании детских высказываний с окказионализмами.

с формами пассива, как будто созданы для того, чтобы представить субъектно-объектные отношения максимально неотчетливо, когда все происходит как бы «само собой». Поэтому в речи возвратные глаголы востребованы. В детской речи, если не находится узуального возвратного глагола, то легко появляется окказиональный, — например, *броситься* в значении ‘упасть (о неодушевленных предметах)’: — *Ты зачем фартук бросила? — Он сам бросился* [Цтл, 19]; *Носок под диван бросился* [Хр, 45]. Ср. еще несколько неузальных возвратных глаголов: *Компьютеры изобретутся в какого-н. робота* [Хр, 191–192]; *Я повернусь к стенке и заснусь* [Хр, 174]; *А вот и цыпленок долбится!* [Хр, 133]; Ребенок 6 лет изображает разговор двух гномов: *Надо утоньшаться! Нет, надо потолстеться* [Цтл/Ел, 145].

Для полноты картины приведу также несколько примеров окказионального преобразования возвратных глаголов в переходные: *Зачем его так издевать?* [Цтл, 53]; *Зачем ты меня расплакал?* [Цтл, 161]; *Не просыпай меня, мама!* [‘не буди’] [Цтл, 151]; *Меня собака проснула* [‘разбудила’] [Цтл, 151]; *Я буду опасаться, мама, и тебя буду опасать* [Цтл, 110]. Ср. также прямопереходное употребление непереходных глаголов: *Вылезь меня из стула* [Цтл/Ел, 27]; *Выбуксуй меня* [Цтл, 28]. Однако в целом фактов окказионального создания переходных глаголов сравнительно немного.

В востребованности возвратных глаголов можно видеть одно из проявлений более широкой тенденции к неопределенности в выражении субъектно-объектных и ряда других значений в высказывании. Названная тенденция проявляется, кроме продуктивности возвратных глаголов, также в синтаксисе простого предложения — в характерной для восточнославянских языков, но в большей мере для русского, пространности в устной и письменной речи высказываний, построенных по моделям одноставных бесподлежащих предложений, и прежде всего безличных (см. [Мечковская 2023]).

В дополнение к тезису о тенденции к размыванию оппозиции субъекта и объекта можно привести также один из выводов Г. Хютль-Фольтер в ее исследованиях русских переводов XVIII в. (А. Кантемира, В. Тредиаковского) с французского, — о том, что «переводчики довольно часто предпочитают выражаться недифференцированно, хотя в языке и существует возможность сказать то же самое недвусмысленно. <...> То, что мы называем “тенденцией к неопределенности” (нем. *Vagheit*, англ. *opacity*), существует также в немецком и французском языках, частично в тех же ситуациях, что и в русском языке» [Хютль-Фольтер 1998: 394].

3.2. Востребованность в детской речи однократных глаголов (в горле болнуло). Однократные глаголы с ударными суффиксами *-ну*, *-áну* образуются от глаголов несовершенного вида, называющих действие, которое состоит из нескольких актов. Дериваты с указанными суффиксами обозначают быстрые действия, состоящие из одного акта (*махать* — *махнуть*). Тип продуктивный в разговорной речи и просторечии, при этом глаголы с суффиксом *-áну* более экспрессивны.

В детской речи однократные глаголы распространены, возможно, даже больше, чем во взрослом устном общении. Этому способствуют динамичный и переменчивый ритм жизни ребенка и сама его речь, зависящая от эмоционального состояния, связанного с условиями текущего момента («здесь и сейчас»), но также и с эмоциональным отношением ребенка к отдаленному событию: *А потом волшебник как колданул и вырос дремучий лес* [Цтл, 61].

О востребованности однократных глаголов в детской речи свидетельствует число окказиональных глаголов с суффиксами *-ну*, *-áну*: в рассмотренном материале — 23 лексемы. Существенно также, что в детской речи деривация однократных окказионализмов происходит на более широкой производящей базе: от глаголов не только несовершенного вида, но и совершенного (*поглядеть* от *поглядеть*), не только от названий действий, состоящих «из нескольких актов», но и от глаголов, называющих относительно непрерывное действие: *рисовнуть* (*рисовну разочек*), *читнуть* (от *читать*), *соснуть* (от *сосать*), *поцарапнуть* (от *поцарапать*), *игрануть* (от *играть*), *грызануть* (*Сейчас собака его грызает, да, мам?* [Хр, 111]), *пивнуть* (от *пить*: *А я маленько пива пивнул горького, у мамы было* [Цтл, 122]). Есть однократные окказионализмы, образованные от существительных (*Он не штыкнет, у него штыка нет*), а также от неузальных глаголов: *Собака аж дрыкнулась* ('дернулась'). В [Цтл, 131] отмечен инфинитив *пойкнуть* в качестве «одноактного к *петь*». Скорее всего, звучал окказиональный императив от *пой* с помощью форманта *-ну*: *пойкни* (как *крикни, дерни*).

3.3. Что нового привносит детская речь в оппозицию глаголов совершенного и несовершенного вида? В рассмотренном материале встретилось всего два окказионализма, каждый из которых входит в чисто видовую оппозицию, т. е. отличается от второго члена оппозиции только грамматическим значением вида. Это окказиональный глагол несовершенного вида *выкнуть* (парный по виду с *привыкнуть*: *Я сперва боялся трамваев, а потом вык, вык и привык*) и окказионализм

выгреть (то же, что *нагреть*, *согреть*, т. е. парный по виду к узуальному *греть*): *Ложись со мной спать, я тебе всю спину выгрею* [Цтл, 28]. В детской речи, как и в общем языке, образование глагола противоположного вида служит не столько грамматике, сколько лексике — созданию новых обозначений. Примеры: 1) окказионализм *исторопить* отличается от узуального *торопить* не только значением вида, но и лексическим значением: ‘торопя, измучить’ (*Ты меня всю исторопил!* [Цтл, 56]); 2) сходные различия между окказионализмом *выждать* (‘утомиться от ожидания’) и узуальным *ждать*: *Я тебя ждала-ждала и вся выждалась* [Цтл, 29]; 3) *выкрутить* (‘крутя, вылить’): *Я крутила-крутила ложечкой в чашке и выкрутила весь чай на скатерть* [Цтл, 29].

Потребность в парном глаголе противоположного вида для детской речи вполне актуальна. Образую коррелятивные окказионализмы, дети безотчетно используют те механизмы перфективации и имперфективации, которые укрепились в их языковом сознании. Это наиболее регулярные и эксплицитные механизмы: не супплетивизм и не фономорфология, не передвижка ударения или мена тематических гласных, но самые продуктивные приставки и суффиксы; «не считаясь» с “perfectum tantum”, дети образуют несовершенный вид от *взбеситься* (*взбешиваться*), от *сполошиться* (*всполошиться*) и т. п. Каждый ребенок, создавая окказиональный глагол нужного вида, естественно, опирается на собственный опыт восприятия и усвоения той речи, которая его окружает. Это речевое окружение всегда индивидуально. Отдельные глагольные окказионализмы могут некоторое время с улыбкой вспоминаться в семье ребенка, но и здесь со временем забудутся. Однако серии окказионализмов, представленных в речи детей и объединенных общим лексико-грамматическим значением, релевантны для выявления происходящих в языке процессов.

4. Глагольные окказионализмы, образованные от неглаголов. «Оглаголивание» словосочетаний. Новые слова в речи дошкольника и младшего школьника возникают легко и постоянно — в ответ на потребность в обозначении, которого нет или (что чаще) оно неизвестно ребенку. Дошкольники обычно уверены, что в языке есть имена для всего на свете. В большинстве случаев они не чувствуют новизну или непривычность того слова, которое взрослым кажется непривычным или неправильным и которое так легко и как бы шутя срывается с детских уст. Ребенок, употребляя только что возникшее у него *ad hoc* слово, уверен, что оно существует в языке и подходит для той вещи, действия или признака, которые вот сейчас надо бы или хочется назвать.

При этом он уверен, что его поймут те, к кому он обращается. Здесь нет ни игры, ни вызова. Язык представляется ребенку чем-то вроде пластилина — мягким, послушным материалом, из которого можно вылепить все, что надо или хочется.

Словообразование *ad hoc* особенно соответствует летучей и лабильной семантике глаголов. Окказиональные глаголы легко мотивируются словом любой части речи и допускают любое аффиксальное оформление. Узуальное неглагольное слово и его окказиональный дериват-глагол создают чистые эквиполентные оппозиции. Ниже даны примеры глагольных окказионализмов, образованных от лексем разных частей речи (иллюстративный материал кардинально сокращен).

4.1. Дериваты от существительных — самая многочисленная группа окказиональных глаголов. Примеры: *водичить* ('мочить водой'), *поволасатить* ('разлажматить'), *вратарить* ('исполнять обязанности вратаря'), *гармонить* ('играть на гармонии'), *гвоздячить* ('действовать с помощью гвоздей, забивать гвозди'), *гитарить*, *вдыркнуть* ('просунуть в дырку': *Никак не могу эту нитку вдыркнуть* [Цтл, 21]), *позмеить* ('изобразить змею, побыть в роли змеи'), *капустить* ('квасить капусту'), *караваить* ('играть в каравай'), *кистить* ('рисовать кисточкой'), *поклюшкать* ('поиграть в хоккей') и т. п.

4.2. Дериваты от прилагательных. Примеры: *вкуснить* ('делать вкусным': *Я смотрю, что это у меня так вкуснит, а это изюм* [Цтл, 24]), *помокритить* ('сделать мокрым'), *осторожиться* ('стать осторожным'), *распонятить* ('сделать понятным, объяснить'), *скучиться* (от *скука*) ('стать скучным, невеселым'), *сплохиться* ('стать плохим'), *настрашиться* ('сделаться страшным'), *исхитрить* ('сделать хитрым': *Не могу в упражнении разобраться: все задание исхитрили* [Цтл, 56]).

4.3. Дериваты от местоимений, междометий, звукоподражаний (в том числе окказиональных): *аичить* ('издавать звук, свойственный аисту'), *брыськать* ('прогонять кота, говоря *брысь*': *Мама, не надо кошечку брыськать* [Цтл, 19]), *чтокать* ('часто повторять *что*': *Ну что ты всё чтокаешь?* [Цтл, 199]).

4.4. Окказиональная глагольная лексикализация словосочетаний: *поломыть* ('мыть пол'), *сумасойтись* ('сойти с ума'), *чайпить* / *почайпить* ('попить чаю или другого напитка': *Мы почайпили кофе* [Цтл, 139]).

5. Ономасиологические окказионализмы на основе буквальной семантизации внутренней формы узуальных или конструируемых глаголов. В рассмотренных ниже лексико-семантических окказионализмах запечатлены ономасиологические усилия ребенка выразить свою мысль (назвать нужное) в условиях недостаточности его лексического запаса. Эти поиски приводят к неузуальному употреблению существующих глаголов или образованию окказиональных глаголов без учета многозначности префиксов и возникающей омонимии. Общая черта ономасиологических окказионализмов состоит в том, что искомое или конструируемое название частично известно ребенку и он активно семантизирует внутреннюю форму слова вплоть до отождествления ее с лексическим значением глагола.

5.1. Понимание и употребление слова на основе буквальной семантизации его внутренней формы или по отдаленному сходству называемых действий. Примеры: 1) *удобрять* семантизируется как 'делать добрее'; 2) глаголы *унижать* и *унижаться* понимаются только в физическом, пространственном смысле: 'опускать; снизить, сбавить'; 'снижаться'; 'становиться ниже, меньше ростом'. Несколько примеров из словаря В.К. Харченко: *Мама, запеканка унижается* [с. 563]; *Тебе руку не придется унижать* ['опускать', с. 563]; *Сейчас моль не унижается* ['не снижается', 563]; Мальчик потихоньку приседает за вешалкой: *Я унижаюсь* [с. 563]; Мама пощупала лоб: — *Нет у тебя температуры. — Была, но уже унизилась* [с. 564]; 3) *понизиться* 'занять более низкое положение в пространстве': Приседает: *Я понизилась и повысилась* [Цтл/Ел, 111]; 4) *ужиматься* 'делать ужимки'. Говорят о басне Крылова: *А она [обезьяна] ужималась перед зеркалом?* [Хр, 557]. Построение неузуальных словосочетаний (*включи зонтик; поломала яйцо* и т. п.) объясняется функциональным сходством называемых действий с теми действиями, которые в речевой практике обозначаются данными глаголами: *включить* — 'привести в действие', *поломать* — 'нарушить целостность, разрушить'.

5.2. Ребенок передает значение неизвестного ему глагола описательно или же конструируя окказионализм. Бывает, что ребенок не знает антонима к некоторому слову и конструирует его, отталкиваясь от известного слова. Поэтому *выбить* оказывается антонимом к *вбить*: *Гвоздь плохо вбили. Как же его теперь выбить?* [Цтл, 28]. Аналогичные случаи: 1) *выжги* ('погаси') вместо *зажги*: *Папа, выжги свет!* [Хр, 85]; 2) Закапали капли в нос, плачет и говорит: *Выкапай обратно* [Цтл, 29]; 3) знает слово *умереть*, но антоним неизвестен,

поэтому создает глагол **вымереть** ('воскреснуть'): *Подумаешь, как умрем, так и вымерем* [Цтл, 30]; 4) знает сочетание *сесть на поезд*, но еще не знает оборота *сойти с поезда*, поэтому конструирует антоним **высесть** ('сойти с поезда'): *На этом поезде мы ехали, мы высели уже* [Цтл, 31]; 5) Пятилетняя девочка знает слово *заноза*, но не знает глагола *занозить* и других нужных слов в ситуации с занозами. Когда понадобился глагол, она нашла такой выход: *Юлька выхватила палочку и заставила мне в пальчик занозу. Я ей [Юльке] говорю: Выгоняй теперь!* [Хр, 174]; 6) Двухлетнего мальчика умывают: — *Больно!* — *Что случилось?* — *Ты мне воду в глаз вставил* [Хр, 81].

5.3. Употребление слова, значение которого известно ребенку лишь приблизительно. Примеры: 1) **арестовать**. Мальчик говорит бабушке о брате: *Ба! Он арестован! Он из «Дигри» [сменный картридж] шнур с кишками выдрал* [Хр, 41]; 2) **банкротить**. *Мы на деньги играем (в фишки)! Я всех банкротчу, когда у них фишки кончатся!* [Хр, 26]; 3) **бастовать**. Стучит кулаками по столу: — *Это я бастую, чтобы учителя людьми были. А то так много задают: четыре номера, а в каждом по пять заданий* [Хр, 27]; 4) **винтить** ('крутить что-л.'). О швейной машине: *А как ею шить? Это только ручку винтить?* [Хр, 65]; 5) **выделяться** ('образовываться, получаться'). *А почему опилки выделяются, когда пилят?* [Хр, 85]. Ср. также семантизацию словосочетания *болтать глазами* как 'моргать': *Смотрит в глаза отцу: Папа, не болтай глазами!* [Хр, 39].

В приведенных примерах ни один глагол не употреблен в своем узуальном значении, и вместе с тем каждое употребление по-своему мотивировано. Но, может быть, в приведенных примерах неточность — намеренная, а на самом деле, (т. е. в интенциях говорящего) это шуточные метафоры и легкие гиперболы? К тому же в ряде примеров легко увидеть и иные интенции — поиграть, пошутить, позабавить, покрасоваться остроумием (смелостью, превосходством...), удивить, озадачить, продемонстрировать, насторожить.

6. «Художественные» и комические окказионализмы в море неузуальных фактов детской речи. Мальчик 9 лет говорит: *Скорей жуков буду собирать, а то они на картошку нападут и бандитничать будут* [Хр, 26]. Слово *бандитничать* не только сохраняет узуальную отрицательную оценочность прямого значения слова *бандит*, но и экспрессию его образно-переносных значений ('О том, кто повинен в каких-л. преступлениях; преступник' и (шутл.) 'Об озорном, непослушном ребенке'); слово усиливает отрицательное отношение к жукам,

поскольку глагол *бандитничать* образован по модели, по которой образуются названия отрицательно оцениваемых занятий и поступков. Однако имеется ли в высказывании прагматическая интенция 'пошутить'? Думается, что нет.

О комических (шутливых, насмешливых, иронических) интенциях в высказываниях ребенка могут свидетельствовать три черты таких высказываний: 1) во-первых, усиленная, подчеркнутая окказиональность: они слишком насыщены неузואальным; 2) заполнение позиции, в которой стоит неологизм, не является для ребенка трудным; 3) в таких высказываниях имеются прямые совпадения звучания омонимов или разных значений одного слова. Примеры: 1) Мальчик 11 лет не может дожидаться, когда мама поиграет с ним: *Мама, ну закругляйся!... Ну заквадрачивайся, мама!* [Хр, 164–165]; 2) *Выпальтиться* ('освободиться от пальто, снять его'): *Я выпальтилась и разгалошилась* [Цтл, 30]; 3) Мальчик 3 г. 6 м. О рисовой каше из пакетика: *Дед, твой «Анкл Бэнс» даже кот не бэнс!* [Хр, 19].

7. Заключение. Окказиональные слова в детской речи возникают в конкретной ситуации, всегда *ad hoc*. Окказионализм — явление временное, в большинстве случаев одноразовое. Родители и бабушки могут день или два повторять с умилением забавное неслыханное словечко малыша, но потом появится новый окказионализм и забудется вчерашний. Однако словари детской речи, аккумулируя сотни и тысячи неузואальных слов-однодневок, позволяют увидеть в этих моментальных снимках из жизни языка явления повторяющиеся, серийные, неслучайные. Так, существенный количественный перевес возвратных окказионализмов над невозвратными говорит о большей востребованности возвратных глаголов, в чем можно видеть одно из проявлений более широкой грамматической тенденции к неопределенности в выражении субъектно-объектных и ряда других значений. Рассмотренный материал окказиональных глаголов, противопоставленных по виду, позволяет говорить о тенденции в детской речи к большей регулярности и эксплицитности в выражении видовых различий; налицо также высокая продуктивность в детской речи однократных глаголов и их более свободное образование, чем во взрослом языке.

Литература

Земская Е.А. (отв. ред.). Русская разговорная речь. М.: Наука, 1973.

Мечковская Н.Б. «Засмеяться» и «рассмешить»: относительная хронология детских шагов к вербальному смеху // Проблемы онтолингвистики 2016. Санкт-Петербург: Рос. гос. пед. университет им. А.И. Герцена, Лаборатория детской речи, 2016. С. 282–289. Онлайн-версия книги URL: <http://ontolingva.ru/>

Мечковская Н.Б. Типологическое своеобразие категории лица в русской грамматике: экспансия в синтаксис, максимальная в Славии активность бессубъектных предложений, разнообразие ирреальных модальностей // Вестник Российского Гуманитарного университета. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2022. № 8, часть 1. С. 24–45.

Хютль-Фольтер Г. О тенденции к неопределенности в русском синтаксисе // Лики языка. К 45-летию научной деятельности Е.А. Земской. М.: Наследие, 1998. С. 394–401.

Словари

Зализняк А.А. Грамматический словарь русского языка. Словоизменение. М.: Русский язык, 1977.

Засорина Л.Н. (ред.). Частотный словарь русского языка. Около 40 тысяч слов. М.: Русский язык, 1977.

Обратный словарь русского языка. Около 125 000 слов / Науч. конс. А.А. Зализняк, Р.В. Бахтурина, Е.М. Сморгунова. М.: Советская энциклопедия, 1974.

Ляшевская О.Н., Шаров С.А. Новый частотный словарь русской лексики. М., 2011. URL: <http://dict.ruslang.ru/freq.php/> (Дата обращения: 15.05.2023).

Используемые условные сокращения лексикографических источников

Хр — *Харченко В.К.* Словарь современного детского языка: около 10 тыс. слов: свыше 15 тыс. высказываний. М.: Астрель: АСТ: Транзиткнига, 2005.

Цтл — *Цейтлин С.Н.* (автор-составитель). Словарь детских словообразовательных инноваций. СПб.: Златоуст, 2006.

Цтл/Ел — *Цейтлин С.Н., Елисеева М.Б.* (сост.). Говорят дети: Словарь-справочник. СПб.: Нива, 1996.

«ЦЕННОСТНЫЕ СДВИГИ» В РЕЧЕВОЙ РЕАЛИЗАЦИИ НЕЙТРАЛЬНЫХ ЛЕКСЕМ: ОПЫТ КОРПУСНОГО АНАЛИЗА ДИСКУРСА ИНТЕРНЕТ-СМИ¹

Т.Б. Радбиль

*Национальный исследовательский Нижегородский государственный
университет имени Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород*

В работе рассматриваются рефлексy контекстуального наведения позитивной или негативной оценочности в речевой реализации относительных прилагательных, не имеющих оценочных компонентов в системе языка, что отражено в словарных толкованиях. Показано, что в функционировании в медиадискурсе прилагательные, обозначающие значимые для социума или индивидуума свойства, признаки, характеристики, демонстрируют существенный оценочный потенциал. Особое внимание уделяется слову *этнический*, которое интерпретируется вне какой-либо оценочности, как что-то, связанное с принадлежностью к какому-л. народу, племени, народности. Однако анализ репрезентативных контекстов употребления этого прилагательного по данным газетных корпусов в Национальном корпусе русского языка подтверждает возникновение у него особого типа имплицитной оценочности. Отмечаются и позитивно-оценочные импликации: 'относящийся к правильной системе ценностей', и негативно-оценочные: 'являющийся источником разногласий'.

Ключевые слова: *наведенная оценочность, прилагательное «этнический», медиадискурс интернета, корпусный анализ.*

“VALUE SHIFTS” IN THE SPEECH USE OF NEUTRAL LEXEMES: CORPUS ANALYSIS OF INTERNET MEDIA DISCOURSE²

Timur B. Radbil

National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

The paper deals with the positive or negative contextual evaluativeness in the speech use of relative adjectives that do not have evaluative components in the language system, according to dictionaries. The study shows that relative adjectives in media discourse denote properties, features, and characteristics significant for a society or an individual as well as demonstrate an essential evaluative potential. Particular attention is paid to the word *ethnic*, which is interpreted without any evaluativeness, as something associated with belonging to a certain people, tribe, and nationality. However, the corpus analysis confirms that this adjective presents a special type of implicit evaluativeness in relevant contexts. The word contains both positive evaluative implications, namely 'related to the correct system of values', and negative ones, that is 'being a source of disagreement, conflict-generating'.

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00368, <https://rscf.ru/project/23-28-00368/>

² The reported study was funded by Russian Science Foundation, project number № 23-28-00368, <https://rscf.ru/en/project/23-28-00368/>

Keywords: induced evaluativeness, adjective “ethnic”, Internet media discourse, corpus analysis.

В парадигме современного лингвокультурологического знания постепенно формируется отчетливая установка на изучение языкового воплощения ценностного компонента национальной культуры [Вежбицкая 1997; Ковшова 2013; Зыкова 2017]. Эти направления исследования даже получили условное наименование «лингвистическая аксиология», или «аксиологическая лингвистика» [Карасик 2004]. Изучение «языка ценностей», основные векторы которого были заданы в пионерских работах Н.Д. Арутюновой [Арутюнова 1999], сегодня значительно усовершенствовало свой исследовательский инструментарий за счет использования научных принципов когнитивной лингвистики и концептуального анализа [Радбиль, Сайгин 2015], дискурс-анализа и корпусного анализа [Чернявская 2018] и др. Последнее обстоятельство как раз и обусловило погружение лингвоаксиологической проблематики в контекст востребованного сегодня акцента на междисциплинарное изучение «больших данных» в «новой лингвистике».

В этой связи в зону исследовательского внимания в настоящей работе попадает технология «исчисления» языка ценностей посредством анализа корпусных данных. Нас будут интересовать рефлексы контекстуального наведения позитивной или негативной оценочности в дискурсной реализации относительных прилагательных, которые не имеют оценочных компонентов в лексико-семантической системе языка, что отражено, в частности, и в словарных толкованиях. Подобные явления в работе мы условно называем «ценностные сдвиги», которые определенным образом коррелируют с описанными в наших работах эффектами «ценностных аномалий» [Радбиль 2006], но, разумеется, не всегда могут трактоваться в качестве таковых.

Мы будем опираться на выявленный классиками корпусного анализа феномен «семантической ауры» («семантической просодии») слова, которая представляет собой некий смысл, как правило, оценочной природы, стабильно воспроизводимый в больших массивах словоупотреблений, которые извлекаются из референциальных корпусов языка, но при этом, с одной стороны, не вполне осознаваемый самими говорящими, а с другой — не зафиксированный ни одним словарем [Firth 1957; Sinclair 1991; Louw 1993]. Используется исследовательская техника, схожая с методикой «ручной разметки» сантимерта в разнообразных компьютерных методах определения эмоциональной тональности текста (сантимерт-анализа) [Prabowo, Thelwall 2009]: на репрезента-

тивной выборке корпусных данных оценивается контекст тестируемого слова, благодаря которому и может наводиться определенный коннотативно-оценочный фон позитивного или отрицательного характера. Речь, таким образом, идет именно об имплицуруемой оценке, как бы наведенной ближайшим или дальнейшим контекстным окружением интересующего нас слова или выражения.

Итак, в реальном речевом функционировании, особенно в дискурсах «активного воздействия» [Соколова 2017], к каковым относится и медиадискурс интернета, некоторые относительные прилагательные, обозначающие значимые для социума или индивидуума в каком-либо отношении свойства, признаки, характеристики, демонстрируют существенный оценочный потенциал. Это прилагательные типа *отечественный, национальный, народный, интернациональный, патриотический, русский* и пр. Анализ репрезентативных контекстов [Радбиль 2011] этих прилагательных по репрезентативной выборке из газетных корпусов Национального корпуса русского языка [НКРЯ] подтверждает возникновение у них особого типа имплицитной, «наведенной» оценочности. Ранее мы выявили, что, например, для прилагательного *народный* возникают не только ожидаемые положительно-оценочные импликации (*народный* → ‘хороший, правильный, соответствующий идеалу и пр.’), но и импликации негативно-оценочные (*народный* → ‘косный, второсортный, ненаучный, непрофессиональный, псевдонародный и пр.’). Аналогичные эффекты обнаружены и для прилагательного *национальный* (позитивно-оценочная импликация → ‘нечто соответствующее высшим ценностям этноса, социума’; негативно-оценочная импликация → ‘нечто ограниченное, косное, мешающее прогрессу’).

Настоящая работа посвящена наблюдениям над контекстуально-оценочным потенциалом относительного прилагательного *этнической*. Отметим, что данное прилагательное, будучи изначально терминологическим, т. е. специализированным, ограниченным по употреблению и иноязычным по происхождению, не имеет никакого потенциала переосмысляться в оценочном плане, выступая в обобщенном значении, характерном для относительных прилагательных ‘имеющий отношение к этносу, этнической группе’. Это, в частности, отражено и в его словарных толкованиях: ‘Связанный с каким-либо народом, племенем, племенной группой. *Этническая группа. Этническое родство*’ [БАС-ХVII 1965]; ‘Связанный с принадлежностью к какому-л народу. *Этническая группа. Этнический состав населения*’ [МАС-IV 1988; Ефремова-II 2000]; ‘Относящийся к происхождению какого-н. народа

(народности, племени), исторически сложившейся общности людей. *Этнический состав населения. Этническая группа* [Ожегов, Шведова 2000]. И только в толковании в словаре под ред. Д.Н. Ушакова: 'Прилагательное, по значению связанное с принадлежностью к какому-н. народу, с его культурой. *Этнические элементы. Этнический состав. Этнические коллективы*' [СУ-IV 1996] — мы встречаем указание на связь с культурой, что потенциально может стать источником оценочных смысловых преобразований.

В газетных корпусах в Национальном корпусе русского языка всего зафиксировано 10 439 текстов и 13 834 примера употребления прилагательного *этнический*. Прежде всего, ожидаемо широко представлены внеоценочные употребления, соответствующие отмеченным выше словарным дефинициям, например:

(1) *Американская сторона не раз обвиняла Пекин в репрессиях против уйгуров — местного мусульманского этнического меньшинства.* [НКРЯ 2012]

(2) *Залог ее успешного решения видим в формировании инклюзивного правительствa, которое должно в полной мере отражать интересы всех не только этнических, но и политических сил страны.* [НКРЯ 2021]

(3) *Нельзя говорить о политической справедливости, опираясь только на цифры. Они показывают лишь этнический баланс сил.* [НКРЯ 2014]

Однако на фоне смыслового компонента 'связь с культурой' развиваются атрибутивные употребления, могущие заложить основу для оценочного переосмысления относительного прилагательного — этническими могут быть культура, музыка, мода, одежда, орнамент, кухня, ресторан, отель, спорт, ритуал, дизайн, туризм, маршрут и даже куклы или массаж, например:

(4) *Этническая культура представляет интерес практически для всех профессий, в ней черпают идеи архитекторы, музыканты, художники и, конечно, дизайнеры.* [НКРЯ 2019]

(5) *Я далек от того, чтобы пытаться хранить этническую музыку как экспонат.* [НКРЯ 2020]

(6) *Меня всегда поражало, как мало этнической кухни в Москве.* [НКРЯ 2019]

(7) *Этнической модой увлеклась еще в студенческие годы — стала делать коллекции национальных костюмов.* [НКРЯ 2019]

(8) Я занимаюсь **этническим дизайном** уже 12 лет. [НКРЯ 2019]

(9) И заодно пополнить свою коллекцию **этнических кукол**. [НКРЯ 2019]

(10) История нашего бизнеса началась в 2014 году с приобретения франшизы по предоставлению услуг **этнического массажа**. [НКРЯ 2019]

Интересны также примеры сочетаемости прилагательного с одушевленными существительными:

(11) Важно, что в ресторанах работают **этнические повара**, благодаря чему гости смогут насладиться аутентичной кухней. [НКРЯ 2020]

(12) Интерес к **этническим дизайнерам**, к локальным брендам только увеличивается и будет дальше возрастать. [НКРЯ 2020]

На этом фоне уже на уровне внеоценочных употреблений мы видим контексты семантического расширения сочетаемости данного прилагательного, например, возможна этническая логика, тренд и под.:

(13) Это все тот же **этнический «кочевой» тренд**. [НКРЯ 2015]

(14) Из нее, впрочем, должна быть исключена **этническая логика**, чего у нас никак не могут сделать. [НКРЯ 2016]

Дальнейшее «движение» в направлении возможных оценочных преобразований мы видим в неузуальной сочетаемости прилагательного **этнический** по модели концептуальной метафоры (контексты 15–17) и даже метонимии (контекст 18):

(15) Сирия — это настоящий **этнический** бульон. Из 18 миллионного населения более 70 % — сунниты, 15–16 % — это шииты-двунадесятники, исмаилиты и алавиты и т. д. [НКРЯ 2015]

(16) Сходство **этнического «коктейля»** у половых партнеров было настолько велико, что большинство изученных мужчин и женщин оказались близки друг к другу на уровне четвероюродных и пятиюродных братьев и сестер. [НКРЯ 2015]

(17) Из такого **этнического «комптоа»** к первой половине I тысячелетия до н. э. и сформировался армянский народ. [НКРЯ 2019]

(18) Влюбленность, жажда обладать, роковой отклик, неизбежный слом и истребление «чужеродной красоты» мерцают во всех слоях **«этнического Лермонтова»**: Тамара и Демон, Бэла и Печорин, Россия и Азия. [НКРЯ 2017]

Указанные случаи неузуального семантического расширения прилагательного *этнический* вполне вписываются в процессы культурной апроприации заимствований, описанной нами в работе [Радбиль 2017], которая как раз характеризуется наращением определенного экспрессивно-оценочного потенциала для заимствованных слов, первоначально внеоценочных в языке-источнике. То же наблюдаем и в контекстах употребления прилагательного *этнический*, причем наведенная оценочность возможна как положительная, так и отрицательная.

Наведенная положительная оценочность для прилагательного *этнический*, как правило, имплицитруется в контекстах употребления с опорными словами, обозначающими какую-либо значимую для этноса ценность, например, возрождение, самобытность, идентичность, равноправие, наследие и пр.:

(19) *Возникла больше чем организация, возникло широкое течение русско-го **этнического возрождения**, ставшее важнейшим культурным фактом периода между 1965 и 1980 годами.* [НКРЯ 2015]

(20) *В дипмиссии подчеркнули, что нацменьшинства пытаются принудительно лишить родного языка, главного компонента **этнической идентичности**.* [НКРЯ 2020]

(21) *Автор петиции отмечает, что Халифа достойна представлять США, поскольку «уже не раз показывала, что способна объединять людей вне зависимости от их культурного и **этнического наследия**».* [НКРЯ 2016]

(22) *Моралес умело использовал идеи **этнического равноправия**, национализации и перераспределения богатств в пользу малоимущего населения.* [НКРЯ 2014]

(23) *Авторы проекта указали, что эти действия противоречат конституции Латвийской Республики, <...> дающей право национальным меньшинствам на сохранение и развитие своего языка, **этнической** и культурной **самобытности**.* [НКРЯ 2021]

Еще одна линия позитивно-оценочного переосмысления контекстов со словом *этнический* связана с идеей солидарности, близости между народами, например:

(24) *Во-первых, это единственное крупное культурно и **этнически близкое** нам **государство**, где уровень заработных плат значительно (примерно на треть) ниже российского.* [НКРЯ 2020]

(25) *Не так давно в стране образовалась Арабская партия Швеции, что формируется по принципу **этнической солидарности**.* [НКРЯ 2020]

Нетрудно видеть, что в рассмотренных выше примерах речь идет именно об «отраженной», наведенной оценочности, задаваемой контекстным окружением интересующего нас слова. Аналогичный механизм имплицирования позитивной оценочности реализуется и в **расширенном контексте** путем общего позитивно-оценочного смысла всего фрагмента, имплицуемого путем ключевых лексем с положительно окрашенной семантикой:

(26) *У нее свои проекты, и она вполне сияет в своей **этнической сфере**.* [НКРЯ 2019]

(27) *Конечно, много было и **этнического колорита**: ораторы целовали икону, истово крестились, подходили за благословением к священнику и к «старикам» — группе пожилых мужчин, с важными лицами сидевших на сцене в стороне от президиума и вполоборота к залу.* [НКРЯ 2020]

В большинстве указанных случаев мы, видимо, можем говорить о действии прагмалингвистического механизма **инференции** — новой информации, которую адресат, в соответствии с замыслом говорящего, должен самостоятельно вывести из того, что сказано, опираясь на экстралингвистические знания, культурный фон и проч. [Кубрякова 1996]. Так, в контекстах (28) и (29) наводятся инференции 'этническое → что-то важное для народной жизни, что-то входящее в сферу высших ценностей народа':

(28) *Конечно, потому что без языка нет народа, и это, наверное, самый важный элемент этнического самовосприятия.* [НКРЯ 2019]

(29) *В этом ведомстве общину Romuva расценили как религиозное сообщество, занимающееся сохранением этнической культуры, являющееся важной частью литовской культурной и религиозной жизни.* [НКРЯ 2018]

На этом фоне формируются модели неузуальной сочетаемости, для которых мы можем говорить о развитии большей степени позитивной оценочности в дискурсной реализации прилагательного *этнический*. Рефлексы усиления положительной тональности в контексте реализуются за счет сочетания анализируемого прилагательного с экспрессивно-окрашенными существительными по схеме концептуальной метафоры, которая охватывает целый фрейм, одновременно выражая и эмоционально-экспрессивную реакцию говорящего на ситуацию, например, *этнический оазис* или *этнический шик*:

(30) Там у нас российская этника представлена: кругом город, а гость погружается в **этнический оазис**. [НКРЯ 2017]

(31) Среди предлагаемых сейчас лотов выделяются красная (и совершенно не использованная) кожаная сумка Balenciaga, туфли Jimmy Choo, белая юбка-стретч и маленькое черное платье от Alaïa Paris, кашемировый тренч Max Mara и, для любителей **этнического шика**, пальто от Vahan Khachatryan с принтами по мотивам армянского искусства. [НКРЯ 2015]

Таким образом, в ряде контекстов употребления прилагательного *этнический* наблюдается наведенная, имплицитруемая контекстным окружением позитивно-оценочная тональность, которую можно примерно сформулировать следующим образом 'нечто хорошее, правильное; то, что должно быть; нечто соотносящееся с нормой или идеалом, входящее в область высших ценностей этноса и под.'

Наведенная отрицательная оценочность для прилагательного *этнический* представлена в нашем материале в гораздо большем по числу употреблений и разнообразном по семантике массиве примеров. Иными словами, быть этническим, входить в сферу применимости прилагательного *этнический* — не всегда хорошо. «Отраженная» негативная оценочность чаще всего может быть связана с сочетаемостью слова *этнический* с опорными субстантивными лексемами, обозначающими всякого рода разногласия, противоречия, столкновения, конфликты, конфронтации, противоборства и пр.:

(32) В полиции об этом не говорят, в соцсетях и СМИ есть версии об **этнических** и бытовых **разногласиях**. [НКРЯ 2021]

(33) Этот компромисс оказался огромным благом для Эстонии, поскольку сразу же сбил накал **этнических противоречий** ... [НКРЯ 2017]

(34) Президент напомнил, что конфликт начался с **этнических столкновений**... [НКРЯ 2020]

(35) В 1980-х годах в Индии обострились религиозные и **этнические** конфликты. [НКРЯ 2021]

(36) В нескольких районах противостояние манифестантов и правоохранителей переросло в межконфессиональную и **этническую конфронтацию** общин. [НКРЯ 2019]

(37) Этот конфликт начался <...> с **этнического противоборства**. [НКРЯ 2020]

На этом фоне развиваются довольно устойчивые модели сочетаемости прилагательного *этнический* со словами, обозначающими противоправные действия — *война, резня, репрессии, сегрегация, дискриминация, преступление, разборки* и под. (контексты 38–40) или субъекта этих действий — *криминалитет, преступная группировка, банда* и под. (контексты 41–43):

(38) *Те, кто это делал, были недовольны попытками русских ассимилировать карелов и спонсировали такую малую этническую войну...* [НКРЯ 2019]

(39) *В 2003 году ирландский сценарист и режиссер готовился к съемкам «Отеля “Руанда”», фильма о чудовищной этнической резне в Африке...* [НКРЯ 2020]

(40) *Как правило, высокий уровень антисемитизма говорит о сопутствующих проблемах в регионе, среди которых безработица, высокий уровень социального неравенства, скрытые этнические криминальные разборки.* [НКРЯ 2020]

(41) *В этом тексте автор рассуждал о причинах убийства чеченцами жителя небольшого городка Пугачев в Саратовской области, о возможных решениях проблемы безнаказанности этнического криминалита.* [НКРЯ 2017]

(42) *Правоохранители задержали членов этнической преступной группировки, занимавшейся масштабным изготовлением фальшивых денежных знаков...* [НКРЯ 2020]

(43) *Американские тюрьмы в целом страдают от влияния этнических банд...* [НКРЯ 2019]

Усиливает негативно-оценочную тональность употребление прилагательного *этнический* с существительными с семантикой насилия, нетерпимости, ненависти и вражды:

(44) *Правительство Абия, пришедшего к власти в прошлом году, проводит реформы по борьбе с этническим насилием и коррупцией.* [НКРЯ 2019]

(45) *По данным Reuters, нападение могло произойти на почве этнической ненависти.* [НКРЯ 2019.03]

(46) *Под запрет также попали материалы, наносящие вред государственным интересам, разжигающие этническую вражду...* [НКРЯ 2017]

(47) *Дело Брейвика, убийство Чаушеску, геноцид в Руанде 1994 года и роль в этом станции «Радио Тысячи холмов», бодро подливавшей масло **этнической розни** в эфир между музыкой и спортивной хроникой...* [НКРЯ 2018]

(48) *Мы безусловно осуждаем любые формы религиозной и **этнической нетерпимости** и у себя в стране, и по всему миру.* [НКРЯ 2017]

(49) *Он заявил, что вынужден был терпеть «очень оскорбительные гомофобные, расовые и **этнические оскорбления**» от президента компании Оскара Фелденкрейса.* [НКРЯ 2015]

(50) *Вот до какого абсурда можно дойти, утопая в **этнической неприязни**.* [НКРЯ 2017]

В результате в медийном узусе даже сложилась устойчивая и регулярно воспроизводимая в медиадискурсе коллокация *этническая чистка / зачистка*:

(51) *Сразу заговорили об **этнических чистках**, о газовых камерах Аушвица.* [НКРЯ 2021]

(52) *На территории Польши это событие считается геноцидом и **этнической зачисткой**.* [НКРЯ 2018]

В соответствии с нашей концепцией, образование подобных коллокаций максимизирует негативную оценочность посредством расширения семантики опорного разговорного экспрессивного отглагольного субстантива **чистка** 'Освобождение какой-нибудь общественной организации от членов, чуждых ее деятельности' [Ефремова-1 2000] или **зачистка** — жаргонное название оперативно-войсковых операций по задержанию подозрительных лиц.

По аналогии с моделями контекстуального наведения положительной оценочности, негативно-оценочная тональность также может быть реализована и **в расширенном контексте** путем общего отрицательно-оценочного смысла всего фрагмента, имплицитного с помощью ключевых лексем с положительно окрашенной семантикой, например:

(53) *Но для маленького общества с большим **этническим комплексом** даже немногие афроэстонцы и афролатыши — мина замедленного действия.* [НКРЯ 2015]

(54) *Это вызвало множество конфликтов на территории бывшего СССР и позволило расцвести этническому национализму, что и привело к сегодняшним событиям.* [НКРЯ 2015]

(55) По их мнению, **самая острая проблема** в стране – **политическая и этническая нестабильность** из-за отсутствия безопасности. [НКРЯ 2014]

В случаях с наведенной негативной оценочностью, как и в случаях с оценочностью позитивной, мы также можем говорить о реализации прагмалингвистического механизма **инференции**. Так в контексте (56) наводится инференция 'этническое → что-то неполноценное, наносящее ущерб жизни людей':

(56) К тому же зачастую **гиды-переводчики иностранные граждане** становятся ключевым элементом **теневых этнических схем, наносящих экономический ущерб, снижающих занятость населения, и захватывающих подчас целые сектора туристской отрасли...** [НКРЯ 2019]

Во фрагменте (57) наводится инференция 'этническое → что-то негативное':

(57) По его словам, первоначально посылком к их действиям были негативные события на этнической почве. [НКРЯ 2020]

В примере (58) наводится инференция 'этническое → что-то опасное, являющееся источником разногласий, конфликтогенное':

(58) И **опасность этнической напряженности** в стране все это время оставалась на высоком уровне... [НКРЯ 2018]

В наиболее полном виде негативно-оценочный потенциал актуализуется в моделях концептуальной метафоризации этнического, например, как отклоняющегося от здравого смысла, странного:

(59) Существует некоторая буквально-таки **этническая нелепость**, потому что никогда я не видел мужчин, одетых настолько безвкусно, как сплошь и рядом англичане. [НКРЯ 2015]

(60) Отказавшись быть **этническим курьезом**, Найпол защищал свое право на европейскую культуру, которую он считал мировой. [НКРЯ 2018]

Особенно активны в нашем материале модели структурной метафоры [Lakoff, Johnson 2003] болезни (контексты 61 и 62) или структурной метафоры оружия (контекст 63):

(61) Нельзя говорить о каких-то **этнических болезнях**, их не существует. [НКРЯ 2017]

(62) То есть это опять же вопросы психологии, а не какая-то **этническая патология**. [НКРЯ 2019]

(63) *Я не думаю, что демократы это специально придумали и подложили под Трампа. Это взорвалась этническая бомба в США...* [НКРЯ 2020]

Таким образом, в ряде контекстов употребления прилагательного *этнический* наблюдается наведенная, имплицуруемая контекстным окружением негативно-оценочная тональность, которую можно примерно сформулировать следующим образом: 'нечто отклоняющееся от нормы; нечто неполноценное, ущербное, наносящее вред людям; нечто негативное, опасное; конфликтогенное и под.'

В заключение отметим, что именно анализ «больших данных», представленных в референциальных корпусах русского языка, зачастую позволяет нам выявлять и адекватно интерпретировать рефлекс неясной, контекстуальной оценочности для слов и выражений русского языка в медиадискурсе, которая не обнаруживается в их системно-языковых значениях. Это, в свою очередь, раздвигает границы применимости методов современной лингвокультурологии в целом и расширяет исследовательский инструментарий лингвоаксиологических штудий в частности.

Литература

Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: Школа «Языки русской культуры», 1999.

Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание / отв. ред. и сост. М.А. Кронгауз. М.: Русские словари, 1997.

Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный: В 2-х т. М.: Рус. яз., 2000. Т. 1. 1232 с.; Т. 2.

Зыкова И.В. Метаязык лингвокультурологии: Константы и варианты: монография. М.: Гнозис, 2017.

Карасик В.И. Аксиологическая лингвистика: концепты и дискурс // Германстика России: Традиции и перспективы: Мат-лы науч.-метод. семинара. Новосибирск: НГУ, 2004. С. 28–32.

Ковшова М.Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии: Коды культуры. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013.

Кубрякова Е.С. Инференции // Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, П.Г. Лузина; Под общ. ред. Е.С. Кубряковой. М.: Филологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, 1996. С. 33–35.

Радбиль Т.Б. Языковые аномалии в художественном тексте: Дисс. ... д-ра филол. наук. М., 2006.

Радбиль Т.Б. «Язык ценностей» в современной русской речи и пути его исчисления // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2011. № 6. Ч. 2. С. 569–573.

Радбиль Т.Б. Культурная апроприация заимствований в свете теории языковой концептуализации мира // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова. 2017. Т. 13. С. 107–115.

Радбиль Т.Б., Сайгин В.В. Когнитивные признаки и языковая объективация концепта «добродетель» в современном русском языке // Фундаментальные исследования. 2015. № 2 (26). С. 5968–5971.

Соколова О.В. Когнитивный механизм и коммуникативные стратегии дискурсов активного воздействия // Вопросы когнитивной лингвистики. 2017. № 3. С. 19–30.

Чернявская В.Е. Дискурсивный анализ и корпусные методы: необходимое доказательное звено? Объяснительные возможности качественного и количественного подходов // Вопросы когнитивной лингвистики. 2018. № 2. С. 31–37.

Firth J.R. Papers in Linguistics: 1934–1951. Oxford: OUP, 1957.

Lakoff G., Johnson M. Metaphor We Live by (1st publ. 1980; Repr. ed.). Chicago, IL, University of Chicago Press, 2003.

Louw W. Irony in the text or insincerity in the writer? The diagnostic potential of semantic prosodies // Text and Technology: In Honour of John Sinclair / Ed. by M. Baker, G. Francis and E. Tognini-Bonelli. Amsterdam: John Benjamins, 1993. P. 152–176.

Prabowo R., Thelwall M. Sentiment analysis: A combined approach // Journal of Informetrics. 2009. 3(2). P. 143–157.

Sinclair J.M. Corpus, Concordance, Collocation. Oxford: Oxford University Press, 1991.

Словари

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 14-е изд., доп. / РАН, Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова. М.: Азбуковник, 2000.

Словарь русского языка: В 4-х т. / Под ред. А.П. Евгеньевой (МАС). М.: Русский язык, 1985–1988. Т. IV. С–Я. 1988.

Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. (БАС). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950–1965. Т. 17. 1965.

Толковый словарь русского языка: В 4-х т. / Под ред. Д.Н. Ушакова (СУ). М.: «Терра», 1996. Т. 4.

Интернет-источники

Национальный корпус русского языка [НКРЯ] URL: <http://www.ruscorpora.ru> (Дата обращения: 12.05.2023).

СЛОВО КАК СУБЪЕКТ «БОЛЬШИХ ДАННЫХ» ИСТОРИИ

О.Г. Ревзина

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва

В статье рассматривается семантический потенциал слова в историческом существовании языка и выделяются временные периоды долгой, средней и короткой длительности как «больших данных» истории слов. Предлагается анализ конкретных примеров проявления субъектности слова во временные периоды разной длительности.

Ключевые слова: *семантический потенциал слова, слово и контекст, временная длительность.*

THE WORD AS A SUBJECT OF THE "BIG DATA" OF HISTORY

Olga G. Revzina

Lomonosov Moscow State University, Moscow

The article deals with the semantic potential of a word in the historical existence of language and distinguishes time periods of long, medium and short duration as "big data" of word history. The analysis of concrete examples of word subjectivity manifestation in the time periods of different durations is offered.

Keywords: *semantic potential of a word, word and context, time duration.*

Понятие субъектности, получившее широкое распространение в гуманитарных дисциплинах, используется применительно к человеку. Быть субъектом (в самом общем виде) значит быть автономным и не зависеть полностью от своего окружения. Этими признаками обладает и слово. «Слово раскрывается как отдельный исторический факт, который как бы самостоятельно развивает заложенные в нем потенции семантических изменений» [Виноградов 1999: 8]. Семантический потенциал слова — это, собственно, начало и оправдание его субъектности.

Семантический потенциал слова связан с его свойствами как единицы языка и как единицы дискурса. Семантический потенциал слова как единицы языка различен у слов исконных и заимствованных, производных и непроизводных, однозначных и многозначных, стационарных и окказиональных, стилистически нейтральных и стилистически маркированных. Семантический потенциал слова как единицы дискурса реализуется в зависимости от длительности существования слова в языке, его востребованности социумом и частоты употребления в разные временные периоды, наличия других слов с близким значением, способности входить в разные контексты и формировать новые контексты употребления. В.В. Виноградов писал о том, что «мышление находит свое выражение и отражение в словаре так же, как и во всем строе языка» и

«историческое изучение языка невозможно без знания истории материальной и духовной культуры» [Виноградов 1999: 5–6]. Семантический потенциал слов реализуется в когнитивных моделях мышления (пропозициональных, метонимических, метафорических) и в наращивании коннотативных культурно-исторических смыслов. «Попытки систематизировать и свести основные семантические процессы в истории словаря к некоторым общим категориям и закономерностям до сих пор не увенчались успехом» [Виноградов 1999: 5]. В XXI в. это утверждение сохраняет свою значимость, несмотря на впечатляющие результаты, достигнутые в историко-семантической типологии и в когнитивной лингвистике. Некоторые более общие и более частные закономерности в историческом раскрытии семантического потенциала слова, безусловно, существуют, но они не предрешают и не предсказывают уникальную историческую судьбу каждого слова.

Слово является автономной единицей, наделенной рядом свойств, которые проявляются в речевых действиях, при этом по одним свойствам оно зависит от контекста, по другим — само детерминирует контекст. По В.В. Виноградову, слово в своем историческом существовании неотрывно от мышления человека, от материальной и духовной культуры социума, от языка как системы. Однако семантические изменения конкретных слов и словоформ, непрерывность и разрывы в активном употреблении во многом оказываются непредсказуемыми. Главным является наблюдение «за постепенным ходом семантических модификаций слова». Такие наблюдения требуют широкого временного охвата — «больших данных» истории.

Семантический потенциал слова раскрывается во времени. Говоря о времени мира, Ф. Бродель ввел различие большой, средней и короткой исторической длительности [Бродель 2000]. Взятые в совокупности, они составляют «большие данные» исторического существования языка. Большая или, как пишет Ф. Бродель, очень большая длительность — это реальность языка и истории, устойчивая и медленно изменяющаяся во времени. Значительная часть словаря соотносится с большой длительностью, когда жизнь слова, как писал А.А. Потебня, состоит в его употреблении, т. е. «в применении слова к новым и новым случаям» [Потебня 1976: 302]. Средняя длительность — конъюнктурное время, «рассекающее прошлое на большие промежутки времени: десятилетия, двадцатилетия, пятидесятилетия» [Бродель 2000]. В истории языка периоды средней длительности могут быть выделены исходя из общественно-политических, культурных факторов и языковой политики. Краткая длительность называется также событийной историей. «Масштаб времени, задаваемый этим термином, соразмерен с индивидом,

с ритмом его повседневной жизни, с вашими иллюзиями, деятельностью вашего сознания. Время, определяемое им, — его время хроникера, время журналиста» [Там же]. Средняя и краткая длительность находятся в сложных, переплетающихся отношениях друг с другом. Предпринятая Петром I реформа азбуки, является событием, вызвавшим кардинальные изменения в истории русского литературного языка и ставшим точкой отсчета периода средней длительности, вплоть до 50-х гг. XVIII в. Подобным образом в XX в. революция 1917 г. относится к событийной истории, положившей начало формированию «тоталитарного языка». Некоторое соответствие членению времени мира по Ф. Броделю можно найти у Р. Козеллека в его характеристике разных источников для реконструкции истории понятий. Словари и энциклопедии предоставляют «долговечную информацию», содержащую «множество темпоральных слоев», в то время как газета и некоторые другие источники претендуют «только на один уровень темпоральности: современность и прагматизм» [Козеллек 2010: 32]. Разделение «больших данных» истории на долгую, среднюю и короткую длительность позволяет сформулировать следующее утверждение: слово, как субъект истории языка, по-разному проявляет себя в разные периоды длительности: оно проявляет активность и раскрывает свой семантический потенциал в «конъюнктурное» время и в «событийное» время.

Сделаем еще два замечания в теоретической части статьи. Вне связи с В.В. Виноградовым понятие семантического потенциала вводит Г.И. Кустова: «Это те возможности, которое представляет говорящим исходное значение и связанная с ним ситуация для осмысления, концептуализации других ситуаций...» [Кустова 2004: 29–30]. Г.И. Кустова отвечает на вопрос: «Как это возможно, чтобы?», В.В. Виноградов — на вопрос: «Как это происходило?» Понятие семантического потенциала оказывается эффективным в обоих случаях для размышления о слове как субъекте истории.

Второе замечание относится к «новому историзму» — повороту в современной исторической науке, характеризующемуся «недоверием к большим историям, радикальным теориям, привилегированным точкам зрения. Интересен отдельный момент, текст, индивид...» [Эткнд 2022: 522]. Три момента обращают на себя внимание в новом историзме: а) не метод «гордо шествует» впереди материала, но материал впереди метода, б) «в русском контексте новый историзм может выглядеть просто возвращением к историческому материалу, к здравому смыслу, к детали»; в) невозможно «финальное понимание» даже частного случая, откуда следует, как можно предположить, что поиск всегда продолжа-

ется. Рассматривая слово как субъект истории, мы учитываем позицию нового историзма.

Обратимся теперь к истории отдельных слов и сделаем попытку показать, в чем состоит их субъектность. Первое из них — существительное *представитель*. *Представитель* образован от одного из «славянизмов, попавших в русский литературный язык древнейшей эпохи» и упоминается в «Лексиконе трезязычном» Ф. Поликарпова, то есть является словом долгой временной длительности [Виноградов 1999: 545]. По мнению В.В. Виноградова, его значение представляет собой перевод французского “representant” и связано со временем Французской революции. Таким образом, включается событийное время, открывающее время средней длительности. Слово *представитель* широко распространяется и, как пишет В.В. Виноградов, «глубоко входит в систему русского интеллигентского словаря первых десятилетий XIX века» [Там же]. Как субъект истории, слово *представитель* проявляет себя в обретении значения, реализующего семантический потенциал этого слова. В.В. Виноградов приводит пример из записной книжки П.А. Вяземского — «эпизод из царствования Павла: «Во время государевой поездки в Казань, Нелединский, бывший при нем секретарем, сидел однажды в коляске его. Проезжая через какие-то обширные леса, Нелединский сказал государю: “Вот первые *представители* лесов, которые далеко простираются за Урал”. — “Очень поэтически сказано, — возразил с гневом государь, — но совершенно неуместно: изволь-ка сейчас выйти вон из коляски”» [Виноградов 1999: 545]. Реакция Павла вызвана «французскими коннотациями», нас же интересует контекст *представители лесов*, в котором *представитель* уже не является названием лица. Мы полагаем, что новая сочетаемость демонстрирует раскрытие семантического потенциала слова *представитель* и появление у него нового значения — именно таким образом проявляется активность слова как субъекта. В.В. Виноградов приводит (по словарю Д.С. Ушакова) значения слова *представитель*: «лицо, действующее по чьему-либо поручению, от имени кого-нибудь, представляющее чьи-либо интересы...»; «человек, представляющий в своем лице ту или иную социальную категорию, ту или иную сферу идеологии...»; «существо или предмет, как экземпляр, как образец того или иного разряда, вида, рода существ, предметов» [Виноградов 1999: 544]. Можно предложить следующее объяснение формирования указанных значений (иначе — раскрытия его семантического потенциала): *представитель* образован от глагола *представить* / *представлять*, основное значение которого ‘ставить перед чем-нибудь’. Глагол «ставить X перед Y» указывает на ориентацию в пространстве и вводит различие фигуры X и фона Y. Ориентационная

метафора распространяется на социальную сферу, культуру и природу. Фигура X связана метонимическим отношением с фоном (это может быть типичный образец, лучший пример и т. д. — в соответствии с трактовкой метонимической когнитивной модели Дж. Лакоффом [Лакофф 2004]). Денотативное пространство фона Y исходно не определено, что и позволяет использовать слово *представитель* каждый раз заново, соотнося его с новыми референтами, которые возникают благодаря открывающемуся новому знанию. Если фон — «трудящиеся массы», то фигура — «представители трудящихся масс», если фон — учреждение или промышленное предприятие, то «фигурой» становятся «представитель министерства», «представители фабрик и заводов» и т. д. В каждую конкретную эпоху значения слова *представитель* конкретизируются, производя референцию к «новым случаям». Новые употребления не исчерпывают семантический потенциал этого слова в том смысле, что социальная и общественная жизнь непрерывно поставляет нам разного рода организации в сфере политики, общественной жизни, культуры, испытывающие нужду в собственных *представителях*.

Обратимся к другому слову — *подписчик* (XVI в.), историю которого акад. В.В. Виноградов открывает следующим утверждением: «В морфологической структуре производного слова уже заложены многие возможности его семантического развития и раскрытия. В известной мере они определяются изменением конкретных значений тех слов и основ, с которыми это производное слово соотносено или непосредственно связано» [Виноградов 1999: 494]. Глаголы *подписать* / *подписывать*, *подписаться* / *подписываться* задают актантную рамку: агенс производит действие над объектом, результатом чего является создание нового объекта. Соответственно, агенс — это *подписчик*, производимое агенсом действие — *подпись*. «Слова *подписать* и *подписчик* были чисто русскими деловыми, профессиональными терминами, — пишет акад. В.В. Виноградов, — Они применялись в иконописном, живописном деле и в официально-канцелярской сфере, в приказном языке» [Там же: 495]. Вплоть до первых десятилетий XIX в. семантические процессы, происходившие в рамках данного словообразовательного гнезда, происходили параллельно. Так, утрата «старинного живописного значения» в глаголе *подписать* сопровождалась утратой соответствующего значения у производных существительных. В.В. Виноградов приводит значения глагола *подписаться* по Словарю Академии Российской, в числе которых: «обязываться подпискою платить известное количество денег по какому-либо случаю добровольно или по принуждению» [Там же: 496]. Однако то сужение значения, которое в современном русском языке позволяет толковать слово *подписчик* как однозначное («тот, кто

подписался на какое-либо издание» [БТС 2004: 876]), не может быть выведено «из морфологической структуры производного слова». Здесь понадобился внешний толчок, а именно, взаимодействие с французским языком в первые десятилетия XIX в. В.В. Виноградов приводит примеры употребления слов *субскрибент* и *пронумерант* в точности с интересующим нас значением. Слово *подписчик* по своей семантике было полностью подготовлено к тому, чтобы включить в свое значение конкретизацию платежного обязательства. «Народное русское слово *подписчик*, — пишет акад. В.В. Виноградов, — окончательно изгоняет своих иноязычных заместителей» [Виноградов 1999: 497]. В настоящее время *подписчик* активно используется в интернете. Возникает вопрос, исчерпался ли семантический потенциал слова *подписчик*. Одно значение оказалось с ним несовместимым. В БТС приводится слово *подписант*: «Разг. Тот, кто подписал коллективное прошение, заявление, обращение» [БТС 2004: 876]. В данном случае «блокирующим» оказался компонент «платежное обязательство», утрата которого означала бы и утрату конкретного значения слова *подписчик*. Тем не менее, появление «новых случаев», для которых *подписчик* оказался бы подходящей номинацией, вполне возможно.

Собственный семантический потенциал обнаруживается не только у слова, но и у словоформы. «В ряде случаев можно говорить о тенденции к автономизации (сепаратизации) словоформы, о её стремлении стать самостоятельным словом — говоря короче, о тенденции к её лексикализации. Это — важный способ пополнения словарного состава» [Норман 2016: 7]. Многочисленные примеры метонимических переносов в предложно-падежных формах, в результате которых они «отрываются» от именной парадигмы, приводит О.П. Ермакова: например, *стоять на солнце*, *поставить в тепло*, *прийти с холода* [Ермакова 2022]. Раскрытие семантического потенциала словоформы во времени можно проследить на примере прилагательного *отпелый*, восходящего к причастию от глагола *отпеть* — «совершить над покойником особый церковный обряд так наз. отпевания перед похоронами» [Виноградов 1999: 418]. Прилагательное *отпелый* получает (не ранее 40-х гг. XIX в.) значение «такой, что люди его как бы отпели, совершили обряд отпевания — с отрицательной экспрессией — “пропащий, вычеркнутый из списка достойных жизни людей”» [Там же: 417]. В основе формирования нового значения у причастия *отпелый* лежит метафорическая когнитивная модель. Как пишут Дж. Лакофф и М. Джонсон, метафора не только высвечивает, но и «затемняет» признаки одного и того же концепта [Лакофф, Джонсон 2004: 31]. Именно этот «затемненный» компонент включается в семантический потенциал прилагательного

отпетый. Метафорические обозначения *отпетый мошенник*, *отпетый негодяй* берут от своего источника представление о конце жизни, после которой никакие изменения невозможны, и «затемняют» тот факт, что в реальности и *отпетые мошенники*, и *отпетые негодяи* продолжают свое пребывание на земле. Не подлежит изменениям, то есть объявляется умершим лишь их нравственное чувство. Данная метафорическая логика не действует в отношении названий лиц других тематических групп, в частности, названий профессий: невозможны *отпетые плотники, инженеры, учителя* и под. *Отпетый плотник* невозможен, потому что до тех пор, пока плотник жив, он может либо улучшить свою профессиональную подготовку, либо свести ее на нет, либо, наконец, вовсе оставить работу плотника; иначе говоря, здесь возможна совокупность непредсказуемых выборов. В русском языковом сознании лишь нравственная смерть представляется необратимой, что и получает выражение в соответствующей метафоре.

Обратимся к таким случаям, когда два слова имеют близкое, или даже тождественное значение. Таковыми являются слова *ёлка* и *ель*. *Ёлка* — «то же, что ель» [СРЯ 1981: 465]. И вот спрашивается, почему *ёлка*, а не *ель* стала общепринятым обозначением рождественской елки.

Ритуал «рождественского деревца» был постепенно перенесен в русский мир из немецкой культуры начиная с эпохи Петра. В русской картине мира *ель* / *ёлка* несла с собой как отрицательные, так и положительные коннотации, в разные эпохи запрещали рождественскую ёлку, однако в конечном счете «новый обычай оказался столь обаятельным и чарующим, что отменить его так никому и не удалось» [Душечкина 2023: 113]. Семантический потенциал у слова *ёлка* оказался выше, чем у слова *ель*, и интересно понять, откуда же он проистекает. Е.В. Душечкина приводит типичные контексты употребления *ёлки*, сложившиеся в XIX–XX вв. Многие из них равно подходят и к *ёлке*, и к *ели*: *большая, высокая, стройная, густая ель / ёлка*. Такие контексты называют признаки хвойного дерева. Но когда это дерево переносится в дом, связываясь с такими смыслами, как детство, семейный уют, праздник, рождество, оказывается, что *ёлка* решительно побеждает *ель*, то есть обладает большим семантическим потенциалом. Здесь следует обратить внимание на содержащийся в *ёлке* суффикс. Утратив в этом слове значение уменьшительности (ср. *книга* — *книжка*, *свеча* — *свечка*, *тетрадь* — *тетрадка*), этот суффикс по сей день является коннотатором устного разговорного дискурса, «лучшим примером» которого является непосредственное семейное общение. Реализация потенциала слова *ёлка* проявилась в способности принять на себя все те ассоциативные смыслы, которые постепенно накапливались в русском социуме

начиная с XVIII в. Ёлка выступает субъектом истории языка, когда она становится названием праздника и специального представления. *Ель* таким потенциалом не обладала, и уже с середины XIX в. контексты употребления двух слов серьезным образом расходятся. Можно *устроить ёлку, пойти на ёлку, пригласить на ёлку, купить билеты на ёлку, обзавестись ёлкой*, но нельзя **устроить ель, пригласить на ель, купить билеты на ель*; *ёлка*, но *ель* не может быть *светлой, сияющей, украшенной, милой, любимой*, а также *искусственной*. Слегка упрощая, можно сказать, что *ёлка* становится словом культуры, в то время как *ель* — словом природы.

Другим примером того, как путь близких по значению слов определяется их семантическим потенциалом, могут служить существительные *мещанин* и *обыватель*. *Мещанин* — заимствование из польского (польск. “miasto” — «город», “mieszanin” — «горожанин» (суф. -anin)). В современном русском языке слово *мещанин* имеет два значения: «1. Лицо, принадлежащее к мещанству, к мещанскому сословию <...> 2. перен. Человек с мелкособственническими интересами, узким кругозором, обыватель» [СРЯ 1982, 2: 265]. *Обыватель* — собственно русское слово, образованное от глагола *обывати* — «проживать, обитать» (В.В. Виноградов относит оба слова к польским калькам немецких слов “Burger” и “Bewohner” [Виноградов 1982: 40]. Существительное *обыватель* также имеет два значения: 1. «Устар. Постоянный житель какой-л. местности <...> 2. Человек, лишенный общественного кругозора, с косными, мещанскими взглядами, живущий мелкими, личными интересами» [СРЯ 1982, 2: 580].

Мещанин и *обыватель* — слова долгой временной длительности. *Мещанин* — это житель городов Южной и Западной Руси на территории Литовского княжества; житель Мещанской слободы в Москве; житель посадского населения русских городов. Из названия лица по месту пребывания *мещанин* в «Наказе» Екатерины превращается в сословное имя. *Мещанин* — «средний род людей»: «Оный пользуясь вольностию, не причисляется ни к дворянству, ни ко хлебопашцам» [Императрица Екатерина Вторая 2008: 83]. Вслед за событийным временем разворачивается время средней длительности, *мещанин* как название лица мещанского сословия продолжает быть востребованным, пока существовала Российская империя. В Национальном корпусе русского языка имеется множество примеров с этим значением: «Предъявительница сего, ученица VII класса частной женской гимназии А.А. Раевской в Москве, Нина Ивановна Грибова, как видно из документов, дочь мещанина православного исповедания...»; Из копии её паспорта видно, что Мария Степановна <...> 15 февраля 1806 года обвенчалась с <...>

с мещанином Иваном Кузьминым» (Мельников-Печерский). Устойчивы сочетания *из мещан, причислить к мещанам, записаться в мещане, выписаться из мещан*. Мещанин выступает автономно, в сочетании с собственным именем, с атрибутом — названием города: *московский, мозырский, воронежский мещанин*.

Семантический потенциал названий лиц по социальной стратификации состоит в обретении оценочного значения [Фролова 2017]. Однако характер оценки при этом не предсказывается. Можно привести пример с немецким словом “Burger”. В немецком Средневековье бюргеры — это граждане средневековых городов, купцы и ремесленники. В это время “burgerlich” — это синоним таких определений, как «благовоспитанный», «общительный», «любезный» — оценки, немислимые в отношении *мещанина* [Ридель 2014]. Мещанин — пришлый (неисконный), нецентральный (посад, слобода), частично пораженный в правах, занимающийся ремеслом или торговлей, горожанин низшего разряда. Эти знания коннотативно входят в семантический потенциал слова *мещанин*, но еще не являются основанием для однозначно негативной оценки. Во временном интервале средней длительности в середине и во второй половине XIX — начале XX в. в русской литературе (Г. Успенский, Н. Лесков, Н. Помяловский, М. Салтыков-Щедрин, М. Горький, А. Чехов) создаются портреты мещанина. Не всегда эти портреты совпадали, но доминировал образ типичного мещанина: он привлекателен внешне, тупой, жадный, «законопослушный», эмоционально неразвитый, у него неприятная мещанская речь. Внутри когнитивной метонимической модели «целое» — «часть» действует родовидовая модель, когда название класса становится метонимическим обозначением свойств этого класса [Radden, Kövecses 1999]. Коннотации, содержащиеся в семантическом потенциале слова *мещанин*, обеспечили этот перенос. Так *мещанин* был приспособлен для выполнения новых функций: ввести в языковое сознание слово для обозначения не принимаемого социумом, отталкивающего типа личности. В советское время это значение становится исключительно актуальным (в Национальном корпусе примеров с данным значением даже больше, чем со значениями «лицо мещанского сословия» и «житель города»). Подобная востребованность доступна психоаналитической интерпретации. К.Г. Юнг различает персону и тень. Персона — это то, что человек сам думает о себе, и каким он хочет, чтобы его видели, тень — это то, что спрятано, подавляется, противостоит нашему сознанию. Тень лучше всего проявляется, когда мы даем оценку другому человеку. Это то, с чем мы боремся в себе. Не является ли *мещанин* той «коллективной тенью», которую социум не желает признавать, имея ее фактически внутри себя? В последние годы употребление слова *мещанин* снижается. Это может означать,

что «коллективная тень» победила, слово исчерпало свой потенциал, и прагматическая надобность в нем отпала.

Иная судьба оказалась у *обывателя*. Это слово никогда не было социальным термином и не несло тех коннотаций, о которых было сказано применительно к *мещанину*. О своего рода реабилитации обывателя можно судить по употреблению этого слова в книге М. Кронгауза «Русский язык на грани нервного срыва». Подзаголовок этой книги носит название «Записки просвещенного обывателя» (интертекстуальная отсылка к «просвещенному читателю» А.С. Пушкина). В первой заметке «Надоело быть лингвистом» М. Кронгауз, что называется, препарирует понятие об обывателе, постепенно освобождая его от нежелательных смыслов и попутно вскрывая психологический облик обывателя: «...называя себя обывателем, я не имею в виду ничего дурного <...> Я не воинствующий обыватель (то есть традиционный обыватель наделяется агрессией — *О.Р.*) <...> я образованный обыватель» (традиционный обыватель предполагается необразованным — *О.Р.*) [Кронгауз 2008: 20]. Дальше начинают перечисляться характеристики или нейтральные, или вызывающие скорее симпатию («а вот как обыватель, чего уж там, мат не люблю», «вообще как любой обыватель я больше всего ценю спокойствие и постоянство»). Просвещенный обыватель совмещается в личности автора с просвещенным лингвистом, и даже когда эти две ипостаси яростно борются внутри него, идет ремарка об обывателе (снова не имею в виду никакой отрицательной оценки, обычно сопутствующей этому слову» [Кронгауз 2008: 391]. Робкие попытки освобождения от переносного значения у *мещанина* пока что не приносят плодов.

Подведем итоги. Представление о слове как субъекте истории основывается на наблюдениях за историей слов, конкретнее, на попытке ответить на вопрос, почему то или иное слово в какой-то момент своего существования начинает вести себя особым образом и не подчиняется «системным» закономерностям. Результатом является появление нового понятия. Дальнейшие аналогии привели к понятию семантического потенциала слова и разворачиванию этого потенциала в историческом существовании слова. Время долгой длительности характеризуется тем, что слово практически не изменяет своего значения. Толчком к изменению становится событийное время вкупе с проявляющейся в это время прагматической необходимостью в вербализации нового смысла. Здесь начинается раскрытие семантического потенциала слова, в полной мере осуществляющегося в конъюнктурное время (средняя длительность).

Литература

Бродель Ф. История и общественные науки. Историческая длительность. URL: <http://abus.narod.ru/Biblio/braudel.htm>. (Дата обращения: 19.07.2023).

Виноградов В.В. Очерки истории русского литературного языка XVII–XIX веков. М.: Высшая школа, 1982.

Виноградов В.В. История слов / Российская академия наук. Отделение литературы и языка. Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН/ Отв. ред. академик РАН Н.Ю. Шведова. М., 1999.

Душечкина Е. Русская ёлка. История, мифология, литература. М.: Новое литературное обозрение, 2023.

Ермакова О.П. Избранные труды по русскому языку / Отв. ред. А.П. Еремин. Калуга: КГУ им. К.А. Циолковского, 2022.

Императрица Екатерина Вторая. Наказ, данный комиссии о сочинении проекта нового Уложения / Под ред. и с предисл. В.А. Томсинова. М.: Зерцало, 2008.

Козеллек Р. К вопросу о темпоральных структурах в историческом развитии понятий // История понятий, история дискурса, история метафор: Сборник статей / Под ред. Х.Э. Бедекера. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 21–33.

Кронгауз М. Русский язык на грани нервного срыва. М.: АСТ, 2018.

Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи. Что категории языка говорят нам о мышлении. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. / Под ред. и с предисл. А.Н. Баранова. М.: Едиториал УРСС, 2004.

Кустова Г.И. Типы производных значений и механизмы языкового расширения. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Норман Б.Ю. Жизнь словоформы. М.: ФЛИНТА, 2016.

Ридель М. Бюргер, гражданин, бюргерство, буржуазия (Burger, Staatsburger, Burgertum) // Словарь основных исторических понятий. Избранные статьи в 2-х т. Т. 2. М.: Новое литературное обозрение, 2014. С. 5–92.

Фролова О.Е. О коннотациях слов *аристократ*, *барин*, *буржуа*, и их дериватов в русском языке // Известия Уральского федерального университета. Серия 2. Гуманитарные науки. 2017. Т. 19. № 3 (166). С. 174–190.

Эткнд А. Толкование путешествий. Россия и Америка в травелогах и интертекстах. М.: Новое литературное обозрение, 2022.

Radden G., Kövecses Z. Towards a Theory of Metonymy // Metonymy in Language and Thought / Ed. by K.-U. Panther, G. Radden. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Co. 1999. P. 17–59.

Словари

БТСРЯ — Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2004.

СРЯ — Словарь русского языка: В 4-х т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1981–1984. Т. 1. 1981. Т. 2. 1982.

ГРАММАТИЧЕСКИЕ АНОМАЛИИ КАК ПОТЕНЦИИ: О СИСТЕМНО-ПРОЕКТИВНОМ ПОДХОДЕ К ЯЗЫКУ

М.Н. Эпштейн

Университет Эмори, Атланта, США

В речевой «аномалии», вольном поэтическом отклонении от нормы, лингвистика находит новую системообразующую возможность, расширенную модель языка будущего. Лингвист работает с конкретной языковой аномалией — и путем теоретических обобщений и гипотез возводит ее в языковую норму, действие которой он демонстрирует на ряде речевых примеров. В статье рассматриваются две аномалии как потенции грамматического развития: а) расширение парадигмы беспредложного дательного падежа, сферы его сочетаемости с глаголами. Это так называемый «глубинный, или обобщенный» дательный: *шуметь, думать, грустить, жить, умирать, любить кому-либо*; б) расширение роли наречия-сказуемого в безличном предложении, т. е. категории состояния. Практически любое наречие может выступать в роли предиката, например, *нам бодро и морозно*. Способность наречий обозначать не только признак действия (функция обстоятельства), но и состояние лица или природы (функция сказуемого), усиливает глагольную энергетику языка.

Ключевые слова: *грамматика, аномалии, дательный падеж, категория состояния, предикативное наречие, Г.О. Винокур, системно-проективный подход.*

GRAMMATICAL ANOMALIES AS POTENCIES: ON THE SYSTEM-PROJECTIVE APPROACH TO LANGUAGE

Mikhail N. Epstein

Emory University. Atlanta (GA), USA

In an anomaly as a free, poetic deviation from the norm, linguistics discovers a new system-forming possibility — an expanded model of future language. The linguist works with a specific speech anomaly and, through theoretical generalizations and hypotheses, elevates it into a linguistic norm. The effect of this transformation is then demonstrated using various speech examples. The article considers two anomalies as potentials for grammatical development: (a) The expansion of the paradigm of the non-prepositional dative case, the range of its combinability with verbs. This is the so-called “deep, or generalized” dative: *to make noise, to think, to be sad, to live, to die, to love addressing someone*; (b) The expansion of the role of the adverbial predicate in an impersonal sentence, that is, the category of state (*kategorija sostoianiiia*). Virtually any adverb can act as a predicate, e.g., *it is awaken and frosty to us*. The ability of adverbs to denote not only the characteristics of an action (the circumstantial function) but also the state of a person or nature (the predicate function) enhances the expressivity of a verb and action in language.

Keywords: *grammar, anomalies, dative case, category of state, predicative adverb, G.O. Vinokur, system-projective approach.*

1. О роли аномалий в лингвистике

Томас Кун писал:

«Наука начинается с осознания аномалии, то есть с установления того факта, что природа каким-то образом нарушила навешанные парадигмой ожидания, направляющие развитие нормальной науки» [Кун 1977: 80].

Начинаясь с осознания аномалий, наука в дальнейшем переходит к перестройке самой парадигмы, к расширению того, что считается нормой. В частности, осознание аномалий в языковой парадигме — один из путей воздействия лингвистики на творческое развитие самого языка, на рост его системности путем осознания новых конструктивных возможностей самого отступления от системы.

Аномалии — это скрытый ресурс новой нормы, это зародыш нового языкового организма. Лексическая аномалия — зародыш нового слова. Грамматическая аномалия — зародыш нового правила, морфологической или синтаксической модели. Аномалия — это возможность системного сдвига в языке, одно из направлений его будущей эволюции.

В речевой «аномалии», вольном поэтическом отклонении от системы, лингвистика находит новую системообразующую возможность, расширенную модель языка будущего. Лингвист работает с конкретной языковой аномалией — и путем теоретических обобщений и гипотез возводит ее в языковую норму, действие которой он демонстрирует на ряде речевых примеров. Художественная словесность реализует те возможности языковой системы, которые еще не стали нормой, и одна из задач лингвистики — закреплять эту возможность в языке, тем самым увеличивая его выразительные средства и регулярность его словообразовательных и грамматических моделей.

Языковые аномалии глубоко исследовались в известных работах Ю.Д. Апресяна, Н.Д. Арутюновой, Т.Б. Радбиля. Меня особенно интересуют аномалии именно в грамматике, наиболее устойчивой и упорядоченной части языковой системы. «*Грамматика есть бог ума. / Решает все за нас сама...*» — это поэтическое наблюдение Льва Лосева верно и лингвистически. Мы выбираем слова, но не выбираем правил; мы редко думаем о грамматике, когда говорим, — она думает за нас, она, как «бог», управляет нашим умственным процессом. Грамматика гораздо более консервативна, чем лексика, изменения в ней обычно происходят не годами, а столетиями. Темп и направление этих перемен могут отчасти задаваться совместным творчеством практиков и теоретиков языка — писателей и лингвистов.

Одним из первых новую перспективу грамматического творчества, «лингвистической инженерии», или, как мы бы сейчас сказали, «лингво-арта» и «грамм-арта», очертил Г.О. Винокур. Глубокий и разносторонний лингвист, он был чуток к новейшим поэтическим движениям и искал в них не только факты эстетики и поэтики, но и проекции дальнейшего развития языка, стимулы его обновления. Так, футуризм был для Г.О. Винокура не просто поэтической школой, но уроком практической лингвистики, которая могла бы перенести открытия поэзии на язык в целом и способствовать его системному расширению:

«Футуристы первые сознательно приступили к языковому изобретению, показали путь лингвистической инженерии, поставили проблему «безъязыкой улицы», и притом — как проблему поэтическую и социальную одновременно. Ошибочно, однако, было бы подразумевать под этой инженерией в первую очередь «заумный язык». /.../ ...Отмечу действительно характерную и важную для лингвиста черту футуристского словотворчества: последнее не столько лексикологично, сколько грамматично. А только таковым и может быть подлинное языковое изобретение, ибо сумма языковых навыков и впечатлений, обычно определяемая как «дух языка», — прежде всего создается языковой системой, т. е. совокупностью отношений, существующих между отдельными частями сложного языкового механизма» [Винокур 1990: 17].

В этом коротком пассаже — целая программа сотрудничества литературы и лингвистики в обновлении языка, причем, как подчеркивает Г.О. Винокур, самых его глубинных, системных, грамматических аспектов. Лингвист находит в конкретных речевых актах поэзии те сдвиги и преобразования наличных моделей, которые могут послужить грамматическому развитию языка в целом. При этом роль лингвиста исключительно велика. Во внесистемном речевом акте, вольном поэтическом отклонении от системы он находит новую системообразующую возможность, расширенную модель языка будущего. Лингвист работает с конкретной языковой аномалией, и путем теоретических обобщений и гипотез возводит ее в языковую норму, действие которой он далее демонстрирует на ряде речевых примеров, позволяющих убедить хотя бы часть языкового сообщества в эффективности этой новой модели. Языковед становится, по выражению Велимира Хлебникова, «языководом», т. е. вслед за поэтом, творчески обновляющим речь, пытается творчески обновить сам язык, трансформировать его введением новых норм и правил. Если писатель — открыватель новых путей речи, то именно языковеду-языководу дано обобщить эту практику «конструктивных аномалий» в художественном тексте до возможных

сдвигов в целостной системе языка, осмыслить исключение как зародыш нового правила. Такую лингвистику можно назвать уже не дескриптивной, а **системно-проективной**, поскольку она не описывает наличный язык, а проектирует будущее языковой системы на основе его творческих преобразований в художественных текстах. Такая лингвистика уже не просто изучает язык, но включается в процесс его трансформации, как орудие его самосознания и самоизменения.

Рассмотрим две грамматические модели, возникающие первоначально в художественной речи, а затем переносимые на систему языка. Я отталкиваюсь от крошечных грамматических смещений, микроаномалий в текстах поэтов Геннадия Айги и Давида Самойлова и пытаюсь показать, что эти аномалии чреватые новыми нормами, которые способны расширить и сделать более регулярной, гибкой и выразительной грамматическую систему русского языка.

2. «Шумящее Богу дитя». Адресность бытия. Глубинный дательный падеж

В цикле предсмертных стихов Геннадия Айги (1934–2006) есть строка: *«шумящее Богу дитя»* [Айги 2007: 359]. В этих трех словах открывается новая грамматическая возможность для русского языка. *«Шуметь Богу»*. *«Шуметь кому...»* Дитя еще не может говорить или писать, жаловаться или молиться Богу. Но оно обращается к нему по-своему — шумом.

Точно так же и лес может шуметь Богу, и трава зеленеть Богу. А может зеленеть человеку, который ступает по ней, или тому, о ком он думает, кому мысленно «посылает» этот шум и зелень.

Когда мы с тобой расстались и я шел через поле, трава шумела и зеленела тебе¹.

Дательный падеж здесь употребляется с глаголами (*шуметь, зеленеть*), которые обычно этим падежом не управляют. Вообще по правилам грамматики дательный беспредложный обозначает лицо или предмет, к которому обращено действие, и употребляется с глаголами волевых или речевых действий: *говорить, писать, сообщать, отправлять, помогать, разрешать, запрещать, советовать, кивать, махать* кому, чему; а также с глаголами, выражающими чувства, душевные

---

¹Здесь и далее все речевые примеры, авторы которых не указаны, принадлежат автору статьи.

переживания: *верить, доверять, радоваться, удивляться, улыбаться, завидовать, сочувствовать.*

Но по сути любое действие может иметь адресата, быть частью процесса общения, обращаться к кому-то или чему-то. Можно не только говорить или писать кому-то, но и жить, думать, ходить, болеть, грустить, тосковать, дышать *кому-то*, превращая все эти действия в средство коммуникации, способ передать сообщение. Необязательно делать это буквами или словами — это можно делать движением, мыслью, поступком, всем своим существом. Дательный падеж при любом глаголе раскрывает тем самым всеобщую адресность бытия.

Кому мы живем? Кому умираем?

Живи не себе, а Богу и отечеству.

Я тужусь себе, а ленюсь коллегам, чтобы они оставили меня в покое.

Она заплакала. Сначала она плакала мужу, потом маме, потом вспомнила бабушку и плакала ей, но на бабушке слезы стали иссыхать.

У Елены Шварц есть словосочетание «думать кому»: думать можно не только о чем-то, но и кому-то; мысль, а не только слово, имеет свой адресат.

*Печален старичок, допив настой на травке,
И думает кому, лежащему на лавке... [Шварц 2002]*

Мы хорошо знаем за собой способность производить действия, мысленно или экзистенциально обращаясь к каким-то лицам, как бы в ответ на их прежние действия или предполагая их ответ в будущем. Мы живем, думаем, любим кому-то или чему-то, т. е. обращаясь к некоторому свидетелю, собеседнику, слушателю, зрителю, внимателю, понимающему, переживателю, ценителю нашего бытия. Вот такая глубинная диалогичность и находит выражение в беспредложном дательном.

Мы назовем этот падеж, который обозначает всеобщую адресность бытия, **глубинным дательным**, с тем чтобы отличить его от «нормативного» дательного падежа, который по действующим правилам стандартно управляется только определенными глаголами. «Говорить, возражать, советовать кому» — нормативный дательный; «шуметь, зеленеть, жить, умирать, плакать кому» — глубинный дательный. Облачко адресности, обычно разреженное и почти невидимое, окутывает все человеческое бытие, но мы редко отдаем себе в этом отчет. **Глубинный дательный** позволяет осознать и вербализовать тот аспект наших действий, который до сих пор не имел регулярного способа выражения в языке.

Сравним два предложения: «правильное» и «неправильное»:

Я много думаю о тебе.

Я думаю тебе о многом.

В первом предложении «ты» — объект размышлений, во втором — адресат. Как выразить различие этих двух думаний — обращенного к тебе как к объекту и как адресату? Различием падежей. Конечно, можно сказать: «Я думаю о многом, мысленно обращаясь к тебе, разговаривая с тобой». Но это чересчур громоздко и не передает той общей адресности моей мысли, которая может переходить с объекта на объект, но всецело обращена к данному человеку и выражена простым «думаю тебе».

Вряд ли требует оговорки, что глубинно-дательный падеж не следует смешивать с «одесско-дательным» или «местечково-дательным», т. е. с жаргонным или диалектным искажением нормативных падежей. Например, «Я смеюсь тебе, Муля!» — это искажение творительного падежа: «я смеюсь над тобой».

Глубинный дательный может раскрывать обращенность природы к человеку, как одно из проявлений ее одушевленности, особенно в поэтическом восприятии:

Дерево зеленеет тебе. А мне оно сереет.

Колокольчик цвел проходим, но за ним его никто не замечал.

Адресные отношения могут быть и между явлениями природы. «Небо синее воде» — это значит, что оно посылает воде свой цвет, свои очертания, отражается в ней. «Лес шумит ветру» — лес отзывается на порывы ветра и посылает ему в ответ шум своей листвы.

Такое расширение функции дательного беспредложного параллельно тенденции транзитивации глаголов, их способности управлять беспредложным винительным. Глаголы, которые раньше считались непереходными, начинают употребляться переходно: «гулять собаку», «улыбать слушателей», «танцевать девушку», «плавать ребенка», «лопнуть шарик», «трудить душу» и т. п. В принципе любой глагол может обозначать не только определенное действие, но и то, что активно его причиняет, каузирует («плавать ребенка» — делать так, чтобы ребенок плавал; «трудить душу» — делать так, чтобы душа трудилась) [Эпштейн 2007].

Но точно так же любой глагол может обозначать обращенность действия к определенному адресату. Эти два свойства глагола: **переходность** и **обращенность** действия, активизация субъекта по отношению и к объекту, и к адресату — развиваются параллельно, обозначая

общую тенденцию современного глагола к расширению падежной валентности. Между беспредложными винительным и дательным падежами то общее, что они выражают прямое, непосредственное действие, обращенное на объект или к адресату. Соответственно глаголы, управляющие этими двумя беспредложными падежами, можно назвать **глаголами прямого действия**. В этот разряд включаются все глаголы в своей переходной функции — и глаголы в своей адресной функции. В принципе, любое действие может быть **адресным** (как и транзитивным), а значит, любой глагол может иметь при себе дополнение в дательном падеже без предлога.

Один и тот же глагол может быть и переходным, и глубинно-адресным, но два эти значения, например, у глаголов *любить* и *ненавидеть*, глубоко различны.

Кого бы и за что бы мы ни любили, мы всегда любим Богу. А ненавижим дьяволу.

«*Любить Богу*» — это не то же самое, что «*любить Бога*». Бог предстает в этом предложении не как объект любви, но как адресат и свидетель всякой любви, кто бы ни был ее объектом (ибо «*Бог есть любовь*»). И точно так же всякая ненависть, на кого бы она ни была направлена, обращена по сути к дьяволу как к своему явному или неявному адресату.

Оба значения, объектное и глубинно-адресное, могут контрастно сочетаться в одном употреблении глагола. Например, любя *одного человека* (вин. п.), можно любить его *другому человеку* (дат. п.). Такая ситуация встречается у Достоевского в «Братьях Карамазовых». Катерина Ивановна, по всем признакам и по ее собственному признанию, любит Ивана. Но эта любовь столь явно обращена к другому брату, Дмитрию, столь настойчиво ему предъявляется и бросает ему вызов, что Катерина Ивановна могла бы сказать Дмитрию:

Я люблю не тебя. Но я люблю тебе. Это, может быть, еще сильнее.

Важно понять отличие беспредложной дательной конструкции от родительного падежа с предлогом *для*. «*Я пишу тебе*» — «*я пишу для тебя*». *Для* — это предлог, указывающий цель действия, то лицо, в пользу которого действие совершается. Дательный падеж не связан с целеполаганием, он указывает не на средство и цель («*пишу для тебя*»), а на собеседника, адресата, партнера по бытию, того, кому я передаю, вручаю, сообщаю себя («*пишу тебе*»). «*Кому мы живем? Кому умираем?*» — это вопрос не о цели бытия, но о его свидетеле, собеседнике, высшем адресате. Человек может знать, для кого или для чего он живет

(для детей, для работы, для славы и т. п.), и при этом не знать, кому он живет, кто свидетель и адресат его бытия. А порой, наоборот, мы не знаем, для кого или для чего мы живем, но чувствуем, что живем *кому-то*.

3. «Нам бодро и морозно». Универсальность категории состояния. Наречие-сказуемое в безличном предложении

У Льва Толстого в «Хаджи Мурате» есть такое предложение: «*Ему подумалось, что это так и будет, и ему вдруг стало серьезно на душе*». Можно ли так сказать: «*серьезно на душе*»? И если это аномалия, то не зародыш ли она новой нормы?

В русском языке есть особый разряд слов — предикативные наречия, т. е. наречия не в обычной для них роли обстоятельств, но в роли сказуемых (предикатов). Например, «*огонь весело трещал*» — здесь наречие *весело* выступает как обстоятельство (трещал как?). «*Мне весело было смотреть на огонь*» — здесь *весело* выступает как предикат, сказуемое (мне было каково?) и в сочетании с глаголом-связкой *было* приобретает временное значение. Точно так же: «*Он холодно на меня посмотрел*» (обстоятельство). «*Сегодня на улице холодно*» (сказуемое). Наречия выступают в качестве сказуемых, как правило, в безличных предложениях, где субъект либо отсутствует («*на улице холодно*»), либо выражен грамматически не как подлежащее, а как косвенное дополнение («*мне холодно*»).

Некоторые лингвисты, например, академик В.В. Виноградов, выделяют предикативные (сказуемые) наречия и ряд других слов (не глаголов), используемых в предикативной функции, в **особую часть речи** — «категорию состояния как новую для русского языка, но очень активно развивающуюся часть речи» [Виноградов 1972]. К категории состояния относятся, в частности, наречия на *-о*, имеющие формы времени, служащие для выражения сказуемых в безличных предложениях и обозначающие психическое или физическое состояние: *весело, грустно, смешно, тревожно, светло, темно, жарко, холодно, больно...*

Однако по ныне действующим нормам далеко не все качественные наречия на *-о* могут выступать в качестве предикатов. Можно сказать: *мне весело, грустно, холодно, жарко, душно, легко, трудно*, но нельзя сказать: *мне быстро, нежно, бодро, морозно, лукаво, упрямо, покорно, смело, робко, умело, торопливо, кротко, свирепо, жестоко, жадно, враждебно, доверчиво* и т. д. Кто установил эти ограничения? Почему можно сказать «*мне грустно и светло*» (Пушкин), но нельзя сказать «*мне задумчиво и нежно*»?

У Давида Самойлова в стихотворении «Давай поедem в город...» (1963) находим в роли сказуемых такие наречия, как *бодро* и *морозно*, которые предваряются более привычным использованием *печально* в том же ряду однородных членов:

*Года пускай хранятся,
А нам храниться поздно.
Нам будет чуть печально,
Но бодро и морозно* [Самойлов 1989]

В.В. Виноградов отмечает невозможность таких выражений: «*было вечно, будет медленно, было поспешно, будет трусливо*» [Виноградов 1972: 331]. Но по какому, собственно, признаку устанавливается этот запрет? Почему нельзя сказать:

Мне слишком медленно в этой деревне, мне привычней там, где торопливо, в большом городе.

— Тебе хорошо со мной? — Да. Я хочу, чтобы нам было *медленно*. Я хочу, чтобы нам было *вечно*.

Представляется, что именно в этом направлении может развиваться категория состояния в русском языке — потенциально включать в себя **все качественные наречия**, если они приобретают **функцию сказуемого**. Тогда любое наречие, в зависимости от контекста, от структуры предложения, сможет употребляться и в роли обстоятельства, и в роли сказуемого. Тем более что граница, пролегающая между употреблением наречий как обстоятельств (**при** глаголах) и как сказуемых (**вместо** глаголов), исторически уже передвигалась в русском языке. Сам В.В. Виноградов указывает: «Несомненно, что в древнерусском языке возможности сказуемого употребления наречий были гораздо шире» [Виноградов 1977: 331].

Полагаю, что будущее предикативных наречий ближе к их прошлому, чем к настоящему. **Предикативизация наречий**, их способность обозначать не только признак действия (функция обстоятельства), но и состояние лица или природы (функция сказуемого), усиливает глагольную энергетику языка.

Насколько мне известно, не существует писанных правил, которые разрешали бы или запрещали использование определенных наречий в предикативной функции. Ниже мы приведем ряд наречий, которые до сих пор использовались только в качестве обстоятельств, — и покажем возможность их предикативного употребления (выделяя их жирным шрифтом).

*Он нежно на нее смотрел. — Ему было **нежно** на нее смотреть.*

Отметим разницу значений. В первом предложении *нежно* — лишь признак конкретного действия *смотреть*, во втором — это целостное состояние субъекта, которое вызывается взглядом. Предикативность расширяет смысл наречия, превращая его из второстепенного в главный член предложения, из обстоятельства в сказуемое.

Возможны и еще более общие значения этого же предикативного наречия, уже не связанные с определенным действием (*смотреть*).

*Ему было **нежно** с ней. Мне сегодня **нежно**. Хочу, чтобы тебе было **нежно**.*

Приведем еще ряд параллельных примеров: одно и то же наречие — в двух разных грамматических функциях:

*Он держится то смело, то робко. — Мне бывает **смело** с врагами, а с тобой мне всегда **робко**.*

*Он вел себя дерзко и влюбленно. — В доме было тепло и **влюбленно**.*

*Она взглянула на него задорно и лукаво. — Ей было **задорно** и **лукаво** с этим властным и слишком уж спокойным человеком.*

Отметим разницу между наречием-сказуемым в безличных предложениях и составным именным сказуемым (выраженным кратким прилагательным) в личных предложениях. *Ему было **покорно*** (безличное) — *Он был покорен* (личное). *Ей было **задорно** и **лукаво*** (безличное) — *Она была задорна и лукава* (личное). В личных предложениях краткие прилагательные как часть составных именных сказуемых указывают на признаки субъектов, обозначенных подлежащими. В безличных предложениях предикативные наречия указывают не на объективные признаки данного лица, а на его субъективные состояния: не *каков он*, а *каково ему* (*покорно, задорно, лукаво...*).

В качестве связки в безличных предложениях с наречием-сказуемым может употребляться не только глагол *быть* (*было, будет*), но и глаголы *стать, становиться, делаться, сделаться*.

*После появления главного моего недоброжелателя мне стало **дерзко** и даже **свирепо**.*

*Ей сначала было больно, а потом стало спокойно и **доверчиво**.*

*Вдруг ему сделалось **жадно** и **завистливо** на душе: отчего эта награда не ему?*

В некоторых случаях не только качественные наречия, но даже **качественные прилагательные** могут переходить в категорию состояния как сказуемые безличного предложения.

*У нее были румяные щеки. — Ее щекам было **румяно** в этом морозном воздухе.*

*Эта ваза очень хрупкая. — Хрустальной вазе **хрупко** стоять на этом стеклянном столике.*

Такие конструкции предполагают способность неодушевленных предметов иметь субъективные состояния, т. е. до некоторой степени одушевляют, персонифицируют их — прием, особенно уместный в художественном тексте.

*Воде **зелено** от деревьев.*

*Глазам **сине** от воды.*

*Воздуху **пряно** от цветов*

*Реке **трепетно** от ветра.*

Даже относительные прилагательные могут приобретать краткую форму и выступать в роли сказуемых безличного предложения:

*Тебе сейчас как? — **Предотъездно**.*

Писательница Марина Вишневецкая, автор мифопоэтического романа «Кашей и Ягда, или Небесные яблоки», сообщила мне в личном письме в связи с моим проектом «Дар слова. Проективный лексикон русского языка» (2000–2023):

«Работая над продолжением мифологического романа, я обратила внимание на то, как органично входят в него фразы типа «облаку кудлато», «небу багряно». А потом и в письме подруге вдруг написалось: «Вчера перечитывала «Шпиль» Голдинга. И мне снова было захватывающе». Или: «Фотографии детей пересматривала много раз. Мне снова ласково!» А может быть, подобное словоупотребление и в самом деле возможно? И даже насущно? Может быть, язык его от нас ждет?» (из личной переписки).

«*Язык ждет*» — это, по сути, девиз проективной лингвистики, которая обращается именно к ожиданиям языка, к тому, что он внушает, подсказывает, нашептывает нам в художественных грезах и научных гипотезах, чтобы прорваться в свое будущее.

Мы склонны воспринимать художественную словесность как особый, замкнутый в себе язык, который имеет мало общего с языком

общенародным, повседневным. Но это не так. Искусство слова прокладывает дорогу языку, показывает, что может язык вообще, какова область его ближайшего и отдаленного развития. Поэзия — это системный потенциал языка, совокупность тех аномалий, девиаций, трансформаций, которые становятся его ростковыми точками.

Как уже упоминалось, одним из первых это понял Г.О. Винокур, лингвист-теоретик и одновременно практик, «языковед», пытавшийся извлечь из футуристической поэзии уроки для *всего* языка. Еще в 1923 г. он подчеркивал «значение футуристской поэзии для массового языкового строительства, задача которого, на известной ступени общего культурно-технического совершенства, неизбежно станет перед человечеством. Понятен поэтому взаимный интерес, связывающий лингвистов с поэтами-футуристами» [Винокур 1990: 22].

Задача лингвистики (или, более узко, лингвопоэтики) — не только изучать художественную словесность, но и вносить ее творческий порыв, ее «энергию заблуждения» (Л. Толстой) в общенародный язык, находить те лексические и грамматические формы, которые оживлены гением поэта и могут, в свою очередь, заново пробуждать усыпленный гений языка. Вот так и приведенные выше строки Г. Айги и Д. Самойлова намекают на те грамматические и концептуальные возможности, которые открывают русскому языку обобщенный дательный падеж и обобщенная категория состояния.

Литература

Виноградов В.В. Русский язык (грамматическое учение о слове). Изд. 2. М.: Высшая школа, 1972.

Винокур Г.О. Филологические исследования: Лингвистика и поэтика. М.: Наука, 1990.

Кун Т. Структура научных революций. М.: Прогресс, 1977.

Эпштейн М. О творческом потенциале русского языка. Грамматика переходности и транзитивное общество // Знамя. 2007. Вып. 3. С. 193–207.

Источники

Айги Г. Из больничных блокнотов (22.6.2005) // Премия Андрея Белого. Альманах. 2005–2006, СПб.: Амфора, 2007. С. 361–369.

Самойлов Д. Избранное. М.: Художественная литература, 1989.

Шварц Е. Сочинения Елены Шварц. В 2-х т. СПб.: Пушкинский фонд, 2002.

РАЗДЕЛ 3.

ЛИНГВОКРЕАТИВНОСТЬ СКВОЗЬ ПРИЗМУ НОВЫХ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ПОСТРОЕНИЙ

ДИНАМИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ЛИНГВОКРЕАТИВНОСТИ В ФУНКЦИОНАЛЬНО-ДИФФЕРЕНЦИРОВАННОЙ РЕЧИ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)

Н.Б. Гвишиани

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва

В статье рассматриваются особенности проявления лингвокреативности в различных типах дискурса с опорой на соотношение системных и несистемных признаков в функционировании языковых единиц. На основе дихотомии «эмоциональное / специальное» содержание показано, что динамическая модель лингвокреативности наиболее полно реализуется в текстах, воплощающих функцию воздействия (художественный дискурс) по сравнению со специализированными типами дискурса (научный язык), где происходит сужение сферы референции за счет терминологизации. Другим фактором выявления лингвокреативности служат «Большие корпусные данные», позволяющие сопоставить потенциал различных функциональных стилей и дискурсов в плане метафоризации языковых единиц. В центре внимания также находится дихотомия инвариантности и вариативности в языке. В этой связи элементы креативного использования языковых средств в тексте оригинала исследуются на фоне «прототипического инварианта», представленного в автоматизированном переводе.

Ключевые слова: *динамическая модель лингвокреативности, текстовые парадигмы, прототипический инвариант.*

THE DYNAMIC MODEL OF LINGUISTIC CREATIVITY IN FUNCTIONALLY DIFFERENTIATED SPEECH (BASED ON THE ENGLISH LANGUAGE)

Natalia B. Gvishiani

Lomonosov Moscow State University, Moscow

The article discusses the manifestations of linguistic creativity in various types of discourse based on the ratio of systemic and non-systemic features in the functioning of language units. Proceeding from the dichotomy “emotional / specialized content”, it is shown that the dynamic model of linguistic creativity is most fully implemented in texts that embody the function of impact (literary discourse) in comparison with specialized types of discourse (scientific language), where the sphere of reference is narrowed due to terminologisation. Another factor in identifying linguistic creativity is “Big Corpus Data”, which allows comparing the potential of various functional styles and discourses in terms of metaphorization of language units. The focus is also on the dichotomy of the invariant and variability in language. In this regard, the elements of the creative use of linguistic means in the original text are studied against the background of the “prototypical invariant” presented in the automated translation.

Keywords: *dynamic model of linguistic creativity, textual paradigms, prototypical invariant.*

Понятие «лингвокреативность» является в настоящее время одним из центральных в обсуждении многообразия дискурсивных практик при их осмыслении с позиций языкового сознания личности. Важным стимулом, побуждающим дальнейшие исследования в этой области, можно считать стремление раскрыть причины и факторы, которые способствуют развитию творческого потенциала не только языковой личности, но и личности вообще в различных сферах деятельности и профессионального опыта [Голованова, Панкратова 2015]. Помимо педагогических и прикладных целей, лингвокреативность все более пристально рассматривается как в аспекте стилистически маркированных употреблений языковых средств в контексте различных функциональных стилей, так и в отношении любых форм и способов неконвенционального речеупотребления как проявление универсального свойства языковой вариативности. При всем многообразии различных типов дискурса, будь то художественная литература или разговорный язык, в вопросе о лингвокреативности речь идет об отступлении от общепринятого нормативного употребления языковых средств или о его преобразовании согласно коммуникативной интенции субъекта речи.

Понятие функциональной направленности речи, лежащее в основе разграничения функциональных стилей, изначально обуславливает основные отличия, характерные для нестандартных форм и употреблений языка в различных функционально-коммуникативных средах их применения. Если «лингвистическая девиативность» выступает как определяющий признак лингвокреативности, то одним из первых в ее поле зрения попадает литературный дискурс, где своеобразие, оригинальность и творческое начало являются самоцелью.

В словесном искусстве мы можем встретить неожиданные употребления, отклоняющиеся от нормы. Они не регистрируются в словарях и часто считаются совершенно неправильными с точки зрения «языковой системы коллектива». Согласно Дж. Личу, «концепция отклонения (как отрицательной стороны вариативности) важна для изучения стиля. Чтобы быть стилистически различимой, особенность языка должна отклоняться от некоторой нормы сравнения <...>. Отклонение рассматривается как несоответствие между тем, что разрешено языковой системой, и тем, что происходит в тексте. Этот тип отклонения имеет значение при изучении литературного стиля, и особенно поэзии» [Leech 2008: 55]. Однако следует признать, что признаки стиля оказываются «отклонением от нормы» только на семантическом уровне, где единицы языка выделяются с учетом их общепринятого значения, в то время как креативность художественного текста создает совокупный образ,

подчиненный функции эстетического воздействия. Именно поэтому прочтение художественного текста требует перехода на уровень мета-семиотической, отмеченный становлением более сложного «метасо-держания» [Гвишиани 2021: 263].

По словам М.М. Бахтина, «единство стиля <...> предполагает, с одной стороны — единство языка в смысле системы общих нормативных форм и с другой стороны — единство индивидуальности, реализующей себя в этом языке» [Бахтин 1965: 85]. Таким образом, можно предположить, что образцы индивидуального авторского стиля являются не просто «отклонением» от принятого канона, а фактором динамики языковой жизни, преобразующим системные связи и отношения: «каждое конкретное высказывание речевого субъекта является точкою приложения как центростремительных, так и центробежных сил» [Там же: 89].

Говоря о «разноречии», организованном в так называемых «низких жанрах», М.М. Бахтин отмечал, что динамическая модель «центробежных сил» может оказаться «диалогизированной», то есть осознанно противопоставленной общепринятому языку эпохи в пародийном или полемическом ключе [Там же: 89–90]. В таком случае, девятиивность в коммуникативных жанрах, реализующих функцию общения, в отличие от литературного дискурса, будет направлена на создание более тесного контакта с собеседником, для чего могут быть использованы различные новообразования в виде жаргонизмов или сленга.

По-видимому, речевое своеобразие всегда является «диалогизированным», то есть направленным на совершение определенного действия по отношению к собеседнику. Так, одной из целей лингвокреативности может стать когнитивное воздействие на адресата сообщения путем конструирования речевых репрезентаций, производящих впечатление своей оригинальностью и тем самым позволяющих осуществить контроль внимания и выбора той или другой позиции предполагаемым или реальным собеседником. Именно так осуществляется воздействие в сфере социальной коммуникации. К примеру, в научном дискурсе универсальный параметр креативного словообразования позволяет создавать окказиональные термины, которые несут дополнительную «энергию» и становятся важным приемом в репрезентации «нового» знания. В качестве иллюстрации можно привести фрагменты английского перевода очерка М.М. Бахтина «Слово в романе» [Bakhtin 2014: 29, 35]:

“Authorial speech, the speech of narrators, inserted genres, the speech of characters are merely those fundamental compositional unities with whose help heteroglossia [raznorečie] can enter the novel...”;

“Real ideologically saturated ‘language consciousness’, one that participates in the actual **heteroglossia** and **multi-linguagedness**, has remained outside its field of vision” (пер. Caryl Emerson, Michael Holquist).

Для обозначения центрального концепта РАЗНОРЕЧИЕ используются три варианта перевода термина на английский язык [Берсенева, Гвишиани 2018: 65–75]:

- транслитерация **raznorečie** (разноречие);
- латино-греческое образование **heteroglossia**;
- окказиональный термин с мотивированной структурой **multi-linguagedness**.

Сочетание различных по форме терминов преследует цель эфпатиического выражения позиции автора и создания «*контрапункта*» в развитии мысли. Транслитерация русского *разноречие* (**raznorečie**) придает аутентичность переводу, классическое обозначение **heteroglossia** вписывает данное понятие в интернациональную терминологию, в то время как окказиональный термин **multi-linguagedness** представляет фрагмент «нового» знания как своеобразную «эвристему» [Григорьев 2006] и делает его более понятным для английского читателя (прагматическая функция, направленная на адресата). Приведенный пример подтверждает тезис о том, что лингвокреативность воспроизводит систему языка в ранее неизвестном или нереализованном виде.

В рассматриваемых нами «ипостасях» лингвокреативности (функциональные стили воздействия, общения и сообщения) можно отметить присущий ей семиотический характер, который проявляется в противопоставленности «языкового центра» и стремления субъекта речи «конструировать» опыт адресата или целевой аудитории. Знаковая природа лингвокреативности раскрывается и во взаимосвязи системных и несистемных языковых элементов, статики и динамики речеупотреблений. По словам Ю.М. Лотмана, «если описание, элиминирующее из объекта все несистемные его элементы, вполне оправдывает себя при построении статических моделей <...>, то для построения динамических моделей оно в принципе создает трудности: одним из основных источников динамизма семиотических структур является постоянное втягивание внесистемных элементов в орбиту системности и одновременное вытеснение системного в область внесистемности» [Лотман 1992: 90]. Именно окказиональные, непривычные и даже непредсказуемые употребления языковых единиц создают динамическую модель нового содержания и более сложное сообщение.

Обратимся теперь к исследовательскому материалу, показывающему, как такой параметр лингвокреативности, как метафоризация,

может служить способом дифференциации различных типов дискурса. Известно, что при выделении видов лингвокреативности прежде всего разграничиваются «языковое творчество» и «речевая креативность» [Демьянков 2009: 11–19]. Если в общенаучном языке мы обнаруживаем термины, несущие эвристический потенциал (так называемые «эвристиемы»), то в языке художественном представлены «экспресемы» в авторском идиостиле как совокупность «общего, особенного и отдельного, типического и индивидуального, материального и идеального, формы и содержания» [Григорьев 1979: 140].

Кроме того, следует подчеркнуть, что данные «подсистемы» языковых средств несоразмерны по «охвату» репрезентируемых явлений действительности. Интеллективный характер изложения в научном тексте сопровождается сужением семантики слова, которое приобретает специализированное терминологическое значение. В художественном дискурсе, напротив, многообразие референции обеспечивается отсутствием специализированного содержания и возможностью неограниченного развертывания образной направленности речи на всем пространстве «общего» литературного языка. Таким образом, вопрос о лингвокреативности может быть рассмотрен через дихотомии «эмоциональное — неэмоциональное содержание» и «специальное — неспециальное содержание». Если функция воздействия реализуется при передаче «неспециального и эмоционального содержания», то функция сообщения — при передаче «специального и неэмоционального содержания» [Липгарт, Хуринов 2013: 16]. Данный подход способствует нахождению средств языка, реализующих стилистическую или функциональную мотивированность — будь то лингвистический «экспрессив» / «эмотив» или специальная терминология [Гвишиани 2021: 261].

Особый интерес в этой связи представляют контексты метафоризации и ассоциативные связи слов, которые характеризуют отдельные области дискурса. Здесь может быть применен фреймовый анализ, направленный на «обобщенное моделирование типов ситуаций или событий» [Болдырев 2018: 57]. Компьютерно-корпусный дискурсивный анализ позволяет выявить регулярную встречаемость слов в частотных контекстах, так называемые «текстовые парадигмы» [Чернейко 2018: 193]. Реализуя парадигматический ряд значений, слово предстает уже не просто как имя предмета или явления, а как некоторый «фрейм», идентифицирующий центральную идею или тему, которая придает смысл описываемым в тексте событиям. В качестве иллюстрации обратимся к корпусным данным, раскрывающим многозначность и

широкозначность лексемы *challenge* в таких функциональных средах ее применения, как научный и художественный дискурс.

В области научного языка можно обратиться к Британскому письменному академическому корпусу (British Academic Written Corpus) который показывает, что в тезаурусе *challenge* ассимилируется с лексемами, представленными на рис. 1 и 2 [Sketch Engine <https://www.sketchengine.eu/>]:

Lempos	Frequency ?	Similarity ? ↓
1	threat	1,142 0.168 ...
2	difficulty	893 0.168 ...
3	concern	1,121 0.164 ...
4	obstacle	177 0.149 ...
5	criticism	793 0.142 ...
6	barrier	590 0.131 ...
7	implication	848 0.130 ...
8	opportunity	1,516 0.129 ...
9	advantage	1,442 0.120 ...
10	problem	5,660 0.115 ...

Рис. 1. 'Challenge': дистрибутивные синонимы

Рис. 2. Визуализация 'challenge' с ассимилированными лексемами

Данный перечень слов, относящихся к определенной семантической сфере, учитывает нелинейные связи элементов в текстах корпуса и объединяет их в автоматизированном поиске на основе сопоставления конструкций и коллокатов. Когда два или более слов часто встречаются вместе и сочетаются в пределах определенного диапазона, и эта связь является статистически значимой, возникает основание, указывающее на очевидную лексическую схему в отражении заданной темы, которая на концептуальном уровне может быть представлена как «фрейм».

Интересно отметить, что в составе конструкции с предлогом *of* лексема *challenge* выявляет тесную связь со «специальным содержанием» в структуре политического дискурса, о чем свидетельствуют частотные сочетания с такими лексемами, как *feminism*, *globalization* и *capitalism* (см. рис. 3 и 4).

pp_of	
feminism ...	challenge of liberal feminism
globalization ...	Challenge of Globalization
decision ...	a successful challenge of the decision
capitalism ...	The challenge of global capitalism : the world

Рис. 3. Коллокационный профиль 'challenge' в составе 'of phrase'

Рис. 4. Визуализация коллокационного профиля 'challenge' в составе 'of phrase'

В более специализированном корпусе, содержащем тексты по тематике Brexit (the "Brexit corpus" [Sketch Engine <https://www.sketchengine.eu/>]), лексема *challenge* концептуализируется в весьма негативном ключе благодаря ассоциативным связям в тезаурусе с такими словами, как *problem*, *threat*, *crisis*, *pressure*, *consequence*, *risk* и *uncertainty* (см. рис. 5 и 6):

Lempos (lowercase)	Frequency ?
1 problem	2,016 ...
2 threat	921 ...
3 crisis	1,314 ...
4 pressure	691 ...
5 consequence	938 ...
6 issue	2,690 ...
7 risk	2,517 ...
8 implication	475 ...
9 question	2,626 ...
10 uncertainty	1,197 ...

Рис. 5. 'Challenge': дистрибутивные синонимы в специализированном корпусе (the "Brexit corpus")

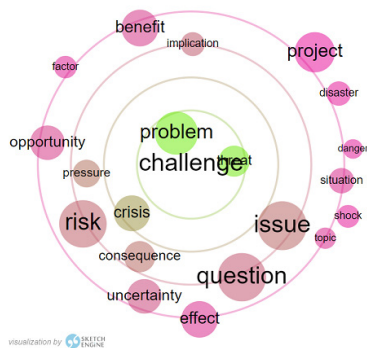

Рис. 6. Визуализация ассимилированных лексем в специализированном корпусе (the "Brexit corpus")

Кроме того, «специализированный» характер *challenge* проявляется и в том, что данная лексема входит в список наиболее частотных слов академического дискурса в Корпусе Современного Американского Английского (COCA Academic Word-List <http://www.academicwords.info/>):

- 212 challenge 20 044
- challenge (n) 19 765 challenge (v) 9 486
- challenging Edu 2619 **challenger (n) Law 572**
- **unchallenged 279 challenged Law 96**
- unchallengeable 19 challengingly Sci 1

Как можно видеть, этот ресурс отмечает особую частотность рассматриваемой лексемы в юридическом дискурсе (572 + 279 + 96 употреблений), где происходит ее терминологизация, как например, в словосочетании *peremptory challenge* ('безапелляционный отзыв члена жюри присяжных').

Рассмотренный материал показывает, что функционирование лексемы *challenge* в академических текстах вполне отвечает дихотомии «неэмоциональное — специальное содержание», когда языковые единицы употребляются в их основной референциальной функции и не выходят за пределы прототипического профиля словарных значений:

"Challenge — a new or difficult task that tests somebody's ability and skill" (Oxford Advanced Learners Dictionary).

Обратимся теперь к корпусу художественных текстов¹, включающему ряд современных романов, где лексема *challenge* является ключевой, поскольку она помещена в заглавие произведений [Конищева 2023]. Прежде всего, обращает на себя внимание тот факт, что большинство слов, которые ассимилируются с *challenge* в тезаурусе, относятся к общему языку и не выявляют специального содержания (см. рис. 7)

Word	Similarity ? ↓	Word	Similarity ? ↓
1 sea	0.462 ...	11 joy	0.267 ...
2 effort	0.339 ...	12 mistake	0.265 ...
3 deal	0.328 ...	13 situation	0.264 ...
4 crime	0.311 ...	14 traffic	0.259 ...
5 atmosphere	0.299 ...	15 monster	0.252 ...
6 drawer	0.299 ...	16 risk	0.248 ...
7 success	0.299 ...	17 village	0.247 ...
8 help	0.291 ...	18 gentleman	0.240 ...
9 result	0.276 ...	19 confidence	0.240 ...
10 authority	0.274 ...	20 boat	0.230 ...

Рис. 7. 'Challenge': дистрибутивные синонимы в корпусе художественных текстов

¹ В данном случае используется электронный корпус, составленный А.И. Конищевой, который включает следующие художественные произведения: Danielle Steel "The Challenge" (2022), Н.С. McNeile "Challenge" (1937), Anne Mccaffrey "Freedom's Challenge" (1998), Christine Feehan "Dark Challenge" (2000), Linda Boltman "The Christmas Challenge" (2011).

Область референции в данном случае не ограничена каким-либо специальным дискурсом, что способствует расширению концептуального пространства в осмыслении исследуемой единицы. При этом «текстовые парадигмы» позволяют обнаружить эмоционально-экспрессивное содержание (набор «экспрессем»). Например, в романе “The Challenge” Даниэлы Стил (Danielle Steel) образная интерпретация моделирует концептуальные метафоры CHALLENGE IS ADVENTURE (пример 1) и CHALLENGE IS MOUNTAIN / LIFE (пример 2):

(1) *It would be **an adventure** they would remember forever. The night they could have been eaten by a bear on Granite Peak. “We could call this the Granite Peak **Challenge!**” Matt said, looking excited, and Peter laughed. “Or the **Challenge!** We could make it an annual event.”*

(2) *Beth wondered if **the real challenge** had been **the mountain** or just **life**, or were they one and the same? She hadn't figured it out yet. Maybe she never would. **Life was like the mountain. Ever challenging**, frightening at times, dangerous, exciting, deceptive, alluring, with hidden crevasses and ravines. And then at last, you went home, with the memories and the victory that you had survived it.*

Таким образом, можно заключить, что в художественном дискурсе опосредованная языком реальность передается в расширенной системе кодов, то есть не на основе привычной категоризации явлений, а через ассоциативные (коннотативные) значения. Неожиданные контекстуальные смыслы не заданы в стандартном восприятии. Именно коннотация раскрывает дискурсивный потенциал слова и, трансформируя его понятийное значение, отображается как динамическая модель лингвокреативности.

Далее необходимо отметить, что результатом лингвокреативности (и не только в художественном дискурсе) является более сложное сообщение, подчас заключающее в себе имплицитные смыслы, которые могут быть интерпретированы по-разному. В случае «эстетической лингвокреативности» [Фещенко 2021] это свойство проявляется особенным образом ввиду мотивированности языка метафорическими схемами осмысления опыта. Метафора, метонимия, ирония и другие тропы не являются лингвистическими искажениями буквального мыслительного процесса, а представляют собой базовые модели, с помощью которых происходит концептуализация внешнего мира. Именно неопределенный характер многих образных употреблений делает их значение особенным.

В этой связи большой интерес представляет вопрос о разграничении креативных и некреативных процессов в языке, обусловленный

коммуникативно-функциональной направленностью различных типов дискурса. Распознавание средств творческого использования языка относится к сознательной идентификации языковых выражений как «**типов**». Например, значение определенного высказывания может быть осознанно признано метафорическим. Следующим этапом, согласно Р. Гиббсу, является **интерпретация**, которая относится к анализу конкретных языковых выражений как «**токенов**», то есть в пределах данного текста, высказывания или контекста. Этот этап действует позже, чем процессы понимания, и обычно требует сознательного размышления о том, что означает текст или данная фраза [Gibbs 1994].

Одним из видов интерпретации является перевод, когда образная номинация в виде переносных значений слов в тексте оригинала переходит на «новый» уровень переосмысления в тексте перевода. Что же касается текстов оригинала, то в них могут присутствовать как элементы референции, непосредственно обращенные к реальному миру, так и элементы репрезентации, включающие субъективное восприятие предмета мысли говорящим или пишущим. Творческое использование языка, опирающееся на базис конвенциональных значений, порождает «многослойность» выражаемого смысла и его «вторичную репрезентацию» при переводе. Роль перевода, тем самым, особенно важна для верификации и реконструкции не только концептуальных метафор [Marugina 2014], но и всего спектра производно-метафорических значений слов.

В качестве экспериментального метода распознавания «несистемных» значений слов в рамках настоящей работы предлагается сопоставительный анализ переводческой версии и автоматизированного перевода оригинального текста. Проблема выявления лингвокреативности тем самым рассматривается через призму инвариантности и вариативности в языке. Системообразующие признаки присущи инвариантным моделям порождения высказываний [Полубиченко 2017: 19], в то время как вариативность предполагает отклонение или модификацию инварианта. Дихотомия «инвариант — вариант», безусловно, является релевантной в сфере перевода, где обнаруживается большое разнообразие в трактовке содержания и «перевыражения» исходного текста, в той или иной степени отклоняющейся от системных признаков языковых единиц. Поскольку большинство конструкций в автоматизированном переводе отражают структуру текста-оригинала [Sharoff, Babych, Hartley 2006], то можно предположить, что этот вид перевода ориентирован на референциальные значения слов и представляет некоторый «прототипический вариант» в передаче исходного смысла. Если

инвариантные соответствия являются частью лексикона как наиболее устойчивый способ перевода единиц исходного языка, то соответствия контекстуальные следуют динамической модели эквивалентности в версии переводчика (human translator), что позволяет выявить элементы лингвокреативности, обусловленные контекстуальной семантикой.

Сопоставительный анализ в рамках трихотомии «оригинальный текст — версия переводчика — автоматизированный перевод» может быть использован не только в целях обнаружения эквивалентности / неэквивалентности, но и в качестве «диагностического сравнения», выявляющего элементы лингвокреативности в тексте оригинала. Производно-метафорические значения, аллюзии и другие «вторичные единицы» как элементы репрезентации будут в наибольшей степени подвержены вариативности, то есть отклоняться от прототипического инварианта, представленного в автоматизированном переводе. Рассмотрим примеры, приведенные в таблицах 1, 2 и 3.

Таблица 1.

Сопоставительный анализ: 'контекстуальная экспрессема'

Текст оригинала	Версия переводчика	Автоматизированный перевод (Google Translate)
«И Артур пошел. Побрёл, ссутулившись, волоча ноги, пытаюсь отодрать с лица прочно присохшую дрянь, сделавшись маленьким, жалким, тощим , как мокрый бродячий котенок». (Аркадий и Борис Стругацкие. Пикник на обочине)	“And Arthur went. He wandered on, hunched over, dragging his feet, trying to pick off the baked slime from his face, looking small, scrawny, and forlorn , like a wet stray kitten”. (The Strugatsky Brothers. Roadside Picnic)	And Arthur went. He wandered, hunched over, dragging his feet, trying to tear off the firmly dried rubbish from his face, becoming small, miserable, skinny , like a wet stray kitten.

В примере в таблице 1 во «вторичной репрезентации» текста в версии переводчика отмечаются отступления от текста оригинала: изменен порядок следования прилагательных *small, scrawny, and forlorn* и добавлен союз *and*, делающий акцент на определении *forlorn* — ‘*потерянный*’. Экспрессивная составляющая оригинального текста передается здесь через замену системного соответствия *жалкий* — *miserable*, включенного в автоматизированный перевод, на стилистически маркированное *forlorn*. Данный прием использует контекстуальную экспрессему, которая более явственно передает внутреннее состояние персонажа.

Таблица 2.

Сопоставительный анализ: синонимическая конденсация

Текст оригинала	Версия переводчика	Автоматизированный перевод (Google Translate)
«Вот сидит парнишка смугленький, чистенький, красавчик , не брился поди еще ни разу...». (Аркадий и Борис Стругацкие. Пикник на обочине)	“Here’s this young guy — tan, and clean, and pretty . Hasn’t ever shaven...” (The Strugatsky Brothers. Roadside Picnic)	Here sits a dark-skinned, clean, handsome boy , he hasn’t shaved...

В примере, данном в таблице 2, элемент лингвокреативности представлен приемом синонимической конденсации, включающим ряд производных прилагательных с уменьшительными суффиксами. Имеет место случай морфологической безэквивалентности, поскольку в английском языке отсутствуют аналоги русских уменьшительно-ласкательных суффиксов *-еньк*, *-к* и *-чик*. Однако эмоционально-экспрессивная составляющая оригинального текста компенсируется в переводческой версии на лексическом уровне: вместо системного соответствия *красивый* — *handsome* (когда речь идет о мужском персонаже), которое представлено в автоматизированном варианте, переводчик выбирает прилагательное *pretty* как более выразительное средство в описании внешнего облика молодого человека.

Таблица 3.

Сопоставительный анализ: интертекстуальность

Текст оригинала	Версия переводчика	Автоматизированный перевод (Google Translate)
“She would say nothing against him, indeed she would not discuss him at all, and when mention was made of him she merely smiled, a little sadly, and sighed. But her smile was the coup de grâce , and her sigh buried him deep.” (W. S. Maugham “Cakes and Ale or the Skeleton in the Cupboard”)	«Ничего плохого она про него не говорила, даже вообще не хотела о нем говорить, и, когда о нем заходил разговор, просто улыбалась чуть грустной улыбкой и вздыхала. Но ее улыбка была для него coup de grace* , а ее вздох — камнем на его могилу». (Перевод А. Иорданского)	Она ничего не говорила против него, да и вообще не говорила о нем, а когда упоминали о нем, то только улыбалась, немного грустно, и вздыхала. Но ее улыбка была смертельным ударом , и ее вздох глубоко похоронил его.

Еще одним параметром лингвокреативности является вкрапление в повествование иностранных слов, способствующих эффекту интер-

текстуальности [Гвишиани 2022]. Подобные элементы служат важной составляющей стилистического своеобразия и неоднородности художественного текста. В приведенном примере автоматизированный перевод опускает эту существенную деталь исходного сообщения, равно как и сложное содержание, выраженное французской идиомой *coup de grace* ('милость, перед тем как нанести смертельный удар'). Ситуативно обусловленная интерпретация идиомы чрезвычайно важна, поэтому переводчик сохраняет ее в оригинальном виде и приводит контекстно-ориентированный комментарий.

Как можно видеть, автоматизированный перевод выявляет системные признаки текста и прототипический инвариант его перевода. Контекстные переводные соответствия в переводческой версии реализуют динамическую модель в передаче исходного смысла, и в большинстве случаев будут отличаться от прототипического инварианта. Именно эти отличия, представляющие наибольшую сложность для переводчика (human translator), могут указывать на элементы лингвокреативности, репрезентирующие более сложное содержание, в том числе и эмоционально-экспрессивного характера.

В заключение можно сделать следующие выводы:

1. Лингвокреативность как особая стратегия выбора и употребления языковых средств имеет ярко выраженные особенности, обусловленные функционально-стилистическим типом дискурса как социокультурной средой, в которой происходит коммуникация [Зыкова, Киосе 2020]. Раскрывая знаковую природу соотношения системных и несистемных элементов в структуре речевых произведений, лингвокреативность воспроизводит динамическую модель в передаче более сложного сообщения.

2. Феномен лингвокреативности может быть рассмотрен через дихотомии «эмоциональное — неэмоциональное содержание» и «специальное — неспециальное содержание» [Липгарт, Хуринов 2013]. В текстах интеллективного характера происходит «сужение» сферы референции за счет специализированного и терминологического характера реализации значительной части используемых языковых единиц. В художественном дискурсе, напротив, наблюдается многообразие референции с опорой на общий язык, что приводит к расширению возможностей и диапазона метафоризации.

3. Другой дихотомией в области выявления лингвокреативности (в рамках настоящей статьи) может служить соотношение инвариантности и вариативности в языке, широко используемое в практике

перевода. Сопоставительный анализ версии переводчика и автоматизированного перевода оригинального текста позволяет выявить значимое отсутствие смысловых и стилистических нюансов в автоматизированном переводе, который является лишь «ключом» к пониманию всей полноты передаваемого смысла. Будучи результатом лингвокреативности, «вторичные» языковые явления в наибольшей мере подвержены вариативности при переводе, что делает их «видимыми» на фоне прототипического инварианта как элементов «авторской репрезентации».

Литература

- Бахтин М.М.* Слово в романе // Вопросы литературы. 1965. № 8. С. 84–90.
- Берсенева Н.С., Гвишиани Н.Б.* Дискурсивные особенности словообразовательных стратегий в переводе терминологических единиц // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2018. № 5. С. 65–75.
- Болдырев Н.Н.* Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. М.: Изд. Дом ЯСК, 2018.
- Гвишиани Н.Б.* Функциональная лексикология и перевод. М.: ЛЕНАНД, 2021.
- Гвишиани Н.Б.* Критерий «взаимной переводимости» разноязычных единиц в поиске инварианта при переводе // Топология филологического поиска. Сборник научных трудов в честь юбилея заслуженного профессора МГУ Л.В. Полубиченко. М.: «Добросвет», 2022. С. 38–50.
- Григорьев В.П.* Велимир Хлебников в четырехмерном пространстве языка: Избранные работы. 1958–2000-е годы. М.: Языки славянских культур, 2006.
- Григорьев В.П.* Поэтика слова. М.: Наука, 1979.
- Голованова Л.Н., Панкратова Е.Н.* Лингвокреативность как свойство языкового сознания личности // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 3. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=20288> (Дата обращения: 10.05.2023).
- Демьянков В.З.* Языковое творчество и речевая креативность // Язык как медиатор между знанием и искусством: Сборник докладов Международного научно-го семинара. М.: Азбуковник, 2009. С. 11–19.
- Зыкова И.В., Киосе М.И.* Параметризация лингвистической креативности в междискурсивном аспекте: кинодискурс vs. дискурс детской литературы // Вопросы когнитивной лингвистики. 2020. № 2. С. 26–40.
- Конищева А.И.* The Concept CHALLENGE in functionally defined varieties of English (the functional styles of journalism and fiction). Магистерская диссертация. МГУ имени М.В. Ломоносова. 2023.
- Липгарт А.А., Хуринов В.М.* Функциональные стили современного английского языка: наука и журналистика. М.: URSS. 2013.
- Лотман Ю.М.* Динамическая модель семиотической системы // Избранные статьи. Таллин: Александра, 1992. С. 90–101.
- Полубиченко Л.В.* Филологическая топология. Теория и практика. М.: ФЛИНТА: Наука, 2017.

Фещенко В.В. Лингвокреативность в художественном и научном дискурсах // Лингвокреативность в дискурсах разных типов: Пределы и возможности: коллективная монография / Отв. ред. И.В. Зыкова. М.: Р.Валент, 2021. С. 190–210.

Чернейко Л.О. Как рождается смысл. М.: Гнозис, 2018.

Bakhtin M. Polyphonic discourse in the novel // The Discourse Studies Reader. John Benjamins: Amsterdam / Philadelphia. 2014. P. 27–35.

Gibbs R.W. The Poetics of Mind: Figurative Thought, Language and Understanding. New York: Cambridge University Press, 1994.

Leech G. Language in Literature. London, New York: Pearson Longman, 2008.

Marugina N.I. Conceptual metaphor as a model generating literary discourse // Procedia — Social and Behavioral Sciences 154. ELSEVIER, 2014. P. 112–117.

Sharoff S., Babych B., Hartley A. Using comparable corpora to solve problems difficult for human translators // 21st International Conference on Computational Linguistics and 44th Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics, Proceedings of the Conference, Sydney, Australia, 17–21 July 2006. DOI: 10.3115/1273073.1273168. Дата обращения: 10.05.2023.

Источники

COCA. Academic Word-List. URL: <http://www.academicwords.info> (Дата обращения: 10.05.2023).

Sketch Engine. URL: <https://www.sketchengine.eu/> (Дата обращения: 10.05.2023).

ПАРАМЕТРИЗАЦИЯ ЛИНГВОКРЕАТИВНОСТИ В КИНОДИСКУРСЕ: НОВЫЕ ЭМПИРИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ¹

И.В. Зыкова

Институт языкознания РАН, Москва

Исследование направлено на разработку теории лингвистической креативности и метода параметризации креативных явлений в дискурсах разных типов. В статье отмечается актуальность изучения лингвокреативности в такой разновидности полимодального дискурса, как кинодискурс. Описываются этапы создания многоязычного электронного корпуса «Кинодискурс» для проведения исследования, а также специфика метода параметризации и его варианты применения. Освещаются результаты сопоставительного анализа активизации микропараметров лингвокреативности в драматических фильмах на русском и английском языках и параметра «фразеологизм» в разножанровых кинопроизведениях на русском и английском языках. Особое внимание уделяется рассмотрению случаев некреативного и креативного употребления анализируемых языковых средств. Новые эмпирические данные указывают на зависимость лингвокреативного потенциала фильмов от жанра, их отнесенности к определенному направлению киноискусства и особенностей языковой системы.

Ключевые слова: *лингвокреативность, параметризация, микропараметры, фразеологизм, кинодискурс, кинодрама, кинокомедия.*

PARAMETRIZATION OF LINGUISTIC CREATIVITY IN CINEMATIC DISCOURSE: NEW EMPIRICAL DATA

Irina V. Zyкова

Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Moscow

Our research is aimed at developing the theory of linguistic creativity and the method of parametrization of creative phenomena in discourses of different types. The present paper discloses the importance of studying linguistic creativity in such a variety of multimodal discourse as cinematic discourse. It describes the stages of creating multilingual electronic corpus of "Cinematic discourse" as well as the specifics of the parametrization method and variants of its application. The results obtained show the difference in the ways how the microparameters of linguistic creativity are activated in Russian and English drama films and how phraseological units are used in Russian and English films of different genres. Particular attention is paid to the principles of differentiating between non-creative and creative uses of the analyzed language means. New empirical data proves the dependence of the linguocreative potential of films on the genre, their relation to a certain direction of cinematic art and the peculiarities of the language system.

Keywords: *linguistic creativity, parametrization, microparameters, phraseological unit, cinematic discourse, drama film, comedy film.*

---

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00040) в Институте языкознания РАН.

1. Введение

Современные технологии, обеспечивающие сбор, обработку и накопление больших эмпирических данных, открывают новые возможности для изучения роли естественного языка в конструировании разнообразных дискурсов, для осмысления пределов языкового новаторства в процессе дискурсопорождения, а также для осознания эпистемологического статуса и эвристического потенциала неологических единиц, возникающих в разнообразных дискурсивных практиках и определенным образом влияющих на развитие языковой системы. Соответственно, в настоящее время в лингвистике к числу актуальных относится задача разработки новых методов или подходов, позволяющих комплексно подойти к исследованию лингвистической креативности в дискурсах разных типов и в разных коммуникативных форматах (например, полимодальный vs. мономодальный), сопоставить особенности ее манифестаций, а также приемлемый объем или допустимую меру новаций, образующихся спонтанно или намеренно создаваемых в том или ином дискурсе.

Как отмечалось в ряде наших предыдущих публикаций, специфика реализации креативного потенциала языка является дискурсивно обусловленной (см., например, в [Зыкова 2021а, 2021б]). Это означает, что те языковые средства, которые могут быть квалифицированы как случаи креативного использования языка в одних типах дискурса (например, в мемуарном или эпистолярном), могут не иметь такого статуса в других его типах (например, в рекламном, поэтическом, медийном) (см. подробнее результаты изучения лингвокреативности указанных дискурсов в [Соколова 2021; Фещенко 2021; Шмелева 2021]). Характер, формы, принципы, способы проявления лингвокреативности во многом зависят от таких типологических характеристик дискурсов, как: «адресант» (единичный vs. множественный, конкретный vs. неопределенный), «адресация» (моно- vs. поли- vs. автоадресация), «уровень языковой компетенции» адресанта и адресата (низкий vs. средний vs. высокий / профессиональный), «основные функции дискурса» (информативная, манипулятивная, эстетическая, образовательная и др.), «эстетические и / или прагматические установки» (например, поддержание личных контактов, продажа товаров, создание нового художественного языка), «форма коммуникации» (устная vs. письменная), «модальная и семиотическая сложность» (моно- vs. полимодальный дискурс, моно- vs. поликодовый текст).

В научных трудах последнего десятилетия наблюдается все больший акцент на изучение особенностей креативного использования языка в полимодальных или поликодовых дискурсах. Предпринятые в этом направлении исследования способствуют выявлению новых типов лингвокреативности и новых форм ее проявления (см., например, [Jones 2015; Gibbons 2015; Law 2020; Thurlow 2012; Ирисханова 2019; Соколова 2023 (наст. изд.)]). Так, на основании анализа сообщений, которыми обмениваются молодые люди в режиме онлайн в различных Интернет-ресурсах, на сайтах, в чатах или блогах, К. Турлоу приходит к выводу о возможности выделения такого особого типа лингвокреативности, как «вернакулярную» (лингво)креативность (“vernacular creativity”). В отличие от других видов вербального искусства, как указывает исследователь, она берет свое начало в «обоснованной эстетике» (“grounded aesthetics” в терминологии П. Уиллиса) и характеризуется игровым употреблением языка в его взаимодействии с другими семиотическими знаками. В работе описываются различные случаи интеграции неконвенциональных орфографических, лексических, синтаксических единиц с разного рода визуальными и типографическими знаками в процессе сетевого общения молодежи. Среди выявленных средств и способов, представляющих вернакулярную креативность, отмечается, в частности, использование: «*i*» вместо «*I*», «*listend*» вместо «*listened*», буквенно-числовых омофонов и ономатопои «*knowwww*», удвоенной пунктуации «*!?!?!?!?*», цвета, фотографий, дингбатов и проч. В целом, исследование общения молодежи в новых медиа позволяет К. Турлоу говорить о том, что «дискурсивное творчество в новых медиа часто поэтично, обычно нацелено на игру и всегда прагматично» [Thurlow 2012: 170].

Наше исследование направлено на изучение лингвокреативности на материале такой разновидности полимодального дискурса, как кинодискурс, который мы рассматриваем как особую сферу лингвокреативных практик.

2. Материал исследования: многоязычный корпус «Кинодискурс»

Отбор и систематизация материала для изучения особенностей лингвокреативности кинодискурса проходила в два этапа. На первом этапе был составлен электронный рабочий корпус, в который вошли 44 советские и российские кинокомедии и 30 британских комедийных фильмов: «Три плюс два» (Г. Оганисян, 1963), «Небеса обетованные» (Э. Рязанов, 1991), «Приходи на меня посмотреть» (О. Янковский,

М. Агранович, 2000), “Ladies Who Do” (С.М. Pennington-Richards, 1963), “Four Weddings and a Funeral” (М. Newell, 1994) и другие (полный список фильмов с их основными данными представлен в [Зыкова 2021a]). Обращение к анализу комедийных кинопроизведений было обусловлено наибольшей ориентированностью данного жанра игрового кино на неконвенциональное использование языка. Мы исходили из положения о том, что в комедийном кинодискурсе словотворчество как таковое, а также принципы, приемы, способы манифестации лингвокреативности изначально играют основополагающую роль. При формировании электронного корпуса фильмов на первом этапе в качестве основных учитывались следующие критерии: 1) отнесенность к разным хронологическим периодам, отражающим разные этапы в развитии кинематографа (период с 1960-х по 2010 гг.); 2) страна-производитель — СССР / Россия и Великобритания и языки — русский и английский; 3) принадлежность к основным подтипам кинокомедии (эксцентрическая, лирическая, криминальная, приключенческая и др.); 4) соответствие эталонным представлениям о жанре комедийного кино; 5) наличие или отсутствие литературного источника; 6) разная тематико-сюжетная направленность; 7) охват всех возрастных категорий зрителей (0+, 6+, 12+, 16+, 18+); 8) средний и высокий рейтинги популярности (согласно крупнейшим отечественным и международным интернет-сервисам о кино).

Полученные результаты и выявленные закономерности проявления креативного использования языка в кинокомедиях [Зыкова 2021a] обусловили необходимость расширения электронного рабочего корпуса и проведения второго этапа отбора киноматериала. На втором этапе отбор фильмов производился в соответствии со следующими критериями: 1) выход фильма в период с 1960-х по 2010-е гг.; 2) страна-производитель — СССР / Россия, США, Армения, Китай и языки разного строя — русский, английский, армянский и китайский; 3) принадлежность к одному из подтипов кинокомедии, исследованных нами ранее; 4) принадлежность к одному из подтипов кинодрамы, кинофантастики или кинодетектива; 5) отнесенность к авторскому (или поэтическому, режиссерскому) кино; 6) наличие или отсутствие литературного источника; 7) охват разных возрастных категорий зрителей (0+, 6+, 12+, 16+, 18+); 8) средний и высокий рейтинги популярности. С учетом данных критериев электронный рабочий корпус был дополнен 27 кинопроизведениями, среди которых: «Солярис» (А. Тарковский 1972), «12» (Н. Михалков, 2007), «Как я провел этим летом» (А. Попогребский,

2010), «Москва, я люблю тебя!» (рук. Е. Кончаловский, 2010), “Extremely Loud & Incredibly Close” (пер. «Жутко громко и запредельно близко», С. Долдри, 2010), “A Rainy Day in New York” (пер. «Дождливый день в Нью-Йорке», Вуди Аллен, 2019), «Բայլ ձիւն» (пер. «Ход конем», Г. Киракосян, 2013), «Մի Գործարար» (пер. «Коэффициент любви», В. Хачатрян и А. Марутян, 2015), «重返20岁» (пер. «Вернуться в 20 лет», Чэн Чжэндао, 2015), «囧妈» (пер. «Затерянные в России», Сюй Чжэн, 2020) (подробнее о фильмах на армянском языке см. [Кулиджанян 2023 (наст. изд.)], о фильмах на китайском языке см. [Красикова 2023 (наст. изд.)]).

После проведения второго этапа отбора фильмов общий объем электронного рабочего корпуса «Кинодискурс» составил 101 кинопроизведение.

Важно также отметить, что помимо расширения электронного рабочего корпуса «Кинодискурс» за счет привлечения новых фильмов на языках разного строя и других жанров и направлений киноискусства, в качестве исследовательского материала в него также вошли тексты-первоисточники, на базе которых или по мотивам которых были сняты изучаемые фильмы, и киносценарии, в частности: пьеса «Иван Васильевич» М.А. Булгакова, перевод романа «Солярис» С. Лема, роман «Пикник на обочине» А.Н. и Б.Н. Стругацких, роман “Extremely Loud & Incredibly Close” Дж. С. Фоера, киносценарий «Солярис» А.А. Тарковского и Н.Ф. Горенштейна, киносценарий “I’m Thinking of Ending Things” Ч. Кауфмана и другие.

Электронный рабочий корпус «Кинодискурс», сформированный в результате двух последовательно реализуемых этапов, открыл возможность создания следующих направлений сопоставительного анализа креативного использования языковых средств: 1) в фильмах шести периодов, обладающих самостоятельной социокультурной значимостью в странах их производителей (1960-е vs. 1970-е vs. 1980-е vs. 1990-е vs. 2000-е vs. 2010-е гг.); 2) в фильмах разных жанров (кинокомедия vs. кинодрама vs. кинофантастика vs. кинодетектив); 3) в фильмах на разных языках (русский vs. английский (британский vs. американский вариант) vs. армянский vs. китайский); 4) в произведениях разной модальности (литературное произведение vs. киносценарий vs. фильм).

Проводимое на базе данного корпуса исследование позволяет формировать представление о том, как влияет (если влияет) время создания, жанр, язык, отнесенность к определенному направлению киноискусства и модальность на характер проявления лингвокреативности в данном типе дискурса — кинодискурсе.

3. Метод параметризации и варианты его применения

В качестве основного применяется метод параметризации (или метод дискурсивно-параметрического анализа) основанный на трехуровневой системе параметров, анализ которых позволяет системно подойти к оценке особенностей проявления креативного потенциала языка в дискурсах разных типов: 1-й уровень — макродискурсивные параметры (или макропараметры), которые эксплицируют влияние внешних факторов на реализацию креативного потенциала языковой системы в дискурсе (например, политических и социокультурных событий, экономических изменений и др.); 2-й уровень — микродискурсивные параметры (или микропараметры), которые указывают на специфику креативного функционирования языковых средств, наличие новаций в том или ином дискурсе (например, (не)креативное использование онимов в рекламном, поэтическом, мемуарном и т. д. дискурсе); 3-й уровень — интердискурсивные параметры (или интерпараметры), которые раскрывают влияние одних дискурсов на лингвокреативность других дискурсов (например, повышение лингвокреативности кинодискурса за счет включения в него элементов поэтического дискурса) (см. подробнее в [ЛДРТ 2021]).

Метод параметризации лингвокреативности используется в комплексе с методом корпусной (ручной) разметки параметров трех уровней с применением программ Microsoft Excel и Microsoft Word. Рассмотрим подробнее специфику аннотирования микропараметров.

Микропараметры лингвокреативности были выделены нами в ходе проведенного аналитического реферирования научной литературы, изданной с 1970-х гг. по настоящее время и посвященной изучению: языковой и литературной нормы; языковых явлений, относимых к креативным (оригинальным, нестандартным) манифестациям использования языковых единиц — аномалии, окказионализмы, неологизмы, языковая игра, ошибки, а также лингвостилистические и лингвопоэтические средства; специфики построения и языковой организации дискурсов (кинематографического, авангардного поэтического и др.). Проведение аналитического реферирования привело к выделению 51 микропараметра лингвокреативности, систематизированных по следующим шести категориям: «фонологические», «морфологические», «словообразовательные», «лексические», «синтаксические» и «(орфо)графические» параметры (см. тж. [Зыкова 2020; Зыкова, Киосе 2020]). Всем микропараметрам были присвоены определенные числовые коды, посредством которых они размечались в тексте, например, лексические параметры (коды с <401> по <413>): <401> —

«смена (социо)коммуникативных регистров» (напр., *ввод единицы неформального регистра в контекст формального общения*); <402> — «смена социально-территориального кода» (напр., *ввод диалектизмов*); <403> — «смена профессионального кода» (напр., *ввод термина*); <404> — «смена языкового кода» (напр., *ввод иноязычного элемента*); <405> — «смена лингвосемиотического кода» (напр., *ввод жеста вместо слова*); <406> — «эмотив и экспрессив»; <407> — «неологизм и окказионализм»; <408> — «парадигматическая активность (синонимы, антонимы и т. д.)»; <409> — «многозначность» (напр., *энантисемия*); <410> — «стилистический троп» (*метафора, метонимия, литота* и др.); <411> — «имя (собственное) и его модификации, прозвища, клички»; <412> — «ошибка» (лексическая, фразеологическая; эрративы); <413> — «фразеологизм» (узуальный или модифицированный, а тж. потенциальный / неологизм). Для демонстрации приведем аннотированный фрагмент текста из фильма «Скоор» Вуди Аллена (см. рис. 1).

#2 Don't mourn for Joe Strombel. <101, 403, 411, 411, 406> #3 Joe Strombel led a full life. <103, 411, 503, 413> #4 A newspaperman in the best tradition. <403, 201, 413> #5 A great credit to the fourth estate. <104, 413, 403, 413, 501> #6 It didn't matter if the bombs in the war zone were falling. <101, 413, 403, 410, 403> #7 It didn't matter how high up <413, 505, 503> the political scandal went, <413, 413m> or how many big corporations or small-time racketeers leaned on him. <410, 403, 503, 403, 403, 410, 505> #8 Whatever the risk, if there was a story there, Joe went after it <406, 411, 413> ...and he usually got it. <501> #9 Well, I was with him when the story broke about Prince Charles, <510, 411, 413, 413m> and that made him persona non grata with the Royal Family. <404, 411, 413, 403> #10 Except with Diana. <501, 411> #11 They always remained good friends. He did love a woman. <411, 403, 501, 204, 406>

Рис. 1. Фрагмент аннотированного текста из фильма «Скоор» (2006)

Метод параметризации лингвокреативности имеет варианты применения, выбор которых обусловлен частными научно-исследовательскими задачами и / или типологическими особенностями исследуемого дискурса или исследуемых дискурсов (см. [Демьянков 2023 (наст. изд.); Фещенко 2023 (наст. изд.)]). К примеру, исследование может быть направлено на изучение активизации всех микропараметров или только одного из них («смена языкового кода», «парцелированная конструкция», «эмотив или экспрессив» и т. д.), только лексических или только синтаксических параметров (см. подробнее в [Зыкова 2021б]). Выявленная специфика активизации параметров лингвокреативности в одном из текстов сравнивается с данными, полученными в других текстах, относящихся (а) к тому же типу дискурса на одном и то же языке или на разных языках (например, к кинодискурсу), и (б) к другому типу дискурса (например, к дискурсу детской литературы, к поэтическому дискурсу) [Зыкова, Кулиджанян 2021; Зыкова, Киосе 2021].

4. Результаты исследования

В данном разделе представлены результаты сопоставительного анализа: 1) активизации всех микропараметров лингвокреативности в одножанровых фильмах на разных языках; 2) одного микропараметра в разножанровых фильмах на разных языках.

4.1. Специфика активизации микропараметров лингвокреативности в драматических фильмах на русском и английском языках

Рассмотрим результаты сопоставительного анализа активизации 51 микропараметра лингвокреативности на материале двух драматических фильмов «Письма мертвого человека» и «I'm Thinking of Ending Things». Основная информация о фильмах представлена в таблице 1.

Таблица 1.

Общие сведения о киноматериале

Название фильма	Режиссер	Год выхода	Продолжительность
«Письма мертвого человека»	Константин Лопушанский	2006	98 мин (1 ч 38 мин)
Сюжет: После ядерного взрыва главный герой фильма, профессор Ларсен, вместе со своей смертельно больной женой и ее коллегами укрывается в одном из подземных бункеров. Несмотря на понимание обреченности всех выживших, Ларсен старается продолжить свою научную деятельность. Ученый мучительно пытается понять причины произошедшего и найти духовную точку опоры, которая даст надежду на выживание и веру в будущее. Свои размышления профессор записывает в письмах, которые он адресует своему погибшему сыну.			
«I'm Thinking of Ending Things»	Charlie Kaufman	2019	109 мин (1 ч 49 мин)
Сюжет: Главный герой Джейк вместе со своей девушкой едет на ферму к родителям. На протяжении всей поездки девушка Джейка сомневается в своих чувствах к нему и постоянно <i>думает о том, как все закончить</i> — 'закончить отношения с ним'. Изображение происходящих с киноперсонажами событий сопровождается периодической врезкой кадров с изображением событий повседневной жизни уборщика, работающего в школе. В финале становится понятно, что все, что происходит с Джейком и девушкой — это плод воображения уборщика, который постоянно <i>думает о том, как он хотел бы все закончить</i> — 'закончить свою жизнь'.			

В результате обработки данных корпусной разметки микропараметров в программе Heterostat [Киосе, Ефремов 2020] были сформированы микродискурсивные корреляционные профили рассматриваемых драматических фильмов, которые отражают специфику распределения активности всех микропараметров на разных уровнях их вербальной системы (см. рис. 2).

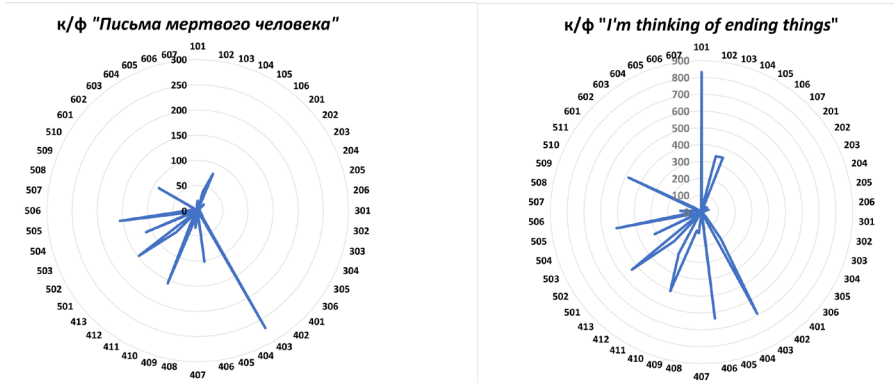

Рис. 2. Микродискурсивные корреляционные профили фильмов

Примечание: коды 101–106 — фонологические параметры; коды 201–206 — морфологические параметры; коды 301–306 — словообразовательные параметры; коды 401–413 — лексические параметры; коды 501–511 — синтаксические параметры; коды 601–607 — (орфо)графические параметры.

Исходя из данных на рисунке 2, наибольшей частотой активности в фильме «Письма мертвого человека» характеризуются (по убыванию): лексические параметры «смена профессионального кода» <403> и «стилистический троп» <410>, синтаксические параметры «параллельная конструкция, однородные члены предложения» <505>, «эллиптическая конструкция» <501> и «синтаксическая фигура» <503>. В кинокартине “I’m Thinking of Ending Things” наибольшие показатели частоты активности имеют (по убыванию): фонологический параметр «эллипсис (редукция)» <101>, лексические параметры «смена профессионального кода» <403> и «эмотив и экспрессив» <406>, синтаксические параметры «эллиптическая конструкция» <501> и «параллельная конструкция, однородные члены предложения» <505>. Наименьшая частота активности в фильме «Письма мертвого человека» наблюдается у словообразовательного параметра «аффиксальная модификация» <301>, морфологических параметров «категориальная новация глагола» <204> и «категориальная новация наречия» <206>; а в кинопроизведении “I’m Thinking of Ending Things” — у морфологического параметра «категориальная новация существительного» <202>, словообразовательного параметра «окказиональное безаффиксное словообразование» <303> и (орфо)графического параметра «орфографическая ошибка» <606>. В целом, сопоставление микродискурсивных профилей показывает, что одним из основных отличий двух драмати-

ческих кинопроизведений является бóльшая активность в создании вербальной системы российского фильма лексических и синтаксических средств, а в создании вербальной системы американского фильма — фонологических, лексических и синтаксических средств.

Высокая частотность активизации микропараметров, свидетельствующая о концентрации определенных (образно-выразительных) языковых средств в вербальной системе рассматриваемых фильмов, является значимым, но не решающим показателем их лингвокреативного потенциала. Согласно исследованию, представление о лингвокреативном характере фильмов также формируется посредством качественного анализа активизированных микропараметров, позволяющего разграничить случаи некреативной и креативной активизации языковых единиц, а среди последних выделить их более и менее креативные (оригинальные) способы употребления.

Для демонстрации некреативной активизации микропараметров приведем использование в анализируемых кинодрамах следующих средств: речевой формулы и ее повтора в ответной реплике (пример 1), эллиптической (парцеллированной) конструкции и термина (пример 2), междометия, редуцированной формы глагола и фразеологизма (пример 3), прямого порядка слов в вопросе, разговорной формы эмотивного глагола и его редуцирования (пример 4):

(1) — *Доброе утро!* — *Доброе утро.* <413, 413, 505, 503>

(2) — *В центральном бункере.* <403, 501>

(3) — *Well, you haven't seen anyone fitting that description, have you?* <101, 413, 510>

(4) — *You wanna stop for a coffee?* <101, 402, 406, 511>

В качестве примера разной степени проявления креативного потенциала языковых единиц рассмотрим случаи активизации микропараметра «категориальная новация прилагательного» <201>, под которой имеется в виду изменение формы и значения прилагательных, обусловленное, в частности, их использованием в сравнительной или превосходной степени сравнения или их субстантивацией. В анализируемых кинопроизведениях на активизацию данного параметра указывают следующие употребления прилагательных:

(5) *Забавнейшая идея это, однако, но глупейшая идея!* <201, 201>

(6) — *Same [ice-cream]. — Uh, two of those, please. — Two "sames."* <201>

В примере (5) прилагательные *забавный* и *глупый* имеют простую форму превосходной степени, которая образована по правилам русской

грамматики и, следовательно, является конвенциональной. Однако тот факт, что данные прилагательные используются в конструкции с инверсией и двумя противительными союзами (что является отклонением от нормы) и, соответственно, участвуют в построении антитезы, которая, в свою очередь, указывает на создание на базе прилагательных окказиональной антонимической пары, выражающей негативное отношение к доводам профессора Ларсена, подчеркивающей их абсурдность и вместе с тем углубляющей драматичность происходящего, свидетельствует о возможности квалифицировать активизацию данного микропараметра как креативную, но в предельно малой степени (т. е. близкой к пороговой величине). В примере (6) прилагательное *same* ('exactly the one or ones referred to or mentioned; not different') субстантивируется. При этом его употребление в форме множественного числа является отклонением от языковой нормы и может рассматриваться как дискурсивная новация. Созданная новация не только передает едко-ироническое отношение продавщицы мороженого к главному герою и выполняет лудическую функцию, но и может трактоваться как намек на раздвоение личности киноперсонажа и обыгрывание этой «удвоенной субъектности», поскольку по сюжету фильма Джейк и его девушка — это одно и то же лицо. Таким образом, активизация микропараметра «категориальная новация прилагательного» в примере (6) является креативной, но в отличие от примера (5) она креативна в большей степени.

Разграничение случаев некреативной и креативной активизации микропараметров показало, что в обоих фильмах креативной активизацией отличается в большей мере такой лексический параметр, как «стилистический троп», ср., например:

(7) *Ведь даже Господу Богу, создавая этот мир, понадобилось соринтентироваться во времени. Он придумал сутки, ибо в них заключено разнообразие. Я предложил другую единицу времени — «один сумерек», поскольку разнообразие в мире утеряно.*

(8) *Моя жизнь и моя наука оказались этим черным беспощадным паровозом, которым мы наехали на все человечество.*

(9) *Сегодня я хочу говорить с вами, как мертвый с мертвыми. То есть откровенно.*

(10) *Once this thought arrives, it stays. It sticks, it lingers, it dominates.*

(11) *Maybe it's human nature to keep going in the face of this knowledge.*

(12) *Maybe it's like a window into his origins.*

Как следует из анализа, активизация параметра «стилистический троп» синхронизируется с другими параметрами, повышая креативность определенного сегмента вербальной структуры фильма, делая его салиентным. Это такие микропараметры, как «лексический неологизм или окказионализм» (пример 7), «смена профессионального кода (ввод термина)» (примеры 7, 8, 9, 12), «фразеологизм» (пример 11), «смена социально-территориального кода» (пример 8), «параллельная конструкция» (примеры 8 и 10), «звуковой повтор» (примеры 7, 8 и 11), «многозначность» (пример 9), «парадигматическая активность (синонимия)» (пример 10), «эллиптическая конструкция (парцелляция)» (пример 9), «синтаксическая фигура (градация, эпифора, анафора)» (пример 10).

В целом, по совокупности выявленных сходств и различий в активизации микропараметров можно сделать вывод о большей лингвокреативности американской кинодрамы по сравнению с российским драматическим фильмом.

4.2. Специфика активизации микропараметра «фразеологизм» в российской кинокомедии и американской кинодраме

Важными являются вопросы о различиях в активизации отдельных микропараметров лингвокреативности в разножанровых и разноязычных кинопроизведениях и об их роли в лингвокреативном моделировании кинодискурса. Результаты такого сопоставительного исследования представим на материале русскоязычной кинокомедии «Холоп» и британской кинодрамы “Extremely Loud & Incredibly Close”. Общие сведения о фильмах даны в таблице 2.

Таблица 2.

Общие сведения о киноматериале

Название фильма	Режиссер	Год выхода	Продолжительность
«Холоп»	Клим Шипенко	2019	109 мин (1 ч 49 мин)
Сюжет: Сын богатого бизнесмена Григорий, привыкший к роскоши, вседозволенности и безнаказанности, умышленно сбивает на машине сотрудника дорожной полиции. Устав покрывать сына, бизнесмен Павел решает на отчаянный шаг и соглашается на применение экспериментальной методики его перевоспитания.			
“Extremely Loud & Incredibly Close”	Stephen Daldry	2011	129 мин (2 ч 09 мин)
Сюжет: В жизни главного героя, девятилетнего Оскара Шелла происходит трагедия. В теракте 11 сентября 2001 г. в одной из башен-близнецов в Нью Йорке погибает его отец Томас Шелл. Потрясенный внезапной смертью самого дорогого человека Оскар пытается обрести смысл дальнейшей жизни и найти в себе силы принять произошедшее.			

Как в российской кинокомедии, так и в американской кинодраме «фразеологизм» является параметром со средними показателями активности, ср.: 127 и 91 фразеопотреблений.

Узуальные употребления, при которых фразеологизмы используются в их базовых формах и исходных значениях, квалифицируются в нашем исследовании как случаи их нормативного и, соответственно, некреативного функционирования. В обоих фильмах использование фразеологизмов в их узуальных формах и базовых значениях преобладает над их модифицированием, ср.: 71,7 % и 88 % соответственно, например:

(13) *первый попавшийся* ('1) случайно подвернувшийся, оказавшийся ближе других; 2) безразлично какой'): *Если не выйдет вор, накажу первого попавшегося.*

(14) *make up one's mind* ('to decide about someone or something'): *I made up my mind that nothing, nothing was going to stop me.*

Примечательно, что в кинокомедии «Холоп» относительные показатели использования модифицированных форм ФЕ выше, а повторяющихся ФЕ меньше, чем в кинодраме "Extremely Loud & Incredibly Close". Сводные данные об абсолютных и относительных показателях активизации узуальных и модифицированных фразеопотреблений размещены в таблице 3.

Таблица 3.

Соотношение узуальных и модифицированных форм фразеологизмов в разножанровых фильмах на русском и английском языках

Кинопроизведение, жанр	Общее количество употреблений ФЕ	Узуальное использование ФЕ	Модификации ФЕ	Повторяющиеся ФЕ
«Холоп», кинокомедия	127	91 (71,7 %)	36 (28,3 %)	33 (26 %)
"Extremely Loud & Incredibly Close", кинодрама	91	80 (88 %)	11 (12 %)	30 (33 %)

Анализ модифицированных форм фразеологизмов осуществлялся с опорой на подход к дискурсному изучению фразеологической креативности, предложенный в [Зыкова 2015]. Согласно данному подходу, к основным когнитивным стратегиям модификации фразеологизмов в дискурсе относятся: 1) стратегия встраивания компонентов в базовую форму фразеологизмов; 2) стратегия пре- и постпозиционного приращения компонентного состава; 3) стратегия разбиения базовой формы фразеологизма, сопровождающегося заменой или опущением исходных компонентов; 4) стратегия перекомпозиции, состоящая в

намеренном изменении порядка расположения компонентов в базовой форме ФЕ, и 5) стратегия комбинирования, представляющая собой разного рода интегрирование двух и более фразеологизмов в одном сегменте дискурса.

В американской кинодраме выявлены две основные стратегии модификации базовой формы и значения фразеологизмов, которыми являются «встраивание» (примеры 15 и 16) и «комбинирование» (примеры 15 и 17):

(15) *to give a call, to have an idea: I'll **give you another call** when I have a **better idea** of what's going on.*

(16) *to find something hard: Why do you **find it so hard** to talk to me?*

(17) *But I did it for me, and I did it for you so we could **at least** try... and **say goodbye to him...** because **he's gone**, Oskar, **he's gone** and **he's not coming back**.*

С учетом оригинальности фразеопотреблений с применением двух указанных стратегий они представляют собой случаи слабовыраженной или «нулевой» креативности.

Отдельного внимания заслуживает использование в англоязычном фильме двух словосочетаний *the worst day* и *to wear / have heavy boots*:

(18) *On **the worst day**, my dad left six messages on this answering machine.*

(19) *But one day, I **had completely heavy boots** and I went into his room anyway.*

Оба выражения отличаются рекуррентностью в американском кинопроизведении и основаны на эвфемизации и метафоризации депрессивного состояния Оскара, тяжело переживающего смерть отца. Специфичность образа и оригинальность использования второго словосочетания позволяют квалифицировать его как фразеологический неологизм (см. тж. в [Зыкова 2023]).

В русскоязычной кинокомедии выявлено применение всех когнитивных стратегий, приводящее к созданию модификаций ФЕ разной степени креативности (по возрастанию), ср., например, «встраивание» (пример 20), «приращение» (пример 21), «перекомпозиция», «разбиение» и «встраивание» (пример 22), «разбиение» и «комбинирование» (пример 23):

(20) *начинать с нуля: Мы не просто хотим твоего сына вернуть, по сути, мы создаем нового человека, а для этого он должен все **начать с абсолютно нуля**.*

(21) *отбиваться от рук: Э-э, ну, мальчику двадцать семь лет, мальчик совсем отбился от рук.*

(22) *нагонять страх: Паш, ну что ты жути нагоняешь, а?*

(23) *моргнуть глазом, рвать на куски: — Вы только моргните [глазом], я его быстро порву [на куски], мерзавца! — Не-не, не моргай, не моргай.*

В отличие от американской кинодрамы фразеологический состав кинокомедии «Холоп» характеризуется стилистической многоплановостью и значительным коммуникативным многообразием, проявляющимся в использовании фразеологизмов всех коммуникативных регистров, от сниженно-разговорных и обценных до (возвышенно)-официальных: *на хрен, иметь мозги, к чертовой матери, на расслабоне, давать в морду, впаривать чушь, мать их за ногу, бросаться в ноги, выражать отношение, иметь совесть, оказывать честь.*

Как в американском, так и в российском фильме обнаружены единичные случаи использования фразеологизмов в качестве названий или подзаголовков, имеющих специфическое полимодальное оформление:

(24) [название новостного телесообщения]: **BREAKING NEWS / ALL INTL. FLIGHTS TO D.C., NYC DIVERTED TO CANADIAN AIRPORTS**

(25) [подзаголовок выпуска телепередачи]: «**“ИЗ КНЯЗИ В ГРЯЗИ?” / #ГРИШАДЕРЖИСЬ**»

Полимодальная форма коллокации, модифицированной в американской кинодраме, имеет конвенциональный характер и направлена на фокусировку и усиление драматичности события (ср.: *to break the news* (базовая форма) > *breaking news* (модификация)). Полимодальное воплощение модифицированной идиомы в российской кинокомедии отличается оригинальностью, порождает многозначность, на основе которой создается комическое восприятие ситуации (ср.: *из грязи в князи* (базовая форма) > *из князи в грязи* (модификация)).

Таким образом, фразеопотребления имеют репрезентативные количественные и качественные расхождения в двух рассматриваемых фильмах. На основании всех полученных данных можно констатировать, что активизация параметра «фразеологизм» в большей мере влияет на лингвокреативность русскоязычной кинокомедии, чем американской кинодрамы. Модификации ФЕ являются более разнообразными и оригинальными в фильме «Холоп» по сравнению с фильмом “Extremely Loud & Incredibly Close” и способствуют повышению лингвокреативного потенциала русскоязычного фильма.

5. Общие выводы

Новые эмпирические данные, полученные в ходе сопоставительного анализа включенного в корпус нового киноматериала, указывают на варьирование лингвокреативного потенциала фильмов в зависимости от жанра, их принадлежности к определенному направлению киноискусства и особенностей языковой системы. Результаты настоящего исследования также подтверждают установленный ранее факт того, что одним из ключевых дифференциаторов креативного и некреативного в кинодискурсе выступает оппозиция 'художественно-дискурсивная стилизация — эстетико-прагматическая актуализация'. С целью художественно-дискурсивной стилизации в вербальную структуру фильма вводятся языковые единицы, наиболее соответствующие ее базовому, повседневно-разговорному, дискурсу (например, эллиптические конструкции, просторечная лексика, повторы, фразеологизмы в узуальных формах и проч.). Активизация микропараметров согласно этому принципу квалифицируется как некреативная. Креативной же является такая активизация параметров, когда языковыми средствами реализуются определенные эстетические установки (в частности, категории «комическое», «драматическое») и достигаются конкретные прагматические задачи (например, рассмешить, вызвать чувство сострадания). В этом случае в фильмах создаются разного рода нестандартные, оригинальные, индивидуально-авторские образные и эмотивно-экспрессивные языковые средства, которые усиливают художественно-эстетическую выразительность кинодискурса. Зачастую порог обыденного и повседневного преодолевается за счет активизации не одного параметра, а одновременно нескольких параметров лингвокреативности.

Литература

Демьянков В.З. Параметры возможности и вероятности в немецком корпусе // Дискурс и язык в эпоху «больших данных»: Вариативность, креативность, эксперимент. М.: Р.Валент, 2023. (настоящее издание).

Зыкова И.В. Ноцицепция и ее лингвокреативный потенциал в художественно-эстетической репрезентации // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. 2023. Т. 22, № 1. С. 65–80. DOI: 10.15688/jvolsu2.2023.1.6.

Зыкова И.В. Лингвокреативность в кинодискурсе // Лингвокреативность в дискурсах разных типов: Пределы и возможности: коллективная монография / Отв. ред. И.В. Зыкова. М.: Р.Валент, 2021а. С. 100–189.

Зыкова И.В. Язык и дискурсы: на новых рубежах теории лингвокреативности // Лингвокреативность в дискурсах разных типов: Пределы и возможности: коллективная монография / Отв. ред. И.В. Зыкова. М.: Р.Валент, 2021б. С. 11–20.

Зыкова И.В., Куосе М.И. Переключение социокоммуникативных регистров как параметр лингвистической креативности: Кинодискурс vs. дискурс детской литературы // *Studia z Filologii Polskiej i Słowiańskiej*. 2021. 56, Article 2384. DOI: 10.11649/sfps.2384.

Зыкова И.В., Кулиджанян С.С. Параметризация лингвокреативности: английский корпус // *Лингвокреативность в дискурсах разных типов: Пределы и возможности: коллективная монография* / Отв. ред. И.В. Зыкова. М.: Р.Валент, 2021. С. 168–182.

Ириханова О.К. О некоторых вопросах когнитивной поэтики жестов: жесты «поэтические» vs «прозаические» // *Когнитивные исследования языка*. Вып. XXXVII, 2019. С. 989–994.

Куосе М.И., Ефремов А.А. HETEROSTAT. Программа HETEROSTAT комплексного расчета параметров дискурса. Дата регистрации: 21.09.2020. Государственный номер регистрации: 2020661240. 2020.

Красикова Е.А. Креативная и некреативная реализация эмотивной лексики в кинодискурсе китайского языка // *Дискурс и язык в эпоху «больших данных»: Вариативность, креативность, эксперимент*. М.: Р.Валент, 2023. (настоящее издание).

Кулиджанян С.С. Армянская фразеология и особенности ее функционирования в кинодискурсе // *Дискурс и язык в эпоху «больших данных»: Вариативность, креативность, эксперимент*. М.: Р.Валент, 2023. (настоящее издание).

ЛДРТ — *Лингвокреативность в дискурсах разных типов: Пределы и возможности: коллективная монография* / Отв. ред. И.В. Зыкова. М.: Р.Валент, 2021.

Соколова О.В. *Linguaggio e opposizione*: междискурсивное взаимодействие в поэзии итальянского неоавангарда // *Дискурс и язык в эпоху «больших данных»: Вариативность, креативность, эксперимент*. М.: Р.Валент, 2023. (настоящее издание).

Соколова О.В. Лингвокреативность в рекламном и поэтическом дискурсах // *Лингвокреативность в дискурсах разных типов: Пределы и возможности: коллективная монография* / Отв. ред. И.В. Зыкова. М.: Р.Валент, 2021. С. 258–361.

Фещенко В.В. Лингвокреативность в художественном и научном дискурсах // *Лингвокреативность в дискурсах разных типов: Пределы и возможности: коллективная монография* / Отв. ред. И.В. Зыкова. М.: Р.Валент, 2021. С. 190–257.

Фещенко В.В. Метаморфозы метаязыковой метафоры: Language poetry «на randevu» с лингвистикой // *Дискурс и язык в эпоху «больших данных»: Вариативность, креативность, эксперимент*. М.: Р.Валент, 2023. (настоящее издание).

Шмелева Е.С. Лингвокреативность в медийном дискурсе // *Лингвокреативность в дискурсах разных типов: Пределы и возможности: коллективная монография* / Отв. ред. И.В. Зыкова. М.: Р.Валент, 2021. С. 499–557.

Gibbons A. 2015. *Literature and multimodality* // *Routledge Handbook of Language and Creativity*. Routledge Taylor & Francis Group, 2015. P. 293–306.

Jones R.H. Introduction // *Routledge Handbook of Language and Creativity*. Routledge Taylor & Francis Group. 2015. P. 1–21.

Law L. Creativity and Multimodality: Analytical Framework for Creativity in Multimodal Texts (AFCMT) // *Linguistics and the Human Sciences*. 2020. Vol. 14. P. 36–69. DOI: 10.1558/lhs.33598.

Thurlow C. Determined creativity: Language play in new media discourse // *Discourse and Creativity*. Pearson, 2012. P. 169–190.

ЛИНГВОКРЕАТИВНОСТЬ И ДИСКУРСИВНАЯ ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ В НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОЙ ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ¹

М.И. Киосе

*Московский государственный лингвистический университет,
Институт языкознания РАН, Москва*

Исследование обращается к проблеме оценки степени дискурсивной интерференции, одной из сложностей в решении которой является необходимость установления роли дискурса-донора и дискурса-реципиента в условиях дискурсивной вариативности. Предлагаемое решение заключается в изучении вариативности как определяемой макропараметрами дискурса и описываемой с опорой на маркеры дискурсивной категории, реализующейся как в дискурсе-доноре, так и в дискурсе-реципиенте. Материалом исследования становятся образцы научно-популярного дискурса детской литературы, варьирование которого изучается как определяемое макропараметром «коммуникативно-прагматический тип дискурса (в аргументативе, экспозитиве, дескриптиве и нарративе как вариантах)». С применением характеристик научного дискурса и художественного дискурса детской литературы, описываемых параметрами лингвокреативности, устанавливается степень проявления обоих дискурсов в гибридном дискурсе и степень вариативности этих проявлений.

Ключевые слова: *дискурсивная интерференция, лингвокреативность, дискурс детской литературы, научный дискурс, художественный дискурс.*

LINGUISTIC CREATIVITY AND DISCOURSE INTERFERENCE IN POPULAR SCIENCE LITERATURE FOR CHILDREN

Maria I. Kiose

*Moscow State Linguistic University,
Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Moscow*

The study addresses the problem of discourse interference which displays high variance and maintains the input of donor and recipient discourses within the hybrid discourse. We assess this input as affected by discourse macro parameters and manifested in discourse markers of a discourse category shaping both donor and recipient discourses. The research data are the samples of popular science literature for children which display variance as affected by the macro parameter of communicative and pragmatic discourse type (argumentative, expositive, descriptive, and narrative discourse). Considering the prototype features of scientific discourse and children's fiction, manifested via the parameters and discourse markers of the category of linguistic creativity, we identify the input of both discourse types into the hybrid discourse and the variance of this input.

Keywords: *discourse interference, linguistic creativity, discourse of children's literature, scientific discourse, fiction.*

---

¹ Исследование выполнено в Институте языкознания РАН при поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00040 «Параметризация лингвокреативности в дискурсе и языке»).

1. Введение. Постановка проблемы

В настоящей работе мы обращаемся к явлению дискурсивной интерференции, описывающей случаи интеграции в рамках одного образца дискурса характеристик дискурсов разных типов. При том что процедурные основания изучения данного явления, а также особенности интерференции отдельных типов дискурсов получили достаточное освещение, меньшее внимание уделено разработке методов анализа варьирования гибридных дискурсов, хотя, конечно, сама проблема вариативности гибридных дискурсов в работах рассматривается [Фатеева 2006; Шевченко 2008; Белоглазова 2009, 2010а].

Анализу подвергается научно-популярный дискурс детской художественной литературы (далее — научно-популярный дискурс), демонстрирующий трансфер характеристик научного дискурса как дискурса-донора в дискурс детской художественной литературы как дискурс-реципиент. Предположительно, варьирование степени интерференции дискурсов в гибридном дискурсе определяется влиянием макропараметров [Кибрик 2009], или (макро)характеристик, описывающих все (любой из) типы дискурсов. В работе изучается влияние макропараметра «коммуникативно-прагматический тип дискурса» в вариантах его реализации — нарративе, дескриптиве, аргументативе, экспозитиве [Longacre 1983] — на степень проявления интерференции.

В качестве дискурсивной категории, реализующей характеристики дискурсов-донора и реципиента гибридного дискурса, может выступать категория лингвокреативности [Ирисханова 2009], проявляющаяся на всех уровнях языка и во всех дискурсах [Зыкова 2021]. С применением метода контрастивно-параметрического анализа в работе устанавливаются 1) степень проявления дискурса-донора (научного) в дискурсе-реципиенте (художественный) в научно-популярном дискурсе детской художественной литературы, 2) степень вариативности этих проявлений как определяемых макропараметром «коммуникативно-прагматический тип дискурса», 3) параметры лингвокреативности, показатели которых демонстрируют значимые различия в четырех коммуникативно-прагматических типах гибридного дискурса.

2. Методологические основания исследования

Как правило, явление дискурсивной интерференции изучается с помощью установления некоторых характеристик дискурса, например, дискурсивных стратегий, схем, координат, функций и др., свойственных одному типу дискурса, как проявляющихся в ином типе дискурса, для которого их появление менее свойственно или менее ожидаемо

[Борботько 1998; Силантьев 2004; Фатеева 2006]; при этом внимание исследователей может фокусироваться и на особенностях распределения этих характеристик в определенном типе гибридного дискурса [Соколова 2014; Фещенко 2020, 2021], в том числе дискурса детской литературы [Белоглазова 2010б]. Так, к специфическим проявлениям научного дискурса В.В. Фещенко относит такие характеристики, как его 1) познавательная ценность, реализующаяся в ориентации на научную традицию, направленности на содержание, терминологически-метафорическом строе (подробнее в [Демьянков 2006]), однозначности, институциональности, объективизме и верифицируемости, логичности и доказательности, универсальности и интернациональности; 2) коммуникативный потенциал, реализующийся в доминировании референтивной (когнитивной) функции языка, направленности на выдвигание результата, терминологичности как направленности на метаязык (код), логической связности и коммуникативной одновекторности, превалировании внешней референции, коллективном дейксисе, субъективной гомогенности и стандартности, определенности адресанта при ограниченности адресатов, коллективности адресата [Фещенко 2021: 230]. К специфическим проявлениям дискурса детской художественной литературы исследователи относят его интернациональный характер [Latrobe 2001], дидактическую ценность [Nikolajeva 1996], наличие двойной адресации [Beckett 1999], каноничность, нормативность и нормированность [Stahl 1992; Белоглазова 2010; Gamble 2013], тенденцию к построению вымышленных миров [Zipes 2001; Hunt 2005], культурную апроприацию и стратификацию, его иконичность по отношению к дискурсу литературы для взрослых [Shavit 1986], гибридный характер и интертекстуальность [Rudd 2004].

Анализ интерференции научного дискурса как донора и дискурса детской художественной литературы как реципиента может проводиться в ходе обнаружения перечисленных характеристик научного дискурса (с помощью установления их дискурсивных маркеров) в гибридном образовании. Однако, как мы указали выше, любой дискурс демонстрирует высокую вариативность в своих манифестациях, которую представляется возможным установить в ходе изучения его проявлений, описываемых макропараметрами [Кибрик 2009], или (макро)характеристиками, такими, как адресация дискурса, его жанровая и гендерная принадлежность, семиотический формат реализации, и др. В исследовании мы изучаем роль макропараметра «коммуникативно-прагматический тип дискурса», представленного четырьмя (под)типами дискурса — экспозитивом, дескриптивом, нарративом и аргументативом [Longacre 1983]. Предположительно, различное

коммуникативно-прагматическое содержание образцов дискурса детской литературы будет определять степень вариативности проявлений дискурса-донора в гибридном образовании.

Изучение особенностей проявления указанных выше характеристик дискурса-донора и реципиента в четырех коммуникативно-прагматических подтипах дискурса возможно только с опорой на единую систему параметров и их дискурсивных маркеров. Данную проблему можно решить в ходе анализа манифестаций дискурсивной категории, реализующейся (хотя и в разной степени) во всех типах дискурса. Такой категорией в нашем исследовании становится категория лингвокреативности, проявляющаяся на всех уровнях языка, а следовательно, способная стать инструментом как контрастивного анализа [Зыкова, Киосе 2020, 2021], так и анализа дискурсивной интерференции [Сokolova 2021; Фещенко 2020, 2021]. В качестве (микро)параметров лингвокреативности мы рассматриваем параметры, указывающие на креативное использование языковых средств разных уровней языковой системы (фонологического, морфологического, словообразовательного, лексического, синтаксического), а также графические и орфографические особенности [Зыкова, Киосе 2020].

3. Материал, метод и процедура исследования

Материалом исследования являются 4 образца дискурса детской научно-художественной литературы, демонстрирующие сходство в адресации (средний школьный возраст), времени создания (промежуток времени в 15 лет), жанровой принадлежности (научно-популярный дискурс), но отличающиеся особенностями коммуникативно-прагматического содержания. Это начальные фрагменты произведений: 1) Алексея Леонтьева «Путешествие по карте языков мира», 1976 г. (аргументатив, 13 357 знаков); 2) Владимира Левшина «В лабиринте чисел. Путешествие от а до я со всеми остановками», 1977 г. (экспозитив в диалоге, 13 059 знаков); 3) Михаила Гаспарова «Занимательная Греция. Рассказы о древнегреческой культуре», 1990 г. (дескриптив, 11 299 знаков); 4) Ираклия Андронникова «Рассказы литературоведа», 1973 г. (нарратив, 14 618 знаков). Для фрагмента произведения А. Леонтьева характерно представление авторской научной позиции, приведение доводов и доказательств в ее поддержку, пример (1), построение цепочек аргументированных суждений и выводов, пример (2):

(1) Науке же известно свыше 30 случаев, когда дети выросли среди животных, как Маугли из повести Киплинга. И ни один из этих детей не умел говорить. Значит, умение говорить — не врожденная способность человека. (А. Леонтьев)

(2) А зачем нужен язык? Для чего нужна человеку членораздельная речь? Во-первых, для того, чтобы люди могли обмениваться мыслями <...>. Во-вторых, язык нужен для того, чтобы закреплять и сохранять коллективный опыт человечества <...>. Наконец, в-третьих, язык нужен для того, чтобы человек мог с его помощью выразить свои мысли, чувства, эмоции. (А. Леонтьев)

Такой характер изложения свидетельствует о том, что данный образец скорее относится к аргументативному типу.

Фрагмент произведения В. Левшина в большей степени ориентирован на представление пояснений с помощью примеров, пример (3), пояснений различий между объектами и представления характеристик некоторого объекта референции, пример (4), что свойственно экспозитиву:

(3) Вот как, — язвительно усмехнулась Арифметика, — у них нет такого предмета! А примеры на вычитание и деление? А упражнения по сложению и умножению столбиком? А задачка про рыбака, который поймал 12 окуней, а лещей на 6 больше и треть улова отдал товарищу? Это что? Разве не арифметика? (В. Левшин)

(4) Думаешь, наука, совсем как человек, получает имя сразу после рождения? Ничуть не бывало. Я, по крайней мере, обзавелась моим теперешним именем в довольно зрелом возрасте. Ведь Арифметика — это от древнегреческого слова «аритμός» или «арифμός», что значит «число». А в Древней Греции наука о числах и вычислениях была уже в полном расцвете. (В. Левшин)

Во фрагменте повести М. Гаспарова встречаем большое количество описаний событий, пример (5) и объектов референции, пример (6), что свойственно дескриптиву:

(5) Год 1432. Царь Минос, сын Зевса, воцарился на Крите, а фригийские карлики научили греков ковать железо. Год 1409. Богиня Деметра пришла в Афины и научила греков земледелию. (М. Гаспаров)

(6) Оракул — это не человек, а святилище, где жрецы давали предсказания от имени бога; как это было устроено, мы расскажем дальше. (М. Гаспаров)

Фрагмент произведения И. Андронникова являет собой пример нарратива, или описания последовательности событий, при этом переживаемых самим рассказчиком:

(7) Так и на этот раз я явился в музейный отдел, к Елене Панфиловне Населенно, и получил от нее разрешение хозяйничать: просматривать каталоги, перелистывать инвентарные книги, самому доставать

с полок тяжелые альбомы и папки. И вот, пользуясь ее гостеприимством, я уже расположился в рабочей комнате музея, заставленной шкафами, письменными столами и шифоньерками <...> В Рукописном отделении Пушкинского дома я выписал инвентарные книги бывшего Лермонтовского музея при Петербургском кавалерийском училище <...> Перелистал инвентарную книгу. (И. Андронников)

Отметим, что выбранные образцы демонстрируют разные научные направления (лингвистика, математика, история, литературоведение); в некоторой степени именно научное направление определило способ дискурсивной передачи информационного содержания.

Основным методом исследования является контрастивно-параметрический анализ в отношении дискурсивной категории лингвокреативности [Зыкова, Киосе 2020], реализация которого в целом предполагает ручное параметрическое аннотирование образцов дискурса и последующее установление активности (частотности) параметров лингвокреативности в сравнении данных разных образцов с целью определения типа лингвокреативности (языковая, системная vs. дискурсивная). Для анализа данных используется вспомогательный метод векторного моделирования дискурса [Iriskhanova, Cienki 2018; Киосе 2021], с помощью которого моделируются дискурсивные профили образцов и определяется наличие / отсутствие значимых различий образцов, а также устанавливаются параметры, по которым эти различия проходят.

В настоящей работе ввиду того, что к анализу привлекаются образцы гибридного дискурса, процедура анализа становится более комплексной и включает следующие шаги (этапы):

- 1) параметрическое аннотирование образцов гибридного дискурса;
- 2) установление активности отдельных параметров, реконструирование профилей лингвокреативности образцов (экспозитива, дескриптива, нарратива и аргументатива) и дискурса в целом;
- 3) определение значимых различий в реализации лингвокреативности в образцах, а также параметров, определяющих эти различия;
- 4) установление с опорой на характеристики дискурса-донора (научного) и дискурса-реципиента (художественного дискурса детской литературы) параметров лингвокреативности, соотносимых с данными характеристиками, и далее выявление значимых различий в реализации именно этих параметров в образцах;
- 5) определение степени проявления дискурса-донора в образцах гибридного дискурса.

4. Результаты

4.1. Вариативность гибридного дискурса как определяемая его коммуникативно-прагматическим типом

Приведем в векторных диаграммах данные по распределению активности параметров лингвокреативности в четырех образцах, полученные с применением программы расчета активности и сопряженности параметров дискурса HETEROSTAT [Киосе, Ефремов 2020] (см. рис. 1).

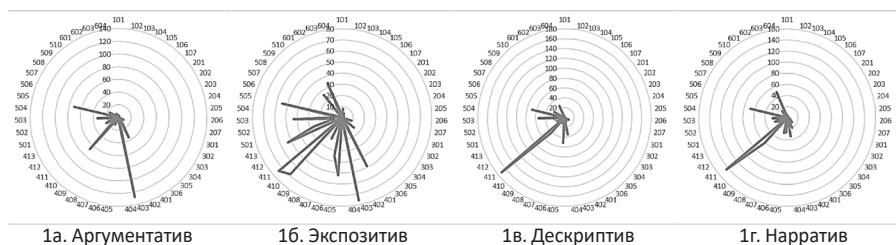

Рис. 1. Распределение абсолютной активности параметров лингвокреативности в образцах гибридного дискурса

Масштаб приведенных рисунков профилей различается, однако приведение их к единому масштабу не позволит увидеть наиболее значимые особенности каждого образца.

Рисунок 1 демонстрирует, что каждый тип дискурса, кроме экспозитива, имеет параметры, активность которых значительно выше, чем средняя активность параметров. В аргументативе таким параметром является <403> «смена профессионального кода», маркерами которого являются термины, часто использующихся в кластерах, как в:

(9) *А фонолог увидит здесь две разные единицы: для него Б в слове столб — это так называемый позиционный вариант звука, или фонемы, Б, которая ясно слышится в форме родительного падежа — столба.* (А. Леонтьев)

В примере (9) при представлении фонетической системы языка автор использует целый ряд соответствующих терминов (*фонолог, позиционный вариант, фонема, родительный падеж*).

Для дескриптива таким параметром становится <411> «новация в использовании имени (собственного)», маркерами которой являются имена античных героев и географических мест, примеры (10) и (11). Интерпретация таких имен как креативных в большинстве случаев обусловлена непрямым «порядком представления» зон лингвокреативности имени в тексте (подробнее см. в [Киосе 2022]) —

представлению зон онтологии и эпистемологии предшествует введение формально-языковой зоны, как в:

(10) *Тесей, убив Минотавра, освободил Афины от дани, дал им законы и учредил Истмийские игры.* (М. Гаспаров)

(11) *Поход Семерых против Фив, и тогда же учреждены Немейские игры.* (М. Гаспаров)

В данных примерах онтологические и эпистемологические основания референтов не представлены до введения самих имен собственных (проще говоря — читатель просто не может понять, с какими референтами соотносятся эти имена). Для нарратива наибольшую и отличительную активность также проявляет <411> «новация в использовании имени (собственного)». В ряде случаев креативное использование имен также связано с непрямым «порядком представления» зон лингвокреативности имени в тексте, как в:

(12) *Другая сестра была замужем за сыном Михаила Семеновича Щепкина.* (И. Андронников)

(13) *Скажите, вы их когда-нибудь в «Разбойниках» видели?* (И. Андронников)

Однако в большинстве случаев креативность имени обусловлена одновременным введением онтологической и формально-языковой зон, в то время как в отношении эпистемологической зоны автор в тексте объяснений не дает, как в:

(14) *В Рукописном отделении Пушкинского дома я выписал инвентарные книги бывшего Лермонтовского музея при Петербургском кавалерийском училище.* (И. Андронников)

В этом примере встречаются несколько случаев использования наименований референтов, о культурно-исторической значимости которых (представляющей компонент эпистемологической зоны референта) читатель-ребенок может не знать.

Описательный анализ корреляций показателей параметров лингвокреативности образцов со средними показателями всех четырех образцов (некоторый прототипический образец гибридного дискурса такого типа) показывает высокую степень сходства образцов (в отношении показателей параметров лингвокреативности), диапазон показателей g -Пирсона составляет 0.72–0.93 при критическом g -Пирсона для выборки данного размера равном 0.25. Однако отметим, что наименьшую степень сходства демонстрирует аргументатив (образец произведения А. Леонтьева). Основные различия наблюдаются в повышенной активности параметра <403> «смена профессионального кода», сниженной активности

параметров <405> «смена лингвосемиотического кода», <406> «лексический экспрессив и эмотив» (отметим однако, что сниженная активность параметра <406> наблюдается и в дескриптиве), <411> «новация в использовании имени (собственного)», <501> «эллиптическая конструкция», <510> «синтаксическая активность служебных частей речи (частицы, вводные слова, междометия)» (сходная ситуация и в дескриптиве), <602> «новация со знаками препинания».

Таким образом, в аргументативе в большей степени представлены термины, в то же время снижается активность иноязычных слов и выражений, образец менее насыщен эмоционально и стилистически. Своеобразие первого образца подтверждается и аналитической статистикой. Так, проведенный анализ главных компонент демонстрирует следующие индексы уникальности образцов: 0.492 — 0.121 — 0.198 — 0.136. Как видно, именно аргументатив демонстрирует отличающееся распределение активности параметров.

При том, что сходство в целом образцов высокое, дисперсионный анализ показателей параметров лингвокреативности выявил значимые различия в образцах ($\chi^2=9$ при $p=0.029$). Были проведены отдельные дисперсионные тесты на предмет установления различий в каждой группе параметров, так как гипотетически различия могут проходить по группам лексических и синтаксических параметров, однако предположение не подтвердилось — при $\chi^2=1$ при $p=0.801$ для параметров словообразовательного уровня, $\chi^2=7.38$ при $p=0.061$ для параметров лексического уровня, $\chi^2=3.51$ при $p=0.319$ для параметров синтаксического уровня, $\chi^2=3.41$ при $p=0.333$ для параметров орфографии, можно констатировать, что по группам значимых различий нет. Однако можно наблюдать, что порог значимости лишь немного не преодолели различия в показателях параметров лексического уровня.

4.2. Вариативность гибридного дискурса как определяемая ролью дискурса-донора и дискурса-реципиента

Далее установим роль дискурса-донора (научного) и дискурса-реципиента (дискурса художественной детской литературы) в данных образцах. С опорой на названные ранее характеристики научного дискурса [Фещенко 2021] можно установить параметры лингвокреативности, соотносимые с этими характеристиками. Увеличение роли научного дискурса будет проявляться в эксплуатации таких характеристик, как «терминологически-метафорический строй» — в параметрах <410> «стилистический троп» (оказиональные метафора, метонимия, литота, олицетворение, гипербола, оксюморон, повтор, др.), «институциональность» — в параметрах <401> «смена регистров коммуникации», <405>

«смена лингвосемиотического кода», «интернациональность, отсюда включения иноязычных кодов» — в <404> «смена языкового кода», «доминирование референтивной (когнитивной) функции языка» — в <411> «новация в использовании имени (собственного)», «терминологичность как направленность на метаязык (код)» — в <403> «смена профессионального кода», «логическая связность и коммуникативная одновекторность» — в <505> «параллельные конструкции или параллелизмы (однородные члены предложения)», <507> «независимая автосемантия», <510> «синтаксическая активность служебных частей речи (частицы, вводные слова, междометия)»; «коллективный дейксис» — в <203> «категориальная новация местоимения». Снижение роли научного дискурса будет проявляться при нарушении его «однозначности» — в <409> «многозначность (полисемия, энантиосемия)», «доминирование референтивной (когнитивной) функции языка» — в <406> «лексический экспрессив и эмотив».

С опорой на названные характеристики дискурса детской художественной литературы мы ранее уже установили те параметры лингвокреативности, которые демонстрируют в нем самую высокую активность [Киосе 2021]. Таким образом, «создаются» два полюса проявлений лингвокреативности, соотносимые с типами дискурсов — научным и дискурсом детской художественной литературы. Приведем их в таблице 1.

Таблица 1.

Наиболее активные параметры лингвокреативности дискурса детской художественной литературы и научного дискурса

Художественный дискурс детской литературы	Научный дискурс
<102> «звукоподражание»	<203> «категориальная новация местоимения»
<202> «категориальная новация существительного»	<401> «смена (социо)коммуникативных регистров коммуникации»
<204> «категориальная новация глагола»	<403> «смена профессионального кода»
<301> «аффиксальная модификация» (субъективной и функциональной оценки)	<404> «смена языкового кода»
<302> «окказиональное словосложение»	<405> «смена лингвосемиотического кода»
<401> «смена (социо)коммуникативных регистров коммуникации»	<410> «стилистический троп (окказиональные метафора, метонимия, литота, олицетворение, гипербола, оксюморон, повтор, др.)»
<403> «смена профессионального кода»	<411> «новация в использовании имени (собственного)»
<406> «лексический экспрессив и эмотив»	<505> «параллельные конструкции или параллелизмы (однородные члены предложения)»
<410> «стилистический троп (окказиональные метафора, метонимия, литота, олицетворение, гипербола, оксюморон, повтор, др.)»	<507> «независимая автосемантия»
<411> «новация в использовании имени (собственного)»	<510> «синтаксическая активность служебных частей речи (частицы, вводные слова, междометия)»
<413> «фразеологизм (узальный или модифицированный)»	
<501> «эллиптическая конструкция»	
<503> «синтаксическая фигура (анафора, эпифора, градация, бессоюзие)»	
<505> «параллельные конструкции или параллелизмы (однородные члены предложения)»	
<510> «синтаксическая активность служебных частей речи (частицы, вводные слова, междометия)»	

Из таблицы 1 видно, что некоторые параметры лингвокреативности проявляются в обоих типах дискурса, поэтому для корректного установления роли дискурса-донора и дискурса-реципиента необходимо воспользоваться показателями распределения активности параметров. Такие показатели у нас имеются только в отношении дискурса детской художественной литературы, поэтому мы в первую очередь воспользуемся ими, но при анализе будем ориентироваться и на параметры научного дискурса (см. рис. 2).

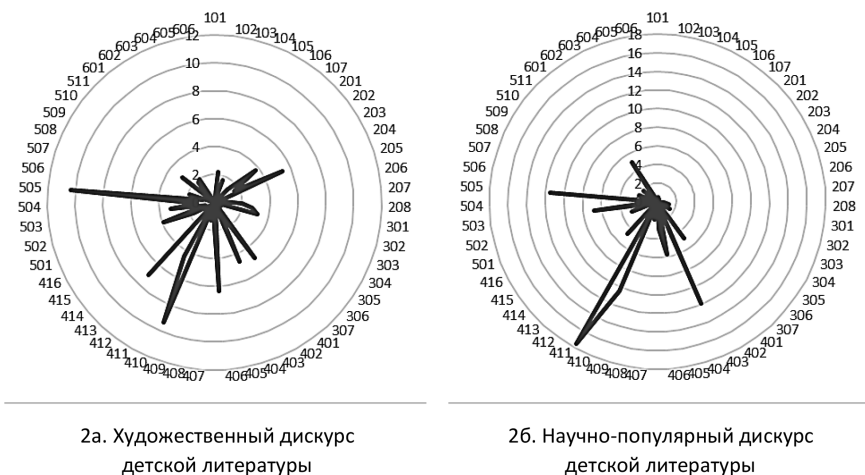

Рис. 2. Распределение относительной активности параметров лингвокреативности в художественном и научно-популярном дискурсе детской литературы

При сравнении показателей активности параметров двух типов дискурса были выявлены различия по ряду параметров. Бóльшая активность в научно-популярном дискурсе наблюдалась у следующих параметров (в скобках указаны показатели относительной активности): <403> «смена профессионального кода» (12 и 4,5 %), <405> «смена лингвосемиотического кода» (5,8 и 0,3 %), <411> «новация в использовании имени (собственного)» (17 и 4 %), <503> «синтаксическая фигура (анафора, эпифора, градация, бессоюзие)» (7 и 3 %), <602> «новация со знаками препинания» (5 и 2 %). Сходная активность наблюдается в отношении параметров: <401> «смена (социо)коммуникативных регистров коммуникации», <410> «стилистический троп (окказиональные метафора, метонимия, литота, олицетворение, гипербола, оксюморон, повтор, др.)», <501> «эллиптическая конструкция», <505>

«параллельные конструкции или параллелизмы (однородные члены предложения)». Снижение активности наблюдается в параметрах: <204> «категориальная новация глагола» (0 и 5,4 %), <301> «аффиксальная модификация» (субъективной и функциональной оценки) (0,7 и 2,7 %), <302> «окказиональное словосложение» (1,2 и 3,2 %), <406> «лексический экспрессив и эмотив» (3 и 6,3 %). Результаты представляются значимыми, так как они позволяют оценить влияние дискурса-донора в гибридном дискурсе. Так, обнаружено влияние характеристик «терминологичность как направленность на метаязык (код)», «институциональность», «доминирование референтивной (когнитивной) функции языка». При этом, как оказалось, наблюдается увеличение активности синтаксических фигур — можно предположить, что таким образом обеспечивается адаптация научного содержания к дискурсу детской литературы путем его синтаксического фокусирования. Подтверждением этому выступают многочисленные примеры использования синтаксических фигур в предложениях с терминами и сменами кода, например:

(15) *Значения слов и словосочетаний изучает семантика, или семасиология. А взаимоотношения различных слов внутри языка изучаются лексикологией.* (А. Леонтьев).

(16) *Да вот, недалеко ходить: в XVII веке величайший математик и физик Исаак Ньютон называл математику частью естествознания. И разве он не прав? Разве я и сестра моя Геометрия не стали главным подспорьем астрономии?* (В. Левшин).

При этом мы видим закономерное снижение активности параметров, которые отличаются большей активностью в художественном дискурсе. Полученные данные позволяют сделать вывод об адаптации характеристик дискурса-донора и реципиента в составе гибридного дискурса.

Также представляется интересным определить, какой из типов дискурса — аргументатив, экспозитив, дескриптив и нарратив — более похож на художественный, а какой — на научный дискурс. Во втором случае речь может идти только о научно-популярном дискурсе, так как показатели распределения активности параметров лингвокреативности у нас есть только по нему. С помощью анализа корреляций установлено, что аргументатив является наименее типичным представителем научно-популярного дискурса ($r=0.73$), при этом он не является и типичным представителем художественного дискурса

($r=0.63$). Экспозитив, дескриптив и нарратив демонстрируют более высокую степень типичности в отношении научно-популярного дискурса ($r=0.93, 0.9, 0.93$ соответственно), однако значительно различаются их показатели корреляции в отношении показателей художественного дискурса. Так, экспозитив научно-популярной литературы больше всего «похож» на художественный дискурс детской литературы ($r=0.73$), что заставляет предположить, что для дискурса детской художественной литературы все-таки основной установкой является установка на дидактическую ценность [Nikolajeva 1996] и культурную апроприацию [Shavit 1986], которые в экспозитиве представлены в виде пояснений, констатаций различий, указании причин и следствий. Меньше всего на художественный дискурс оказался «похож» дескриптив ($r=0.46$), что также представляется обоснованным — дискурс детской литературы более ориентирован на конструирование динамических событий, чем на реализацию описаний. Нарративный образец научно-популярного дискурса также не является типичным представителем художественного дискурса детской литературы ($r=0.6$), что на первый взгляд кажется не слишком логичным. Однако необходимо иметь в виду стратификацию дискурса детской литературы [Shavit 1986], которая реализуется в первую очередь в его диалоговом характере, поэтому в повествование вводятся диалоги, монологи участников.

5. Заключительные замечания

Таким образом, проблему оценки вариативности дискурсивной интерференции можно решить, привлекая к анализу: 1) дискурсивные характеристики дискурса-донора и дискурса-реципиента, 2) показатели активности параметров некоторой дискурсивной категории (в настоящей работе это категория лингвокреативности) в дискурсе-доноре и дискурсе-реципиенте, 3) показатели вариативности параметров как определяемой макропараметрами дискурса (здесь это коммуникативно-прагматический тип дискурса).

Проведенный анализ дискурсивной интерференции в научно-популярном дискурсе детской литературы показал, что варьирование степени интерференции дискурсов донора и реципиента в гибридном дискурсе определяется влиянием макропараметра «коммуникативно-прагматический тип дискурса»; при этом из четырех типов дискурса наиболее специфические характеристики демонстрирует аргументатив, в то время как экспозитив, дескриптив и нарратив имеют больше сходств.

Литература

- Белоглазова Е.В.* Полидискурсивность как особый исследовательский фокус // Известия Санкт-Петербургского университета экономики и финансов. 2009. № 3 (59). С. 66–71.
- Белоглазова Е.В.* О вариативности проявления дискурсивной гетерогенности // Вестник Томского государственного университета. 2010а. Вып. 332. С. 15–19.
- Белоглазова Е.В.* Дискурсивная гетерогенность литературы для детей: когнитивный и лингво-прагматический аспекты. Дисс. ... д-ра филол. наук. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет экономики и финансов, 2010б.
- Борботько В.Г.* Общая теория дискурса (принципы формирования и смыслопорождения). Автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. Краснодар, 1998.
- Демьянков В.З.* Мотивация слова и образность лингвистического метаязыка // Славистика: Синхрония и диахрония. Сб. статей к 70-летию И.С. Улуханова / Под ред. В.Б. Крысько. М.: Азбуковник, 2006. С. 84–93.
- Зыкова И.В.* Лингвокреативность в кинодискурсе // Лингвокреативность в дискурсах разных типов: Пределы и возможности: коллективная монография / Отв. ред. И.В. Зыкова. М.: Р.Валент, 2021. С. 100–189.
- Зыкова И.В., Киосе М.И.* Лингвокреативная специфика кинодискурса и дискурса детской литературы: Лексический уровень // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия: Языкознание. 2021. 20(6). С. 42–55.
- Зыкова И.В., Киосе М.И.* Параметризация лингвистической креативности в междискурсивном аспекте: кинодискурс vs. дискурс детской литературы // Вопросы когнитивной лингвистики. 2020. № 2. С. 26–40.
- Ирсиханова О.К.* О понятии креативности и ее роли в метаязыке лингвистических описаний // Когнитивные исследования языка. 2009. Вып. 5. С. 158–171.
- Кибрик А.А.* Модус, жанр и другие параметры классификации дискурсов // Вопросы языкознания. 2009. Вып. 2. С. 3–21.
- Киосе М.И.* Лингвокреативность в дискурсе детской литературы // Лингвокреативность в дискурсах разных типов: Пределы и возможности: коллективная монография / Отв. ред. И.В. Зыкова. М.: Р.Валент, 2021. С. 363–451.
- Киосе М.И.* Лингвокреативность имени собственного в дискурсе: когнитивно-семиотические основания // Когнитивные исследования языка. 2022. Вып. 51. С. 486–496.
- Киосе М.И., Ефремов А.А.* HETEROSTAT. Программа HETEROSTAT комплексного расчёта параметров дискурса. Дата регистрации: 21.09.2020. Государственный номер регистрации: 2020661240. 2020.
- Силантьев И.В.* Текст в системе дискурсивных взаимодействий // Критика и семиотика. 2004. Вып. 7. С. 98–123.
- Соколова О.В.* Типология дискурсов активного воздействия: поэтический авангард, реклама и PR. М.: Гнозис, 2014.
- Соколова О.В.* Лингвокреативность в рекламном и поэтическом дискурсах // Лингвокреативность в дискурсах разных типов: Пределы и возможности: коллективная монография / Отв. ред. И.В. Зыкова. М.: Р.Валент, 2021. С. 258–361.
- Фатеева Н.А.* Интертекст в мире текстов. Контрапункт интертекстуальности. М.: Комкнига, 2006.

Фещенко В.В. От лингвоэстетики к лингвоэвристике: словотворчество в художественном и научном дискурсах // Критика и семиотика. 2020. № 1. С. 92–113.

Фещенко В.В. Лингвокреативность в художественном и научном дискурсах // Лингвокреативность в дискурсах разных типов: Пределы и возможности: коллективная монография / Отв. ред. И.В. Зыкова. М.: Р.Валент, 2021. С. 190–257.

Шевченко В.Д. Введение в теорию интерференции дискурсов: монография. Самара: СамГУПС, 2008.

Beckett S.L. (ed.) *Transcending Boundaries: Writing for a Dual Audience of Children and Adults.* New York and London: Garland, 1999.

Gamble N. *Exploring Children's Literature: Reading with Pleasure and Purpose.* London: SAGE publications, 2013.

Hunt P. *Understanding Children's Literature.* London and New York: Routledge, 2005.

Iriskhanova O.K., Cienki A. The semiotics of gestures in cognitive linguistics: Contribution and challenges // *Issues of Cognitive Linguistics.* 2018. Vol. 4. P. 25–36.

Latrobe K. Children's literature: International perspectives // *World Literature Today Magazine.* 2001. Iss. 75. P. 98–101.

Longacre R. *The Grammar of Discourse.* New York: Plenum, 1983.

Nikolajeva M. *Children's Literature Comes of Age. Towards a New Aesthetic.* New York and London: Garland, 1996.

Rudd D. Theorising and theories: the conditions of possibility of children's literature // *International Companion Encyclopedia of Children's Literature* / Ed. by P. Hunt. London: Routledge, 2004. P. 29–43.

Shavit Z. *Poetics of Children's Literature.* Athens, GA and London: University of Georgia Press, 1986.

Stahl J.D. Canon formation: A historical and psychological perspective // *Teaching Children's Literature. Issues, Pedagogy, Resources* / Ed. by E.G. Sadler. New York: MLA, 1992. P. 12–21.

Zipes J. *Sticks and Stones. The Troublesome Success of Children's Literature from Slovenly Peter to Harry Potter.* London, New York: Routledge, 2001.

LINGUAGGIO E OPPOSIZIONE: МЕЖДИСКУРСИВНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В ПОЭЗИИ ИТАЛЬЯНСКОГО НЕОАВАНГАРДА¹

О.В. Соколова

Институт языкознания РАН, Москва

В статье рассматриваются изменения, происходящие в поэтическом дискурсе второй половины XX в., на материале неоавангардной итальянской поэзии. Характерная для поэзии установка на языковой эксперимент на современном этапе получает новые векторы развития за счет взаимодействия с другими дискурсами (обыденным, политическим, масс-медиа и др.) и вовлечения цифровых технологий. Междискурсивное взаимодействие в современной поэзии часто сочетается с механизмом транскодирования, который лежит в основе перевода сообщения из бумажного (аналогового) формата — в цифровой. Базовой коммуникативной стратегией итальянского неоавангарда является оппозиция по отношению к доминирующему дискурсу, что выражается с помощью обновления поэтического языка и критически ориентированной метаязыковой функции.

Ключевые слова: *междискурсивное взаимодействие, протестный дискурс, поэтическая коммуникация.*

LINGUAGGIO E OPPOSIZIONE: INTERDISCOURSIVITY IN THE ITALIAN NEO-AVANT-GARDE

Olga V. Sokolova

Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Moscow

The article examines the changes taking place in the poetic discourse of the second half of the XXth century, in a case study of the Italian Neo-avant-garde poetry. The orientation towards a language experiment, characteristic of poetry, received new vectors through the interaction with other discourses, such as ordinary, political and mass media, as well as through the involvement of digital technologies. Interdiscursivity of experimental Italian poetry is often assembled with the mechanism of transcoding, which underlies the transition of a message from a paper format into a digital one. The basic communicative strategy of the Italian Neo-avant-garde is opposition to the dominant discourse, which manifests itself through the renewal of the poetic language and of the critically oriented metalingual function.

Keywords: *interdiscursivity, discourse of protest, poetic communication.*

1. Протестный дискурс и речевой акт возражения

Выражение протеста и критическое отношение к доминирующему дискурсу лежат в основании взаимодействия авангардного поэтического и политического дискурсов. Уже в 1910–20-х гг. революционизация

---

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00040) в Институте языкознания РАН.

языковых, эстетических и политических канонов становится формой протеста в поэтических текстах и манифестах итальянских футуристов. Как утверждал П. Бюргер, «европейские авангардные движения можно описать как удар по статусу искусства в буржуазном обществе: они отрицали не предшествующую им форму искусства (стиль), но сам институт искусства, обособленный от жизненной практики человека <...> <Это требование> направлено на способ функционирования искусства в обществе, определяющий как производимый искусством эффект, так и его содержание» [Бюргер 2014: 76]. Стратегии кардинального обновления языковых и общественных норм, развиваемые в поэтическом авангарде, относятся к более общему явлению протестного дискурса, который становится одной из форм взаимодействия политического и авангардного поэтического дискурсов в XX в.²

С прагматической точки зрения, протестное высказывание относится к такому речевому акту, как экзерситив и обозначает «принятие решения или пропаганду в пользу или против какого-то образа действий», которое носит характер критического суждения по отношению к общепринятому мнению [Остин 1986: 119]. По мнению А. Вежицкой, семантическая структура возражения (*Я возражаю*) сближается с требованием и отличается от просьбы [Вежицка 1985: 265].

Таким образом, релевантные условия, необходимые для выражения протеста, включают пропозицию, несогласие с которой высказывает адресант, обладающий (личностным / юридическим / политическим / социальным) правом манифестации собственной позиции.

В дальнейшем идея обновления языковых и культурных норм была развита в манифестах других европейских авангардных движений³, и прежде всего итальянского неоавангарда 1960–70-х гг. Кратко описывая истоки итальянской экспериментальной поэзии и неоавангарда, укажем, что в 1961 г. поэт и литературный критик Альфредо Джулиани опубликовал значимый для современной итальянской поэзии манифест “I Novissimi. Poesie per gli anni ‘60” («Новейшие поэты: стихи 60-х годов»), включающий тексты самого Джулиани, а также Эдоардо Сангвинети, Антонио Порты, Нанни Балестрини и Элио Пальярани. В октябре 1963 г. в Палермо собрались тридцать четыре итальянских писателя, поэта, критика, художника и композитора, чтобы основать новое литературно-художественное объединение “Gruppo 63” («Группа 63»), куда вошли отмеченные выше поэты, а также Умберто Эко, Ренато

² Подробнее о протестном дискурсе и формах его выражения см. [Stefinlongo 2008; Соколова 2023].

³ О векторах трансфера эстетических концепций и практик языкового эксперимента раннего русского авангарда в неоавангардной поэзии II пол. XX в. см. [Соколова 2019].

Барилли, Джулия Никколаи, Амелия Росселли и многие другие. Программными и литературно-критическими центрами этого нового движения стали антология “I Novissimi” и литературный журнал “il verri” (Милан, 1956 — настоящее время).

Обращаясь к истокам этого направления, отметим, что для раннего итальянского футуризма были характерны формы более директивного выражения протеста с помощью прагматических единиц⁴, обладающих значением противительности и способных повысить иллюкутивную силу за счет сочетания структурной лаконичности и семантической аномальности высказывания. Например, характерная бессубъектная форма протеста в названиях манифестов: «Contro l'amore e il parlamentarismo» (1917), «Contro i professori» (1910), «Contro il matrimonio» (1919).

Развивая протестную повестку раннего футуризма, например, в форме безобъектного протеста: *sono contro ogni tipo di / spesso da lontano / tale distanza non è critica / talvolta accade / tenendo a distanza la critica* (Balestrini. Achille e la tartaruga, 1995), — итальянский неоавангард формирует более сложную коммуникативно-дискурсивную стратегию протеста, или оппозиции. Утверждение необходимости обновления языка в итальянском неоавангарде основано не на отрицании существующих языковых, политических и социальных норм, как в раннем авангарде, а на критическом отношении к ним. Критика эта была последовательной и разнонаправленной, охватывающей классическое и буржуазное искусство, наследие раннего итальянского авангарда, а также существующие социально-политические и языковые нормы, и влияние СМИ на широкую аудиторию.

В манифесте «Язык и оппозиция» (1961) Балестрини выразил поэтическую программу неоавангардистов, сформулировав идею «опозиционной поэтики» и «опозиционного поэтического языка»: «Итак, поэзия как оппозиция. Оппозиция догматизму и конформизму, которые угрожают нашему пути, цементируют оставленные следы, опутывают наши ноги, пытаясь обездвигить наши шаги <...> Поэтому необходимо быть гораздо хитрее, гибче и искуснее, иногда даже безжалостнее, и иметь в виду, что прямое насилие абсолютно неэффективно в эпоху, покрытую вязким зыбучим песком»⁵ [Balestrini (1960) 2013].

⁴ Например, частотное употребление *contro* в манифестах итальянского футуризма и *protiv* — в манифестах русского авангарда позволяет выделить их как ключевые прагматические единицы, которые выходят в фокус при взаимодействии авангардного поэтического и политического дискурсов [Соколова 2023: 103].

⁵ Здесь и далее перевод с итальянского — автора статьи (О.С.).

Стратегия непрямого протеста имела разные векторы (лингвистический, поэтико-политический и эстетический) и достигалась благодаря эксперименту с обыденным языком и различными формами медиа. Многозначность протеста в текстах неоавангарда основана на взаимодействии поэтического и политического, обыденного и масс-медиа дискурсов. Одно из наиболее часто встречающихся слов, характеризующих протест в теоретических текстах неоавангардистов, это *opposizione*⁶ ‘сопротивление, возражение, оппозиция’, которое включает следующие смысловые компоненты: 1) политическая оппозиция, лежащая в основании новой культуры, альтернативной по отношению к «марксистской культуре», т.н. новая «культура оппозиции» (*cultura d'opposizione*) [Есо (1963) 2013]; 2) перформативная оппозиция, в рамках которой поэтический язык как «словесный факт» (*fatto verbale*) противопоставляется языку как орудию инерции: “considerare oggetto della poesia il linguaggio, inteso come *fatto verbale* <выделено курсивом Н. Балестрини>, impiegato cioè in modo non strumentale, ma assunto nella sua totalità” [Balestrini (1960) 2013]; доминирующими свойствами нового поэтического языка становятся «действенность» (*efficacia*) и способность к противостоянию собственным нормам, или «противопоставлению» (*contrapposizione*): “«avanguardia come opposizione» <...> parlare di opposizione significa confondere il mezzo col fine, senza contare la maggiore efficacia che acquista ogni opposizione quando sappia essere *contrapposizione* <выделено курсивом Э. Пальярани>” [Pagliarani (1965) 2013]; 3) оппозиция как способ противостояния, а не как конечная цель: “Progettare il nuovo, perché non basta negare: si è detto prima che l’opposizione è una *modalità* <выделено курсивом Э. Пальярани> e non una *finalità*” [Там же].

Таким образом, коммуникативная стратегия оппозиции в неоавангарде как часть протестного дискурса авангардной литературы ориентирована на постоянное обновление поэтического языка с целью повышения его прагматической действенности, формирования интеракции-сопротивления, активизации критического мышления адресата и противостояния доминирующему политическому дискурсу. Отмеченные концептуальные основания протеста определяют специфику языкового и коммуникативного эксперимента, вовлекающего в область поэтического высказывания другие дискурсы и новые медиа-форматы. Важный вектор, который мы рассмотрим подробнее

⁶ Термин «оппозиция» (от лат. *oppositio* ‘противопоставление, возражение’) имеет несколько значений: общее значение противопоставления, политическое значение ‘политическая партия, выступающая против существующей системы и готовая сменить партию власти’, и астрономическое — ‘конфигурация, в которой одно небесное тело находится напротив другого на небе’ [Merriam-Webster Dictionary].

далее, — это коммуникативный эксперимент и вовлечение адресата в интеракцию с помощью транскодирования текста между разными формами медиа.

2. Взаимодействие авангардного поэтического и политического дискурсов: поэзия как практика критического дискурса-анализа

С точки зрения политических убеждений, неоавангардисты занимали «левые» позиции: они противостояли «неокапиталистической фазе» в итальянской политике 1960-х гг., синонимичной, в их терминологии, процессу «шизофрении и диссоциации современного человека, полностью заключенного в тюрьму и потерянного в стандартизации современного общества» [Dizionario 1997: 540]. Их оппозиция была основана на сопротивлении господствующему дискурсу как способу означивания. В целом, междискурсивное взаимодействие между неоавангардным направлением и политикой представляло апроприацию отдельных дискурсивных элементов этих дискурсов: использование языковых приемов и коммуникативных стратегий поэтического авангарда — в политике, и отсылки к «политической» реальности, проявляемой посредством референции к актуальной ситуации или политическим интертекстам⁷ — в поэзии, а также взаимное воздействие дискурсов на разных этапах их развития⁸. Воздействие политического дискурса на поэтический неоавангард выражалось в критическом осмыслении самой природы и системы языка. Согласно поэтам, язык обладал потенциалом функционировать не только как особая поэтическая система, но и как ключевой компонент политической системы, как орудие влияния и механизм трансформации актуальной повестки.

Как отмечает И.В. Зыкова, интердискурсивность «может проявляться в двух планах — в плане выражения как апроприация одним дискурсом языковых элементов других дискурсов и в плане содержания как апроприация одним дискурсом тем, сюжетов, образов, мотивов и т. д. других дискурсов» [Зыкова 2021: 13]. В поэзии неоавангарда реализуются оба плана междискурсивного взаимодействия с политикой

---

⁷ Например, когда главный герой поэтической книги "Purgatorio de l'Inferno" («Чистилище Ада», 1963) Э. Сангвинети становится призраком коммунизма, отсылающим к началу «Манифеста» Маркса и Энгельса.

⁸ Подробнее о междискурсивном взаимодействии как форме взаимоотношений между дискурсами активного воздействия, к которым относятся, в том числе, авангардный поэтический и политический дискурсы, см. [Соколова 2015].

в аспекте метаязыкового критического восприятия политического дискурса.

Эстетическая концепция неоавангарда лежала в основе революционизации языка и формирования «критического поэтического языка» как экспликации связей между политикой и языком [Il dibattito (1963) 2013]. Необходимость создания «критического поэтического языка» была основана на осознании «языкового кризиса»: «Кризис языка как критический кризис (как критика языка)» [Sanguineti (1961) 2013]. Это утверждение подчеркивает этимологическую общность слов *кризис* и *критика*, которые произошли от пра-индоевропейского корня **krei-* ‘просеивать, отделять, различать’.

Можно провести параллели между эстетической базой неоавангарда и критическим дискурс-анализом (А. Грамши, Л. Альтюссер, Ю. Хабермас, М. Фуко и др.): оба направления ведут свое происхождение от марксизма; они направлены на выделение дискурса как одного из аспектов социальной практики, раскрытие механизмов влияния и формирования общества⁹. Марксистская концепция неоавангарда строится на интеграции поэтической трансформации языка и политической трансформации общества. В связи с этим можно вспомнить классическое высказывание К. Маркса из «Тезисов о Фейербахе» (1845): «Философы лишь различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы *изменить* его» [Маркс 1955: 4].

Однако, в отличие от критического дискурс-анализа, целью неоавангарда было не только выявление аналитических механизмов воздействия на адресата, но и экспериментальное обновление языка, разложение его на компоненты с использованием структурно-семантической фрагментации. Поэты-неоавангардисты стремились революционизировать язык и повысить его перформативность, что должно было привести к трансформации общественно-политической системы.

---

⁹ Теория отчуждения К. Маркса (нем. *Entfremdung*) описывает отчуждение людей от собственной человеческой природы как следствие разделения труда и жизни в обществе стратифицированных социальных классов. Являясь механистической частью социального класса, человек «отчуждается» от себя и от собственной человечности. Марксистская концепция «отчуждения» была настолько распространена в 1950-х гг. в интеллектуальном мире, что У. Эко написал небольшую песенку, которую неоавангардисты спели на конференции в Палермо в 1963 г.: *Alienazioone / è rinunciare al problema / ed arrendersi / solo al sistema / non possedersi più / ma solo attendere <...>* ‘Отчуждеение / это отказ от проблемы / и подчинение / только системе / больше собой не обладание, / а только ожидание <...>’ (Цит. по: [Balestrini, Giuliani 2013]).

3. Коммуникативная оппозиция: эксперимент с цифровыми технологиями как способ языкового и социального обновления

Важным аспектом лингвистической концепции неоавангарда был так называемый реализм авангардного поэтического языка. При этом сами поэты подчеркивали отличие своего реализма от итальянского неореализма или советского реализма [Il dibattito (1963) 2013]: их работа по преодолению логоцентризма классической поэзии, обновлению поэтического языка и приближению его к повседневной речи была основана на взаимосвязи между литературной революцией и политическим преобразованием общества.

Отказ от логоцентризма сопровождал тенденцию к взаимодействию с повседневной речью и новыми медиа. Цифровые технологии оказали большое влияние на неоавангардистов, многие из которых работали в СМИ. Развивая технологическую направленность футуризма, неоавангардисты сформировали концепцию революционного развития средств массовой информации. Их целью было не столько охватить массовую аудиторию (на что были направлены коммуникативные стратегии итальянского футуризма или раннесоветского авангарда), сколько произвести *“operazione dall'interno”* ‘разрушение системы изнутри нее самой’ (выражение У. Эко) (Цит. по: [Buttitta (1964) 2013]). Стратегия оппозиции в этом случае направлена на «обнажение» языковых приемов (в терминологии В.Б. Шкловского), с помощью которых возникает «эффект медиа» как манипулятивное воздействие СМИ на адресата. Различные способы влияния СМИ на аудиторию В.З. Демьянков обозначает как «коммуникативное и когнитивное маневрирование» [Демьянков 2023].

Используя терминологию мультимодальных и медиа-исследований, можно обозначить характерный для современных поэтов тип письма как особый формат «транскодирования» — перевода сообщения из одного формата в другой, под которым понимается «алгоритм», представленный в виде «идеи» перед тем, как «материализоваться в технических средствах» [Манович 2018: 81]. Транскодирование в поэзии — это, во-первых, перевод сообщения между разными медиа, и во-вторых, с учетом новых технологий, перевод сообщения из одного формата в другой, который может осуществляться как при трансфере из бумажного (или аналогового) формата в цифровой, так и наоборот, и сопровождается изменением формы, содержания и коммуникативных параметров.

Одним из наиболее репрезентативных текстов для нашего исследования является стихотворение Балестрины *“Tape Mark I”* (1961), которое считается первым стихотворением, сгенерированным ком-

пьютером. Стихотворение представляет собой «производный» текст, составленный из фрагментов, взятых из трех претекстов, которые принадлежат к разным жанрам и дискурсам: «Дневник Хиросимы» Мичихико Хачия, «Тайна лифта» Пола Голдвина и «Дао Дэ Цзин» Лао-Цзы.

Подчеркнем, что поэт изначально создавал текст не только как вербальный объект в письменной форме, но и как коммуникативное событие с участием зрителей, обладающее перформативным воздействием на адресата. Этот текст-перформанс был представлен в Милане в 1961 г., где среди публики были писатель и философ У. Эко и композитор Л. Берио. Однако Балестрини стремился не столько создать эпатазирующий эффект, чего, в частности, добивались итальянские футуристы в начале века, сколько смоделировать саму коммуникативную ситуацию и зафиксировать возможность управления когнитивными процессами ее восприятия: регулировку внимания адресата с помощью сдвига фокуса внимания¹⁰.

Можно проследить следующие аспекты взаимодействия поэзии и обыденного языка в данном тексте. Во-первых, они контактируют с точки зрения интердискурсивной и межжанровой структуры в форме стихотворения, которое сочетает в себе части из трех разных форматов текста: художественный текст «Тайна лифта», философский текст Лао-Цзы и нехудожественный, документальный текст «Дневник Хиросимы».

В подробной инструкции к тексту Балестрини описывает алгоритм работы с текстом: «Поставленная задача заключалась не в том, чтобы достичь имитации процессов, свойственных человеку, которые может произвести машина. Речь шла просто об использовании возможностей электронных технологий для скоростного решения определенных сложных операций, относящихся к поэтической технике. Проведенный эксперимент показывает полезность и правомерность использования методов и средств, предоставляемых наукой и передовыми технологиями, для интеграции их с литературным и художественным творчеством, поскольку мы принадлежим к индустриальной цивилизации» [Balestrini 1962: 145].

Можно выделить три этапа транскодирования текста и, соответственно, три сдвига фокуса внимания, где на первом этапе происходит перевод в рамках вербального кода, а на втором и третьем этапах осуществляется перевод в машинный и человеко-машинный код. На

---

¹⁰ Изменение фокуса внимания говорящих осуществляется с помощью механизмов сдвига фокуса, которые приводят к «затемнению» и «понижению степени выделенности» элементов конструируемой ситуации или объекта, т. е. переводу их во вторичный фокус или фон [Ирисханова 2014: 65].

первом этапе происходит сдвиг режима высказывания от письменного модуса — к устному, т. е. от литературного материала к разговорной речи. Претексты были разбиты на минимальные единицы, которые формально напоминают транскрипты устного дискурса, схожие с элементарными дискурсивными единицами или «коммуникативными фрагментами» (термин Б.М. Гаспарова [1996]):

Codice di testa		Codice di coda
I (da <i>Diario di Hiroshima</i> di Michihito Hachiya)		
1/4	l'accecante / globo / di fuoco	2/3
1/2	si espande / rapidamente	3/4
2/3	trenta volte / più luminoso / del sole	2/4
3/4	quando raggiunge / la stratosfera	1/2
1/3	la sommità / della nuvola	2/3
2/4	assume / la ben nota forma / di fungo	3/4

[Balestrini 1962: 146].

На втором этапе происходит транскодирование из фрагментированного устного высказывания на «компьютерный язык», или «компьютерный код». Сам Балестрини обозначает эти процедуры как *программирование*, включающее *составление блок-схемы, измерение, монтаж, подготовку магнитной ленты и компьютерную обработку*. В результате сложных программных операций и комбинаций компьютер распечатал результаты со скоростью 600 строк в минуту на непрерывной бумажной ленте:

```

MENTRE LA MOLTITUDINE DELLE COSE ACCADE I CAPELLI TRA LE LABBRA ESSE TORNANO TUTT
E ALLA LORO RADICE L'ACCECANTE GLOBO DI FUOCO GIACQUERO IMMOBILI SENZA PARLARE
TRENTA VOLTE PIU LUMINOSO DEL SOLE FINCHE NON MOSSE LE DITA LENTAMENTE SI ESPANDE
RAPIDAMENTE CERCANDO DI AFFERRARE LA SOMMITA DELLA NUVOLO
MENTRE LA MOLTITUDINE DELLE COSE ACCADE L'ACCECANTE GLOBO DI FUOCO ESSE TORNANO
TUTTE ALLA LORO RADICE SI ESPANDE RAPIDAMENTE FINCHE NON MOSSE LE DITA LENTAMENT
E QUANDO RAGGIUNGE LA STRATOSFERA GIACQUERO IMMOBILI SENZA PARLARE TRENTA VOLTE PIU
LUMINOSO DEL SOLE CERCANDO DI AFFERRARE ASSUME LA BEN NOTA FORMA DI FUNGO
    
```

[Там же: 150].

Полученные машинные тексты формально близки к разговорной речи, индексами которой служат дискурсивные маркеры (*malgrado*), дейктики (*io contemplo, loro*), а также отсутствие знаков препинания, которые заменяет структурная разбивка на элементарные дискурсивные единицы.

Этот текст напоминает лингвистический эксперимент Н. Хомского «Бесцветные зеленые идеи яростно спят» (“Syntactic Structures”, 1957), который был придуман как пример предложения, построенного грамматически правильно, но семантически бессмысленного, что инициировало спор с Р.О. Якобсоном, настаивавшим, что такого рода примеры вполне могут быть сюрреалистическими или футуристическими текстами.

На последнем этапе происходит транскодирование с машинного языка — на человеческий, что соотносится с человеко-компьютерным интерфейсом, или кодом, в котором объединяются элементы присутствия человека и компьютера. В данном случае мы получаем человеко-компьютерный код, или компьютерно-поэтический код как продукт совместного творчества поэта и цифровых технологий. Балестрини комментирует, что «к окончательному результату было добавлено минимальное количество грамматических и пунктуационных знаков» [Balestrini 1962: 149]. Такой текст обладает качествами гибридности, объединяя машинный и человеческий язык, письменную и разговорную речь. Генерирование текста и подробная инструкция с ее описанием выводит в фокус именно процедуры интерпретации и сдвига фокуса восприятия адресата, которые происходят с помощью синтаксической фрагментации и прагматических маркеров, а сама процедура создания и воспроизведения текста как действия подчеркивает его перформативность, обретающую большее воздействие благодаря цифровым технологиям.

Таким образом, коммуникативная стратегия оппозиции в неоавангарде формируется в русле взаимодействия с другими дискурсами (обыденным, политическим и масс-медиа) как часть протестного дискурса и связана с ориентацией на обновление поэтического языка и коммуникации. Протестная стратегия направлена на повышение ответственности поэтического высказывания, вовлечение адресата в критически-ориентированную интеракцию и противостояние доминирующему дискурсу. Вовлечение в поэтический эксперимент цифровых технологий основано на механизме транскодирования, который влияет на стратегии поэтической субъективации и адресации. С точки зрения субъекта, транскодирование лежит в основе наблюдения за процедурами реформатирования поэтического языка из бумажного формата в цифровую среду, а с точки зрения адресата, транскодирование управляет сдвигом фокуса внимания, формируя критическую позицию по отношению к высказыванию.

Литература

Бюргер П. Теория авангарда. М.: V-A-C press, 2014.

Вежбицка А. Речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI: Лингвистическая прагматика. М.: Прогресс, 1985. С. 251–275.

Гаспаров Б.М. Язык. Память. Образ. Лингвистика языкового существования. М.: Новое литературное обозрение, 1996.

Демьянков В.З. Коммуникативное и когнитивное маневрирование // Когнитивные исследования языка. 2023. № 3. С. 36–40.

Зыкова И.В. Интердискурсивные параметры лингвокреативности (на материале кинодискурса) // Критика и семиотика. 2021. № 2. С. 11–29.

Ирисханова О. К. Игры фокуса в языке: семантика, синтаксис и прагматика дефокусирования. М.: Языки славянской культуры, 2014.

Манович Л. Язык новых медиа. М.: Ад Маргинем Пресс, 2018.

Маркс К. Тезисы о Фейербахе // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 50 т. Т. 3. М.: Издательство политической литературы, 1955. С. 4.

Остин Дж. Л. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17: Теория речевых актов. М.: Прогресс, 1986. С. 22–130.

Соколова О.В. Дискурсы активного воздействия: теория и типология. Автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. Москва, 2015.

Соколова О.В. От авангарда к неоавангарду: язык, субъективность, культурные переносы. М.: Культурная революция, 2019.

Соколова О.В. *Contro tutto e contro tutti*: лингвопрагматика протеста в манифестах итальянского футуризма // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2023. № 20 (1). С. 98–116.

Balestrini N. *Linguaggio e opposizione (1960)* // Gruppo 63. *L'Antologia*. A cura di N. Balestrini e A. Giuliani. Critica e teoria. A cura di R. Barilli e A. Guglielmi. Milano: Bompiani, 2013 (eBook).

Balestrini N. *Tape Mark I* // *Almanacco Letterario Bompiani 1962*. Le applicazioni dei calcolatori elettronici alle scienze morali e alla letteratura. A cura di Sergio Morando. Milano: Bompiani, 1962. P. 145–151.

Balestrini N., Giuliani A. Introduzione // Gruppo 63. *L'Antologia*. A cura di N. Balestrini e A. Giuliani. Critica e teoria. A cura di R. Barilli e A. Guglielmi. Milano: Bompiani, 2013 (eBook).

Buttitta P.A. Controindicazioni. Rassegna di una polemica (febbraio 1964) // Gruppo 63. *L'Antologia*. A cura di N. Balestrini e A. Giuliani. Critica e teoria. A cura di R. Barilli e A. Guglielmi. Milano: Bompiani, 2013 (eBook).

Eco U. Per una indagine sulla situazione culturale (1963) // Gruppo 63. *L'Antologia*. A cura di N. Balestrini e A. Giuliani. Critica e teoria. A cura di R. Barilli e A. Guglielmi. Milano: Bompiani, 2013 (eBook).

Il dibattito in occasione del primo incontro del gruppo a Palermo nel 1963 // Gruppo 63. *L'Antologia*. A cura di N. Balestrini e A. Giuliani. Critica e teoria. A cura di R. Barilli e A. Guglielmi. Milano: Bompiani, 2013 (eBook).

Pagliarani E. Per una definizione dell'avanguardia (1965) // Gruppo 63. *L'Antologia*. A cura di N. Balestrini e A. Giuliani. Critica e teoria. A cura di R. Barilli e A. Guglielmi. Milano: Bompiani, 2013 (eBook).

Sanguineti E. Poesia informale? (1961) // Gruppo 63. *L'Antologia*. A cura di N. Balestrini e A. Giuliani. Critica e teoria. A cura di R. Barilli e A. Guglielmi. Milano: Bompiani, 2013 (eBook).

Stefinlongo A. Scrivendo e gridando ti dico di no. I testi brevi del dissenso manifesto // *Testi brevi*. Roma: Arance, 2008. P. 443–461.

Словари

Дизionario critico della letteratura italiana del Novecento. A cura di E. Ghidetti e G. Luti. Roma: Editori Riuniti, 1997.

Merriam-Webster Dictionary. URL: <https://www.merriam-webster.com/> (Дата обращения: 19.06.2023).

КРЕАТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ НЕВЕРБАЛЬНОГО СЕМАНТИЧЕСКОГО ДИФФЕРЕНЦИАЛА В ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОМ ЭКСПЕРИМЕНТЕ

Л.О. Чернейко

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва

Языковой эксперимент доказал свою состоятельность в такой относительно новой научной сфере, как психолингвистика. Актуальность: в изучении личности значим языковой эксперимент, основанный на предъявлении испытуемому не только словесных стимулов, но и несловесных — мало используемого невербального семантического дифференциала (НСД), у истоков которого стоял В.В. Кандинский («Опросный лист», 1920). Верифицируемым инструментом познания бессознательного являются вопросы-алогизмы в духе вопроса Л. Витгенштейна «Что толще — вторник или среда?». Метод: оригинальная анкета «Звери-Фигуры-Цифры», примененная к детям и взрослым. Цифры и фигуры в ассоциативном эксперименте с именами зверей используются впервые. Материал: письменные ответы испытуемых, включающие информацию синестезийного характера. Статистическая обработка результатов анкетирования подтверждает данные интроспекции и позволяет достаточно объективно представить тенденцию в распределении частотных ассоциаций.

Ключевые слова: *смысл, эксперимент, ассоциация, семантический дифференциал, невербальный семантический дифференциал.*

THE CREATIVE POTENTIAL OF THE NONVERBAL SEMANTIC DIFFERENTIAL IN A PSYCHOLINGUISTIC EXPERIMENT

Lyudmila O. Cherneyko

Lomonosov Moscow State University, Moscow

The language experiment has proved its worth in such a relatively new interdisciplinary scientific field as psycholinguistics. Relevance: in the study of personality and its intellectual, emotional and social characteristics, not only a language experiment based on the presentation of verbal stimuli, as well as on the study of speech behavior, is significant, but also little-used non-linguistic stimuli, which include non-verbal semantic differential (NSD) that takes its origin in V.V. Kandinsky's work ("Questionnaire", 1920). The verifiable instrument of cognition of the unconscious are questions-alogisms in the spirit of L. Wittgenstein's question "What is thicker — Tuesday or Wednesday?". Method: the questionnaire "Animals-Figures-Numbers", applied to children and adults. Figures and numbers are involved in the associative experiment with the names of animals for the first time. Material: written answers of the respondents, including non-trivial synesthetic information. Statistical processing of the survey results confirms the introspection data and allows us to fairly objectively present the trend in the distribution of frequent associations.

Keywords: *meaning, experiment, association, semantic differential, non-verbal semantic differential.*

Всё замкнулось на возможность геометрического понимания основ мироздания. Мост между материей и смыслами может быть переброшен через геометризацию наших представлений об Универсуме.

В.В. Налимов «Спонтанность сознания»

1.1. По мнению А.Р. Лурия, «психология еще не стала подлинной наукой о живой человеческой личности», поскольку не научилась описывать структуру личности во всех тонкостях проявления ее характера и так, чтобы «законы формирования личности стали такими же четкими и прозрачными, как законы синтеза сложных химических тел» [Лурия 1994: 4]. За пять прошедших десятилетий¹ психология продвинулась в познании личности существенно вперед, в чем ей помогла психолингвистика, опирающаяся на ту верифицируемую информацию о работе мозга и состоянии сознания (включающего, по В.В. Налимову, и бессознательное), которую содержит в себе речь — и личности, и социума. Из достижений отечественной психологии бесспорной лингвистической ценностью обладают работы, посвященные сознанию (спонтанность сознания и исчисление смыслов [Налимов 1989], психосемантика сознания [Петренко 1988, 2005, 2010], проблема смысла [Леонтьев 1999]. «Склад личности», характерологические тонкости традиционно выводятся по результатам изучения ответов испытуемых на предъявляемые в ассоциативном эксперименте слова-стимулы, а также ответов на логически составленные вопросы и тесты экспериментаторов, например, с использованием шкалы под названием «семантический дифференциал». Но в исследовании сознания личности не менее важными представляются и такие «алогичности», как, например, вопрос Л. Витгенштейна: «Что толще — вторник или среда?».

1.2.1. Возникновению психолингвистики как самостоятельной сферы знания способствовал такой важный исторически обусловленный фактор, как парадигмальные изменения, произошедшие и в психологии, и в лингвистике, которые схематично можно представить в виде оппозиций, терминологически эксплицирующих смену научного объекта: «человека в статике» психологии классической заместил «человек в динамике» психологии «неклассической», «язык в статике» как объект структурной лингвистики заместился «языком в динамике» в

---

¹ Книга А.Р. Лурия опубликована в 1968 г., а обращение к читателю «От автора» датировано 1965 г.

теории речевой деятельности. Таким образом, первой точкой соприкосновения психологии как науки о человеке и лингвистики как науки о языке является понятие «**деятельность**». Вторая точка соприкосновения — это понятие «**личность**»: оппозиция «общество–личность» в психологии и «язык–идиолект (=языковая личность)» в лингвистике. И третья общая точка, обнажившая свою особую значимость для обеих дисциплин в последние два десятилетия, — это «**СМЫСЛ**», понятие, по определению А.Д. Леонтьева, «венчающее общее учение о психике».

Теория смысла в психологии охватывает и формы его бытования в коллективном и индивидуальном типах сознания, и выдвигаемые гипотезы о его структурах [Леонтьев 1999]. Однако с какой бы степенью полноты и подробности ни описывать пространство смысла / смыслов в социуме и / или личности, остается открытым для дискуссии вопрос о методах его извлечения и описания. «Смысл» — понятие высочайшей степени абстракции и, как любой значимый для культуры феномен умопостигаемого мира, имеет «валентность на интерпретацию», обуславливающую различия в способах его понимания, методах извлечения и изучения.

1.2.2. В отечественной науке идея связать значение с системой языка, а смысл с речью присутствует в концепции Л.С. Выготского («Мышление и речь» 1934 г.), считавшего, что «значение слова неконстантно», что «оно изменяется в ходе развития ребенка <...>, изменяется и при различных способах функционирования мысли» [Выготский 2005: 961], меняется не только исторически, но и попадая в определенную смысловую зону контекста. Философ Г.П. Щедровицкий, отстаивавший в своих трудах приоритет деятельностного подхода к изучению не только знания как предмета науковедения, но и механизмов понимания речи и, шире, взаимопонимания (этого социально значимого фактора), уделил понятию «смысл» особое внимание. Он разработал аргументацию необходимости разграничения двух близких, но нетождественных понятий, прочно связав смысл с таким видом «мыследеятельности», или «мыследействия» (термины Г.П. Щедровицкого), как понимание, а значение — с инженерной деятельностью лингвиста, правомерно считая лексикографические значения «конструкциями»² [Щедровицкий 1995: 562–565].

² «Эти конструкции, создаваемые инженерами-языковедами, мы и будем называть “значениями”» [Щедровицкий 1995: 565]. «Конструкции значений являются не дубликатами и не копиями смыслов, а прежде всего *иными функциональными элементами того же целого*» [Там же: 569].

Что касается лингвистики, то итог обсуждения проблемы смысла наглядно представлен в учебнике И.М. Кобозевой «Лингвистическая семантика», где обсуждаемым терминам дано определение на основе анализа их глагольной и адъективной типов сочетаемости³ [Кобозева 2003]. Важно подчеркнуть, что в предлагаемом определении понятие «смысл» разведено в соответствии с двумя разными статусами коммуникантов: «У производит или воспринимает Х в качестве средства передачи информации». «Х-смысл» У-а производящего — это смысл говорящего, а «Х-смысл» У-а воспринимающего — это смысл слушающего. Эти смыслы имеют между собой существенные онтологические различия, обусловленные кодированием мысли на основе механизмов «овнешнения» внутренней речи, и ее декодирования, т. е. понимания, а для понимания значимо не только семантическое согласование элементов высказывания как его важнейший параметр, не только координация высказывания с коммуникативной ситуацией, но и личностный опыт перцепта речи, поскольку в сознании личности смысл как индивидуальная разновидность общепринятого значения слова прочно связан с такой его ментальной сферой, как опыт.

2.1. Отечественная философия разграничила два вида мышления — интуитивное, связанное со сферой бессознательного, и дискурсивное, основанное на осознании мысли, ее логической структурированности и вербализации. Но дологические формы сознания и мышления стали предметом пристального внимания философов во второй половине XX в. (конференция «Бессознательное» 1979 г.), За полвека до этого важного события В.В. Кандинский разработал «Опросный лист», позволяющий, по замыслу Кандинского и его соратников, составить универсальную «азбуку искусства» на основе ассоциативного эксперимента, в котором в качестве стимула предлагались слова, а реакцией на них был выбор из трех базовых геометрических фигур — треугольника, квадрата и круга.

---

³ «Значение Х-а — это информация, связываемая с Х-ом конвенционально, т. е. согласно общепринятым правилам использования Х-а в качестве средства передачи информации. Смысл Х-а для У-а в Т — это информация, связываемая с Х-ом в сознании У-а в период времени Т, когда У производит или воспринимает Х в качестве средства передачи информации» [Кобозева 2000: 13]. Следует отметить, что предложенное И.М. Кобозевой семантическое размежевание терминов, а также более ранние концепции смысла, изложенные в указанных работах В.В. Налимова и Г.П. Щедровицкого, не могут не быть учтены при «разработке концепции содержания и структуры словаря когнитивных терминов тезаурусного типа» [Романова, Колчина 2023].

Спустя три десятилетия группа американских психологов во главе с Ч. Осгудом разрабатывает верифицируемый способ измерения значимых для культуры понятий применительно к личностному опыту с помощью оценочной шкалы (антонимов-параметров), на которую проецируются результаты проведенного ассоциативного эксперимента [Osgood 1956]. Этот метод получил название «семантический дифференциал» (но его определение с дополнением «вербальный» точнее, далее — ВСД) и стал широко применяться при изучении индивидуальных и коллективных смысловых пространств. Испытуемым предлагалась шкала, первоначально включавшая 7 пар антонимов (*горячий — холодный, светлый — темный, приятный — противный*), а в окончательном варианте — 25. Этот метод зарекомендовал себя как верифицируемый способ измерения восприятия: и звуков (в отечественной лингвистике приоритет использования шкалы принадлежит Санкт-Петербургской школе фоносемантики), и значимых для культуры понятий (ключевых слов, стереотипов, а также установок).

Использование и дальнейшая разработка метода семантического дифференциала (далее — СД) отечественными психологами позволили реконструировать семантические личностные пространства и подвергнуть результаты анализа статистической обработке. Метод СД был дополнен психологами Е.Ю. Артемьевой и В.Ф. Петренко методом невербального семантического дифференциала. Как показали исследования Е.Ю. Артемьевой⁴, этот метод важен при изучении категоризации мира обыденным сознанием, далеким от естественнонаучного подхода, не менее важен он и при изучении специфики концептуализации мира умопостигаемого [Чернейко 2000, 2015]. Метод ВСД был дополнен психологом методом невербального семантического дифференциала (далее — НСД), когда испытуемому предлагается не многомерная, а двухбалльная шкала, состоящая из оппозиции графических (геометрических) фигур, одной из которых респонденту предлагалось приписать заданное слово из перечня, составленного экспериментатором. В.Ф. Петренко продолжил начатое Е.Ю. Артемьевой в экспериментах 80–90 гг. Их метод состоял в том, что слова подбирались испытуемыми не только к геометрическим фигурам, но и к рисункам, и даже к картинам (предлагались группы таких слов, как, например, *счастье, равнодушие, сомнение, вдохновение* и под). Но при описании метода НСД в трудах названных психологов нет ссылок на «Опрсный лист»

⁴ По-прежнему актуальны работы Е.Ю. Артемьевой по изучению перцептивного опыта [Артемьева 1977] и субъективной семантики [Артемьева 2007].

В.В. Кандинского как теоретика искусства и как одного из основоположников современной перцептивной эстетики.

2.2.1. «Опросный лист» В.В. Кандинского включает разные вопросы: и аналогичные алогичному, на первый взгляд, вопросу Л. Витгенштейна: «Неужели ты готов утверждать, что среда толстая, а вторник худой или же наоборот? (Я склонен выбрать первое)» [Витгенштейн 1994: 303], и вопросы, ориентированные на изучение переживаний испытуемого при созерцании им отдельных геометрических фигур и сложных рисуночных форм. Например, вопросы о геометрической фигуре треугольник выглядели так:

не кажется ли Вам, что он движется? куда? не кажется ли он Вам более остроумным, чем квадрат? не похоже ли ощущение от треугольника на ощущение от лимона? [Кандинский 2001: 64].

Но более важными представляются вопросы, в которых предлагается поставить в соответствие базовым фигурам абстрактные понятия, например:

какая геометрическая форма (квадрат или треугольник) похожа на мечанство, на талант, на остроумие, на хорошую погоду? [Там же: 65].

Эксперимент, проведенный в обратном порядке — от абстрактного имени к геометрическим формам (*Попытайтесь выразить графически-ми формами Ваши впечатления, переживания и представления о науке вообще*), — также дает нетривиальные результаты.

Общий вывод В.В. Кандинского сводился к тому, что «графическое изображение и выражение могут найти не только явления искусства, но и явления жизни в самом широком смысле этого слова. Графически может быть изображена весна, революция, любовь, греза, смерть» [Кандинский 2001: 50]. В.В. Кандинский предполагал получить на свой опросный лист массовые ответы, которые, по его мнению, дали бы возможность на основании их обобщения установить известную закономерность во впечатлениях и наблюдениях испытуемых за возникающей в их сознании (на дологическом уровне) связью между не связанными логикой явлениями. Базовые геометрические фигуры можно дополнить цифрами и получить нетривиальные результаты их ассоциативных связей с именами и геометрическими фигурами.

2.2.2. В.В. Кандинский в своем проекте был предтечей значимых для современной когнитивной науки идей, связанных с изучением способов хранения интуитивной информации о феноменах (абстрактных в особенности) в идеальном пространстве сознания, а также методов их изучения, среди которых НСД, представленный набором простейших

геометрических фигур, занимает особое место, поскольку, с одной стороны, открывает вход в пространство визуализации абстрактных понятий через их проекцию на базовые геометрические фигуры, с другой — открывает перспективу изучения перцепции фигур, их личностного «переживания». В.В. Кандинский не искал философских обоснований соединения несоединимого. Его вела интуиция художника. Но если попытаться найти обоснование, то начала геометрии ведут к Пифагору, а может, и глубже.

Специфику геометрии В. Гегель видел в том, что она «имеет дело с чувственным, но абстрактным созерцанием пространства» [Гегель 1974: 415], иными словами, геометрические фигуры и абстрактны как инвариантные параметры предметов физического мира, и чувственно воспринимаемы, наглядны для всех как имеющие определенную форму. Веком раньше Р. Декарт сформулировал различия в формах существования треугольника и тысячеугольника в ментальном пространстве и выстроил иерархию отношений между геометрическими телами. Отличие фигуры треугольник от фигуры тысячеугольник состоит, по Декарту, в том, что первая фигура постигается и логически, и наглядно, тогда как вторая — только логически, поскольку «невозможно столь же ясно представить себе эту тысячу сторон или всмотреться в них как в присутствующие» [Декарт 1989: 58]. Немецкий феноменолог Э. Гуссерль под геометрией понимает «все дисциплины, занимающиеся формами»⁵, а «геометрическое существование» считает «объективной идеальностью»⁶, принадлежащей не «частной сфере сознания», а «существующей для каждого» [Гуссерль 1996: 211, 214].

3.1.1. Идея В.В. Кандинского об изучении геометризации значимых для культуры абстрактных представлений (о революции, мещанстве, науке и под.), дополненная им перечнем «предметных» понятий, за которыми стоят феномены эмпирически воспринимаемого (в первую очередь — видимого) мира легла в основу анкеты «Звери–Цифры–Фигуры»⁷. Список названий животных (их 10) соразмерен количеству

⁵ Так же широко определяет зону референции терминологического сочетания «геометрическое тело» отечественный математик А.П. Киселев в школьном учебнике «Элементарная геометрия» (1892): «Всякая ограниченная часть пространства называется геометрическим телом» (цит. по [Успенский 2009: 173]).

⁶ «В реальном мире вообще нет прямых, как нет и других объектов геометрии» [Успенский 2009: 158], все они суть «идеальные объекты». (Ср.: «Нам никогда не даны поверхности, линии или точки, всегда — лишь объемы». Л. Борхес. Обсуждения.)

⁷ Анкета доступна в интернете по ссылке: https://docs.google.com/forms/d/e/1FAIpQLSe1HhPdZ4KUIJZVcvnF0jX2NvBx6sP8_0padNsgJDPJRPxSVA/viewform?usp=sf_link

арабских (индо-арабских) цифр от 0 до 9. Названиями охватываются дикие звери, которые хорошо известны не только взрослым, но и детям, которым анкета и была предложена (в основном школьникам московских школ и гимназий, в возрасте от 10 до 17 лет). Задания двух типов: а) без раздумий приписать названиям животных фигуры треугольник, квадрат, круг и цифры от 0 до 9; б) подумать над обоснованием ответа. Цель эксперимента: выявить через восприятие животных восприятие базовых геометрических фигур и цифр. Результаты были подвергнуты автоматическому статистическому анализу⁸. В данной статье представлены результаты анкетирования детей. Но, поскольку группа в 30 человек не может считаться репрезентативной, статистическая обработка показала лишь тенденцию в установлении ассоциативных связей, представленную в двух диаграммах. Из 20 диаграмм выбран «Заяц» (см. рис. 1 и 2):

1-4-2. Заяц (兔). К названию этого животного (без раздумий!) присоедините фигуры — треугольник, квадрат, круг.

30 ответов

Рис. 1. Диаграмма распределения фигур относительно названия («Заяц»)

1-4-1. Заяц (兔). К названию этого животного (без раздумий!) присоедините цифры от 0 до 9.

30 ответов

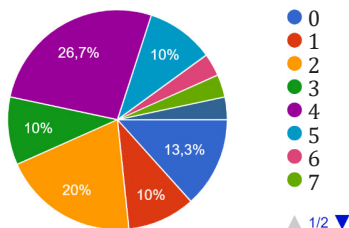

Рис. 2. Диаграмма распределения цифр относительно названия («Заяц»)

⁸Выражаю благодарность своей студентке 2 курса Анне Лапиной за помощь в обработке полученных результатов.

3.1.2. Диаграммы на рисунках 1 и 2 наглядно демонстрируют ассоциативные тенденции: «Заяц» ассоциирован с цифрой «4» и с фигурой «Круг». Но помимо статистики, особый интерес представляет **обоснование** ассоциаций детьми. Жирным шрифтом выделены частотные ассоциации, в скобках указаны пол и возраст двоих детей (мальчики 7 и 8 лет, дальше М 7 и М 8), проявивших живой интерес к анкете, которую заполняли их старшие братья и сестры.

БЕГЕМОТ — **круг** (определяется по форме, размеру фигуры или какой-то ее части): *потому что толстый, большой, поэтому ассоциируется с кругом*; **овал**: *он как овал, но его можно сплюснуть и он станет круглым* (М 7); **квадрат**: *бока у него не такие заглаженные, как у круга* (М 8); **треугольник**: *потому что зубы острые.*

ЁЖИК — **круг** (по форме тела при защите): *он сворачивается, больше похож на овал, а овал ближе к кругу*; **треугольник**: *потому что нос треугольный и есть иголки, поэтому треугольник.*

ЖИРАФ — **треугольник**: *он длинный, потому что горлышко сверху узкое*; **круг**: *потому что некоторые пятна круглые*; **квадрат**: *как и у бегемота, не такие заглаженные бока*

ЗАЯЦ — **круг** (по форме, размеру фигуры или какой-то ее части): *потому что он круглый, круглый хвостик, потому что бывают зайцы, у которых ноги отпечатываются круглым* (М 7), *тело овальное, ближе к кругу* (М 8).

ЗМЕЯ — **круг** (по форме тела и / или способов существования): *она сворачивается в круг, когда душит жертву, сворачивается кругом* (М 7), *круг связан с телом* (М 8); **треугольник**: *треугольная голова.*

КОЗА — **треугольник**: *почти треугольные рога, потому что бегают, как таран*; **круг**: *тоже овальное тело, просто шерсть иногда у нее торчит, и она кажется квадратной, но на самом деле она круглая.*

ЛЕБЕДЬ — **треугольник**: *с такими же разными (в отличие от «простых» круга и квадрата) сторонами и углами, как и лебедь, если дорисовать, то будет треугольник*; **круг**: *глаза круглые*; **квадрат**: *видно, что есть прямые линии, а у круга нет прямых линий, т. е. не такое уж все и овальное.*

ЛИСА — **треугольник**: *он оранжевый, как и лиса*; **круг**: *туловище как круг, может увидеть следы зайца и ходить за ними* (М 7); **квадрат**: *лиса — квадрат и ассоциируется с 9, потому что я представляю их в одном цвете (у «9» цвет темно-красный).*

СЛОН — **квадрат** («6»): *потому что слон большой, а цифра 6 — потому что он серый (и у шестерки серый цвет)*; **круг**: *слон большой, круглые следы* (М 7), *тело в форме овала* (М 8).

ТИГР — **треугольник** («5»): *треугольник, потому что тигр оранжевый, а пятерка тоже желтовато-золотистого цвета; треугольник и 7 — окрас, зубы как треугольник* (М 7).

Цвет как посредник между животным и фигурой, с одной стороны, и фигурой и цифрой — с другой не был предусмотрен анкетой, однако в некоторых ответах детей предлагается и цветовое решение поставленной задачи — сработала синестезия: ЁЖИК — ассоциация с зеленым цветом; *треугольник оранжевый, как и лиса*; СЛОН — «6», *у шестерки серый цвет*; ТИГР — «5», *пятерка тоже желтовато-золотистого цвета, и треугольник оранжевый* (Ж 12); БЕГЕМОТ — *большой, поэтому ассоциируется с кругом, и фиолетовый, поэтому «6»*. Отдельно даются цвета цифр: 0 — белый 1 — красный 2 — желтый 3 — синий 4 — зелёный 5 — коричневый 6 — фиолетовый 7 — оранжевый 8 — светло-оранжевый 9 — темно-красный (Ж 14). У детей, а чаще у взрослых отмечается метаязыковой подход к восприятию стимула, но не животного, а его названия: ЗАЯЦ — цифра «4», *потому что четыре буквы*.

3.2. Восприятию букв русского алфавита иностранцами посвящено довольно много работ, восприятие букв русского алфавита школьниками изучается психологами, но работы отечественных психолингвистов, посвященные изучению восприятия букв и цифр, мне неизвестны. Начертание букв и цифр в их восприятии носителями культуры (и разных культур для цифр) не вошло в зону интереса лингвистики, между тем триумфальное шествие рецептивной эстетики требует включения графики букв и цифр в законный научный объект.

Отмечу, что рассказ М. Шишкина «Урок каллиграфии» держится на восприятии букв русского алфавита учителем каллиграфии, а восприятие цифр обнаруживается в книге А.Р. Лурия «Маленькая книжка о большой памяти», где ее герой отмечает:

Для меня 2, 4, 6, 5 — не просто цифры. Они имеют форму. 1 — это острое число, независимо от его графического изображения, это что-то законченное, твердое <...>; 5 — полная законченность в виде конуса, башни, фундаментальное; 6 — это первая за «5», беловатая; 8 — невинное, голубовато-молочное, похожее на извесь [Лурия 1994].

Применение НСД в ассоциативной психологии дает верифицируемую информацию о переживании и значимых понятий, и графических фигур, к которым относятся и геометрические фигуры, а также букв и цифр. Между тем фигуры и цифры можно назвать универсальной знаковой системой фиксации синестезийных переживаний. Но буквы в разных культурах различаются, тогда как цифры и геометрические

фигуры представляют собой универсальный алфавит, пригодный для описания восприятия феноменов видимого и метафизического миров. Что касается НСД в его применении в работе с детьми, то его игровая форма способствует активизации психического развития ребенка.

3.3. Квалификация М.М. Бахтиным мотивировки поступка как «морального творчества» позволяет применить термин «творчество» к мотивировке возникающих у испытуемых (взрослых и детей) ассоциаций. Поиск мотивировки связан с переживанием ассоциации, т. е. с эмоциональной реакцией на осмысливаемое, а в акте переживания такие отечественные теоретики творчества, как Т.И. Райнов и М.М. Бахтин, видели «факт творчества». Эффект от игрового формата предложенной анкеты усиливается алогичностью задания, требующего воображения. Таким образом, предложение обосновать связь элементов триады «Звери–Фигуры–Цифры» представляется приглашением испытуемых к игре как к творческому акту, что особенно важно для детей. Предполагалось, что отсутствие видимой логики в сформулированных задачах привлечет внимание школьников в возрасте 10–15 лет, но анкетой заинтересовались и младшие школьники (7 и 8 лет). Полученные от этих детей ответы оказались достойными внимания и изучения, что говорит о возможности применения анкеты и в младшей школе.

В лекции «Игра и ее роль в психическом развитии ребенка» Л.С. Выготский отмечал, что «в игре ребенок научается действовать в познаваемой, т. е. в мысленной, а не видимой ситуации, опираясь на внутренние тенденции и мотивы, а не на мотивы и побуждения, которые идут от вещи» [Выготский 2004: 210]. При этом особое значение Л.С. Выготский придавал воображению, которое «отсутствует в сознании ребенка раннего возраста, абсолютно отсутствует у животного и представляет собой специфическую человеческую форму деятельности сознания» [Там же]. Игра создает мнимость ситуации, в которой Л.С. Выготский видит главную ценность любой игры, основанную в первую очередь на «расхождении видимого и смыслового полей». Максимальное расхождение видимого — слов, фигур и цифр — и возможностью их смыслового объединения в игровом пространстве анкеты задается алогичностью предлагаемых действий, что и повышает ценность анкеты в развитии воображения ребенка.

3.4. В этой связи становится совершенно понятной и объяснимой тяга ребенка к языковой игре и в таких фантазийных жанрах фольклора, как небылицы-нелепицы, путаницы типа: *Ехала деревня мимо мужика, Бегала дубинка с мальчиком в руках*, а также в литературной

классике: *Иван Топорышкин пошел на охоту, С ним пудель вприпрыжку пошел, как топор. Иван провалился бревном на болото, А пудель в реке перепрыгнул забор* (Д. Хармс); *Дайте мне Кусок щекотки, Дайте смеха — Две щепотки, Три столовых ложки Ветра И грозы — Четыре метра!* (Б. Заходер). К. Чуковский, отмечая тягу детей к «обратной координации вещей», которая проявляется в языковой игре под названием «перевертыши», раскрывает ее причину: «Ребенок играет не только камешками, кубиками, куклами, но и мыслями» [Чуковский 1957: 292].

Поскольку в «перевертышах» заведомо нарушена логика, к ним можно отнести и приведенные строки из стихов-алогизмов (абсурдизмов), и вопрос о вторнике и среде Л. Витгенштейна, и примыкающее к нему провокационное предложение экспериментального психолога Г. Спенсера попытаться «найти левую или правую сторону звука или изнанку запаха», а также фразеологизмы-алогизмы типа *носить воду решето* или *ломиться в открытую дверь*, которые по лингвистической логике должны быть отнесены к идиоматичным и немотивированным единицам, т. е. к сращениям (подробно в [Чернейко 2021]).

К такого рода языковой игре можно отнести и предложенную анкету «Звери–Фигуры–Цифры», которая отличается своей алогичностью. Но ассоциативные реакции детей на стимулы не что иное, как их мышлеощущения, даже если между ними не всегда обнаруживается мотивация их связи. Мысль, основанная на лишенной формальной логики синестезийной связи вещей и идей является основой эстетического переживания действительности и ее художественного преломления. И ничто так не способствует развитию воображения и логического мышления ребенка (взрослого тоже), как то, что лишено формальной логики, основанной на причинно-следственных связях, которые и миру действительности не очень-то присущи.

Выводы. Изучая разные модусы сознания и возможности психики субъекта их сочетать при включении в восприятие мира, особенно мира метафизического, умопостигаемого, наука ступает на тропу междисциплинарных исследований. При изучении ассоциативных связей между феноменами действительности, возникающих в личностном пространстве, велика роль синестезии. Как отмечается в сборнике «Проблемы синестезии и поэтика авангарда», «синестезия — это одно из тех понятий, которые перекидывают мост от естественных наук к наукам гуманитарным» [Злыднева 2020: 39]. Можно добавить: и в направлении от гуманитарных наук к естественным наукам этот мост

тоже перекидывается. Наглядное постижение мира, данное нам в ощущении, и его логическое освоение, отлитое в мысли, существуют в сознании по-разному, но гипотеза о том, что их совместное существование опосредуется базовыми геометрическими фигурами, имеет право на существование, хотя требует углубленного дальнейшего изучения.

Применение НСД в ассоциативной психологии дает верифицируемую информацию о переживании как экзистенциально значимых абстрактных понятий, так и графических фигур, к которым относятся и геометрические фигуры, и буквы, и цифры. Но буквы в разных культурах различаются, тогда как цифры и геометрические фигуры представляют собой универсальный алфавит, пригодный для описания восприятия феноменов видимого и умопостигаемого миров. Фигуры и цифры можно назвать универсальной знаковой системой фиксации синестезийных переживаний.

Литература

- Артемова Е.Ю.* Об описании структуры перцептивного опыта // Вестник МГУ, серия 14, Психология. 1977. № 2. С. 12–18.
- Артемова Е.Ю.* Психология субъективной семантики. М.: URSS, 2007.
- Витгенштейн Л.* Философские работы. Ч. 1. М.: Гнозис, 1994.
- Выготский Л.С.* Игра и ее роль в развитии ребенка // Психология развития ребенка. М.: ЭКСМО, 2004. С. 200–223.
- Выготский Л.С.* Психология развития человека. М.: Смысл; Эксмо, 2005.
- Гегель Г.В.Ф.* Энциклопедия философских наук. Т. 1. М.: Мысль, 1974.
- Гуссерль Э.* Начала геометрии. М.: Ad Marginem, 1996.
- Декарт.* Сочинения. Т. 1. М.: Мысль, 1989.
- Злыднева Н.В.* Синестезия как меченый атом // Проблемы синестезии и поэтика авангарда. М.: Гос. Институт Искусствознания, 2020. С. 39–56.
- Кандинский В.В.* Опросный лист // Избранные труды по теории искусства. Т. 2. М.: Гилея, 2001. С. 64–67.
- Кобозева И.М.* Лингвистическая семантика. М.: УРСС, 2000.
- Леонтьев Д.А.* Психология смысла. М.: Смысл, 1999.
- Лурия А.Р.* Маленькая книжка о большой памяти (Ум мнемониста). М.: Эйдос, 1994.
- Налимов В.В.* Спонтанность сознания: Вероятностная теория смыслов и смысловая архитектура личности. М.: Прометей, 1989.
- Петренко В.Ф.* Психосемантика сознания. М.: МГУ, 1988.
- Петренко В.Ф.* Основы психосемантики. СПб.: Питер, 2005.
- Петренко В.Ф.* Многомерное сознание: психосемантическая парадигма. М.: Новый хронограф, 2010.

Романова Т.В., Колчина О.Н. Формирование терминологического значения лексемы смысл // Познание и язык: через видимость и сущность. Сб. научн. трудов. Кн. 52. Вып. 1., Тамбов: Державинский, 2023. С. 194–199.

Успенский В.А. Апология математики. СПб.: Амфора, 2009.

Чернейко Л.О. Геометрический модус существования абстрактных понятий в сознании носителей языка // Обработка текста и когнитивные технологии. № 4. Труды международной конференции Когнитивное моделирование (Пушино, 17–19 сентября 1999). Т. 2. М.: МИСИС, 2000. С. 364–381.

Чернейко Л.О. Полиморфный знак как психолингвистический феномен // Вопросы психолингвистики. 2015. № 3 (25). С. 106–119.

Чернейко Л.О. Категория внутренней формы: ее интерпретация и сфера приложения в концепции В.Н. Телия // Тезисы докладов на Международной научной конференции. Минск: БГУ, 2021. С. 57–59.

Чуковский К.И. Лепые нелепицы // От двух до пяти. М.: Детлит, 1957. С. 280–318.

Щедровицкий Г.П. Избранные труды. М.: Школа культ. политики, 1995. URL: https://coollib.com/b/167710-georgiy-petrovich-schedrovitskiy-izbrannyye-trudyi/read#__refheading_73_1105196008 (Дата обращения: 23.03.2023).

Osgood Ch.E. Method and Theory in Experimental Psychology. Oxford: Oxford University Press, 1956.

ПОЭТИЧЕСКАЯ АНТРОПОНИМИЯ В КОНТЕКСТЕ «БОЛЬШИХ ДАННЫХ»

Л.Л. Шестакова, А.С. Кулева

Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, Москва

В статье рассматривается употребление антропонимов в поэзии Серебряного века на материале «Словаря языка русской поэзии XX века» в сопоставлении с данными Национального корпуса русского языка. Словарь описывает язык десяти выдающихся русских поэтов прошлого столетия (И. Анненского, А. Ахматовой, А. Блока, О. Мандельштама, В. Хлебникова и других), реализует один из подходов к отражению имен собственных в авторской лексикографии — включение их в общий словник авторского словаря, сопровождение не только энциклопедической, но и другой информацией. Использование при исследовании поэтических антропонимов словарных данных в сочетании с корпусными дает разнообразные результаты. Оно выявляет вариативность форм личных имен, их индивидуальнo-авторские преобразования, переход в нарицательные единицы и т. д.

Ключевые слова: *антропоним, корпус, лексикология, авторская лексикография, словарь, словник, словарная статья.*

POETIC ANTHROPNYMY IN A “BIG DATA” CONTEXT

Larisa L. Shestakova, Anna S. Kuleva

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow

The paper considers the use of anthroponyms in the Silver Age poetry on the material of the “Dictionary of the Language of the XXth Century Russian Poetry” in comparison with the data of the Russian National Corpus. The dictionary describes the language of ten outstanding Russian poets of the last century (I. Annensky, A. Akhmatova, A. Blok, O. Mandelstam, V. Khlebnikov, etc.), realizes one of the approaches to presenting proper names in the author lexicography — including them in the general vocabulary of the author dictionary, and providing them not only with encyclopedic, but also with other types of information. The use of dictionary data in the study of poetic anthroponyms in combination with corpus data gives a variety of results. It reveals the variability of the forms of anthroponyms, their individual author’s transformations, the transition to common nouns, etc.

Keywords: *anthroponym, corpus, lexicology, author lexicography, dictionary, vocabulary, dictionary entry.*

Современные методы исследования предоставляют специалисту-филологу немислимые ранее возможности, однако предел еще не достигнут — многие виды информации предстоит научиться извлекать и структурировать, даже имея в своем распоряжении такой глубоко проработанный ресурс, как [НКРЯ]. Сказанное касается и сведений об именах собственных, которыми насыщен русский поэтический дискурс. Так, поиск в Поэтическом корпусе (далее — ПК) НКРЯ включает

опцию «Грамматические признаки — имена собственные», однако получаемые данные пока трудно использовать из-за их значительного объема и неснятой омонимии. Запросы по этому параметру выдают сейчас такие результаты: «имя собственное: фамилия, имя, отчество» (famn|persn|patrn) — 596 868 вхождений; «то же + одушевленность» (famn|persn|patrn) & (anim) — 596 824 вхождения. См. примеры из произведений А. Блока:

Я не нашла моих лилий в поле, Я не искала плакучей ивы — плакучей ивы.

Ты оденешь меня в серебро, И когда я умру, Выйдет месяц — небесный Пьеро, Встанет красный паяц на юру.

В ночь, когда Мамай залег с ордою Степи и мосты, В темном поле были мы с Тобойю, — Разве знала Ты? // Перед Доном темным и злоещим, Среди ночных полей, Слышал я Твой голос сердцем вещим В криках лебедей.

Так пускай же ветер будет Петь обманы, петь шелка! Пусть навек не знают люди, Как узка твоя рука! // Как за темною вуалью Мне на миг открылась даль... Как над белой, снежной далью Пала темная вуаль...

Но счастье было безначальной, Чем тишина. Была весна. // Ты подходил к стеклянной двери И там стоял, в саду, маня Меня, задумчивую Мэри, Голубоокою меня.

Ср. имена Лилия, Поля / Польш, Ив / Ива, Маня, Петя, Юра; фамилии Мень, Даль, Тишин.

См. и такие строки из Блока: *Всё мне: Любовь и Надежда и Вера В Ваших очах!*, в которых абстрактные имена существительные даны в символистском ключе с прописных букв.

Важным источником изучения поэтических имен собственных, и прежде всего антропонимов, остаются словари языка поэзии. В авторской лексикографии существуют разные подходы к отражению имен собственных — одни словари их не включают, в других они даются отдельным блоком или выступают в качестве единственного объекта описания, третий тип словарей объединяет нарицательные и собственные единицы в общем словнике [Шестакова 2011]¹. Как показывает опыт работы над «Словарем языка русской поэзии XX века» [СЯРП], последний подход наиболее оправдан, поскольку позволяет полно отразить лексикон поэта (поэтов), снимает проблему разведения имен нарицательных и собственных, граница между которыми в поэтическом языке оказывается весьма зыбкой.

¹ В соответствии с названными подходами можно привести примеры таких современных авторских словарей, как: [Журавлева, Хашимов 2015; СМЦ; Васильев, Жаткин 2015; Рогозина 2011; Шипулина 2013].

Словарь, в отличие от корпуса, не только дает контексты употребления лексемы в упорядоченном виде, но и может включать справочную информацию, иногда в большом объеме. В СЯРП такого рода сведения приводятся в зоне значения словарной статьи, а при необходимости — в комментариях к конкретному контексту.

Добавим к сказанному о СЯРП, что это — сводный («многоавторский») словарь с исчерпывающим словником, объединяющий черты регистрирующего и объяснительного справочников. Словарные статьи содержат хронологически выстроенные стихотворные контексты из произведений десяти выдающихся поэтов Серебряного века: И. Анненского, А. Ахматовой, А. Блока, С. Есенина, М. Кузмина, О. Мандельштама, В. Маяковского, Б. Пастернака, В. Хлебникова, М. Цветаевой (ниже в статьях используются условные обозначения, принятые в СЯРП: шифры, включающие указание на автора и год создания произведения). Надо отметить, что материал Словаря выходит за традиционно понимаемые хронологические границы Серебряного века: самые ранние произведения Анненского относятся к концу XIX в., самые поздние — Пастернака и Ахматовой — к 1950–60-м гг.

В процессе работы над СЯРП предварительные варианты статей на имена собственные были собраны в виде отдельного издания [Григорьев и др. 2005] (Словарь личных имен), а затем, с включением других типов онимов, — в электронной форме (Словарь имен собственных: <http://lexrus.ru>).

Языковой материал, проанализированный и системно представленный в Словаре, может быть дополнительно рассмотрен с обращением к НКРЯ и другим корпусам: это дает возможность и работать с обозримым и предварительно осмысленным объемом информации, и точно проверять наиболее интересные факты и тенденции.

Анализ антропонимов, описанных в СЯРП, позволяет выделить несколько разнородных групп личных имен: значимые историко-культурные имена (теонимы, имена легендарных и исторических личностей и др.); имена персонажей (реальные и вымышленные); имена современников — как общеизвестных деятелей, так и людей из «ближнего круга» автора и др. (далее приводятся примеры в основном из последнего опубликованного т. IX; некоторые словарные статьи даются в сокращении). Единицы названных групп могут объединяться и противопоставляться по различным основаниям: как общеизвестные и индивидуально значимые, общепринятые и выступающие в устаревших, авторских вариантах и пр.

Особенно интересно, что антропонимы могут и выступать маркерами лексикона одного из поэтов, и создавать своего рода поэтическую переключку, культурную традицию.

Так, среди разнообразных антропонимов привлекают внимание имена из ближайшего окружения поэтов, часто обнаруживаемые в виде намеков, сокращений и пр., т. е. понятные заведомо не каждому читателю. В одних случаях такие имена оставались частью личного, непубличного общения — их раскрытие происходило в исследовательской литературе, в Словаре они комментируются в специальных зонах словарной статьи:

Ф. [сокр.: Фаддей (Фаддей Францевич Зелинский)] *Ф. Фр. Зелинскому Посв. Анн900е (127)*

[ФАМИНЦЫН] [Андрей Сергеевич (1835–1918) — ботаник и физиолог, знакомый Бекетовых; см. А. С. Ф.]²

В других случаях автор, включая в свой текст имя конкретной личности, делает его фактом поэтического языка (отметим, что оба имени из представленных ниже статей в ПК НКРЯ в других употреблениях не встречаются):

ХАЛИМА [Х. Насырова (1913–2003) — узб. оперная певица] Все опять возвратится ко мне: Раскаленная ночь и томленье (Словно Азия бредит во сне), Халимы соловьиное пенье, И библейских нарциссов цветенье, И незримое благословенье Ветерком шелестнет по стране. *Ахм942–44 (204.1)*

ХРЕНОВ [Иулиан Петрович (1901–1939) — знакомый В.В. Маяковского, участник строительства Кузнецкого металлургического комбината] **РАССКАЗ ХРЕНОВА О КУЗНЕЦКСТРОЕ И О ЛЮДЯХ КУЗНЕЦКА** *Загл. М929 (376)*

Показательный пример осмысления поэтической традиции демонстрируют две статьи:

ФЕЛИЦА [от лат. *felix* — счастливый; имя из написанной Екатериной II для внука (будущего Александра I) «Сказки о царевиче Хлоре», взятое Г.Р. Державиным для образа Екатерины II в оде «Фелица»] Там на портретах строги лица, И тонок там туман седой, Великолепье небылицы Там нежно веет резедой. Там нимфа с таицкой водой, Водой, которой не разлиться, Там стала лебедем Ф. И бронзой Пушкин молодой. [о Царском Селе] *Анн900-е (198.1)*; Слоновой кости страус поет: — Оледенелая

²Поскольку антропоним *Фаминцын* отсутствует в словнике СЯРП, в заголовке словарной статьи он дается в квадратных скобках. И вот как выглядит статья с примером из А. Блока, ссылка на которую содержится в статье **[ФАМИНЦЫН]**: **А. С. Ф.** [Андрей Сергеевич Фаминцын] *А. С. Ф. Посв. АБ902 (1,223)*.

Ф! — И лак, и лес, Виндзорский лед, Китайский лебедь Бердсли снится. Куз925 (300.1); Казалось мне, что песня спета Среди этих опустелых зал. О, кто бы мне тогда сказал, Что я наследую всё это: Фелицу, лебеда, мосты И все китайские затеи, Дворца сквозные галереи И липы дивной красоты. Ахм959 (335.1)

ХЛОР [имя героя из написанной Екатериной II для внука (будущего Александра I) «Сказки о царевиче Хлоре», взятое Г.Р. Державиным для образа Александра I в оде «Фелица»] Был от поленьев воздух жирен, Как гусеница, на дворе, И Петропавловску-Цусиме Ура на дровяной горе... // К царевичу младому Хлору И — Господи благослови! — Как мы в высоких голенищах За хлороформом в гору шли. ОМ932,35 (187.1)

Два образа из державинской оды, восходящие к сказке, написанной Екатериной II, приобретают дополнительные коннотации в строках близких по духу поэтов (вслед за Анненским — Ахматова и Мандельштам, а также Кузмин). Показательно, что в ПК НКРЯ имя *Хлор* более не обнаруживается, тогда как *Фелица* (всего 107 употреблений) еще несколько раз встречается у поэтов Серебряного века и позже, ср.:

Ловить исчезающие лица, Схороненные имена Помещиков времен Фелицы, Защитников Бородина. [Б.А. Садовской. Моей луковице (1911)]

И, забыв о Фелице своей, Сбросив с плеч тяготившие годы, Старый мастер сверкнул перед ней Всею мощью Державинской оды! [Н.Я. Агнивцев. Голубая дама (1921–1923)]

Финтифлюшка ты и фруктик, Фрахтовщица фор, Фаворитка и Фелица, Фрейлина и фант, Феминистка — фаталистка, фараон фанфар! [В.А. Сошнора. Расставанье (1974)]

В антропонимическом массиве СЯРП выделяются редкие и нестандартные употребления личных имен. Обращение к корпусным источникам позволяет судить о том, было ли подобное употребление индивидуально-авторским.

Так, в приводимой ниже словарной статье фиксируется нестандартный вариант фамилии *Уитмен* у Пастернака:

УИТМАН [вар. к Уитмен; Уолт У. (1819–1892) — американский поэт] Пусть ритм безделицы октябрьской Послужит ритмом Полета из головяпской В страну, где У. П919 (II,533)

В ПК НКРЯ этот контекст отсутствует (он взят из текста, не входящего в основное собрание произведений, — стихотворного посвящения «Л.Ю. Брик (Надпись на рукописи книги “Сестра моя — жизнь”»)), однако встречаются другие примеры употребления варианта *Уитман* (один пример в ПК НКРЯ и 64 примера в Основном корпусе), что служит

свидетельством его бытования в русском языке в процессе освоения последним фамилии американского поэта:

Стихи Уитмана восторженны, безумны, титанически-могучи, но никогда не гневны [К.И. Чуковский. Революция и литература // «Свобода и жизнь», 1906]

Англичане Уильям Морис и Раскин, американец Уолт Уитман и норвежец Ибсен суть деятели всенародного высвобождения невоплощенных энергий новой жизни [В.И. Иванов. О веселом ремесле и умном веселии (1907)]

За бутылкой вина, извлеченной из погреба какого-то исчезнувшего крупного буржуа, Гумилев, Каплун и я мирно беседовали об Уитмане, о Киплинге, об Эдгаре По [Ю.П. Анненков. Дневник моих встреч (1966)]

Ср. другие варианты в ПК НКРЯ (в том числе нормативный):

И, напевая, вдохнул созревшую осень. Уот Уитмэн <эпиграф> [А.И. Несмелов. Созревшая осень (1934)]

Так Маркс и Энгельс были заодно Не только с Дарвином, но и с Ван-Гогом, И с Герценом, и с Уитменом, но Совсем по разным идучи дорогам [Л.Н. Мартынов. Единая стезя (1966)]

Ср. также статьи Корнея Чуковского «Уолт Уитман» (Литературная газета, № 32 / 10.06.1939); «Л. Толстой об Уолте Уитмане» (Литературная газета / 25.08.1940); «Маяковский и Уитман» (Ленинград, № 2. С. 18–19 / 1941 г.).

Можно отметить и более ранний вариант: «**Витман, Валт**» (Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. СПб., 1890–1907; автор статьи З.А. Венгерова).

Писатель-фантаст Герберт Уэллс представлен в поэтическом языке также устаревшим вариантом Уэльс. В СЯРП Уэльс единожды встречается у Хлебникова; этот контекст отсутствует в ПК НКРЯ, однако обнаруживается пять других с вариантом Уэльс (не считая одного географического) — у Сологуба, Кедрина, Елагина и др. Присутствуют в ПК НКРЯ и иные варианты (Уэльс). Ср. в СЯРП:

[УЭЛЛС] см. УЭЛЬС

УЭЛС [персонаж стих.] ...

УЭЛЬС [вар. к [УЭЛЛС]; Герберт Джордж У. (1866–1946) — англ. писатель] За мовою летела мова, И на устах глухонемого Всего одно лишь слово: «К стенке!» — Как водопад дыхания китов, Вздымалось творчество Тагора и Уэльса, Но черным парусом плотов На звезды мира, путник, целься. Хл919–20–22 (469)

В ПК НКРЯ:

*Не вброшены ль в былое все мы, Иль в твой волшебный мир, Уэллс?
Не блещут ли мечи и шлемы Над стрелами звенящих рельс?* [В.Я. Брюсов.
Наши дни (1914)]

И вот реквизируешь этот, первый, Хотя б у Уэллса взятый планер.
[Н.Н. Асеев. Машина времени (1923)]

*И приснится Гербертам Уэллсам / новогодний неприятный сон, /
что страна моя по новым рельсам / надвигается со всех сторон.*
[Б.П. Корнилов. Новый, 1933 год (1932)]

*И с каждым добросовестным умельцем Беседовал любезней, чем с
Уэллсом, Он, вождь, мыслитель, автор мудрых книг.* [Л.Н. Мартынов.
Ленин (1970)]

*И хоть блестит из темени Обыкновенный рельс — В свою машину време-
ни Нас поместил Уэльс.* [И.В. Елагин. «Веселая компания...» (1976–1982)]
и др.

Ср. также единичный пример в Основном корпусе: *Здесь состоялась
беседа Владимира Ильича с Гербертом Уэлсом* [Ю. Александров. Москва
заповедная (1987)].

Имя писателя Фенимора Купера в СЯРП и ПК НКРЯ представлено
единственным, по-видимому, индивидуально-авторским употребле-
нием Маяковского (**Фениамор**) при отсутствии нормативного варианта
(**Фенимор**, ср. в Основном корпусе — 141 пример, в ПК НКРЯ — нет):

ФЕНИАМОР [вар. к Фенимор; Ф. Купер] О, как эта жизнь читалась вза-
сос! <...> А сегодня — / это не умора. / Сколько миль воды / винтом на-
рыто, — / и встает / живьем / страна Фениамора / Купера / и Майн Рида.
M925 (195)

Поиск в интернете («About 52 results» в Гугле) дает (кроме цитат из
Маяковского, СЯРП и производных от него словарей) несколько при-
меров нестандартного написания имени *Фенимор*, хотя не представ-
ляется возможным установить, свидетельствуют ли они о некоем общем
источнике подобной формы, наличии скрытой или неосознанной цита-
ты из Маяковского, представляют ли собой языковую игру или же про-
сто ошибку. Ср.:

*СТРАНИЦА, ПОСВЯЩЕННАЯ А.А. ВАНЕЕВУ ЕГО БЫВШЕЙ УЧЕНИЦЕЙ, В
АВТОРИЗОВАННОМ ПЕРЕВОДЕ АВТОРА. (Alia Sariban. Derschmale Wegzu
Gott, Mathias-Grunewald-Verlag-Mainz 1989, S. 92–93) <...> Ученики жадно
ловили каждое его слово — как младшие, которые еще зачитывались
романами Джека Лондона и **Фениамора** Купера, так и более взрослые,
которые уже начинали соображать, какого масштаба личность они*

перед собою видят. (Ванеев А.А. Два года в Абези: В память о Л.П. Карсавине. Брюссель: Жизнь с богом: La Presse Libre, 1990. — 189 с.)

#отзыв_на_книгу Мне кажется, после романов **Фенимора** Купера о Натаниэле Бампо я об индейцах и не читала ничего больше. <...> В общем, мне книга очень понравилась. Очень! Это, конечно, не романтизированный **Фенимор** Купер, но именно в этом своя особая прелесть (https://vk.com/wall-206326647_27329).

Попытка поиска в написании на латинице (*feniamor*) не дала адекватных результатов, не считая того, что в текстах на латыни и испанском встречаются похожие буквенные сочетания (в основном с хорошо известной лексемой *amor* ‘любовь’).

Очевидно, что неустойчивые вариантные формы говорят, прежде всего, о том, что для поколения Серебряного века английский язык был менее известен и актуален по сравнению с другими — французским, немецким, латинским (языками гимназического обучения и традиционного для России восприятия европейской культуры). Ср. на языке оригинала: *Walt Whitman, Herbert George Wells, James Fenimore Cooper*. Неудивительно также, что варианты, отличающиеся от принятых сегодня, часто возникают у имен из малоизвестных для того времени языков, в частности — восточных. Ср. у Есенина:

ФИРДУСИ [вар. к Фирдоуси; Абулькасим Ф. (ок. 940–1020 или 1030) — персид. и таджикский поэт] Голубая родина Ф., Ты не можешь, памятью простыв, Позабыть о ласковом уресе И глазах, задумчиво простых, Голубая родина Ф.. <...> Хороша ты, Персия, я знаю. *Ес925 (III,24)*

ХАЯМ [вар. к [ХАЙЯМ]; Омар Хайям (Гияс ад-Дин Абу-ль-Фатх ибн Ибрахим) (1048–1131) — персид. поэт, математик и философ] Свет вечерний шафранного края, Тихо розы бегут по полям. Спой мне песню, моя дорогая, Ту, которую пел Х.. Тихо розы бегут по полям. *Ес925 (III,16)*; Тихо розы бегут по полям. Сердцу снится страна другая. Я спою тебе сам, дорогая, То, что сроду не пел Хаям... Тихо розы бегут по полям. *ib.*

В ряде случаев остается неясной причина использования того или иного варианта: отсутствие сложившейся традиции, влияние других языков, усвоение онима «на слух» или же прагматическая цель — версификационное использование неравносложной формы (*Фирдуси / Фирдоуси, Фенимор / Фениамор*), иронический оттенок. Ср.:

ФРИТИОФ [вар. к Фритъоф; Ф. Нансен] «Париж. / Собрались парламентарии. / Доклад о голоде. / Ф. Нансен. / С улыбкой слушали. / Будто соловьиные арии. / Будто тенора слушали в модном романсе». // Будьте прокляты! [о голоде в Поволжье] *M922 (99)*

Показательны случаи, когда размывается граница между именем собственным и нарицательным. Антропоним может выступать в обобщенном или символическом значении, вплоть до перехода в разряд апеллятивов (этот процесс нередко виден не только в контексте, но и в изменении грамматики — например, в использовании формы множественного числа). И наоборот, имена нарицательные могут не только входить в состав имен собственных, но и подменять их в определенных контекстах. Ср.:

ХРИСТОС [Иисус Христос; Христы-то Цв922 (в знач. *нариц.*); ... см. *тж* БАТЮШКА, ДИТЯ, ЕВРЕЙ, ИЕЗУС, ИИСУС, ИСУС, ИСУС-МЛАДЕНЕЦ, ИУДЕЙСКИЙ, МЛАДЕНЕЦ, НАЗАРЕЙ, НАЗАРЯНИН, ОТРОК, ПАНТОКРАТОР, ПАСТЫРЬ, СПАС, СПАСИТЕЛЬ, СУДЬЯ, СЫН, УЧИТЕЛЬ, ЦАРЬ] ... А войти-то как? — Выходом. А речі-то как? — Выкрутом. А на што мне креститися? **Все Христы-то** где ж? — Вышедши. // На плет-паутиночку Крестись без запиночки! Смекай, мол, детинушка, Своя здесь святынюшка. Цв922 (III,270) ...

и

ЦАРЬ [ц. и Ц.; *тж* в назв.; *зват.* Царю Ес917; ... *тж* в сочет.: всея Руси ц.; *тж* в сочет.: Ц. Небесный (Бог), Ц. Иудейский (Иисус Христос), Ц. Щедрот (о царе Соломоне); *тж* Ц. Саул, Ц. Давид, Ц. Соломон, ц. Приам; *тж* ц. Горюх, ц. Салтан] ... **О ц. Недоступного Света**, Отец моего бытия, Открой же хоть сердцу поэта, Которое создал ты я. *Анн900-е* (57.1); ... Уж на что был он грозен и смел, Да скакун его бешеный выдал, **Ц.** [Петр I] змеи раздавить не сумел, И прижатая стала наш идол. *Анн900-е* (186); ... О, мель! О, мелочь! У славного **Царя Щедрот** Славнее царства не имелось, Чем надпись: «И сие пройдет» — // На перстне... ... [о царе Соломоне] Цв923 (II,217.2) ...

Ср. также (в приведенных ниже статьях использованы нестандартные формы онимов):

ХАММУРАБИ [*вар.* к Хаммурапи — царь Вавилонии в 1792–1750 гг. до н. э.; в знач. *нариц.*] Ты... ровесник Мамврийского дуба, Вековой собеседник луны. Не обманут притворные стоны, Ты железные пишешь законы, Х., ликурги, солоны У тебя поучиться должны. *Ахм940–60* (277)

ХУЭРТА [*вар.* к [УЭРТА]; в нач. XX в. — диктатор в Мексике; в знач. *нариц.*] Под пытками / умер Гватéмок. / И вот стоим, / индеец да я, / товарищ / далекого детства. / Он умер, / чтоб в бронзе / веками стоять / наискосок от полпредства. / Внизу / громыхает / столетий орда, / и горько стоять индейцу. / Что братьям его, / рабам, / чехарда / всех этих Хуэрт / и Дизцов?... [о частой смене диктатур] *M925* (195)

Окказиональные онимы и единицы, образованные от имен собственных, представляют значительный интерес в изучении феномена лингвокреативности.

Так, наряду с именем *Христос*, притяжательным прилагательным *Христов* и устаревшими лексемами *хриstopродавец*, *христарадничать* в материалах Словаря находим более редкие, окказиональные формы, ср.:

ХРИСТОПРОДАВЕЦ [*устар.*] ... Так статью? — Нет. — Но... — Прошу из-бавить. Вслух: трудна. Внутри: не х.. — В санатории. (В раю наемном.) — День? — Вчера, позавчера, не помню. ... [посв. памяти Р.-М. Рильке] Цв927 (III,132)

ХРИСТАРАДНИЧАТЬ Воскреси — / свое дожить хочу! / Чтоб не было любви — служанки / замужеств, / похоти, / хлебов. / Постели прокляв, / встав с лежанки, / чтоб всей вселенной шла любовь. / Чтоб день, / который горем старящ, / не х., моля. / Чтоб вся / на первый крик: / — ТОВАРИЩ! — / оборачивалась земля. М923 (451)

ХРИСТОВЫЙ [*прил. к ХРИСТОС*] «Новый год!» / Для других это просто: / о стакан / стаканом бряк! / А для нас / новогодие — / подступ / к празднованию / Октября. / Мы / летá / исчисляем снова — / не х. считаем род. / Мы / не знаем «двадцать седьмого», / мы / десятый приветствуем год. [о годовщине Октябрьской революции 1917 г.] М926 (272)

ХРИСТОПЛЯСКА [*нов.*] В перестрелку — скиф, В хриstopляску — хлыст, — Море! — небом в тебя отваживаюсь. Как на каждый стих — Что на тайный свист Останавливаюсь, Настораживаюсь. [обращ. к Б.Л. Пастернаку] Цв925 (II,257)

В ПК НКРЯ:

хриstopродавец — 6 вхождений, в Основном корпусе — 173;

христарадничать 'просить милостыню' — 1 (из Маяковского), в Основном корпусе — 43;

хриstopляска — по одному примеру только из Цветаевой, ср.:

...*фокстрот Белого* — *чистейшее хлыстовство: даже не свистопляска, а (мое слово) — хриstopляска, то есть опять-таки «Серебряный голубь», до которого он, к сорока годам, физически дотанцевался* [М.И. Цветаева. Пленный дух (Моя встреча с Андреем Белым) (1934)].

Характерное для Маяковского использование нестандартных притяжательных форм проявляется в форме *христовый*. В силу грамматических причин искать параллели в НКРЯ и других источниках непросто. Можно сказать лишь, что поиск по точным формам подтверждает окказиональность (при потенциальной возможности) подобных прилагательных:

В ПК НКРЯ: *христовый* — только этот пример из Маяковского, в Основном корпусе — 6; *христовая* — 0, в Основном корпусе — 2; *христовое* — нет; *христовые* — 1, в Основном корпусе — 4. Ср.:

*...овца истинного стада Христова, заблудшая было, обретена и водворена опять в оград **Христовый** [архиепископ Николай Японский (Касаткин). Дневник (1895)]*

*Ты как хочешь ругайся, — язык-то не на привязи, глотку-то не заткнешь, — а скотина **христовая** чем виновата?.. [Ф.М. Решетников. Тетушка Опарина (1868)]*

*Ограблены жилища наши — жены Поруганы — семейства избивенны — Монастыри в развалинах — и церкви **Христовые** пылают! [А.К. Толстой. Царь Борис (1868–1869)]*

*Своим ходом пойду. — Садись, говорят. Кто теперь пешком ходит! — Нет, нет, спасибо, **христовые**. Меня и свои могли подвезти. [Ф. Абрамов. Дом (1973–1978)]*

Таким образом, привлечение больших данных — словарных и корпусных — расширяет возможности изучения антропонимии как весомой части поэтического лексикона. В сводном словаре языка поэзии антропоним сопровождается необходимыми сведениями лингвистического, энциклопедического и иного содержания. Корпусный материал детализирует характер «поведения» антропонима в поэтическом языке на фоне общего. Совокупные же словарно-корпусные данные позволяют портретировать каждый антропоним как единицу поэтического языка со своей историей и своим функциональным ореолом.

Литература и источники

Васильев Н.Л., Жаткин Д.Н. Словарь поэтического языка П.А. Вяземского (с приложением малоизвестных и непубликовавшихся его стихотворений). М.: ФЛИНТА; Наука, 2015.

Григорьев В.П., Колодяжная Л.И., Шестакова Л.Л. Собственное имя в русской поэзии XIX века: Словарь личных имен. М.: Азбуковник, 2005.

Журавлева Г.С., Хашимов Р.И. Словарь языка поэзии Ивана Бунина. В 2-х частях. М.: Издательский центр «Азбуковник», 2015.

НКРЯ — Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (Дата обращения: 20.05.2023).

Рогозина В.И. Словарь имен собственных в поэзии Валерия Брюсова. Донецк: Юго-Восток, 2011.

СМЦ — Словарь поэтического языка Марины Цветаевой: В 4 т., 6 кн. / Сост. И.Ю. Белякова, И.П. Оловянникова, О.Г. Ревзина. М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 1996–2004.

СЯРП — Словарь языка русской поэзии XIX века. Т. I– / Сост.: В.П. Григорьев (отв. ред.), Л.Л. Шестакова (отв. ред.), Л.И. Колодяжная (ред.), А.С. Кулева (ред.), В.В. Баркеркина, А.В. Гик, Т.Е. Реутт, Н.А. Фатеева. М.: Языки славянской культуры, 2001–.

Шестакова Л.Л. Русская авторская лексикография: Теория, история, современность. М.: Языки славянских культур, 2011.

Шипулина Г.И. Словарь языка Есенина. Имя существительное. Баку: Мутарджим, 2013.

РАЗДЕЛ 4.

КРЕАТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ОБРАЗНЫХ СРЕДСТВ ЯЗЫКА: БОЛЬШИЕ И МАЛЫЕ ДАННЫЕ

МЕТАМОРФОЗЫ МЕТАЯЗЫКОВОЙ МЕТАФОРЫ: LANGUAGE POETRY «НА РАНДЕВУ» С ЛИНГВИСТИКОЙ¹

В.В. Фещенко

Институт языкознания РАН, Москва

Статья посвящена тому, как метаязыковая метафора (т. е. концептуальная метафора, одной из концептуальных составляющих в которой выступает ЯЗЫК или другие лингвистические категории) функционирует в поэтическом тексте. Материал исследования — «языковая поэзия», направление в экспериментальной литературе США последних 50 лет. Тексты поэтов этого направления часто содержат в себе метарефлексию, а метафорика их часто строится на метаязыковых концептах (ЯЗЫК, РЕЧЬ, ПИСЬМО, ТЕКСТ, КОНТЕКСТ, ДЕЙКСИС, ФРЕЙМ, МЕТАФОРА и т. п.). Авторы «языкового направления» находятся в постоянном диалоге с лингвистическими идеями. Отмечается роль учений Р. Якобсона и Дж. Лакоффа в теории и практике американского “Language writing”. Делается вывод о том, что в текстах анализируемого направления поэтическая функция специфическим образом взаимодействует с метаязыковой в творческом языковом эксперименте.

Ключевые слова: *языковой эксперимент, поэтическая функция, метаязыковая функция, метафора, «языковая поэзия», лингвистика.*

METAMORPHOSES OF METALINGUISTIC METAPHOR: LANGUAGE POETRY'S “RENDEZ-VOUS” WITH LINGUISTICS

Vladimir V. Feshchenko

Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Moscow

The article is devoted to the ways metalinguistic metaphor (i.e. conceptual metaphor containing the concept of LANGUAGE or other linguistic concepts) functions in the poetic text. Texts from “Language poetry”, a movement in US experimental literature of the last 50 years, represent the research material. The texts of poets of this tendency often contain meta-reflection and metaphors are often based on metalinguistic concepts (such as LANGUAGE, SPEECH, WRITING, TEXT, CONTEXT, DEIXIS, FRAME, METAPHOR etc.). The authors of the “Language school” are in constant dialogue with linguistic ideas. R. Jakobson's, N. Chomsky's and G. Lakoff's ideas play a major role in the theory and practice of American “Language writing”. In the texts of the analyzed corpus, the poetic function interacts in a specific way with the metalinguistic function within a creative language experiment.

Keywords: *language experiment, poetic function, metalinguistic function, metaphor, Language poetry, linguistics.*

В метаязыковой метафоре осуществляется когнитивный и семиотический механизм переноса значений, связанных с концептуальным

---

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00040) в Институте языкознания РАН.

полем ЯЗЫК и концептуальным доменом ЛИНГВИСТИКА. С помощью такой метафоры осуществляется метаязыковая рефлексия в дискурсах разного типа: обыденном (как в идиоме *язык до Киев226а доведет*), художественном (как в строчке *Язык!.. Запрядай: тайной слов!* из поэмы А. Белого), философском (формула *язык есть дом бытия* М. Хайдеггера), научном (*язык есть форма, а не субстанция*, по Ф. де Соссюру) и других. М. Редди отнес к этому типу «метафоры канала связи», имея в виду такие формулы, как MEANINGS ARE OBJECTS, LINGUISTIC EXPRESSIONS ARE CONTAINERS и т. п. [Reddy 1979]. На основе этой классификации, а также дополнений к ней у Дж. Лакоффа и М. Джонсона, Й. Ванпарис [Vanparys 1995] предпринял попытку инвентаризации конвенциональных метаязыковых метафор в повседневной английской речи. На широком языковом материале воссоздание концептуальных ролей, образов и метафоризаций языка осуществлено в сборнике [Арутюнова 2000] и в особенности в статье [Демьянков 2000]. В русле концептуального анализа языка выполнена работа [Зыкова 2014], более пристально рассматривающая метаязыковую концептуализацию на примере метафорических моделей VERBAL COMMUNICATION IS... во фразеологии. В работе [Черняков 2007], а также в нашей работе [Фещенко 2009] поднимались вопросы метаязыковой рефлексии в текстах русского и зарубежного авангарда.

В рамках теории лингвокреативности одним из важных понятий и областей изучений является языковая эксперимент как лингвистический поиск потенциальностей на разных уровнях языковой системы, в том числе на уровне концептуализации и метафоризации. В данной статье мы обратимся к проблематике метаязыковой метафоры в том виде, в каком она из области научной лингвистики (научно-лингвистического дискурса) трансформируется в дискурс поэтический (художественно-экспериментальный). Речь пойдет о взаимодействии этих двух дискурсов в американской поэзии языкового эксперимента 1970-х–80-х гг. В эти годы известный когнитивист Дж. Лакофф был вовлечен в дискуссию о так называемой языковой поэзии — авангардном движении в литературе США, пик которого пришелся как раз на восьмидесятые годы одновременно с когнитивным поворотом в науке. Одной из точек соприкосновения этого поэтического направления с современной ему лингвистикой был, с одной стороны, вопрос о концептуальной метафоре, и с другой стороны, вопрос взаимодействия двух функций языка: поэтической и метаязыковой, а точнее вопрос о том, как научно-лингвистические понятия становятся поэтическими метафорами, попадая в художественный дискурс.

Когнитивному повороту, как известно, предшествовали ожесточенные дискуссии о связи языка и сознания между Н. Хомским и его оппонентами. В истории американской теории языка эта эпоха иногда именуется «лингвистическими войнами» [Harris 1993]. Эти дебаты начались в 1967 г., когда Дж. Лакофф с другими учениками Н. Хомского, назвавшими себя «Четырьмя рыцарями апокалипсиса», выдвинули в противовес генеративной грамматике свое учение о генеративной семантике, призвав изучать не синтаксические структуры, а структуры значения в развертывании речи. Из генеративной семантики, как известно, и возникла когнитивная лингвистика Лакоффа–Лэнекера под синхронным воздействием когнитивной психологии и нейрологии.

В те же годы в США набирало обороты «языковое движение» в поэзии. “Language school” объединила в себе даже не одно, а ряд сообществ поэтов в разных точках США. В сущности, это движение — крупнейшее явление в американской авангардной литературе за последние полвека. В 1971 г. выходцы с Западного побережья Р. Греньер и Б. Уоттен начинают издавать поэтический журнал под «дейктическим» названием “This”. В первом его выпуске напечатан манифест Р. Греньера «О речи», сразу же обозначивший лингвистическую заостренность нового дискурса. Лозунгом стала фраза *I hate speech* («я ненавижу речь») — речевой акт, направленный против речи, но в то же время из нее состоящий. **Язык** метафоризируется как «**просыпающийся во снах**»², отвлеченный от повседневной устной речи, положенный на письмо в вербальном эксперименте. «Поэтами языка» под вопрос был поставлен статус высказывания как такового, его принадлежность к речи или языку. Приоритет в этой дихотомии отдается языку как пространству борьбы дискурсов, т. е. речей.

Стоило бы отметить роль в предыстории этого движения поэта Дж. Спайсера. Примечателен он был тем, что некоторое время в молодости занимался академической лингвистикой под руководством З. Харриса. В частности, в своих лекциях он продвигал фантастические идеи о том, что язык является своего рода «оборудованием» для трансмиссии идей из космоса. Но карьера его как лингвиста была короткой, зато лингвистический аппарат вошел впоследствии в его поэтические вещи. В 1965 г. он выпустил поэтический сборник “Language”, части которого носили названия лингвистических дисциплин: морфемика, фонетика, семантика и т. д.; обложка же его повторяла обложку влиятельного научного журнала “Language”. В названии одного из стихотворений

² Здесь и далее шрифтовые выделения полужирным наши — В.Ф.

возникает метафора «**языка вещей**» или «**вещного языка**» (*Thing Language*), указывающего на материальность и объектную ориентированность такого рода поэтического дискурса.

Самоназвание “*language-centered poetry*” («лингвоцентричная поэзия») появилось в 1973 г. в тексте другого калифорнийца Р. Силлимана. На противоположном побережье Америки позже, с конца 1970-х гг. под редакцией Б. Эндрюса и Ч. Бернстина выходит журнал уже с титульным названием движения “*L=A=N=G=U=A=G=E*”. Ч. Бернстин разбивает самоназвание знаками равенства, указывая на эгалитарность членов общества: “*L=A=N=G=U=A=G=E P=O=E=T=R=Y: a loose affiliation of unlike individuals*”. Еще одно наименование этого направления — “*Language writing*”, пожалуй, — наиболее точный термин для обозначения этих литературных практик. Они не сводятся лишь к поэзии, хотя, безусловно, поэтический дискурс первостепенен. Границы между поэзией и прозой, стихом свободным и «несвободным», эссе и трактатом, теорией и практикой здесь принципиально разрушены. Многие из таких текстов пишутся и читаются одновременно и как высказывания, и как метавысказывания, как стихотворения, и как критические эссе. Наименование «**языковое письмо**» — это еще и метаязыковая метафора, в которой совмещаются по-новому два лингвистических термина — *language* и *writing*, порождая в таком метафорическом сочетании смысл «языка как активного агенса письма».

Политический смысл такого радикального письма, учитывая актуальную для США протестную культуру после Вьетнама, — в критике доминирующих дискурсов, переворачивании расхожих речей на уникальный поэтический язык. Очень точно суть «языковой поэзии» передал испытывавший ее воздействие поэт-метареалист А. Парщиков: «“языком” обладали и природные явления, и научные модели, и наше тело, и формы идей, которые жили объективно в особенном “заповеднике”, как в “Мире 3” (*World 3*) Карла Поппера (*Karl Popper*). Американских поэтов язык интересовал как расширитель (*extension*) тела, интеллекта, новых технологий» (цит. по [Бернстин 2020: 399]). Исследовательская (профессорская) деятельность также является для «поэтов языка» важной частью проекта по критике языка. «Исследовательская» означает также и «расследовательская». Одна из важнейших книг “*Language school*” называется “*The Language of inquiry*”. Ее автор Л. Хеджинян прямо заявляет: «...**поэтический язык является языком исследования**» [Хеджинян 1991: 115]. Она обращается к проблеме языка как социального пространства, как философского поиска и как политической прагматики.

Будучи одним из лидеров «Языкового движения», Л. Хеджинян в своем обзоре исторического контекста «Языковой школы» указывает на некоторые константы, объединяющие самых разных авторов, работающих в этом направлении: пересечение эстетического и этического, изоморфность эстетических и социальных поисков, новые пути мышления, новые взаимосвязи между компонентами мысли и письма [Хеджинян 2012]. Одним из прокламируемых тезисов новой поэзии служит **ЯЗЫК КАК СОЦИАЛЬНАЯ ПРАКТИКА**, структура языка как социальная структура. Цитируя в одном из эссе лингвиста и политического публициста Н. Хомского, «языковой поэт» Б. Перельман выражает свой сатирический подход к политике языка, используя военную метафору:

*Question: How you tell a language from a dialect? Answer: A **language is a dialect that has an army and a navy** [Perelman 1983: 68].*

Критика языка как политического медиума свойственна практически всем представителям «языкового движения». Военный дискурс будет нередко медиатором между лингвистическим и поэтическим, а многие метаязыковые метафоры имеют своей source domain именно военное дело.

Так, определения войны в «Рассказах о войне» Чарльза Бернстина звучат как фрагменты разнокалиберных дискурсов — от обыденного и логико-философского до юридического и геополитического, с включением поэтических метафор посреди всей этой разноголосицы:

Война — это мы; Война — наша единственная надежда; Война — прагматизм с нечеловеческим лицом; Война — логический итог моральной правоты; Война — главное оружие революции, никогда не достигающей своей цели; Война — медленный челн в рай и поезд-экспресс в ад [Бернстин 2020: 177–178, 180, 182].

В конечном счете, для поэта языка **ВОЙНА — ЭТО СПОСОБ ПИСЬМА**:

Война — продолжение прозы другими средствами [Там же: 177].

Переводчик Ч. Бернстина на русский Я. Пробштейн отмечает, что основное поэтическое орудие Бернстина — «**язык, острый как бритва**». Если понимать эту метафору буквально, такое языковое письмо действительно заточено на прорывание гладких поверхностей обыденной речи, оно часто физически «режет слух» дисгармоничной грудой слов. Но язык «заострен» здесь и в другом смысле — в своем острословии, порой почти «джойсовском» и «паундовском», нацеленном на осмеяние слов, дискредитацию дискурсов. Язык здесь находится «на острие» критики, совершаемой поэтическим жестом.

Б. Уоттен описывает движение языковых поэтов как новый «**поворот к языку**» [Watten 2002]. Если первый «лингвистический поворот» был заявлен Р. Рорти в 1967 г. ретроспективно по отношению к философии языка Л. Витгенштейна, то в 1960–70-е гг. в западной интеллектуальной культуре заявлял о себе новый виток этого поворота, связанный с акционально-прагматическим вектором. Здесь стоило бы отметить, насколько важными для Б. Уоттена, Ч. Бернстина и многих других были в 1970-е гг. научные концепции Р. Якобсона и Н. Хомского. Одновременно с «лингвистическими войнами», имевшими место в США в 1970–80-е гг. между представителями генеративной грамматики и ее критиками, «Языковая школа» вела войны поэтические, подчас заручаясь поддержкой именитых лингвистов и философов.

Для поэтов группы “L=A=N=G=U=A=G=E” статья Р. Якобсона «Лингвистика и поэтика» стала едва ли не программной. Ч. Бернстин отмечает, что среди лингвистов заметнейшее влияние на него оказал Р. Якобсон с концепцией поэтического языка как «вербального языка, выдвигающего в центр свои материальные (акустические и синтаксические) признаки, обеспечивая понимание поэзии как не столько передатчика сообщений, сколько медиума самого вербального языка» [Bernstein 2016: 80]. Самого Ч. Бернстина как поэта интересует язык не только как форма или структура (хотя и формальные, и структурные его черты, безусловно, обнажаются). Для него важен ЯЗЫК КАК АРЕНА ДЛЯ СТОЛКНОВЕНИЯ ДИСКУРСОВ. В том числе столкновения языка и метаязыка, описания и метаописания. Интересуют его не хомскианские «глубинные структуры» как научно сконструированные системы, а языковые частности (particulars), как об этом говорится в тексте «Palukaville»:

Truthfulness, love of language: attending its telling [Bernstein 2000: 146].

Одна из визитных карточек Ч. Бернстина — «Размышления об очищении», начинающиеся со слов: Я тащусь от *ланга*, но не врубаюсь в // *Пароль* [Бернстин 2020: 106]. Из сосюрговской дихотомии выбирается именно “langue”, т. е. система, часто не ощущаемая говорящим, но определяющая правила выбора языковых элементов, то, что мы слышим на улице, — речь (“parole”). Попадая в поэтический текст, эта речь обретает внутренность, связанность на уровне целого. Это, с одной стороны, момент хайдеггеровского перехода от толков («болтовни») к «языку как дому бытия», а с другой — беньяминовский перевод с «языка вещей» на «язык как таковой». “Parole” — центробежна, “langue” — центростремительна:

Поскольку центростремительность подвергает сомнению речевую мощь языка (речь — это «копченая селедка», тайна заблуждений стиха),

поскольку, в таком случае, стихотворение, благодаря языку, обладает способностью к исчезновению, ничто в нем уже нельзя ошибочно принять за нечто твердое, объективированное, овеществленное [Бернстин 2020: 391].

В другом его тексте встречается концептуальная метафора ЯЗЫКА КАК АЛЬБАТРОСА: *Язык — это альбатрос, тяжелый крест, место утрат* [Бернстин 2020: 292]. Возможно, в том смысле, что в языке слишком мало места, чтобы хранить все разнообразие жизни. Но поэзия языка, которая, согласно Ч. Бернстину, написана «на языке и для языка», спасительна для самого языка, так как сжимает весь опыт в тесный архив стихового ряда.

Поэзия, говорится в тексте «Испытание знака», — «традиционная форма нетрадиционного мышления» (*Poetry is patterned thought in search of unpatterned mind*). Для «языковой поэтики» характерно и внимание не только к метафоре лингвистической, но и к концептуальной метафоре как оператору языкового мышления. Сближение Дж. Лакоффа с «языковыми поэтами» объяснялось, конечно, не только дебатами по поводу языка и сознания, но и взаимным интересом к проблеме концептуальной метафоры как оператору языкового мышления и социального действия. В начале 1980-х гг. выходят работы Дж. Лакоффа о теории метафоры, а в 1989 г. — книга о поэтической метафоре как когнитивной схеме [Lakoff, Turner 1989].

Никогда не фигурировав в роли литературного критика, Дж. Лакофф, тем не менее, в середине восьмидесятых годов выступил в печати с рядом полемических статей в защиту экспериментальных «лингвоцентричных» поэтов. В это время «Языковое движение» атаковала доминирующая литературная критика США, упрекая их в нарушении границ поэзии и слишком пристальном внимании к языку. Дж. Лакофф заступает за «поэзию языка» с высоты своего научного авторитета. Одна из таких его статей называется “On whose authority?»; в ней обсуждается вопрос о статусе авторства в новой поэзии и о статусе авторитета в поэтическом высказывании. *What they have done is to create a genre of discourse about poetry by the people who create the poetry* [Lakoff 1985: 4], отмечает он в отношении поэтов. «Языковое письмо», подчеркивается здесь, с его дискурсивной гибридностью направлено против авторитета внешнего контроля, будь то власть, иерархичность, каноны и, в конечном счете, сам язык как инструмент этого контроля. Поэтому главной темой и одновременно объектом критики в этой поэзии является **язык как таковой, язык как иерархия и язык как набор предустановленных значений:**

Language poetry is seen as a political act in the deepest sense, the reclaiming of the territory of language itself [Lakoff 1985: 5].

В программных документах «языковых поэтов» обсуждаются многие категории современной лингвистики: текст и контекст, синтаксис и семантика, поэтическая функция языка и т. д. С самых первых печатных выступлений этих авторов под вопрос ставится референциальность как лингвистический механизм связывания слов и значений. Семиотике референции как конвенционального соотношения формы и значения здесь противопоставляется поэтика сигнификативной волатильности, позволяющая читателю самому достраивать контекст исходя из читаемого текста. Дж. Лакофф отмечает близость этой поэтики своей собственной теории значения, формируемого не конвенциональной референцией знаков, а фреймированием реальности в тексте:

The fact that framing is central to meaning is one of the irremediable problems with the referential theory. It is thus no accident that framing plays such a large role in language poetry [Там же].

Но в поэзии «языкового движения» фрейминг осуществляется не так, как в поэзии классической или в обыденной речи. Дж. Лакоффом ставится вопрос:

Should there be one unified overall framing, or lots of partial ones, or no single one that is fixed or intended [Там же].

Приводятся в пример тексты поэта М. Палмера, у которого фреймы образуются самим устройством языка. Такими фреймами могут быть синтаксис, идиомы, речевые акты, дискурсы и т. д.

Две важных константы языкового письма, характеризующих практически всех его представителей: 1) язык — это прежде всего социальная практика; 2) проза необязательно не является поэзией. Вдохновляясь, в частности, теорией В. Волошинова, языковые поэты считают свои тексты частью социальной коммуникации посредством языкового эксперимента. Ссылаясь на марксистскую философию языка В. Волошинова, Р. Силлиман называет поэзию «философией языковой практики», которая требует:

(1) осознать историческую природу и структуру референциальности, (2) вынести вопрос о языке и о подавляемом означаемом в центр программы и (3) поместить программу в контекст осознанной классовой борьбы [Силлиман 2022: 567].

В «языковой поэзии» концептуализируется и категоризируется, таким образом, сам язык, как в этом фрагменте из стихотворения М. Палмера “Notes for an echo lake”: *An eye remembers history by the pages of*

the house in flames, / rolls forward like a rose, head to hip, recalling words by their accidents. Синтаксис здесь вполне когерентен на локальном уровне, но значения и образы наслаиваются друг на друга, сдвигаясь от фрейма к фрейму. В другом стихотворении М. Палмера (*Someone identical with Dante / sits besides a stone. Enough / is enough is enough of. / It's odd that your hand feels warm / (snow carefully falling)*), по словам Дж. Лакоффа, синтаксическая синкопа *enough is enough of*, указывающая на фрейм фрустрации, перемежается с фреймом самого синтаксиса речи, а также с фреймом идиомы *enough is enough*. Поэтическая строка переключает фреймы самой своей уникальной структурой, в силу поэтической функции, сосредотачивающей сообщение на самом себе, как бы фреймирует, дефреймирует и рефреймирует сами фреймы. Сами границы фреймов как участков опыта в сознании оказываются в фокусе высказывания. Поэтому такая саморефлексирующая поэзия называется Дж. Лакоффом искусством «непрерывного рефрейминга» (“continuous reframing”) [Lakoff 1982]. Заметим, что поэтический сборник Б. Уоттена 1997 г. “Frame” назван с явной установкой на теорию фреймов; название другой его поэтической книжки, “Conduit”, явно отсылает к метаязыковой метафоре ЯЗЫКА КАК ПРОВОДНИКА, о которой писали лингвисты М. Редди, Дж. Лакофф и М. Тернер.

Неслучайна близость и дружба Ч. Бернстина с Дж. Лакоффом. В цикле Ч. Бернстина “Recalculating” есть два стихотворения про «пудинг»: “Truth in Pudding” и “How Empty is My Bread Pudding”. Второе посвящено самому Дж. Лакоффу и названием отсылает к его концепции метафор-контейнеров. Оба текста — собрание афоризмов, построенных сходно пространственным когнитивным метафорам, например, о поэзии как террасе:

Imagine poetry as a series of terraces, some vast, some no bigger than a pinprick, overlooking the city of language. The sound and light show begins in the dark: sentences dart by, one by one, forming wave after wave of the rag and bone shop of the quotidian, events passing before our eyes like the faint glimmer of consciousness in an alcoholic stupor. Facts, facts everywhere but not a drop to drink [Bernstein 2013: 17].

Метафора для Ч. Бернстина часто концептуальна, т. е. не просто связывает две непохожие сущности, а связывает их в акте мышления, в акте самого письма. Сходство как основание обычной метафоры ставится под сомнение. Метафора здесь строится как паратаксис:

the blame is like the blame / the guilt is like the guilt / the quilt is like the quilt / the blank is like the blank / the end is like the end / the loop is like the loop / the there is like the there / the here is like the here / the how is like the how / the now is like the now [Bernstein 2005: 154–155].

Да и сама метафора подвергается метаостранению:

There ain't nothing like a metaphor / nothing in this world. / There ain't nothing you can name / that is anything like a metaphor [Bernstein 2013: 131].

Р. Якобсон отмечал в уже упоминавшейся статье, чем отличается поэтическая функция языка от метаязыковой функции: «Могут возразить, что метаязык также использует эквивалентные единицы при образовании последовательностей, когда синонимичные выражения комбинируются в предложения, утверждающие равенство: $A = A$ (“Кобыла — это самка лошади”). Однако поэзия и метаязык диаметрально противоположны друг другу: в метаязыке последовательность используется для построения равенств, тогда как в поэзии равенство используется для построения последовательностей» [Якобсон 1975: http]. Имеется в виду, что метанаучные высказывания (как, например, словарные дефиниции) устанавливают на синтагматической оси тождество различных имен объектов (как в приведенном примере о «кобыле»), а поэтические высказывания размещают на синтагматической оси подобные имена из единой парадигмы (как, к примеру, в стихотворении В. Хлебникова «О, рассмейтесь смехачи», где подобными являются и звуки, и корни слова *смех*). Однако, как показал ряд лингвистических исследований последнего времени, метаязык и метаязыковая рефлексия стали органичной частью поэтического языка, начиная с литературы авангарда. Примером тому может служить фраза из стихотворения Г. Стайн *Rose is a rose is a rose is a rose*, в которой реализуются оба принципа построения высказывания. В текстах поэтов «Языковой школы», особенно у Ч. Бернстина, функции поэтическая и метапоэтическая совмещаются часто в пределах одного текста и даже одного высказывания-строки. Этот принцип порождает сквозную самореференцию и метатекстуальность, как в тексте «Эта строка»:

This line is stripped of emotion. / This line is no more than an / illustration of a European / theory. This line is bereft / of a subject. This line / has no reference apart / from its context in / this line. This line / is only about itself [Bernstein 1999: 315].

В заключение отметим, что «языковых поэтов» и когнитивных лингвистов роднит не только внимание к метафоре как оператору мышления, — а у некоторых русских поэтов, ориентированных на языковое письмо, как А. Парщиков и А. Драгомощенко, в этой роли выступает метабола, — но и к языку как медиатору между когницией и эстетизмом, между опытом и сознанием, между поэтической и метаязыковой функциями языка.

Литература и источники

- Арутюнова Н.Д.* (ред.) *Язык о языке. Сб. статей.* М.: Языки русской культуры, 2000.
- Бернстин Ч.* *Испытание знака: Избранные стихотворения и статьи.* М.: Русский Гулливер; Центр современной литературы, 2020.
- Демьянков В.З.* Семантические роли и образы языка // *Язык о языке. Сб. статей* / Ред. Н.Д. Арутюнова. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 193–270.
- Зыкова И.В.* Роль концептосферы культуры в формировании фразеологизмов как культурно-языковых знаков. Дисс. ... д-ра филол. наук. М., 2014.
- Силлиман Р.* Растворение слова, сотворение мира // *От «Черной горы» до «Языкового письма»: Антология новейшей поэзии США* / Ред.-сост. Я. Пробштейн, В. Фещенко. М.: Новое литературное обозрение, 2022. С. 557–566.
- Фещенко В.В.* *Лаборатория логоса. Языковой эксперимент в авангардном творчестве.* М.: Языки славянских культур, 2009.
- Хеджинян Л.* Композиция клетки // *Митин журнал.* 1991. Вып. 41. С. 115–128. (<http://www.vavilon.ru/metatext/mj41/hejinian.html> (дата обращения: 17.10.20))
- Хеджинян Л.* Варварство // *Новое литературное обозрение.* 2012. № 113. С. 253–263.
- Черняков А.Н.* *Метаязыковая рефлексия в текстах русского авангардизма 1910–20-х гг.: Дисс. ... канд. филол. наук.* Калининград, 2007.
- Якобсон Р.О.* Лингвистика и поэтика // *Структурализм: «за» и «против».* Сб. ст. М.: Прогресс, 1975. URL: <http://www.philology.ru/linguistics1/jakobson-75.htm>.
- Bernstein Ch.* *My Way: Speeches & Poems.* Chicago: University of Chicago Press, 1999.
- Bernstein Ch.* *Republics of Reality: 1975–1995.* Los Angeles: Sun & Moon Press, 2000.
- Bernstein Ch.* *Girly Man.* Chicago: University of Chicago Press, 2005.
- Bernstein Ch.* *Recalculating.* Chicago: University of Chicago Press, 2013.
- Bernstein Ch.* *Pitch of Poetry.* Chicago: University of Chicago Press, 2016.
- Harris R.A.* *The Linguistics Wars.* Oxford: OUP, 1993.
- Lakoff G.* *Continuous Reframing* // *Poetics Journal.* 1982. 1:1. P. 68–73.
- Lakoff G.* *On Whose Authority?* // *Poetry Flash.* 1985 (June). 147. P. 5–7.
- Lakoff G., Turner M.* *More Than Cool Reason: A Field Guide to Poetic Metaphor.* Chicago: University of Chicago Press, 1989.
- Perelman B.* *Words Detached from the Old Song and Dance* // *Code of Signals: Recent Writings in Poetics* / Ed. by M. Palmer. Berkeley: North Atlantic Books, 1983. P. 68–79.
- Reddy M.* *The Conduit Metaphor — A Case of Frame Conflict in Our Language about Language* // *Metaphor and thought* / Ed. by A. Ortony, Cambridge: Cambridge University Press. 1979. P. 284–324.
- Vanparys J.* *A Survey of Metalinguistic Metaphors* // *By Word of Mouth: Metaphor, Metonymy and Linguistic Action in a Cognitive Perspective* / Goossens L. et al. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 1995. P. 1–34.
- Watten B.* *The Turn to Language and the 1960s* // *Critical Inquiry.* 2002. 29. P. 139–183.

ИССЛЕДОВАНИЕ ДИНАМИКИ КОМПАРАТИВНЫХ ТРОПОВ В СОВРЕМЕННОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЕ: КОРПУСНЫЙ ПОДХОД (НА МАТЕРИАЛЕ ФИТОМОРФНЫХ ТРОПОВ)¹

Н.А. Николина

Московский педагогический государственный университет, Москва

З.Ю. Петрова

Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, Москва

Н.А. Фатеева

Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, Москва

В статье рассматриваются компаративные конструкции (метафоры и сравнения), включающие наименования растений в качестве образов сравнения, в современной русской прозе. Актуальность исследования определяется необходимостью многоаспектного описания метафорической картины мира современной литературы. Цель работы — выявление динамики компаративных тропов в современных прозаических текстах по сравнению с произведениями предшествующего периода. В качестве материала исследования использовались произведения современных прозаиков: Ю. Буйды, А. Иванова, А. Матвеевой, О. Славниковой, Г. Яхиной и др. В ходе анализа материала используются структурно-семантический и корпусный методы, а также обращение к компьютерному интерактивному словарю тропов русской художественной литературы. В результате анализа был сделан вывод, что, с одной стороны, в текстах современной художественной прозы сохраняются традиционные образные параллели, с другой стороны, появляются новые образы сравнения семантического класса «Растения», отсутствовавшие ранее. Одновременно с образами сравнения расширяется состав предметов сравнения, при этом наблюдается усиление антропоцентризма. Характерной особенностью современной русской прозы является тенденция к снижению образа.

Ключевые слова: *компаративная конструкция, метафора, сравнение, современная проза, динамика, образ сравнения, предмет сравнения.*

COMPARATIVE TROPES' DYNAMICS IN MODERN PROSE: A CORPUS APPROACH (BASED ON THE MATERIAL OF PHYTOMORPHIC TROPES)

Natalia A. Nikolina

Moscow Pedagogical State University, Moscow

Zoya Yu. Petrova

Vinogradov Russian Language Institute, Russian Academy of Sciences, Moscow

Natalya A. Fateeva

Vinogradov Russian Language Institute, Russian Academy of Sciences, Moscow

---

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РФ, проект № 23-28-00060 «Динамика компаративных конструкций и типы их взаимодействия в современной русской прозе».

The article deals with comparative constructions (metaphors and similes) including the names of plants as images of comparison, in modern Russian prose. The relevance of the study is determined by the need for a multidimensional description of the metaphorical world image of modern literature. The purpose of the work is to reveal the dynamics of comparative tropes in modern prose texts in comparison with the works of the previous period. As research material, the works of modern prose writers were used: Yu. Buyda, A. Ivanov, A. Matveeva, O. Slavnikova, G. Yakhina, etc. In the course of the analysis of the material, structural-semantic and corpus methods are used, as well as an appeal to a computer interactive dictionary of tropes of Russian literature. The analysis has shown that, on the one hand, traditional figurative parallels are preserved in the texts of modern fiction, on the other hand, new images of comparison of the semantic class “Plants” emerge. Simultaneously with the images of comparison, the composition of objects of comparison is expanding, while an increase in anthropocentrism is observed. A characteristic feature of modern Russian prose is the tendency to lower the image.

Keywords: *comparative construction, metaphor, simile, modern prose, dynamics, image of comparison, object of comparison.*

Одной из задач лингвистической поэтики является исследование эволюции образных средств языка художественной литературы, в частности метафор и сравнений. Развитие компаративных структур в художественной речи XIX–XX вв. было предметом изучения в ряде работ (см., например, [Кожевникова 1995; Петрова 2013] и др.). В то же время недостаточно исследован в этом аспекте литературный период конца XX — начала XXI вв. Детальному описанию эволюции как образов, так и предметов сравнения компаративных тропов способствует обращение к современным электронным ресурсам, которые предоставляют большие массивы языкового материала. Это, во-первых, Национальный корпус русского языка [НКРЯ], во-вторых, специально разработанный коллективом исследователей Института русского языка имени В.В. Виноградова РАН «Интерактивный словарь компаративных тропов», в котором осуществляется описание семантической системы тропов в ее развитии [Петрова, Ребецкая, Фатеева 2021]. Словарь позволяет сопоставлять разные временные срезы в развивающейся системе метафор и сравнений.

Цель статьи — выявить на основе данных, полученных из Интерактивного словаря и НКРЯ, динамику компаративных тропов в современной русской прозе, при этом материалом для исследования служит один фрагмент системы тропов — фитоморфные образы.

Тропы, включающие образы растений, неоднократно привлекали внимание лингвистов. Фитолексика в составе метафор и сравнений рассматривалась в разных аспектах: как фрагмент национальной картины мира, в том числе в сопоставительном аспекте [Мусаева 2005; Пак

2006; Балашова 2014; Гарбуйо 2014; Кропотухина 2014; Кондратьева 2015], в художественном дискурсе на материале различных идиостилей [Дьяченко 2010; Камаль, Чарыкова 2011; Варларо 2019; Соколова 2020]. В русской художественной речи тропы, включающие образы растений, изучались в основном на материале поэтических текстов (см., например, [Биджиева 2010]). Метафоры и сравнения с образами растений получили отражение в словарях [Павлович 1999; Кожевникова, Петрова 2015]. В то же время компаративные конструкции с фитонимами в качестве образов сравнения недостаточно изучены на материале текстов современной русской прозы, которые анализируются в нашей работе.

Материалом для исследования служат произведения Ю. Буйды, А. Иванова, А. Матвеевой, О. Славниковой, Г. Яхиной, М. Степновой, Ш. Идиатуллина и др.

Семантический класс наименований растений — образов сравнения компаративных конструкций — включает несколько групп субстантивов: «Деревья и кустарники», «Цветы», «Овощи», «Фрукты», «Ягоды», «Травы», «Грибы» и др., а также лексические единицы, обозначающие части растений: *корень*, *ствол*, *ветки*, *стебель* и др. Ядром образного поля является родовое слово *растение*. Выделенные группы в текстах современной прозы примерно совпадают по количеству употреблений.

Для современной русской прозы характерно расширение круга видовых обозначений растений и появление в их составе новых элементов. Так, слово *растение* ранее сочеталось с определениями *тепличное*, *молодое*, *нежное*, *пересаженное*, *ползучее*. В современных текстах слово *растение* конкретизируется за счет новых указаний на вид: *комнатное растение*, *зонтичное растение*, *тропическое растение*, например:

(1) *У Маньки надо лбом росла непокорная прядь волос, которую, чтобы кое-как пригладить и уложить в прическу, надо было обильно намочить водой и прищипить заколкой. В минуты крайнего волнения эта прядь развевалась над Маней грозным ирокезом. Вот и сейчас боевой чубчик восстал над моей подругой, как большое соцветие **зонтичного растения*** (Н. Абгарян. Манюня).

(2) *Уши, напоминающие **тропические растения**, богато увитые лиловыми венами, без остановки шевелились, разворачиваясь, как радиолокаторы* (Е. Каминский. Чудотворец).

Многочисленные видовые определения характеризуют также слово *куст*:

(3) *Висит рубашка среди невзрачных сорочек, как яркое пламя, алеет, как **розовый куст** посреди зимы* (Д. Гаврилова. Бабье счастье).

(4) *Возившаяся на кухне старуха, тощая, как осенний **крушиновый куст**, даже не взглянула на Баха (Г. Яхина. Дети мои).*

(5) *Без расставания с Тamarой Крылов не мог обойтись: внутреннее событие, никем не опознаваемое и никем не засвидетельствованное, казалось ему более насущным, чем памятная явка к районному судье, где их разводили за закрытыми дверями, то и дело путая Крылова с корректным, подстриженным, как **парковый куст**, Тамариным охранником (О. Славникова. 2017).*

Видовые обозначения в составе тропов часто представляют собой названия сортов и других конкретных разновидностей растений, которые модифицируют создаваемый образ, например:

огурец — огурец-семенник, позднеспелый огурец:

(6) *Фигура у Лапова была действительно выдающейся: высокий, около метра девяносто, покатые плечи штангиста, налитые силой мясистые руки и ноги, пузо, способное двигать атмосферу, и вместительная голова в форме **огурца-семенника**, — не фигура, а воплощение природной, внушающей уважительный страх мощи (Г. Сабуров. Пешком по волнам).*

(7) *Только в одном я ошибся, — подумал Аркадий, — этот **позднеспелый огурец** не в долю хочет, а получить за расписку сразу (А. Салуцкий. Немой набат).*

арбуз — гулистанский арбуз, лиманский арбуз:

(8) *Однако было заметно, почти зримо: в его крупной, стриженной налысо голове, похожей на спелый **гулистанский арбуз**, всегда копошились какие-то мысли, которые, я был уверен, не всегда связывались с темой общего разговора, с местом нашего расположения (Л. Нетребо. Люгру).*

(9) *Щеки, как у бульдога, подбородков три, глаз сразу не видно (жиром заплыли?), грудь словно два **лиманских арбуза**, зад скорее напоминает корму небольшого баркаса (А. Белянин. Свирепый ландграф).*

Семантические подгруппы образов сравнения компаративных тропов в современных прозаических текстах пополняются новыми элементами, которые не отмечались в предшествующий период, например:

— в подгруппе «Фрукты» появляются образы сравнения киви, хурма:

(10) *Смеялись и обе дамы, у Ирэн личико было смуглое, измятое, точно подгнившее **киви** <...> (С. Шаргунов. Ура!).*

(11) *<...> спрятавшись в ванной, Людвиг тем не менее не закрыла щеколду, и ночной принц явился к ней, как она и ждала, наверное, стукнувшись о распаренное после ванны, пахнущее шампунем тело в халатике, неви-*

*димое, сочащееся чувственностью, как перезрелая **хурма**, принесенная с мороза на теплую кухню (Ада Самарка. Муха-цокотуха).*

— в подгруппе «Ягоды» — *голубика, ежевика, облепиха, шелковица:*

(12) *<...> на бёдрах, на внутренней стороне, на кипенной нежной коже чернеют родинки двумя смоляными каплями, точно ягодки **голубики** топяной — Тамара зачем-то стыдилась до слёз этих родинок и платиц коротких не надевала (Саша Миндориани. Надбавка за север).*

(13) *Все твое тело и лицо покрыто гроздьями огромных голубоватых бородавок на высоких ножках, не человек — **ягода ежевики** (А. Федорченко. Спички).*

(14) *<...> а Зина тем временем разглядывала ее некрасиво оттопыренные уши, куда-то набок, медленной гусеницей уползающий рот и два расплывшихся, как раздавленная **шелковица**, иссиня-черных глаза (М. Вишневецкая. Вот такой гобелен).*

— в подгруппе «Деревья» — *эвкалипт:*

(15) *Но Крупский только весь, как **эвкалипт** на ветру, завибрировал, даже как будто загромыхал... а ей нравилось (М. Вишневецкая. Вот такой гобелен).*

Компаративные тропы, включающие образы сравнения, в современной прозе носят преимущественно антропоцентрический характер. Предметами сравнения выступает человек: его внешность, части тела, особенности поведения:

(16) *Тело её (фигура) напоминало ему свилеватый, непредсказуемый **саксаул** (В. Шапко. Дырявенький кинематограф).*

(17) *К ней ездил мужик из Донецка, мне бабла сунул. Башка у него желтая и голая. Башка — как **ягодка алычи**, Серег. Мужик-то ей подарки делал (С. Шаргунов. Ура!).*

(18) *Вот Танька, такая злюка, такая **агава**, а когда приступает к супружеским обязанностям, превращается в кису-ласку (В. Аксенов. Таинственная страсть).*

(19) *Выскочило название передачи — «Завтречко», и в этот же момент муха села на зрачок, прилипла, и ресницы начали заворачиваться на нее, как **жгутики росянки** (В. Пелевин. Generation «П»).*

(20) *Хозяйка продаваемой собственности была почти бестелесная старушка с лицом как **прелая роза**, одетая в девичье платье ветхого шелка (О. Славникова. 2017).*

Если в предшествующий период развития русской литературы компаративные тропы с образами растений часто характеризовали внутренний мир человека, его эмоции, душу, сердце, мысли (см., например, статьи ДУША, СЕРДЦЕ, УМ, МЫСЛЬ, МЕЧТА, ЛЮБОВЬ и др. в словаре [Кожевникова, Петрова 2015]), то в современной прозе они преимущественно используются для характеристики внешности человека, в том числе телесного низа, например:

(21) *Много лет Ведерников видел Аслана только в проекции сверху: обретающая башка симпатичного кавказца была в точности того же размера и почти того же цвета, что светивший над ней синюшный фонарь, и, когда Аслан, распахнув водительскую дверь и не присаживаясь, гудком торопил женщину, задница его напоминала **тыкву** (О. Славникова. Прыжок в длину).*

(22) *Полковник стоял за оградой, вытягивая шею, не в силах оторвать взгляда от полных бедер, спелых и покатых, как медовые **груши** (Д. Липскеров. Сорок лет Чанчжоз).*

(23) *На одном из деревьев, привязанный веревкой к поперечно-полосатому стволу, сидел и специальной ножовкой пилил сухие ветки мальчик. Юноша? В любом случае выглядел он неожиданно: старые голубые джинсы обрезаны настолько коротко, что Мине снизу были отлично видны две ровные половинки, округлые и темно-золотистые, словно гигантский **персик** (Т. Орлова. Ловушка для ящериц).*

(24) *Ольга Веретенникова по прозвищу Тарзанка напрочь опровергала эту легенду, прыгая и головой и задницей на специально расстеленную на воде газету и вылезая на берег с целехоньким черепом, неповрежденным позвоночником и даже без синяка на заднице, похожей на золотую от спелости крупную **сливу**, разделенную бороздкой на две равно прекрасные половинки (Ю. Буйда. У кошки девять смертей).*

В то же время в современных прозаических текстах нередко наблюдается расширение круга предметов сравнения, соотносящихся с одним образом. Так, если ранее образ *баклажана* характеризовал нос как деталь внешнего облика человека, то в настоящее время этот образ распространяется на такие части тела, как *глаз*, *волосы*, *лицо* и др., ср.:

(25) *Под этим лопухом сизое, озябшее лицо старушки, с носом вроде созревающего **баклажана** <...> очень смахивает на великолепный гриб-дождевик (Ф. Крюков. 1916).*

(26) *Валькирия подула на Эдиков **глаз**, похожий на лопнувший **баклажан**, и через мгновение Сила Грязнов смотрел двумя одинаковыми маленькими злыми **глазенками** (Л. Петрушевская. Маленькая волшебница).*

(27) Когда Ирина увидела его впервые, волосы уж не те были. А раньше сияли как **баклажан** (Н. Черных. Пассажир).

(28) Лицо-**баклажан** в чалме, разрывающая напополам это разрисованное полотно музыка, Бах, озаренное светом лицо Йегуди Менухина, с которым потом он сидел за одним столом, говорил о Палестине <...> (М. Кучерская. Тетя Мотя).

Основаниями сравнения в рассматриваемых компаративных тропях служат:

— цвет:

(29) Отец Натальи похож на **баклажан**, который еще только сунули в духовку, — он уже темнеет, но еще не черный, при этом ярко-синий цвет ушел, уступив место пепельности (В. Лорченков. Копи Царя Соломона).

— форма:

(30) Автобус, круглый, как **тыква**, стоял у обочины, дожидаясь меня (А. Рекемчук. Мамонты).

— характерные свойства растений:

(31) — Боже мой! — ахнула Зара. — Это пожар какой-то! — А по характеру вообще — огонь, острый **перец!** — заметил Натан (Д. Рубина. Русская канарейка. Блудный сын).

(32) Белосельцев издали углядел Прокурора, его дряблое, как остывший кисель, лицо, маслянистые, как **ягодки облепихи**, глазки, белесую лысеющую голову, напоминающую кукурузный початок в путанице блеклых волосьев (А. Проханов. Господин Гексоген).

— процессы, происходящие с растениями:

(33) В техническом смысле Ведерников, да, прыгнул, хотя из зависания, едва пощекотавшего диафрагму, его оборвало вниз, будто переспевшую **грушу** (О. Славникова. Прыжок в длину).

(34) Я в двадцать шесть и я нынешняя — как свежий **персик** и **сухофрукт** (Е. Колина. Дневник измены).

— ассоциации, связанные с определенными растениями:

(35) — По-вашему, я могу ему угрожать? Он беззащитен, как **одуванчик**. Или как овечка в глухом лесу (В. Левашов. Заговор патриота).

— запах:

(36) На этот раз он был в прекрасном светло-сером костюме из тонкой шерсти и благоухал, как **майская роза** (Н. Леонов, А. Макеев. Ментовская крыша).

(37) Благоухая, как свежесрезанный **нарцисс**, и абсолютно нагой, я вышел в коридор (И. Бахтина. По пути в никуда).

Различные основания сравнения могут взаимодействовать друг с другом в одном контексте:

(38) *Смуглая, как **лесной орех**, и такая же круглая, аптекарша выдавала препарат с неудовольствием* (В. Галактионова. 5/4 накануне тишины).

(39) *Если кто-то из девочек оказывался виноват перед ней, Любка без церемоний заворачивала подруге руку за спину и пинала ее, согнутую, маленьким, как **орех**, удивительно твердым коленом* (О. Славникова. Стрекоза, увеличенная до размеров собаки).

(40) *Олег протянул руку и осторожно погладил Гюзель по волосам. Потом так же осторожно коснулся ее губ. Они дрогнули и раскрылись, как **тюльпан** навстречу весеннему солнцу. Такие же алые, сочные и чуть влажные* (В. Мясников. Водка).

Основания сравнения в современной прозе по сравнению с предшествующей традицией могут обновляться, приобретая индивидуально-авторский характер. Так, например, образ сравнения *лопух*, традиционно характеризовавший уши по форме, в произведении О. Славниковой получает новое основание, связанное со звуком, ср.:

(41) *<...> красные уши Емельяна торчали, как два **лопуха** <...>* (А. Чехов. 1888).

(42) — *Не подскажите, который час? — обратился он к подпертому кулаком бескровному уху, покрытому жесткими белыми волосками и, казалось, способному **шуршать** на манер **лопуха*** (О. Славникова. 2017).

Образ сравнения *яблоко*, имевший преимущественно основания по форме, цвету и фактуре, также получает новое индивидуально-авторское основание, ср.:

(43) *Румяный, крепкий, как **яблоко-боровинка**, встряхивает Яша стриженными под польку волосами* (Е. Замятин. 1922)

(44) *Черт возьми, я уже полчаса лежу перед тобой **голая**, как **яблоко**, а ты этого, кажется, даже не замечаешь! А ведь завтра рано вставать <...>* (Ю. Буйда. Стален).

Образы сравнения в рассматриваемых компаративных конструкциях регулярно сопровождаются распространителями, круг которых в современных прозаических текстах расширяется. Например, разнообразные определения, распространяющие слово *груша* в функции образа сравнения:

(45) *Кожа у Матвейки коричневая, как **подгнившая груша**, и в складках её местами что-то белеет* (Ю. Лунин. Три века русской поэзии).

(46) *А Серега Лебедев прошел большую школу ненависти, его тренировали все — и чечен Муса, с носом как **гнилая груша** и собачьей шерстью на щеках* (О. Славникова. Прыжок в длину).

(47) *Вдруг толстый медик живо повернулся от каталки, смешно перебрал ногами, похожими на **рыхлые груши*** (О. Славникова. Прыжок в длину).

(48) *Я подбросил Тою высоко вверх, и малыш, взвизгнув, **тяжелой теплой грушей** упал мне в ладони* (В. Скрипкин. Тинга).

(49) *Полковник стоял за оградой, вытягивая шею, не в силах оторвать взгляда от полных бедер, спелых и покатых, как **медовые груши*** (Д. Липскеров. Сорок лет Чанчжоэ).

(50) *На мгновение Виктору стало стыдно — при мысли о том, что на него, может быть, смотрит сейчас старый граф Александр Алексеевич — или его сухая, чопорная, с мелко нагофренными волосами жена... но уже в следующую секунду он еще больше рассердился — уже на себя, за свое смущение — и затряс Матвея, как **недозрелую грушу*** (С. Бабаян. Господа офицеры).

Для современной русской прозы в целом характерна тенденция к снижению образа, что находит отражение в частности в использовании жаргонных, просторечных номинаций растений, характеризующих человека (некоторые из них встречались и в текстах предшествующего периода):

(51) *Ты претерпеваешь в незаслуженном небрежении, а я — ничтожество, **бамбук**, несостоятельный мужчина* (М. Бутов. Свобода).

(52) *Он дурачок. **Бамбук**. С него вся рота укатывается* (А. Терехов. Мемуары срочной службы).

(53) *Нинка, надевая дома это платье, долго думала, надеть ли ей белье. Он — лох и **лопух**! Ничего, не задумается! — решила она наконец* (Е. Белкина. От любви до ненависти).

(54) *Маша смеется. — Да суетитесь живее, **лопухи**, — тороплю я. Из-за тебя опаздываем!* (А. Иванов. Географ глобус пропил).

(55) *Вы чего? Вы думаете, что сами — крутые **перцы**? — Он цапнул свою многострадальную щеку и обессиленно махнул другой рукой* (В. Черкасов. Черный ящик).

(56) *Все, что надо, мы вроде успели выяснить, а там разберемся, что с этим **перцем** дальше делать* (А. Грачев. Ярый-3. Ордер на смерть).

Компаративные тропы, включающие названия растения, в современной прозе нередко выступают в интертекстуальной функции, см., например:

(57) *Насмешливо поклонившись хозяйке, лирически, как березу, обнимавшей дверной косяк, Рябков поспешно сбежал по лестнице на улицу, где на него по-собачьи кинулся мокрый лохматый ветер* (О. Славникова. Стрекоза, увеличенная до размеров собаки) — отсылка к стихотворению С. Есенина.

(58) *Он помог другу вытащить полуживую Машу в гардероб. Лена шла сама, качаясь, как тонкая рябина из песни* (А. Матвеева. Без фокусов).

(59) *Худой, как мыслящий тростник, он затягивался в пиджачки и джинсы на размер меньше, а его крашенные волосы — соломенные и торчком, под панка — делали его похожим на одуванчик* (З. Зиник. На безрыбье, или Принцип неопределенности).

(60) *Серезжа действительно походил на татарник, так как описал его Лев Николаевич в «Хадже Мурате»: неуживчивый, неудобный, непреклонный в своих мыслях и пристрастиях* (М. Кантор. Одного достаточно).

Наряду с интертекстуальной функцией рассматриваемые компаративные конструкции нередко выполняют оценочную функцию. При этом оценка, выражаемая ими, может быть как негативной, так и позитивной, ср.:

(61) *Но она же дуб дубом, попробуй объясни ей, если чего посложнее нужно* (С. Тихомиров. Колупанда).

(62) — *Но ты ведь еще после перестройки учился, но до этого дурдома, не как сейчас учат этих лопухов малолетних, когда какой-нибудь менеджер двух слов грамотно написать не может в явке с повинной?* (А. Сальников. Отдел).

(63) *Ну, что ты молчишь, дерево? Ты про спасателя, который ее вытащил...* (С. Самсонов. Кислородный предел).

(64) *И родители ходили бы грудь колесом и только и делали, что принимали поздравления за столь чудесное превращение своей термоядерной дочери в нежную маргаритку* (Н. Абгарян. Манюня).

(65) *А вот несчастная пара. И девушка, гляньте-ка, полный персик!* (В. Рыбаков. Вода и кораблики).

(66) *Великолепный бронзовый конь с гордо вскинутой узкой головой и гневно раздутыми ноздрями — прекрасными, как розы, — поставив правое копыто на металлическое яблоко и вывернув шею, встречал входящих в заведение горящим взглядом* (Ю. Буйда. Город палачей).

(67) Ты стройна, как **кипарис**, что вырос под сенью огромной скалы, защищающей его от бурь! (А. Иванов. Охота на «Большую Медведицу»).

Анализ материала показал, что, с одной стороны, в текстах современной художественной прозы сохраняются традиционные образные параллели, например «женщина — роза», «женщина — лилия». С другой стороны, в русской прозе последних лет появляются новые образы сравнения семантического класса «Растения», отсутствовавшие ранее, например *алыча* (голова), *киви* (лицо), *манго* (человек), *хурма* (губы, тело), *агава* (человек), *подберезовик* (рот) и др. Одновременно с образами сравнения расширяется состав предметов сравнения, при этом наблюдается усиление антропоцентризма. В частности, заметна тенденция к метафорическому представлению телесного низа. Характерной особенностью современной русской прозы является использование сниженных, в том числе жаргонных номинаций.

В обновлении состава образов и предметов сравнения проявляется лингвокреативность современных авторов, которая выявляется исследователями в эпоху «больших данных» при помощи корпусного метода и обращения к информационно-поисковым системам. Полезным инструментом изучения системы метафор и сравнений в художественной речи является Интерактивный словарь компаративных тропов русской художественной литературы XIX–XXI вв. [электронный ресурс], который способствует изучению метафорической картины мира языка русской художественной литературы, в том числе в плане ее эволюции, дает возможность проанализировать конкретные временные срезы системы метафор и сравнений, сравнить их, изучать компаративные тропы в идиостиловом аспекте.

Литература

Балашова Л.В. Русская метафора: прошлое, настоящее, будущее. М.: Языки славянской культуры, 2014.

Биджиева А.А. Когнитивная флористическая метафора в русской литературе первой половины XIX века (на материале поэтических текстов). Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2010.

Варларо Ф. Фитометафоры в «Колымских рассказах» В. Шаламова и возможности их перевода на итальянский язык // Вестник Томского гос. пед. ун-та. 2019. № 7 (204). С. 72–78.

Гарбуйо И. Фитометафоры в русском и итальянском языках: лексикографический и лингвокультурологический аспекты // Вестник Челябинского гос. университета. 2014. № 7 (336). Филология. Искусствоведение. Вып. 89. С. 96–100.

Дьяченко Ю.А. Фитонимическая лексика в художественной прозе Е.И. Носова. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Курск, 2010.

Камаль З.А., Чарыкова О.Н. Роль фитонимов в репрезентации художественной картины мира С. Есенина // Вестник Воронежского гос. ун-та. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2011. № 1. С. 78–80.

Кожевникова Н.А. Эволюция тропов // Очерки истории языка русской поэзии XX века. Образные средства поэтического языка и их трансформация. М.: Наука, 1995. С. 6–79.

Кожевникова Н.А., Петрова З.Ю. Материалы к словарю метафор и сравнений русской литературы XIX–XX вв. Вып. 3: «Растения». М.: Языки славянской культуры, 2015.

Кондратьева О.Н. Фитоморфная метафора как средство репрезентации концепта «душа» в русской лингвокультуре // Лингвокультурология. 2015. № 9. Филология. Искусствоведение. Вып. 95. С. 124–142.

Кропотухина П.В. Концептосфера «Мир растений» как объект лингвистических исследований // Педагогическое образование в России. 2014. № 6. С. 35–39.

Мусаева О.И. Флористическая метафора как фрагмент национальной картины мира (на материале русского и испанского языков). Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2005.

Пак И.Я. Языковое воплощение образа дерева / растения в русском языке: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Томск, 2006.

Петрова З.Ю. Материалы к словарю метафор и сравнений русской литературы XIX–XX вв. как источник диахронического изучения образных параллелей // Авторская лексикография и история слов: К 50-летию выхода в свет «Словаря языка Пушкина» / Отв. Ред. Л.Л. Шестакова. М.: Издательский центр «Азбуковник», 2013.

Петрова З.Ю., Ребецкая Н.А., Фатеева Н.А. Интерактивный словарь компаративных тропов русской литературы: возможности использования в филологических исследованиях // Лексикография и лексикология у светлу актуелних проблема. Сборник научных радова. Београд: Институт за српски језик САНУ, 2021. С. 785–802.

Соколова М.Г. «И нежно льются перезвоны ив, преклоненных у воды». Употребление названий растений в качестве предметов и образов сравнения компаративных тропов в идиостиле М.П. Герасимова // Русская речь. 2020. № 1. С. 68–77.

Словари и источники

Интерактивный словарь компаративных тропов русской художественной литературы XIX–XXI вв. URL: <https://ruslang.ru/interaktivnyy-slovar-komparativnykh-tropov-russkoj-khudozhestvennoj-literatury-xix-xxi-vv>.

НКРЯ — Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru>.

Павлович Н.В. Словарь поэтических образов: На материале русской художественной литературы XVIII–XX в.: В 2 т. М.: Эдиториал УРСС, 1999.

КОМПАРАТИВНЫЕ ТРОПЫ И ИХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В РОМАНЕ ВЕРЫ БОГДАНОВОЙ «СЕЗОН ОТРАВЛЕННЫХ ПЛОДОВ»¹

Е.В. Шаранова

Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, Москва

В статье рассматривается взаимодействие в романе Веры Богдановой компаративных тропов разных видов, в которых используется один образ сравнения. Тропы с одним образом сравнения формируют сквозные образы и детали и играют большую роль в построении образной структуры романа. При этом тропы взаимодействуют также с субъектной организацией повествования и сменой точек зрения, с предметным миром произведения, реалиями художественного текста — образы сравнения мотивированы временем и пространством, в которых разворачиваются события.

Ключевые слова: *метафора, сравнение, компаративный троп, образ сравнения, субъектная организация текста, точка зрения, современная русская проза, Вера Богданова.*

INTERACTION OF COMPARATIVE TROPES IN VERA BOGDANOVA'S NOVEL *THE SEASON OF POISONED FRUIT*

Ekaterina V. Sharapova

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow

The paper considers the interaction of metaphors and similes with one source domain in Vera Bogdanova's novel. Interaction of tropes with one source domain plays an important role in creating figurative language and image structure of the novel. These tropes also interact with the subject organization of the narrative and the change of points of view as well as with the objective world of the text so that the source domains are motivated by time and space of the narrative.

Keywords: *metaphor, simile, comparative trope, source domain, narrative point of view, contemporary Russian prose, Vera Bogdanova.*

Статья посвящена метафорам и сравнениям, которые рассматриваются как варианты компаративного тропа, по-разному структурно оформленные. В сравнении идея сопоставления двух объектов выражена при помощи союза, в метафоре-сравнении обозначены как объект сравнения, так и образ сравнения, в метафоре-загадке объект сравнения скрыт и т. д. [Левин 1998; Николина, Петрова, Фатеева 2021; Петрова 2011].

Тропы, объединенные одним образом сравнения, представляют особый интерес, поскольку играют большую роль в построении

---

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФ (проект № 23-28-00060 «Динамика компаративных конструкций и типы их взаимодействия в современной русской прозе»).

образной структуры художественного текста. Взаимодействие тропов с одним образом сравнения может реализовываться в ближайшем контексте, а может охватывать все произведение — от первых до заключительных сцен и глав. Включаясь в структуру всего текста, тропы также взаимодействуют с другими уровнями текста: с реалиями текста, образами персонажей, субъектной организацией текста, сменой субъектов речи и точек зрения.

При обозначении элементов компаративного тропа мы пользуемся терминологией из работ Н.А. Кожевниковой; в этих работах в компаративном тропе выделяются объект сравнения, признак сравнения и образ сравнения [Кожевникова 2009а, 2009б, 2009в]. Когнитивная теория метафоры предлагает другие термины, которыми также можно пользоваться при анализе: область цели, область источника, метафорические следствия, метафорическая проекция, см. например [Баранов 2003].

В романе Веры Богдановой «Сезон отравленных плодов» (2022) тропы с одним образом сравнения создают сквозные образы и детали, объединяют субъектные сферы разных персонажей и показывают их внутреннюю связь, подчеркивают разнообразие точек зрения, с которых ведется повествование, объединяют предметный мир романа с миром переживаний героев, порождают систему лейтмотивов текста.

Название романа представляет собой метафору, образное содержание которой постепенно разворачивается в тексте. Метафора «отравленных плодов» соотносится, во-первых, с постоянным присутствием в повествовании яблок как реалии текста. Яблоки растут на дачном участке Жени, в начале романа Женя кусает яблоко, Женя разглядывает Юлечку и кусает яблоко, в детской спальне Даши и Ильи пахло «подсохшими огрызками яблок», Даша разговаривает с матерью и «берет из вазы яблоко. Большое, с восковым розовым боком, откусывает — жесткая кислятина, рот вяжет», уже взрослые Илья и Женя кусают яблоки на заросшем дачном участке.

Во-вторых, в романе, как образ сравнения, присутствует образ яда. Слова тети Милы «стегают Женю, кожа на спине расползается, обнажая плоть, *яд растекается по телу*»; Даша после разговора с матерью о беременности Жени «*уносит этот яд в себе, прячет на дне живота*»; Саня «бьет [Дашу] ногой в живот *туда, где яд*». Уланов, напарник Ильи из секции по стрельбе, рассказывает Илье про его мать и говорит достаточно громко, «чтобы *капать ядом* через наушники». Наконец, «комплименты, оскорбления, обвинения, жалобы и вина», которыми Амин манипулирует Женей, сравниваются с ядом, «который Амин закапывает Жене в каждые глаз и ухо, ровно столько, чтобы обездвижить, что-

бы смело продолжать пить ее время, жрать нервы, потому что Женя, как и остальные, будет молчать». Материализуется метафора яда в рассказе Амина о рыбе фугу, токсин которой «парализует мышцы, противоядия нет». В названиях частей романа образ яда своеобразно конкретизируется и трансформируется: BZ [3-хинуклидинилбензилат], GB [О-изопропилметилфторфосфонат] и VX [О-этил-S-2-диизопропилламноэтилметилфосфонат] — это названия боевых отравляющих веществ нервно-паралитического действия. Возникают сквозные образы и мотивы: травмирующее воспитание, эмоциональное насилие как яд, отравление; стыд и вина как паралич. Объекты и образы метафоры появляются в стихотворных эпиграфах к частям романа:

*во мне есть
Стыд гнев вина <...>
и яд десятков поколений;
когда придет сезон
из леса выйдут боги хмеля и стыда
и уведут меня с собой
туда <...>
где наступает паралич.*

Другой сквозной образ романа — это образ структуры. В первый раз в романе «структура» появляется как обозначение убеждения Жени в существовании некоторых особых причинно-следственных связей в мире, т. е. слово *структура* употребляется в прямом значении: «постепенно ей стало ясно, всё вокруг сложилось в странную, одной ей понятную логическую связь, в структуру, в центре которой была она с Ильей»; «их с Ильей наказывают за нарушение порядка, думает она»; «за грехи наши, за прелюбодеяние, за нарушение структуры мира».

Потом «структура» становится самостоятельным образом, который приобретает дополнительные характеристики. Мир для Жени заключен в «структуру», а «структура» — это источник постоянного напряжения, вины, выученная привычка быть удобной для других, отсутствие свободы своих действий, структура — ловушка для Жени из чужих желаний и ожиданий, «сетка» из манипуляций. Образ структуры, уже являясь метафорой, раскрывается через конкретные образы сравнения и сам становится объектом компаративных тропов, в которых повторяется один образ сравнения: «структура над заливом напрягается, дрожит», звенит, «напрягаясь, напоминая о себе», имеет «напряженный остов», «пружинит упругой сеткой» и дрожит как «стальная сетчатая глубь».

Образ «структуры» в романе раскрывается через метафоры звука: структура может звенеть («Уже да», — *звенела* ей структура; «Структура едва заметно *звенела*»), гудеть («Женя слышит *гудение* структуры, но далеко»; «Обвинения, слова любви и отговорки — словесная каша льется и льется на Женю из телефона, запутывая, побуждая спорить, опять *гудит* структура, набирает силу»), структура имеет струны и может звучать как музыкальный инструмент («И Женя ходила по палате, *слушала структуру, водила пальцами по струнам. Теперь она звучала мелодично, теперь, когда все встало на места*»).

Образ струн становится самостоятельным образом сравнения. Струны — это метафора опасного, «натянутого» мира вокруг и ожидаемой неизбежности провала, катастрофы, любой трагической развязки. «Струны» могут быть опорным словом для сравнения («в новостях в сети *дрожит струной* одно: теракт»), для метафоры («“Привет”, — эхом отвечает ей Илья. Он касается своих ребер, слева, чуть выше сердца <...> Женя касается того же места у себя <...> *Струна касается ее плеча*»), развернутой метафоры («Вокруг все заминировано, и *струн, которых нельзя касаться*, становится больше, когда-нибудь Женя точно *одну заденет*»). Во втором примере обратим внимание на ключевую роль повтора (гл. *касаться*) в оформлении метафоры. Одновременно «струны» — это образ сравнения для описания городского пейзажа: со струнами сравниваются провода над городом в Москве («Женя следит за натянутыми над тротуаром *струнами неизбежного*») и во Владивостоке над морем («Женя присела на опору ЛЭП — вышка будто держала остров Русский *кабелями-струнами*»). Метафора-сравнение «струны неизбежного» имеет одновременно два объекта сравнения: провода-струны и струны как ожидание неизбежной трагической развязки.

Таким образом, компаративным тропам с одним образом сравнения принадлежит, с одной стороны, объединяющая роль в тексте: такие тропы опираются на лексический повтор в то же время становятся основой для сквозного образа и сквозной детали. С другой стороны, повторение одного образа сравнения влечет за собой вариативность оформления тропа (разные виды сравнений и метафор) и появление дополнительных смысловых характеристик. На основе сквозных образов и сквозных деталей строится система лейтмотивов текста. Взаимодействуя с реалиями текста, образы сравнения остаются тесно связанными с предметным миром романа.

На основе повторяющихся образов возникают сквозные детали, которые «сопровождают» одного персонажа (структура и струны —

образы Жени) или объединяют разных персонажей (образ яда объединяет Женю, Дашу, Илью и Амина). «Струны» — это пример того, как образ сравнения объединяет субъектные сферы разных персонажей, показывая их внутреннюю связь. Если образ струн в романе сопровождает Женю, то образ ЛЭП — Дашу. Линия ЛЭП проходит прямо перед Дашиными окнами. В минуты тревоги и внутреннего напряжения ЛЭП представляется Даше как способ и образ бегства, спасения: «Даша глядит в окно на линии ЛЭП, вскочить на них и побежать. Трос будет мягко пружинить под ногами, немного подбрасывать к небу, лишать Дашу веса»; «Она бежит все дальше по проводам, туда, где тихо, где нету никого».

Несмотря на то, что на уровне сюжета Женя и Даша часто противопоставлены друг другу, тропы с одним образом сравнения обращают внимание на сходство их историй: «Женя присела на опору ЛЭП — вышка *будто держала остров Русский кабелями-струнами*»; «Между Дашиными окнами и комбинатом проходит ЛЭП, *линует небо похожими на струны проводами*, которые уходят в перспективу». Общий образ сравнения подчеркивает то, что между персонажами существует внутренняя связь.

Одновременно субъектная структура текста в романе Веры Богдановой очень подвижна. Повествование постоянно переходит от автора к одному из героев и в большой своей части строится как свободный косвенный дискурс, субъекты которого меняются. Повествование переключается между точками зрения автора и главных героев: Жени, Ильи и Даши, но не исчерпывается ими и дополняется голосами других персонажей (прежде всего, родителей главных героев). От говорящего и его точки зрения зависит выбор образа сравнения в компаративных тропах. Будучи экспрессивными элементами речи, тропы контекстуализируются через персонажей (см. [Падучева 1996: 350–351]), следовательно, те или иные образы сравнения становятся маркерами голоса определенного персонажа. Вот как меняются образы сравнения в описаниях Жени с точки зрения разных героев: «Ее глаза блестят, *как полупрозрачные озера*», «она сама была той *музыкой, неустанным движением*, которого никто не должен видеть» — Женя глазами Ильи, «Она *катилась по Дашиному небосклону*, всегда в поле зрения, в центре ее внимания, порывистая, *как южный ветер*» — Женя глазами Даши, «Вечно на дереве, *как обезьяна*» — Женя глазами ее папы, в прямой речи, так же станет называть Женю Амин. Другой пример: вокруг Юли, девушки Ильи, и совместной поездки героев в Сочи, разворачивается троп: жизнь человека как жизнь хомячка. Ситуация показана с точки зрения Жени,

сравнение с хомячком сделано Женей и взято из событий ее жизни: «*Как хомячок*», — думает Женя [про то, что Юля в поездке планирует бегать по утрам], может быть, даже вслух». Дальше сравнение дополняется и превращается в развернутую метафору человеческой жизни вообще — то, что происходило с хомячком сопоставляется с чередой привычных событий в жизни человека: «Был у Жени Тёма, милейший Тёма-хомяк, которого подарила бабушка на день рождения. Сперва совсем кроха, одни глаза и белый мех, потом подросток, ночами бегал в колесе, вкусно ел, его любили и даже иногда чесали, меняли опилки в клетке, а после он стал старым и вонючим, на руки его уже никто не брал, он пошуршал под лесенкой и помер. Зачем он был? Зачем прошел весь этот цикл, каждый день одно и то же? *И люди так же*: рождение, школа, институт, хорошая работа, брак, дети, отпуска раз в год, внуки, смерть».

В контексте обсуждаемой проблемы нас, однако, будут интересовать скорее противоположные явления и контрпримеры.

Образы сравнения, которые присутствуют сначала в прямой речи родителей главных героев, потом варьируются во внутренних монологах (в несобственно прямой речи) самих главных героев. Например, мать Даши говорит про нее так: «Что за имя такое — Даша? *Как доярка Дарья из деревни*, — говорит мама, указывая на Дашу вилкой, будто протыкая»; «*Доска*», — так называет Дашу мама». Те же самые образы сравнения появляются во внутренней речи уже повзрослевшей Даши и выдают голос матери. При этом сравнение с дояркой обобщается и претендует уже на роль символа, а метафора «доска» дополняется отрицательным сравнением, отражая внутреннюю полемику Даши с матерью: «У нее не дела, а делишки, не фигура, а доска, не лицо, а морда, не учеба, а одно название. Не Эвелина и не Ангелина — Да-а-аша. Дарья. *Доярка из деревни, символ масла и любой молочки в принципе*»; «Днем она так и не купалась — стеснялась открывать взглядам худые бедра и бока без намека на талию, с тенью от ребер. *Доска же*»; «Походи Даша на мать, *не будь она беспросветно унылой доской*, Женя обратила бы на нее внимание».

Аналогичным образом, через повторение и варьирование тропов, голоса родителей звучат во внутренних монологах Жени и Ильи. В их внутренней речи повторяются сравнения, когда-то сделанные родителями: «как обезьяна», «обезьяньи уши» (папа — Жене), «совсем ты как папаша» (мать — Илье). Выражение Жениного папы: «стыд и срам» сначала повторяется во внутренней речи Жени («Нужные мысли не пробились через стылую пелену тревоги, голову наполнял туман и раскачивалось эхо: *стыд и срам-м-м-м*, и казалось, что учительница вот-вот

подойдет и ка-ак треснет по Жениной голове, а после скажет папе, что позор иметь такую дочь»), а затем субстантивизируется и становится объектом для персонификации и развернутой зооморфной метафоры, так же обнаруживая голос отца: «Женя и сама сбежала бы, но *стыд-и-срам* вдавливают ее в кресло в самом центре предпоследнего ряда, *стыд держит ее голову прямо, не дает отвернуться, напоминает*, что нельзя его показывать, нельзя. Опять все испортила, только и умеешь, что портить, говорит он папиным голосом»; «Амин знает *стыд-и-срам*, он дружит с ним», — в том числе и в тех отрезках текста, где субъектом речи является автор-повествователь: «*Стыд-и-срам прогнал ее из Москвы, летел следом, поклеывая в затылок*, и Женя убежала, закрываясь от него руками. Она бежала и бежала много лет, сперва в Воронеж, потом в Екатеринбург — куда понесут ноги, — пока в 2010-м не достигла береговой линии Владивостока, а дальше — только море».

Важную роль в романе играет взаимодействие тропов с реалиями художественного мира. В тексте много образов сравнения, которые мотивированы реалиями изображаемой ситуации. Сначала предмет, растение, животное упоминается в тексте как реалія, а потом — как образ сравнения, затем снова может появиться в тексте как реалія или снова как образ сравнения, показывая связь людей и вещей, дома, в котором они живут, природы и пейзажа. Примеров такого соотношения можно найти довольно много и тем самым считать его одним из важных принципов образной организации романа. Мы приведем некоторые примеры, разделив их на группы, в которых образы сравнения — это: (а) предметы быта (разговорник итальянского, фарфор в серванте, колбаса, комбинезон); (б) окружающий героев рукотворный пейзаж (дача, «шесть соток»; электрички; электричество); (в) окружающая героев природа — растения и животные (дуб, шмели, мыши):

(а) *разговорник итальянского*: «Выслушав ответ (танцором, учителем, переводчиком), Лаиля Ильинична<...> вручает Жене пахнущий сырым картоном *русско-итальянский разговорник с желтыми страницами и маленькими буквами*, и Женя послушно зубрит *scusi и per favore*» (реалія), «Спустя минут пятнадцать он выбирается, держа *разбухший, чуть закрученный от сырости самоучитель итальянского* — нашел в Жениной комнате» (реалія), «Ведет машину Котов: мордастый, с поредевшим на макушке жидким хвостиком, слегка *помятый, как разговорник итальянского в Жениных руках*» (сравнение);

фарфор в серванте: «Женя помнит как сейчас все *scusi и per favore*, и запах цветов, и чай в *тонком фарфоре*» (реалія), «Она стала бы ценной, как *бабушкин фарфор в серванте*, обрела бы вес и плотность»

(сравнение), «Потом поднимает голову и смотрит снизу вверх. Глаза стеклянные, как дверцы у серванта» (сравнение);

колбаса: «Еще она поджимала губы в неодобрении, и от этого во круг ее рта заламывались морщины, как складки на попке колбасы» (сравнение), «Недавно Валькиного сына порезали у рынка, — говорит мама, *отрезая кружок колбасы и снимая с него ленточку шкурки*» (реалия), «Тогда мать сказала — буднично, словно о колбасе и заморозках в апреле, — что у ребенка были отклонения, беременность пошла не так» (сравнение), «Жене вдруг делается неудобно за свой комбинезон с выпачканными землей коленями, за выцветший, слишком обтягивающий топик с Лео, Кейт и носом затонувшего “Титаника”. За свое тело, плотное, как батон докторской» (сравнение);

комбинезон: «Жене вдруг делается неудобно за свой комбинезон с выпачканными землей коленями, за выцветший, слишком обтягивающий топик с Лео, Кейт и носом затонувшего “Титаника”» (реалия), «Сегодня она в зеленом комбинезоне, и лямки прижимают грудь» (реалия), «Женя будто опять влезает в душный комбинезон собственных страхов, тяжелый, набитый отсыревшей ватой, который сдавливал, мешал сделать полный вдох...» (сравнение, метафора-сравнение).

Тропы в примерах выше объединены одной образной параллелью: люди (их внешность, поступки, мысли, эмоции) как вещи. Эта образная параллель овеществляет переживания, события человеческой жизни и личные драмы героев, но одновременно поэтизирует предметный мир, показывая некую таинственную связь людей и вещей: «В прошлом году одну из ветвей спилили, и теперь вид открывается не только на дорогу, но и на сонный тихий дом, похожий на коробок с треугольной крышей, доверху наполненный мебелью, тряпками и людьми».

(б) *дача, «шесть соток*»: «На дачных болотистых сотках растет семь старых яблонь» (реалия, метонимия), «Мама осталась в восторге, что с ней бывало редко. Похвалила Дашу, *будто та нашла не мужика, а нефтяное месторождение на шести сотках*» (сравнение), «Из него выходит внучка Лаили Ильиничны, следит, как по десяти выровненным соткам катает газонокосилку рабочий» (реалия, метонимия);

электрички: «А на веранде всех уже встречает папа, спрашивает, как доехали, не устали, и тетя Мила охает и *жалуется на духоту в электричке, еле успели на нее*» (реалия), «До лета девяноста пятого тетя Мила оставалась далекой и никогда не виданной, персонажем подзабытой сказки, о котором вспоминали каждый раз, когда *электричка проезжала Люберцы*» (реалия), «Вспоминается сонная, нагретая дыханием тишина их детской спальни, *оставшаяся где-то за далеким,*

как протянувшийся вой электрички, рубежом» (сравнение), «Пойдем, — ей говорит Илья. — *Электричка скоро*» (реалия);

(в) дуб: «Пока Жене шестнадцать, она отдыхает у бабушки на даче, сидит на дубе у калитки и кусает яблоко» (реалия), «Голос у него шершавый, как дубовая кора» (сравнение), «Тогда бабуля еще была крепка, как Женин дуб, который рос у калитки» (сравнение);

шмели: «Басит шмель, задерживается у руки, будто обнюхивает, и Женя вспоминает, как схватила одного» (реалия), «Волосы вроде бы темные, но там, где падает солнце, они светлеют, приобретают золотистый перелив. На вид мягкие, будто шерстка у шмеля» (сравнение), «Ему вновь снится яблоневая тень, за ней стоит кто-то, размытый полуденным янтарным солнцем. Жарко. Над ухом басит шмель» (реалия);

мыши: «Он смотрит на серый потолок, сквозь тонкую фанеру, балки, между которыми шуруют мыши, утеплитель, пол второго этажа, проникает взглядом в пыльный сумрак чердака» (реалия), «Они с мамой приехали к бабушке на дачу, хоть мама и клялась, что в “той развалине” ноги ее не будет: ей не нравилось, что дом старый, холодный, и ночью по углам скребутся мыши» (реалия), «В первую же ночь, когда Даша остается дома, она просыпается от того, что кто-то шерудит в замке. Как будто металлическая мышь скребется, грызет дырку из подъезда. Даша не шевелится, она слушает, как эта мышь шуришит, сопит, точит зубы» (сравнение, метафора), «Амин знает стыд-и-срам, он дружит с ним. За это он ей и нравился, похоже. Женя вдруг видит эту схему будто бы издали: незамысловатый лабиринт, по которому бежит лабораторной мышью, и ей брезгливо и смешно» (метафора).

Отметим сразу, что выше перечислены далеко не все образы сравнения, которые можно было бы привести в качестве примера взаимодействия тропа и реалии. За пределами процитированного текста остались также: лес вокруг Жениной дачи (ощущения Даши как туманный лес и чувства Жени как лесной мёд), болото и трясина (безнадежное будущее как трясина, токсичная семья как болото, опасный город как трясина), мёд (глаза и кожа Жени как мёд, чувства Жени как мёд, яблоки как вода с мёдом), провода, ЛЭП, наэлектризованные тучи перед грозой (раздражение и предчувствие скандала как электричество, как гудение трансформаторной будки), хлеб (пожарные машины и автобусы как буханки), холмы на горизонте (линии тела Маши как холмы) и т. д.

Рассмотренные в статье образы сравнения представлены в романе в разных вариантах компаративных тропов. Каждый отдельный троп взаимодействует в тексте с другими компаративными тропами, с реалиями текста, вместе с ними включается в единую образную

систему текста, создавая сквозные образы и детали. Повторяющиеся образы сравнения взаимодействуют с субъектной организацией текста, являясь маркерами субъекта речи и точки зрения. Тропы с одним образом сравнения играют большую роль в построении образной структуры и системы лейтмотивов романа.

Литература

Баранов А.Н. О типах сочетаемости метафорических моделей // Вопросы языкознания. 2003. № 2. С. 73–94.

Кожевникова Н.А. Об обратимости тропов // Кожевникова Н. А. Избранные работы по языку художественной литературы. М.: Знак, 2009а. С. 439–447.

Кожевникова Н.А. О повторе тропов в художественных текстах // Кожевникова Н.А. Избранные работы по языку художественной литературы. М.: Знак, 2009б. С. 449–454.

Кожевникова Н.А. О соотношении тропа и реалии в художественном тексте // Кожевникова Н.А. Избранные работы по языку художественной литературы. М.: Знак, 2009в. С. 473–498.

Левин Ю.И. Структура русской метафоры // Левин Ю. И. Избранные труды. Поэтика. Семиотика. М.: Языки русской культуры, 1998. С. 457–463.

Николина Н.А., Петрова З.Ю., Фатеева Н.А. Взаимодействие компаративных конструкций и их элементов в современной русской прозе // Слово.ру: балтийский акцент. 2021. Т. 12, № 3. С. 109–124.

Петрова З.Ю. Затекстовые знания о мире как основа взаимодействия компаративных тропов в тексте // Текст и подтекст: Поэтика эксплицитного и имплицитного: Материалы международной научной конференции (ИРЯ им. В. В. Виноградова РАН, 20–22 мая 2010 г.). М.: Азбуковник, 2011. С. 66–71.

Падучева Е.В. Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива). М.: Языки русской культуры, 1996.

КРЕАТИВНАЯ И НЕКРЕАТИВНАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ ЭМОТИВНОЙ ЛЕКСИКИ В КИНОДИСКУРСЕ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА¹

Е.А. Красикова

Московский государственный лингвистический университет, Москва

Целью настоящей статьи является исследование специфики эмотивной лексики китайского языка и реализации ее креативного потенциала в кинематографическом комедийном дискурсе. В качестве основного был выбран метод параметризации лингвокреативности, при помощи которого проанализирован такой микропараметр, как «эмотив или экспрессив» в кинодискурсе китайского языка. В результате проведенного исследования были разграничены случаи креативного и некреативного использования эмотивов, выделены концептуальные основания, обуславливающие формирование вербальной структуры фильмов на китайском языке. Дальнейшие перспективы исследования видятся в более глубоком изучении концептуальных конфигураций, которые лежат в основе формирования креативных новаций в китайском языке.

Ключевые слова: *эмотив, метод параметризации, кинодискурс, лингвокреативность, концептуальная метафора, китайский язык.*

CREATIVE AND NON-CREATIVE USE OF EMOTIVE LEXIS IN THE CINEMATIC DISCOURSE OF THE CHINESE LANGUAGE

Elizaveta A. Krasikova

Moscow State Linguistic University, Moscow

The purpose of this article is to study the specifics of the emotive lexis of the Chinese language and the realization of its creative potential in the cinematic comedy discourse. The method of parametrization of linguistic creativity was chosen as the main method, with the help of which such a microparameter as “emotive or expressive” in the Chinese language cinematic discourse was studied. The cases of creative and non-creative use of emotive words and expressions were distinguished. Special attention was paid to the study of conceptual foundations that determine the formation of the verbal structure of Chinese. Further prospects of the research are seen in a deeper study of the conceptual configurations underlying the formation of creative innovations in the Chinese language.

Keywords: *emotive, method of parametrization, cinematic discourse, linguistic creativity, conceptual metaphor, Chinese language.*

1. Введение

Семантическая система китайского языка по-прежнему остается малоизученной областью лингвистики, при этом особый интерес вызывают исследования специфики эмотивной лексики китайского

---

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00040) в Институте языкознания РАН.

языка, использование которой является важным фактором, указывающим на креативность дискурса. Несмотря на многочисленные исследования, в современной китайской лингвистике не предложено систематической классификации эмотивной лексики и не выдвинут единый терминологический аппарат.

Первое исследование эмотивной лексики в китайском языке принадлежит 马建忠 Ма Цзяньчжуну. В учебнике по грамматике китайского языка 马氏文通 Машивьэнтун («Объяснение правил письменного языка господина Ма» 1898 г.) впервые был предложен термин 心理动词 ‘эмотивные глаголы’.

В начале XX в. 陈承泽 Чэнь Чэнцэ в 国语法草 («Говэньфацаочуан» 1922 г.) вводит понятие 状态自动字 ‘глаголы состояния’, которые указывают на психологические чувства или состояния, которые «видны снаружи». К ним автор относит такие лексемы, как 喜 ‘нравиться’, 怒 ‘гневаться’, 哀 ‘горевать’, 乐 ‘радоваться’, 哭 ‘плакать’, 笑 ‘смеяться’ и др. В 1942 г. 吕叔湘 Люй Шусян в работе 中国语法要略 («Краткое изложение грамматики китайского языка») продолжает развивать данные идеи, выделяя 心理活动 ‘глаголы психического / эмоционального действия’, к которым относит такие глаголы, как 爱 ‘любить’, 恨 ‘ненавидеть’, 害怕 ‘бояться’ и др. В данном направлении также работали следующие исследователи: 刘月华 [Люй Юэхуа 1983], 廖序东 [Ляо Сюйдун 1983], 范晓, 杜高印, 陈光磊 [Фань Сяо, Ду Гаоинь, Чэнь Гуанлэй 1987], 郭大方 [Го Дафан 1994], 邢福义 [Син Фуи 2006]. Например, Син Фуи выделяет психоментальные глаголы, которые «выражают мыслительную деятельность и эмоциональное состояние человека» [Син Фуи 2020: 234]. Автор делит данную категорию на два типа: эмоционально-оценочные и когнитивно-перцептивные глаголы. К первому типу относятся глаголы эмоциональной оценки: 爱 ‘любить’, 恨 ‘ненавидеть’, 讨厌 ‘испытывать неприязнь’, 羡慕 ‘завидовать’, 佩服 ‘преклоняться’, ко второму типу относятся глаголы, которые описывают процесс познания и восприятия: 猜 ‘гадать’, 料 ‘предполагать’, 感到 ‘чувствовать’ и т. д. [Там же].

Эмотивная лексика в отечественной китаистике была исследована А.А. Шахаевой на материале поля глаголов смеха в китайском языке, где автор выделила следующие категории: глаголы радостного смеха (大笑 ‘громко смеяться’, 欢笑 ‘радостно смеяться’ и т. д.), глаголы злого смеха (恶笑 ‘зло смеяться’, 冷笑 ‘холодно смеяться’, 暗笑 ‘злорадно смеяться про себя’), печальный смех (苦笑 ‘горько смеяться’, 强笑 ‘смеяться через силу’) [Шахаева 2022: 173–204].

Из всего вышесказанного следует, что проблема эмотивной лексики вызывает интерес исследователей в большей степени с точки зрения

ее классификации, однако данная область еще недостаточно исследована в парадигме дискурсологии китайского языка.

2. Постановка проблемы

Становление китайской традиции дискурс-анализа следует отнести к концу 80-х гг. XX в., когда в Китае стала активно внедряться 改革开放 ‘политика реформ и открытости’. Как отмечают Юнь Сяо и Линда Цун: «С 1980-х годов усилились процессы глобализации, которые оказывали влияние на все сферы жизни Китая. Китайский дискурс быстро эволюционировал под воздействием как внешних, так и внутренних факторов, связанных с глобализацией» [Xiao, Tsung 2019: 1]. Поскольку наше исследование посвящено кинодискурсу, остановимся подробнее на работах, посвященных медиадискурсу в китайском языке, так как кинодискурс в китаистике рассматривается как часть медийного дискурса. Как отмечает И.Г. Нагибина, «изучение массмедийного дискурса в китайской дискурсологии по аналогии с “западной” традицией выделяется в самостоятельное направление в связи с реализацией средствами массовой информации собственного мировоззренческого ресурса, направленного на когнитивную обработку социума для формирования особой картины мира» [Нагибина 2017: 21].

В ходе анализа научной литературы, посвященной кинодискурсу в китайском языке, нами были отмечены следующие исследования: “Function and Interactive Mode of TV Interview Program” [Huang, Liao 2008]; “Humor in Discourse: A Linguistic Study of the Chinese Dialect Film, Crazy Stone (疯狂的石头)” [Yi 2008]; “A Multimodal Discourse Analysis of the Movie 2012” [Xu 2012]; “Multimodal Discourse Analysis of the Movie Argo” [Xu 2016]; “A Cultural Discourse Analysis to Chinese Martial Arts Movie in the Context of Glocalization: Taking Crouching Tiger, Hidden Dragon and Hero as Cases” [Zhang 2019].

Данный список научной литературы позволяет сделать вывод о том, что кинодискурс китайского языка исследуется в ракурсе мультимодальности, однако вопросы, связанные с исследованием лингвокреативных новаций в кинодискурсе китайского языка, остаются практически неизученными. Ранее нами уже была предпринята попытка выявить лингвокреатемы на таком уровне лексического состава языка, как формы обращения (см. подробнее в [Красикова 2023]).

Цель настоящей статьи заключается в анализе эмотивной лексики как одного из параметров лингвокреативности. Наша работа продолжает цикл исследований, посвященных изучению лингвокреативности кинодискурса на материале русского и английского языков и анализу

креативного потенциала эмотивной лексики в кинопроизведениях (см. подробнее в [Зыкова 2020, 2021, 2022; Зыкова, Кулиджанян 2021; Зыкова, Красикова 2023]). Мы обращаемся к решению следующей задачи: установить случаи креативных и некреативных реализаций эмотивов в фильмах на китайском языке.

В данном исследовании вслед за В.И. Шаховским, который утверждал, что «все эмотивные компоненты семантики так или иначе опосредуются как минимум эмоциональными представлениями, и именно поэтому любое вербальное выражение эмоций имеет определенную содержательно-концептуальную базу» [Шаховский 2017: 60], под эмотивом мы понимаем «единицы языка с эмотивным типом семантики» [Шаховский 2008: 56].

3. Материал и методы исследования

В настоящем исследовании анализ проводился на материале пяти кинокомедий на китайском языке. Как отмечает И.В. Зыкова, «комедийный кинодискурс представляет собой такую разновидность игрового кинодискурса, которая отличается наибольшей ориентированностью на неконвенциональное использование языка» [Зыкова 2021: 105].

В ходе анализа было выделено несколько основных критериев отбора киноматериала. Кинофильмы должны: 1) относиться к одному хронологическому периоду (2010-е гг.), отражающему современное употребление языковых единиц в речи носителями языка; 2) принадлежать к жанру комедии (подтип: семейная, социальная, романтическая); 3) иметь одну страну-производителя (Китайская Народная Республика); 5) воспроизводить речь путунхуа (официальный язык в КНР).

С учетом данных критериев были отобраны кинопроизведения, общие сведения о которых представлены в таблице 1:

Таблица 1.

Общие сведения о киноматериале

Название фильма	Режиссер	Год выхода, жанр*	Продолжительность
«洋姐到我家» (пер. «Когда пекинская семья встречает иностранную няню»)	Чэнь Ган (陈刚)	2014, семейная комедия	98 мин (1 ч 38 мин)
Сюжет: История няни из Колумбии, приехавшей в Китай в поисках работы. Попав в пекинскую семью, гувернантка пытается научить свою 5-летнюю подопечную английскому языку. Культурные различия приводят ко всевозможным столкновениям, недоразумениям и даже кризисам.			

«重返20岁» (пер. «Снова 20 лет»)	Чэн Чжэндао (陈正道)	2015, семейная коме- дия, романтика, фантастика	128 мин (2 ч 8 мин)
Сюжет: Шэнь Мэнцзюнь — своенравная 70-летняя вдова. Её семья решает отправить женщину в дом престарелых. Чувствуя себя несчастной и никому не нужной, Мэнцзюнь решает сделать себе последнюю фотографию. Выйдя из фотостудии и увидев свое изображение, она понимает, что снова молода и красива. Ей снова 20 лет!			
«婆婆比妈亲» (пер. «Свекровь лучше матери»)	Да Хуэй (大辉)	2018 комедия, драма	90 мин (1 ч 30 мин)
Сюжет: В основе истории лежат семейные проблемы «отцов и детей», с которыми сталкиваются пожилые китайцы в отдаленных горных районах Китая.			
«一家亲» (пер. «Сваты»)	Сюй Хайянь (徐海燕)	2018 комедия, драма	72 мин (1 ч 12 мин)
Сюжет: Молодые супруги Лянлян (亮亮) и Личжу (丽珠) знакомят своих родителей друг с другом. Свекор и теща невзлюбили друг друга с первого взгляда, однако жизнь под одной крышей заставляет семью сблизиться.			
«囧妈» (пер. «Затерянные в России»)	Сюй Чжэн (徐峥)	2020 комедия, драма	126 мин (2 ч 6 мин)
Сюжет: Бизнесмен из Пекина Сюй Иван мало того, что находится в процессе развода, так ещё и узнаёт, что его пока ещё супруга собралась в Нью-Йорк заключить сделку о продаже их совместного бизнеса. Решив во что бы то ни стало ей помешать, Иван только в аэропорту вспоминает, что оставил паспорт у мамы, а та как раз отправляется поездом в Москву на выступление. Так получается, что Ивану теперь придётся провести шесть дней в ненавистном поезде, да ещё в компании заботливой мамы, которая не в курсе надвигающегося развода сына и постоянно твердит, что ему пора завести детей.			

Примечание: «жанр»* — комедийный жанр определялся по единственному источнику <https://baike.baidu.com/>. В ряде случаев жанр комедии синтезирован с другими жанрами игрового кино.

В ходе нашего исследования был применен метод параметризации, который разрабатывается участниками коллективного научного проекта в Институте языкознания РАН (см. подробнее в [Зыкова 2021]). Как указывает И.В. Зыкова, метод параметризации имеет несколько вариантов применения [Там же: 17]. В данной статье мы анализируем один из микропараметров лингвокреативности — параметр «эмотив или экспрессив» (код <406>).

Настоящее исследование проходило в несколько этапов. На первом этапе нами было проведено аннотирование анализируемого киноа материала по лексическим микропараметрам лингвокреативности. Из аннотированных параметров мы выделили параметр «эмотив или экспрессив» и определили его частотность относительно всей вербальной

структуры кинофильма. На втором этапе был проведен количественный анализ с целью сопоставления активности параметра «эмотив или экспрессив» в пяти исследуемых кинопроизведениях. Следующим этапом стало выявление случаев креативной и некреативной активизации данного параметра. При разграничении креативного и некреативного использования эмотивов мы использовали методику И.В. Зыковой, которая выделила ряд «дифференциаторов» ‘некреативного — креативного’ в дискурсе. Для комедийного кинодискурса таким дифференциатором выступает оппозиция ‘художественно-дискурсивная стилизация — эстетико-прагматическая актуализация (или экспликация)’ [Зыкова 2021: 129]. Как указывает автор, если использование языковых средств направлено на художественно-дискурсивную стилизацию, то такое использование определяется как некреативное. Случаи креативной активизации параметров обеспечиваются языковыми средствами, реализующими «эстетико-прагматическую актуализацию (или экспликацию)» [Зыкова 2021: 135]. В комедийном кинодискурсе китайского языка, как показало проведенное исследование, превалирует активизация таких же микродискурсивных параметров лингвокреативности, как и в комедийном киноматериале на английском и русском языках, а именно: «разного рода нестандартные, оригинальные, индивидуально-авторские образные и эмотивно-экспрессивные языковые средства» [Там же: 132], которые усиливают художественно-эстетическую выразительность дискурса кинокомедии и служат для достижения комического эффекта. На заключительном этапе нами был проведен концептуальный анализ (см. подробнее в [Беляевская 2005]) эмотивов с целью выявления наиболее продуктивных концептуальных составляющих, обуславливающих креативность слов, номинирующих эмоциональное состояние человека в кинодискурсе китайского языка.

4. Результаты анализа

Как показало исследование, эмотивная лексика обладает разной частотностью в анализируемых кинопроизведениях. Результаты анализа активизации данного лексического параметра в пяти фильмах представлены ниже.

В кинофильме «一家亲» (пер. «Сваты») с общим количеством слов 6 938, активность эмотивов имеет самый высокий процент и составляет 5,9 %. Второе место занимает фильм «囧妈» (пер. «Затерянные в России»), в котором на общее количество слов 10 622 приходится 4,6 % лексем, номинирующих психоэмоциональное состояние человека. Средняя частотность эмотивной лексики отмечена в фильме

«婆婆比妈亲» (пер. «Свекровь лучше матери»). В данном киноматериале зафиксировано 8 938 слов, а частотность эмотивов составила 3,5 %. Наименьшая частотность эмотивов, которая составила 2,9 %, зафиксирована в кинопроизведениях «洋姐到我家» (пер. «Когда пекинская семья встречает иностранную няню») с общим количеством слов 15 419 и «重返20岁» (пер. «Снова 20 лет») с общим количеством слов 14 619. Общее количество слов в пяти кинофильмах составило — 56 536, а активность эмотивов равна 3,6 %. Как следует из представленных выше количественных данных, в кинокомедиях на китайском языке активность параметра «эмотив или экспрессив» показывает достаточно высокий уровень частотности, что свидетельствует о выраженной номинации эмоций в кинодискурсе китайского языка.

Как известно, эмотивность в языковой системе коррелирует с оценкой. На киноматериале китайского языка были выделены эмотивы, репрезентирующие три основных типа эмоций: позитивные (心疼 'обожать', 坦白 'открыть душу', 仁慈 'великодушный'), негативные (嫉妒 'ревновать', 抑郁 'угрюмый', 埋怨 'упрекать', 痛苦 'страдать') и нейтральные (想 'хотеть'). Заметим, что в исследуемом киноматериале китайского языка единицы, отражающие негативные эмоции преобладают над единицами, передающими позитивные и нейтральные эмоции.

В ходе исследования была предпринята попытка соотнести эмотивную оценку с объектом оценки. По результатам исследования оказалось, что эмоции в китайском языке выражаются по отношению к человеку и по отношению к ситуации, однако, в большинстве случаев оценочное отношение носит амбивалентный характер и фокус оценки определяется только по контексту. Приведем несколько примеров фиксации активности параметра «эмотив и экспрессив», которые отражают отношение к человеку и ситуации в текстах анализируемых кинокомедий:

(1) 听的呀, 都烦死人嘍! <406> — Ой, послушай, как все бесит! (к/ф «重返20岁»)

(2) 我讨厌死了, 烦死了。我们俩一见面就吵架。 <406> — Мне надоело это до смерти, меня это бесит. Мы ссорились, как только встретились. (к/ф «囡妈»)

(3) 您可不要冤枉好人。 <406> — Как же ты можешь обижать зря хорошего человека. (к/ф «婆婆比妈亲»)

(4) 总之都是抱怨。 <406> — В итоге, это все твои пустые жалобы. (к/ф «洋姐到我家»)

(5) 这现在**后悔**都来不及了。多久了? <406> — Теперь уже слишком поздно сожалеть об этом. Как давно это было? (к/ф «一家亲»)

Следует отметить, что к эмотивам, отражающим отношение к человеку, то есть к его психоэмоциональному состоянию, к его морально-этическим качествам, интеллектуальным способностям и т. д., мы также отнесли такие языковые единицы, как инвективы, которые будут описаны подробнее ниже. В случае использования инвективов объектом оценки обычно выступает человек.

Следующим шагом нашего анализа стало выявление случаев креативной / некреативной активизации параметра «эмотив или экспрессив». Проведенное исследование позволило выделить ряд случаев креативного и некреативного использования слов, номинирующих психоэмоциональное состояние человека. В кинодискурсе китайского языка некреативная активизация эмотивов реализуется при помощи прямых и непрямых номинаций, в основе которых лежат концептуальные структуры, уже в системе формирующие образные основания номинации. Заметим, что в китайском языке при вербальной передаче психоэмоционального состояния, помимо образных выражений и фразеологизмов, содержащих образные концептуальные основания, сама графическая форма иероглифического знака может подсказывать образ и указывать на концептуальное основание, скрытое во внутренней форме знака.

Следует конкретизировать, что все приведенные ниже примеры некреативного (т. е. типового системного) использования эмотивов переведены автором с использованием эквивалентов в русском языке для наиболее точного отражения метафоры:

(6) 心疼 (心‘сердце’+疼‘боль, болеть’= мучиться, испытывать сожаление) 我说她两句你特别不高兴吧, **心疼**了, 是不是? <406> — Ты особенно расстраиваешься, когда я что-то ей говорю, ты мучаешься, не так ли? (к/ф «洋姐到我家»)

Единицы не прямой передачи эмоционально-чувственной информации в китайском языке преобладают и могут быть представлены образными выражениями и фразеологизмами:

(7) 兴风作浪 (дословно — ‘поднимать ветер и делать волны’, образно — накалять обстановку или изменять, заниматься любовью’) 他们正在床上**兴风作浪** <406> — Они в постели изменяют (к/ф «囧妈»)

(8) 爱屋及乌 (дословно — ‘любить не только дом, а также ворон на его крыше’) — 好呀爸! — 爱屋及乌! <406>, <413> — Хорошо, папа! Любишь меня, люби и все, что со мной связано! (к/ф «一家亲»)

Помимо некреативного (т. е. фактически близкого к системному, узуальному) использования языковых средств нами был выявлен ряд случаев неузуального употребления языковых единиц. Анализ эмотивов показал, что в китайском языке их креативность может быть проявлена за счет семантических трансформаций, обусловленных модификациями базовых форм как конвенциональных образных слов или выражений, так и фразеологизмов. Рассмотрим следующие примеры:

(9) 猫三狗四 ('валить дурака', дословно — 'период беременности кошки три месяца, а период беременности собаки четыре месяца') 伊万, 你不要在外面**猫三狗四!** <406>, <413> — Иван, **не валяй** на улице **дурака!** (к/ф «囡妈»)

В данном примере зафиксирован случай модификации базовой формы фразеологизма посредством разбиения базовой формы, а также семантической трансформации.

Рассмотрим еще один пример.

(10) 丢脸 (дословно — 'потерять лицо') 样不是**丢妈的脸**吗? <406>, <413> — Разве это не **позор для твоей матери?** (к/ф «婆婆比妈亲»)

В основе образа фразеологизма 丢脸 'потерять лицо' лежит метафора ЧАСТИ ТЕЛА ЧЕЛОВЕКА, уподобляющая потерю лица потере репутации в обществе. С точки зрения лингвокреативного потенциала наблюдается стратегия модификации базовой формы ФЕ посредством «разбиения» и вставки нового компонента, а именно **丢妈的脸** (досл. потерять лицо матери).

Поскольку образные концептуальные основания семантики языковых единиц достаточно часто фиксируются в исследованном нами языковом материале, на заключительном этапе данного исследования был произведен концептуальный анализ креативных реализаций эмотивов в кинодискурсе китайского языка с целью выявления наиболее продуктивных концептуальных составляющих, обуславливающих креативное использование эмотивной лексики в кинодискурсе китайского языка. Особый интерес, на наш взгляд, представляет такая разновидность эмотивной лексики, как инвективы, которые служат для номинации негативного эмоционально-чувственного отношения киноперсонажа. Под инвективой мы понимаем «культурный феномен социальной дискредитации субъекта посредством адресованного ему текста, а также устойчивый языковой оборот, воспринимающийся в той или иной культурной традиции в качестве оскорбительного для своего адресата» [Новейший философский словарь: 1999].

Как показало проведенное исследование, при передаче негативного эмоционально-чувственного отношения киноперсонажа было использовано 36 лексических единиц, с характерной образной номинацией, в основе которой лежит ряд метафорических концептов (например, ЗООМЕТАФОРА, ПИЩА, ВЕЩЕСТВО, ОДЕЖДА, ПСИХИЧЕСКОЕ ЗАБОЛЕВАНИЕ и т. д.). Данные метафорические концепты группируются при помощи культурно-специфичных концептуальных составляющих, например, продукты питания круглые, напоминающие по форме человеческую голову (яйцо, тыква, арбуз, дыня) в китайской культуре ассоциируются с посредственными умственными способностями человека:

(11) 傻瓜 (‘глупый’+瓜 ‘дыня, арбуз, тыква’) 我跟你爸在一起才有你啊, 傻瓜! <406> — Ты есть у меня только тогда, когда я с твоим папой, дурак! (к/ф «囧妈»)

(12) 坏蛋 (坏‘тухлый’+蛋 ‘яйцо’) 坏蛋! <406> — Мерзавец! (к/ф «一家亲»)

Одной из наиболее креативных является ЗООМЕТАФОРА. Думается, что в разных языках зоометафора также будет наиболее продуктивной при формировании инвективной лексики, однако набор зоонимов и их культурный код будет различным. Например, в отличие от русского языка, для которого в сфере инвективов характерны такие номинации, как *козел*, *свинья*, *баран*, *овца* и т. д., для китайского языка в этом плане будут характерны такие зоонимы, как *кролик*, *фазан* и т. д., а также мифические животные, специфичные только для китайской культуры. Например:

(13) 小兔崽子 (‘сопьяк, щенок’, дословно — ‘крольчонок, зайчонок’) > 近点儿, 再近点儿! 你这小兔崽子! 怎么跟老太婆说话呢? <406> — Подойди ближе, еще ближе! Ты — сопьяк! Как ты разговариваешь с пожилой женщиной? (к/ф «重返20岁»)

(14) 野鸡 (‘липовый, нелегальный; уличная проститутка’, дословно — ‘фазан’) > 野鸡大学的野鸡教授! <406> — Липовые профессора из липового университета! (к/ф «重返20岁»)

(15) 狐狸精 (‘искусительница, оболъстительница, ведьма, вампирша’, дословно — ‘лиса-оборотень’) > 大半夜的不睡觉? 你叫什么呀? 你拿人家东西干嘛! 不要脸的狐狸精! <406> — Не спишь посреди ночи? Как тебя зовут? Что ты делаешь с чужими вещами! **Бесстыжая ведьма!** (к/ф «重返20岁»)

(16) 老牛吃嫩草 (‘любить молодых’, ‘мышинный жеребчик’, дословно — ‘старый бык ест молодую траву’) > 我还以为爷爷带着孙女来了是吧!

没想到老牛吃嫩草啊你! <406>, <413> — Я думал, это дедушка пришел со своей внучкой, верно? Я и не ожидал, что ты **мышинный жеребчик**, ах ты! (к/ф «重返20岁»)

Как мы отмечали выше, инвективы используются в китайском кинодискурсе по отношению к человеку.

5. Выводы

Обобщая все полученные в нашем исследовании результаты, считаем важным отметить, что единицы, номинирующие, описывающие и / или выражающие эмоции в кинодискурсе китайского языка, обладают лингвокреативным потенциалом, который реализуется посредством культурно-специфичных концептов.

Метод параметризации лингвокреативности позволил установить зависимость проявления креативного потенциала эмотивов от их семантических характеристик, а также (что особенно важно для китайского языка) от графической формы знака, обусловленных спецификой китайской языковой системы. Эмотивность в кинодискурсе китайского языка характеризуется в первую очередь непрямой передачей эмоционально-чувственной информации, а также коррелирует с оценкой. Было отмечено, что эмоции в китайском языке выражаются по отношению к человеку и ситуации, что свидетельствует о широком лингвокреативном потенциале китайского языка.

Было установлено, что в комедийном кинодискурсе китайского языка с целью достижения комического эффекта активизируются такие же микродискурсивные параметры лингвокреативности, как и в комедийном киноматериале на английском и русском языках, что подтверждает универсальность метода параметризации лингвокреативности и его эффективность при сопоставительном изучении языков.

Наряду с выявленными языковыми новациями, было также установлено, что использование эмотивов в их узуальном значении, а также приема метафоризации в кинодискурсе китайского может быть квалифицировано как некреативное, поскольку оно по сути является типовой реализацией имеющихся в языковой системе языковых средств.

При передаче эмоционально-чувственного отношения киноперсонажа используются лексические единицы, для которых характерна образная номинация, в основе которой лежит ряд метафорических концептов (ЗООМЕТАФОРА, ПИЩА, ВЕЩЕСТВО, ОДЕЖДА, ПСИХИЧЕСКОЕ

ЗАБОЛЕВАНИЕ и т. д.). Сложная природа человеческой психики, а также разного рода эмоциональные состояния и реакции человека в китайской лингвокультуре отражены в синкретичном характере метафорических концептов, лежащих в основе формирования эмотивных лексем и в особенности инвективов, которые, являясь неотъемлемой частью эмотивной лексики регламентируют специфику формирования вербальной структуры дискурсов разных типов, в частности комедийного кинодискурса.

Литература

Беляевская Е.Г. Воспроизводимы ли результаты концептуализации? (к вопросу о методике когнитивного анализа) // Вопросы когнитивной лингвистики. 2005. № 1(2). С. 5–14.

Зыкова И.В. Методологические векторы изучения лингвистической креативности в кинодискурсе // Уральский филологический вестник. Серия: Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива. 2020. № 2. С. 23–36.

Зыкова И.В. Лингвокреативность в дискурсах разных типов: Пределы и возможности: коллективная монография / Отв. ред. И.В. Зыкова. М.: Р.Валент, 2021.

Зыкова И.В. Полимодальная концептуализация чувств и эмоций в кинодискурсе // Когнитивные исследования языка. 2022. Вып. № 3 (50). С. 49–54.

Зыкова И.В., Красикова Е.А. Эмотивная лексика в кинодискурсе с позиции лингвокреативности (на материале фильмов на английском, русском и китайском языках) // Вестник СПбГУ. 2023, (в печати).

Зыкова И.В., Кулиджанян С.С. Параметризация лингвокреативности: английский корпус // Лингвокреативность в дискурсах разных типов: Пределы и возможности: коллективная монография / Отв. ред. И.В. Зыкова. М.: Р.Валент, 2021. С. 168–177.

Красикова Е.А. Креативный потенциал форм обращения в китайском кинодискурсе // Когнитивные исследования языка. 2023. Вып. № 3(54). С. 463–466.

Назибина И.Г. Формирование дискурсивно-коммуникативной парадигмы в китайском языкознании: от теории к социальной практике. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Красноярск, 2017.

Син Фуи. Грамматика китайского языка. Перев. с кит. Е.Н. Колпачковой, А.В. Лебедевой, Н.А. Сомкиной, Е.Ю. Фокиной; науч. ред. пер. Е.Н. Колпачкова. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2019.

Шахаева А.А. Смеяться бровями, или яркая палитра глаголов смеха в китайском языке. Вокруг смеха за шесть языков. М.: ООО «Издательство ТРИУМФ», 2022. С. 173–204.

Шаховский В.И. Лингвистическая теория эмоций: монография. М.: Гнозис, 2008.

Шаховский В.И. Триада экологий — человек, язык, эмоции — в современной коммуникативной практике: Монография. Волгоград: Волгоградский государственный социально-педагогический университет, «Перемена», 2017.

Huang G.W., Liao H.Q. Function and Interactive Mode of TV Interview Program. *Foreign Languages Research*. 2008. (4). P. 1–9.

Shi-xu Towards a Cultural Methodology of Human Communication Research (A Chinese example) // *Contemporary Chinese Discourse and Social Practice in China* / Ed. by L. Tsung and W. Wang [Studies in Chinese Language and Discourse 4]. 2015. P. 45–48.

The Routledge Handbook of Chinese Discourse Analysis / Ed. by Ch. Shei. New York: Routledge, 2019.

Xiao Y., Tsung L. Chinese discourse from diverse perspectives. An introduction // *Current Studies in Chinese Language and Discourse: Global context and diverse perspectives*. [Studies in Chinese Language and Discourse 10]. 2019. P. 2–4.

Xu Bo A Multimodal Discourse Analysis of the Movie 2012. *Movie Literature*. 2011. (9). P. 81–82.

Xu Bo Multimodal Discourse Analysis of the Movie *Argo*. *English Language Teaching*. 2018. 11(4). P. 132–137.

Yi He Humor in Discourse: A Linguistic Study of the Chinese Dialect Film, *Crazy Stone* (疯狂的石头). *Proceedings of the 20th North American Conference on Chinese Linguistics (NACCL-20)*. 2008. (2). P. 989–998.

Zhang J. A Cultural Discourse Analysis to Chinese Martial Arts Movie in the Context of Glocalization: Taking *Crouching Tiger, Hidden Dragon* and *Hero* as Cases. *Advances in Language and Literary Studies*. 2019. 10 (3). P. 32–41.

陈承泽. 国文法草创, 古汉语语法书, 商务印书馆, 1922.

吕叔湘. 中国文法要略. 商务印书馆, 1942.

马建忠. 马氏文通校注, 上册中华书局, 1954.

Словари и источники

Новейший философский словарь, Эл. ресурс <http://philosophy.niv.ru/doc/dictionary/newest-dictionary/articles/1045/invektiva.htm> (Дата обращения: 19.06.2023).

汉典, URL: <https://www.zdic.net/> (Дата обращения: 1.06.2023).

АРМЯНСКАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ И ОСОБЕННОСТИ ЕЕ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ В КИНОДИСКУРСЕ¹

С.С. Кулиджанян

Институт языкознания РАН, Москва

Цель настоящей работы заключается в исследовании специфики воспроизводимости армянских фразеологизмов в кинодискурсе. В фокусе внимания находятся особенности узуального и модифицированного употребления армянских фразеологических единиц. Результаты исследования представлены на материале двух армянских кинокомедий: «Ալաբալանիցա» (пер. «Алабалиница», 2011) и «Հյուսիս-Հարավ» (пер. «Север — Юг», 2015). В ходе анализа был выявлен 181 случай употребления фразеологизмов в данных фильмах, среди которых было обнаружено 27 случаев их модифицированного использования. Наиболее частотным способом модификации фразеологизмов в анализируемых армянских кинокомедиях оказалась стратегия визуализации (14 случаев). Полученные результаты позволяют судить о креативном потенциале армянских фразеологизмов в кинодискурсе и указывают на перспективность их дальнейшего изучения в данном направлении.

Ключевые слова: *кинодискурс, армянские фразеологизмы, воспроизводимость, лингвокреативность, модификации, когнитивная стратегия.*

ARMENIAN PHRASEOLOGY AND PECULIARITIES OF ITS FUNCTIONING IN CINEMATIC DISCOURSE

Suzanna S. Kulidzhanyan

Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Moscow

The present paper aims to analyze the reproducibility specificity of Armenian phraseological units in cinematic discourse. Special attention is paid to the cases of usual and modified use of Armenian phraseological units. The results of the research are demonstrated on the basis of two Armenian comedy films: «Ալաբալանիցա» («Alabalanica», 2011) and «Հյուսիս-Հարավ» («North-South», 2015). The analysis has revealed 181 cases of phraseological units' use in the given films, among which there are 27 cases of their modified use. The strategy of visualization (14 cases) turned out to be the most frequent phraseological units' modification means in the analyzed Armenian comedies. The results let us estimate the creative potential of Armenian phraseological units in cinematic discourse and show the expediency of their further investigation in this field.

Keywords: *cinematic discourse, Armenian phraseological units, reproducibility, linguistic creativity, modifications, cognitive strategy.*

---

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00040) в Институте языкознания РАН.

1. Вводные замечания

Исследования армянской фразеологии в настоящее время являются немногочисленными и имеют преимущественно сопоставительный или лексикографический характер. Рассмотрим подробнее несколько работ, дающих общее представление об указанных двух основных направлениях развития армянской фразеологии.

Так, работа Н.К. Гаспарян посвящена выявлению эквивалентов в русских и армянских фразеологизмах. В ходе проведенного исследования было установлено, что, с одной стороны, наибольшее количество эквивалентов среди фразеологических единиц (далее — ФЕ) русского и армянского языков можно наблюдать в религиозной сфере, как известно, объединяющей культуры двух народов, например: «*нести свой крест...* — իր խաչը տանել, *одним миром мазаны...* — մի մեղմունք են մըրսի՞նք, *святая святых...* — սրբաշնի սրբոց» [Гаспарян 2017]. С другой стороны, результаты показали, что абсолютных фразеологических эквивалентов крайне мало, что объясняется национально-культурной особенностью единиц фразеологического фонда армянского языка [Гаспарян 2017].

В статье по сравнительному анализу ФЕ с соматическим компонентом «голова» в английском (“HEAD”) и армянском (“ԳՆԼԻՄ”) языках С. Айрапетян ставит целью продемонстрировать, что в данных языках можно наблюдать наличие у данной группы фразеологизмов, сформированных на схожих образных основаниях, передающих общепринятые знания, восходящих к одним и тем же концептуальным метафорам и метонимиям. К примеру, армянская идиома *գլուխ գլխի տակ* и английская ФЕ *to put their heads together*, означающие ‘обсуждение того или иного вопроса с кем-либо (в группе людей)’, имеют схожие образы, формирующие представление о нахождении рядом двух и более человек, вероятно, наклоняющих друг к другу свои головы, чтобы лучше друг друга слышать [Наурепетян 2017: 284–285]. Следовательно, делает вывод автор, обе ФЕ мотивированы общепринятыми знаниями.

В исследовании М.А. Мидоян изучаются фразеологизмы с деструктивными глаголами армянского и русского языков, а также особенности их перевода. К деструктивным глаголам исследователь относит глаголы, не имеющие эквивалента в другом языке, а именно «переходные предельные глаголы со значением физического действия, направленного на объект, в результате которого объект изменяется, нарушается его структурная целостность на макро- или микроуровне и он не может выполнять ранее присущих ему функций» [Мидоян 2019: 38, Мидоян

2018: 94]. Предпринятый анализ позволил автору выделить три группы русских фразеологизмов: фразеологизмы с адекватным значением и таким же словесным выражением в обоих языках (например, *терять / потерять голову* — *գլուխը կորցնել*), фразеологизмы, одинаковые по семантике, но отличающиеся образами и формой выражения (например, *сердце кровью обливается* — *սիրտը կտոր-կտոր լինել*), фразеологизмы русского языка, содержание которых в армянском не воспринимается в качестве ФЕ (например, *язык заплетается* — *հոկզմունքից չկարողանալ խոսել*) [Мидоян 2019: 38]. Согласно полученным результатам, несмотря на значительное сходство между фразеологизмами с деструктивными глаголами двух изучаемых языков, возникают также «фразеологические лакунарные единицы», вследствие национально-культурного характера не получившие вербального выражения в другом языке [Мидоян 2019: 38].

В совместной работе И.Р. Саркисян и М.А. Мидоян, изучающих вопрос эквивалентности русских и армянских фразеологизмов, которые выражают чувства и эмоции, выявлено, что армянская и русская фразеология во многом схожи. Однако немалое количество ФЕ имеет национальную специфику и уникальный способ выражения, обусловленные главным образом спецификой образного мышления их носителей и доминантными в той или иной культуре эмоциями [Саркисян, Мидоян 2017: 51].

Отдельно стоит отметить исследования, направленные на лексикографическое описание армянской фразеологии. Среди толковых словарей армянской фразеологии можно выделить «Фразеологический словарь армянского языка» под редакцией А.М. Сукиасян и С.А. Галстян (1975). Словарь составлен для специалистов в области филологии и насчитывает более 5000 фразеологизмов, например,

- *Ադամի տարվանից*: ‘Շատ հնուց՝ հին ժամանակներից’: **Ադամի տարվանից** ճամփա ենք ելել, արդարություն երևից ենք գնում իրրև թե, բայց ոչ ճամփեն է վերջանում, ոչ էլ արդարությունն է երևում (Ա.հ.) (букв. ‘с года Адама’, пер. ‘с незапамятных времён’: Мы начали свой путь с года Адама, якобы идём за справедливостью, но и дороге нет конца, и справедливости не видеть)².
- *Բախտը բանել*: ‘Մեկի գործերը իրենից անկախ՝ հաչողվել, հաչողություն ունենալ, բախտը բերել’: Տունն էլ հեռու չեր, նրա **բախտը բանեց** (букв.

² В этом лексикографическом примере и в последующих примерах в скобках даны переводы буквального значения, переводы значения и примера. Оригинальный формат словарной статьи не сохранен. Примеры переводов лексикографических словарей даны автором — С.К.

‘сработать удачу’, пер. ‘чьи-либо дела сами по себе успешны, испытывать удачу, повезти’: *Дом был недалеко, ему повезло*’).

Среди переводных словарей внимания заслуживает «Русско-армянский фразеологический словарь» под редакцией Р.Л. Мелкумяна и П.М. Погосяна (1975). Данный словарь тоже имеет профессиональную направленность и включает 5600 фразеологизмов русского языка и 1670 вариантов, например:

- *От (с) Адама (и Евы) или (начиная) с Адама*: ‘սկզբից ևեթ, ամենահին ժամանակներից, շատ վաղուց’ (пер. ‘от самого начала, с давних времён, очень давно’). *Եղի տիրվիւից* (букв. ‘со времён Ноя’); *ի սկզբիւն, ի սկզբիւն անի* (букв. ‘с самого начала’); *սիսիւնի սիսիւնի տիրվիւից* (букв. ‘со времён деда моего деда’).
- *Поставить баночку*: ‘օղի խմել’ (букв. ‘выпить водки’).

«Русско-армянский школьный фразеологический словарь» под редакцией А.Ц. Акопян и Е.Н. Тер-Антонянц (1985) также является переводным. Словарь содержит 1200 фразеологизмов и может быть использован в качестве справочного пособия для лингвистического комментирования изучаемых художественных текстов и пособия по расширению фразеологического запаса учащихся.

К категории переводных словарей относится «Русско-армянский словарь фразеологизмов» под редакцией Р.Э. Агаяна, Н.А. Байбуртян, Р.Р. Грдзелян и Р.А. Тер-Аракелян (2003). Данный словарь является учебным и предназначен для овладения русскими устойчивыми выражениями.

Таким образом, обзор исследований по армянской фразеологии позволяет нам судить о малой изученности данной области и свидетельствует о необходимости разработки новых направлений. Одним из таких направлений может выступать изучение армянской фразеологии в кинодискурсе. Именно в рамках этого направления проводится наше исследование. Мы ставим своей целью изучить специфику воспроизводимости армянских фразеологизмов в кинодискурсе, уделяя особое внимание их узуальному и модифицированному употреблению.

2. Материал исследования

При формировании исследовательского корпуса, состоящего из армянских кинокомедий, мы учитывали следующие критерии: 1) новизность кино (игровое), 2) жанр (комедия), 3) высокий рейтинг, 4) наличие / отсутствие литературного источника (нами отбирались

прежде всего фильмы, которые не являются экранизацией), 5) период выхода кинокомедии (при выборе армянских кинокомедий в фокусе нашего внимания были 2010-е гг., поскольку именно это десятилетие ознаменовалось выходом полнометражных кинокомедий с высоким рейтингом), 6) страна производства (Армения). Среди армянских кинокомедий, на базе которых проводилось наше исследование: «Ալաբալանիցա» (пер. «Алабаланица», 2011), «Քայլ ձիով» (пер. «Ход конём», 2013), «Հյուսիս-Հարավ» (пер. «Север — Юг», 2015), «Սիրո Գործադիր» (пер. «Коэффициент любви», 2015), «Սուպեր Մայմ» (пер. «Супер Мама», 2015). Общая продолжительность кинофильмов составляет 511 минут (8,5 ч). В данной статье мы продемонстрируем результаты исследования на примере кинокомедий «Алабаланица» и «Север — Юг», основные данные о которых представлены в таблице (см. таблицу 1).

Таблица 1.

Общие сведения о киноматериале

Название фильма	Режиссер	Год выхода	Продолжительность
«Ալաբալանիցա» (пер. «Алабаланица»)	Арман Марутян (Արման Մարտիչյան) Ваагн Хачатрян (Վահագն Խաչատրյան)	2011	78 мин (1 ч 18 мин)
Сюжет: После нелепого несчастного случая недобропорядочный бизнесмен Севак и добрый и совестливый ветеринар Цолак впадают в кому, после чего их души оказываются в приемной у Ангела и Сатаны. Главным героям предстоит выполнить особое задание, после чего они смогут вернуться к жизни.			
«Հյուսիս-Հարավ» (пер. «Север — Юг»)	Давид Бабахаян (Դավիթ Բաբախյան)	2015	96 мин (1 ч 36 мин)
Сюжет: Состоятельный бизнесмен Ламберт нанимает Нверь, чтобы в его отсутствие тот ухаживал за его домашними питомцами. Оставшись один в загородном доме Ламберта, Нверь с друзьями устраивают вечеринку, во время которой разбивается статуя отца Ламберта. Чтобы спасти Нверья от разгневанного Ламберта, товарищи организывают план спасения, который выходит из-под контроля. В результате вместо одной задачи, Нверью и его друзьям приходится решить ещё многие другие.			

Важно отметить, что кинокомедия «Алабаланица» была изначально представлена как интерактивная. С помощью специально разработанной компьютерной программы зрители кинотеатра могли влиять на ход событий в кинокомедии. По сюжету фильма главные герои время от времени должны принимать решение, как поступить в той или иной ситуации. Так, зрителям предлагалась возможность помочь главным

героям, выбрав из предложенных двух вариантов дальнейшего развития сюжета фильма. В последующем, при представлении данной кинокомедии посредством интернет-ресурса, зрителю были предложены сразу два варианта фильма, один из которых мы выбрали для нашего исследования. Необходимо отметить, что варианты кинокомедии «Алабалица» незначительно отличаются друг от друга и в целом идентичны.

3. Методологическая база и результаты исследования

Для изучения узуального и модифицированного использования армянских ФЕ мы придерживаемся выделенных в работе И.В. Зыковой шести когнитивных стратегий коммуникативной адаптации образов фразеологизмов к дискурсу, а именно: встраивания, приращения, переконпозиции, разбиения, комбинирования и особой стратегии визуализации. Например, когнитивная стратегия разбиения определяется исследователем как «намеренное нарушение целостности базовой формы фразеологизма посредством разных способов (в частности, размещения одного из его компонентов в другом предложении, сокращение компонента) и в ряде случаев приводящее к образованию двух и более “альтернативных” фразеологизированных выражений» [Зыкова 2019: 210]. А под стратегией встраивания понимается «преобразование базовой формы ФЕ за счет включения в ее структуру одного и более новых компонентов (возможно целой фразы)» [Там же: 210]. В процессе нашего исследования мы отобрали из фильмов все виды устойчивых выражений, в том числе фольклорного происхождения и терминологического характера. Такой подход к отбору фразеологического материала обусловлен стремлением учесть все возможные типы армянских фразеологизмов, функционирующих в фильмах.

В результате проведенного анализа был выявлен 181 фразеологизм, из которых 154 единицы представляют собой случаи их узуального употребления. Как было обнаружено, более 70 % фразеологизмов, функционирующих в исследуемых армянских кинокомедиях, являются глагольными. Рассмотрим подробнее несколько примеров.

(1) ФЕ *լեզվին տալ* (букв. ‘дать языку’): ‘Անտեղի խոսել, անտեղի դուրս տալ, շատախոսել, շաղակրատել, գրախոսել’ (пер. ‘Бесмысленно говорить, много болтать, много говорить’)³ [ФСА]: *Սեվակ — Արա, դու! Բա վո՞նց եղավ, վոր մինչև ձեզ աշխատող բրիգադը ու՞ր հարկ հեղելի արդեն,*

³ Здесь и далее: перевод армянских фразеологизмов и контекстов их употребления сделан автором — С.К.

լեզվիդ ես տալիս, տալից արմատներու: (пер. ‘Севак: Эй, ты **уже слишком много болтаешь!** А как же тогда бригаде, работавшей до вас, удалось подняться до восьмого этажа без арматуры?’)⁴ (к/ф «Алабаланица»).

Употребление данной ФЕ в армянском тексте способствует достижению комичности.

(2) ФЕ շան տեղ դնել կամ չդնել (букв. ‘считать или не считать за собаку’): ‘Ոչ մի նշանակություն, արժեք չտալ, արհամարել’ (пер. ‘Не придавать никакого значения, игнорировать.’) [ФСА]: Ցոլակը շանը — Դու ներվայնանալու բան չունես. Նայիր քեզ, ամեն ամառն անամառնի վրա մի հաչա: Ինչվոր բան են տալիք քեզ, **շան տեղ մի դիր...** (пер. ‘Цолак собаке: ... Тебе не о чем беспокоиться. Ухаживай за собой, не лай на всех подряд. **Не придавай значения**, когда тебе что-то говорят...’) (к/ф «Алабаланица»).

Употребление этой ФЕ в такого рода контексте представляется довольно курьёзным, поскольку Цолак советует *собаке не обращать внимания* на всех подряд, что в армянском тексте звучит как *не считать за собаку* всех подряд.

(3) ФЕ ձեռք տնել (букв. ‘купить руку’): ‘Ճադրի տարկա դարձնել, վրան ծիծաղել, կատակել’ (пер. ‘сделать предметом насмешек, смеяться над кем-то, шутить над кем-то’) [ФСА]: Համիկ — Իսկ դու ունե՞ս ժառանգական հիվանդություններ: Սեվակ — Ես մեզ **ձեռ ե՞ք տնում:** (пер. ‘Асмик: А у тебя есть наследственные заболевания? Севак: Вы **издеваетесь** над нами?’) (к/ф «Алабаланица»).

Посредством данного устойчивого выражения *ձեռք տնել* (‘издеваться’) передается сарказм, а именно непреднамеренно высмеивается ситуация, в которую попали Севак и Цолак. Так, Асмик, занимающаяся продажей человеческих органов, интересуется наследственными заболеваниями душ Севака и Цолака, а не их тел.

(4) ФЕ լավության տակից դուրս գալ (букв. ‘выйти из-под услуги / одолжения’): ‘1. Մեկի լավության համար փոխհատույց լինել, երախտահատույց լինել: 2. Կաշառք խոստանալու արտահայտություն:’ (‘1. Отблагодарить за услугу. 2. Фраза для предложения взятки’) [ФСА]: Ռիպո — Մենք մի հատ էլ գալ ունենք: Ինքը հատուկ նախատեսվածա ինտելլիգենցիայի համար: Այդ գալում կնվազեք... Եթե հանկարձ մտքներով անցնի **լավության տակից դուրս գալ**, ես էն նեօրիջնի շոկոլատի տորթերից եմ սիրում: (пер. ‘Рипо: У нас есть ещё один зал. Он предназначен специально для интеллигенции. Там и будете играть... Если вдруг решите **отблагодарить** меня, мне нравятся те необычные, шоколадные тортики.’) (к/ф «Север — Юг»).

⁴ Здесь и далее: перевод примеров автора — С.К.

Обычно человек сам принимает решение отблагодарить кого-либо за оказанную услугу, однако в данном контексте курьезности ситуации добавляет то, что оказавший услугу (*Puno*) сам открыто намекает на определенный подарок в качестве благодарности.

(5) ФЕ *ձեռք տալ* (букв. 'дать руку'): 'Շահավետ, ձեռնտու լինել, հարմար լինել, գործին գալ' (пер. 'быть выгодным, подходящим') [ФСА]: *Նվեր — Մի ռուպե, իսկ կլինի՞ր սա վերցնեք, երեսունից իջնեք քսանիննը: Վարպետ Ալբերթը — Ես ձեռ ե՛ս տանում: Նվեր — Ձեռ եմ տալի: Վարպետ Ալբերթը — **Ձեռք չի տալի**: Նվեր — Ո՛վ չի տալի: (пер. 'Нверх: Минуточку, а можно взять это за двадцать девять вместо тридцати? Мастер Альберт: Ты издеваешься (букв. 'Покупаешь руку?')? Нверх: Руку даю. Мастер Альберт: **Мне невыгодно** (букв. 'Руку не дает.'). Нверх: Кто не дает?') (к/ф «Север — Юг»).*

В данном примере любопытно использование приема каламбура, который участники диалога реализуют с помощью употребления буквального значения компонентов ФЕ *ձեռք տանել* (см. пример (3)) и ФЕ *ձեռք տալ* с общим компонентом *ձեռք* ('рука').

(6) ФЕ *աչքալու կամ աչքալուսնք տալ* (букв. 'дать глазной свет'): '1. Մի հաճելի բանի, ուրախ դեպքի, հաջողության մասին լուր բերել: 2. Շնորհավորել:' (пер. 'Принести новость о каком-нибудь приятном мгновении, радостном событии, удаче') [ФСА]: *Առայրմ — Հիմա տառադիրանք ինչու՞ն է կայանում: Չանգեմ Բերքառատ, **աչքալուսնք տա՛մ**: Երջանիկ — Չէ, չէ, ընդհակառակը: (пер. 'Артем: Так в чём заключается твоё предложение? Мне позвонить в Беркарат, **поздравить** их? Ерджаник: Нет, нет, наоборот.')* (к/ф «Север — Юг»).

В этом контексте Артем говорит с определенной интонацией и придает ироничности ФЕ *աչքալու կամ աչքալուսնք տալ*, в частности, он замедляет темп речи и повышает голос во втором предложении.

Отдельного внимания заслуживают случаи узуального употребления жаргонных устойчивых выражений в армянских кинокомедиях, среди которых есть как примеры использования исконно армянских жаргонных выражений (*ցավը տանել* (букв. 'забрать боль'), *մեռնել կյանքին* (букв. 'умереть за жизнь'), *իմ ջոզելով* (букв. 'как я понимаю'), *հոգուն մեռնել* (букв. 'умереть за душу'), так и заимствованных. Например, в следующем контексте в фильме «Алабаланица» употреблено известное устойчивое выражение *սեքնդ-խենդ* ('секонд-хенд'):

(7) *Ցոլակ — Գիտես, Սեվակ, ընկերոջ հետ էդ ձևով չեն վարվում: Սեվակ — Տո դու ինձ ի՞նչ ընկեր, այ **սեքնդ-խենդ**: (пер. 'Цолак: Знаешь, Севак, так с другом не обращаются. Севак: Да какой ты мне друг, ты, **секонд-хенд**.')*

Состоятельный Севак использует данную ФЕ в качестве обращения к бедному ветеринару Цолаку, акцентируя внимание на его недорогой одежде. Данная ФЕ является калькой устойчивого выражения с английского языка, а именно ФЕ *second hand* ((букв. 'вторая рука'), 'from another person or source, not directly from personal experience or observation' [MGHDAIPhV]).

В следующем отрывке из кинокомедии «Север — Юг» употребляется ФЕ *օտղուշի*:

(8) *Ռիպո — Նեհեկց վոր, եթե ուզում եք էս ռեստորանում աշխատեք, օտղուշի նվազեք: (пер. 'Рипо: ... Так что, если хотите работать в этом ресторане, играйте **от души**')*

Данная ФЕ также является калькой с русского языка: фразеологизм *от всей души* ('Абсолютно искренне и с большим чувством. Имеется в виду, что лицо (X) делает что-л. от полноты всего своего существа, непосредственно, с полной откровенностью выражает свои добрые чувства' [БФСРЯ]). Более того, в результате калькирования ФЕ *օտղուշի* ('от души') с русского языка произошла модификация начальной формы данной ФЕ (*от всей души*) посредством опущения компонента «всей», что способствует приданию данной ФЕ более разговорного стиля в армянском языке.

В ходе проведённого исследования было установлено 27 случаев модифицированного употребления армянских фразеологизмов. Остановимся подробнее на наиболее репрезентативных случаях модификации армянских ФЕ в исследуемых кинокомедиях.

В обоих армянских кинофильмах комбинированное использование когнитивных стратегий разбиения и встраивания является распространенным, например:

(9) ФЕ *ջրի պես* (букв. 'наподобие воды'): 'Շատ, չափազանց' (пер. 'много, чрезмерно') [ФСА]: *Գևորգ — Չախ քաշի, կայնի, ձախ, յա յա յա: Ապրես, ջրի նման երկար կյանք ունենա: (пер. 'Геворг: Тут, остановись, тут, говорю! Спасибо, пусть твоя жизнь будет длинной **как река**')* (к/ф «Алабалица»).

В данном контексте вместо исконного компонента *պես* ('как, наподобие') употреблён его лексический и стилистический синоним *նման* ('как, наподобие').

(10) ФЕ *զինն ընկնել կամ իջնել* (букв. 'снизить или опустить цену'): 'Արժեքազրկվել, արժեքը կորցնել, հարզը ընկնել' (пер. 'обесцениваться, потерять ценность') [ФСА]: *Վարպետ Ալբերթ: Լաճրեւորը վոր իմանա ւաւաւի զինը գում էն, դուրը տեսնիր չի գա: Էդիկ — Մենք համաձայն*

tür: (пер. 'Мастер Альберт: Если Ламберт узнает, что **обесценивают** его отца, ему очень не понравится. Эдик: Мы согласны.') (к/ф «Север — Юг»). Так, вместо компонентов *ընկնել* или *իջնել* ('снизить или опустить') использован новый компонент *զգել* ('бросать').

Замена глагола базовой формы ФЕ обусловлена тем, кто в данном отрывке фильма хочет уменьшить цену: потенциальные клиенты или тот, кто оказывает услугу. Для первых подойдёт глагол *զգել*, а для последних — глаголы базовой формы ФЕ.

(11) ФЕ *փրկության դուռ* (букв. 'дверь спасения'): 'Փրկվելու միջոց՝ հնար՝ (пер. 'найти способ спастись') [ФСА]: *Առտո — Էդ: Էսա Էդը կա՛մ, ես մի ռոպեյով ուզում եմ, հեւա... հը, ծախի՛ր հողը: Առտոյմ — Չէ, բայց ես գտել եմ մեր փրկության ճանապարհը:* (пер. 'Арто: Эд? Сейчас Эд придёт, я хочу на минуту, сейчас... ну, продал землю?' Артём: Нет, но я нашёл наш **путь спасения.**') (к/ф «Север — Юг»).

В данной ФЕ вместо изначального компонента *դուռ* ('дверь') использован компонент *ճանապարհը* ('дорога'), который более популярен в разговорном армянском языке, и в частности в кинокомедиях.

Менее частотным, но весьма любопытным является комбинированное использование когнитивных стратегий разбиения и приращения ([Зыкова 2019: 210]):

(12) ФЕ *թքել մեկի կամ մի բանի (ամեն ինչի) վրա* (букв. 'плюнуть на кого-либо и что-либо'): 'Մեկին կամ մի բանից զզվանքով վերջնականապես հրաժարվել, խաչ դնել մեկի կամ մի բանի վրա:' (пер. 'от отвращения окончательно отказаться от кого-либо или чего-либо') [ФСА]: *Սեվակ — Արա, թքած է, տաքիտիլ ենք գնում: Ցոլակ — Չէ, Սեվակ, փխր մեզ տրքելվածա հաշտակակայն տրիսպրոտ նստել:* (пер. 'Севак: **Да наплевать**, поедем на такси. Цолак: Нет, Севак, нам же запрещено использовать общественный транспорт') (к/ф «Алабалица»).

Так, в данном примере очевидно разбиение базовой формы ФЕ и добавление междометного компонента «է» ('э'), употребляемого в армянском языке для усиления передачи различных отрицательных эмоций (обычно, раздражения, раздосадованности).

(13) ФЕ *շին տղա* (букв. 'сын собаки'): 'Նոսյն է՝ Շան որդի ((զոհկը.) Հայոյական, երբեմն թեթև մտերմական՝ հանդիմանական արտահայտություն տղամարդկանց վերաբերյալ՝ շնից ծնված):' [ФСА]: *Ցոլակ — Ես ըստե տուպետի դեմը կմեռնեմ, բայց կնոջ վրա ձեռք չեմ բարձրացնի: Ծնից ծնված ըլնեմ.* (пер. 'Цолак: Я здесь умру перед туалетом, но на женщину руку не подниму. **Будь я рождён от собаки**') (к/ф «Алабалица»).

В данном примере модификации ФЕ видно усечение базовой формы ФЕ (опущен компонент *տղիս* ('сын')) и добавление компонента *ծնվել* ('родиться') в пассивной форме. Выбор героя, употребившего этот фразеологизм, вероятно, неслучаен: Цолак является ветеринаром и очень трепетно относится к животным и даже владеет их языком. Однако именно он произносит данную ФЕ, которая помечена в словаре как вульгарная (*գոհլը*), что определенно добавляет комичности ситуации.

Наиболее частотным (14 из 27 случаев) в исследуемых армянских кинокомедиях оказалось использование особой стратегии модификации ФЕ — стратегии визуализации, представляющей собой «межсемиотический перевод содержания фразеологизма из вербальной в визуальную форму» [Зыкова 2019: 211].

В фильме «Алабаланица» можно наблюдать случаи визуализации сразу двух устойчивых выражений, а именно ФЕ *ձեռքը մեկնել* ('протянуть руку') и ФЕ *ձեռքը սեղմել* ('пожать руку'):

(14) ФЕ *ձեռքը մեկնել* (букв. 'протянуть руку') означает 'Ձեռքը երկարացնել առաջ բարևելու, մի բան ցույց տալու կամ այլ նպատակներով:' (пер. 'Протянуть руку вперёд для приветствия, для демонстрации чего-либо или для других целей') [ФСА].

(15) ФЕ *ձեռքը սեղմել* (букв. 'пожать руку') имеет значение 'Դր բարեկամությունը, հարգանքը արտահայտել մեկի նկատմամբ՝ նրա ձեռքը սեղմելով:' (пер. 'Выразить свою доброжелательность и уважение по отношению к кому-либо') [ФСА].

На рис. 1. из кинокомедии «Алабаланица» представлено, как один из главных героев (Цолак) протягивает руку второму (Севаку), а тот не отвечает взаимностью, т. е. Севак не пожимает протянутую руку Цолака. Так, уже с первых секунд кинофильма создаётся представление о комичном характере взаимоотношений двух главных героев и фильма в целом.

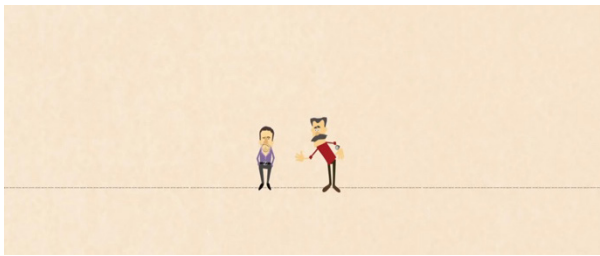

Рис. 1. Визуализация ФЕ *ձեռքը մեկնել* и ФЕ *ձեռքը սեղմել* в мультипликационной вставке, появившейся в начале фильма как заставка

Визуализация сразу двух ФЕ приводится на рис. 2. На них изображены фрагменты из кинокомедии «Север — Юг». Однако в данном случае героям удалось договориться, и протянутая рука собеседника была пожата.

Рис. 2. Визуализация ФЕ *ձեռքը մեկնել* и ФЕ *ձեռքը սեղմել*

В заставке к фильму «Алабаланица» визуализируется название фильма, которое является популярной детской считалкой, обычно предназначенной для выбора / избрания одного участника из множества:

(16) *(Ала-бала-ница // Турска паница // ой де гиди Ванчо // Наш капитанчо. // Паланчо!)*.

Напомним, что кинокомедия представлена сразу в двух вариантах и по сюжету фильма для выполнения задачи, поставленной Ангелом и Сатаной, главным героям, находящимся в коме, приходится часто выбирать, как поступить далее (см. рис. 3).

Рис. 3. Визуализация ФЕ *ալաբալանիցա*

На следующем рисунке (см. рис. 4) продемонстрирован номер машины одного из главных героев, недобросовестного и чрезмерно уверенного в себе строителя Севака (к/ф «Алабаланица»).

(17) Ошибка P11AA связана с проблемой подачи сигнала контролёра давления воздуха во впускном коллекторе.

Возможно, речь идёт об ошибке (другого характера), которая будет продемонстрирована и описана в примере (18).

Рис. 4. Визуализация ошибки P11AA

По сюжету фильма «Алабалица» Севак занимается стройкой, в частности, жилых зданий. Будучи недобросовестным и самолюбивым человеком, Севак ради своей выгоды старается как можно больше сэкономить на качестве строительного материала, что впоследствии сильно повлияет на его жизнь. В ответ на жалобы и недоумение своих рабочих Севак хочет им продемонстрировать, что ничего страшного и необратимого от использования некачественного материала в строительстве жилого здания не произойдет и начинает прыгать на одном из верхних этажей (см. рис. 5). В результате здание не выдерживает подобного (небольшого) давления, вследствие чего земля уходит из-под ног Севака, и он проваливается сквозь все этажи. Вероятно, в примере (17) речь шла именно об этой ошибке Севака, что подтверждается сюжетом кинофильма и очередностью двух визуализаций (рис. 4 непосредственно предшествует рис. 5). Таким образом, на рисунке 5 продемонстрирована следующая визуализация:

(18) ՓԵ նորքի տակի հողը կորցնել (букв. ‘потерять землю под ногами’): Դիրքի անվտանգությունը, հաստատուն հիմքից զրկվել: (пер. ‘лишиться прочного основания от самоуверенности’) [ФСА].

Итак, в результате своей ошибки, а именно, халатного отношения к постройке жилого здания, Севак проваливается сквозь здание с высокого этажа. Рабочие строительного объекта вызывают скорую помощь для пострадавшего и провожают своего шефа. Так, на рисунке 6 можно наблюдать следующую визуализацию:

Рис. 5. Визуализация ФЕ *nuph ushhi hnhn krrgnel*

(19) ФЕ *qihushyln vkrgnel* ((букв. 'брать / взять шляпу') 'Տեսնելիս կամ հրաժեշտ տալիս ողջունել' (пер. 'Пожелать здоровья, увидев кого-либо или попрощавшись') [ФСА]).

Один из рабочих, провожая Севака, поднимает свою «шляпу» и таким образом, вероятно, прощается с ним. Но поскольку сцена разворачивается на строительном объекте, рабочий поднимает не привычную *шляпу*, а *строительную каску*, что определенно добавляет комичности ситуации. Так, наряду со стратегией визуализации в данном примере демонстрируется комбинированное использование стратегий разбегания и встраивания, а именно, компонент базовой формы ФЕ *qihushyln vkrgnel* «шляпа» заменен на новый компонент «строительная каска».

Рис. 6. Визуализация ФЕ *qihushyln vkrgnel*

Одним из способов визуализации фразеологизмов является их графическое изображение в объявлениях, на афишах, на стене, на одежде и т. д.

В качестве примера такого рода визуализации ФЕ можно привести следующий способ изображения:

(20) ФЕ *սոռող հոգին սոռող մարմին մեջ* «пишется» на одежде одного из героев, занимающегося продажей человеческих органов (см. рис. 7) (к/ф «Алабаланица»):

Рис. 7. Визуализация ФЕ *սոռող հոգին սոռող մարմին մեջ*

Устойчивое выражение *սոռող հոգին սոռող մարմին մեջ* ((Նոզելվան րարեմանությունը պայմանավորված է ֆիզիկական սոռոջությամբ՝ (пер. 'Благостное состояние духа обусловлено физическим здоровьем') [ФСА]) буквально означает «здоровый дух в здоровом теле». Примечательно, что помимо стратегии визуализации в данном примере можно наблюдать также стратегию разбиения, встраивания и перекомпозиции. Так, оригинальная ФЕ звучит, как *здоровый дух в здоровом теле*, тогда как представленный на рис. 7 модифицированный вариант — *в здоровом теле здоровые органы*. Таким образом, в данном примере зафиксировано разбиение базовой формы ФЕ (опущено слово «дух»), встроены новые компоненты («органы») и изменена последовательность компонентов фразы (компонент «тело» перенесен в начало ФЕ).

5. Заключение

В исследованных нами армянских фильмах был обнаружен 181 фразеологизм: 94 ФЕ зафиксированы в «Алабаланица» и 87 ФЕ — в «Север — Юг». Суммарно в двух кинокомедиях было выявлено 154 случая узуального употребления фразеологизмов: из них 74 ФЕ — в «Алабаланица» и 80 ФЕ — в «Север — Юг». Было также установлено 27 случаев модифицированного употребления фразеологизмов: из них 20 ФЕ было обнаружено в «Алабаланица» и 7 ФЕ — в «Север — Юг».

Изучение структурно-функциональных характеристик выявило, что более 70 % фразеологизмов, функционирующих в исследуемых армянских кинокомедиях, являются глагольными.

Согласно анализу, наиболее часто встречающимися способами модификации фразеологизмов в двух армянских кинокомедиях оказались: визуализация — 14 ФЕ, интегрированное использование когнитивных стратегий разбиения и встраивания — 5 ФЕ, интегрированное использование когнитивных стратегий разбиения и приращения — 4 ФЕ. Таким образом, можно говорить о том, что, с точки зрения лингвокреативности кинокомедия «Алабаланица» представляет бóльший интерес, нежели «Север — Юг». Об этом также свидетельствует и тот факт, что из суммарного количества визуализаций, 12 случаев приходятся на фильм «Алабаланица».

В целом, полученные результаты говорят о целесообразности дальнейшего исследования специфики воспроизводимости в комедийном кинодискурсе армянских фразеологизмов, поскольку данная область исследования представляется малоизученной и перспективной. В дальнейшем стоит обратиться к сопоставлению сходств и различий употребления фразеологизмов в армянском и в англоязычном дискурсе.

Литература

Гаспарян Н.К. Фразеологизмы с безэквивалентной лексикой: на материале сопоставительного анализа русского и армянского языков // *Universum: Филология и искусствоведение: электрон. научн. журн.* 2017. No 2(36). URL: <http://7universum.com/ru/philology/archive/item/4390> (Дата обращения: 17.04.2023).

Зыкова И.В. Концептосфера культуры и фразеология: Теория и методы лингвокультурологического изучения. М.: Ленанд, 2015.

Зыкова И.В. Языковая игра в конструировании поэтики комедийного кинодискурса // *Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова.* М.: ИРЯ РАН, 2019. № 19. С. 205–214.

Мидоян М.А. Русские фразеологизмы с деструктивными глаголами и их армянские эквиваленты // *Филологические науки Ереванского университета «Айбунг».* 2019. С. 36–39.

Мидоян М.А. Семантические особенности деструктивных глаголов в русском и армянском языках // *Инновационная наука.* 2018. № 7–8. С. 94–98.

Саркисян И.Р., Мидоян М.А. Проблема эквивалентности русских и армянских фразеологизмов, выражающих чувства и эмоции, в ракурсе минимизации рисков недопонимания в межкультурном диалоге // *Инновационная наука.* 2017. № 8. С. 47–52.

Nayrapetyan S. Comparative analysis of phraseological units with the somatic component 'HEAD' in English and Armenian // Մերոյ Մշտնոց հաճախորդի լրատու (Вестник Университета Месроп Маштоц), 2017. С. 283–290.

Словари

БФСРЯ — Большой фразеологический словарь русского языка / Отв. ред. В.Н. Телия. М.: АСТ-Пресс. 2006. URL: https://phrase_dictionary.academic.ru (Дата обращения: 23.04.2023).

ФСА — Фразеологический словарь армянского языка под редакцией А.М. Сукиасян и С.А. Галстян. Ереван: Издательство Ереванского университета, 1975. URL: http://www.nayiri.com/imagedDictionaryBrowser.jsp?dictionaryId=55&dt=HY_HY (Дата обращения: 20.05.2023).

РАФС — Русско-армянский фразеологический словарь» под редакцией Р.Л. Мелкумяна и П.М. Погосяна. Ереван: Издательство Ереванского университета, 1975. URL: http://www.nayiri.com/imagedDictionaryBrowser.jsp?dictionaryId=70&dt=RU_HY (Дата обращения: 10.04.2023).

MGHDAIPhV — McGraw-Hill Dictionary of American Idioms and Phrasal Verbs. URL: <https://idioms.thefreedictionary.com> (Дата обращения: 01.06.2023).

РАЗДЕЛ 5.

КОГНИТИВНЫЕ И КОММУНИКАТИВНЫЕ ФАКТОРЫ КРЕАТИВНОСТИ В ДИСКУРСАХ РАЗНЫХ ТИПОВ

ТЕАТРАЛЬНЫЙ ДИСКУРС: КРЕАТИВНОСТЬ БЕЗ АЛЬТЕРНАТИВЫ¹

А.Э. Левицкий

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва

В статье рассматривается структура театрального дискурса в аспекте вариативности, которая необходима для привлечения зрителя. Вариативность структуры данного дискурса проявляется в креативности. Актуальность настоящего исследования прослеживается в том, что оно выполнено в русле когнитивно-дискурсивной парадигмы и нацелено на выявление структуры театрального дискурса, раскрытия границ ее вариативности. Материалом научного поиска явились рекламные материалы московских театров 2014–2023 гг.; видеозаписи спектаклей этого периода, их оценки в социальных сетях; 300 аудиозаписей обращений к зрителям, записанных в театрах Москвы в 2019–2023 гг. Использовались методы структурного, дискурсивного и формально-содержательного анализа. В результате проведенного анализа были сделаны выводы о структуре и о границах вариативности театрального дискурса; о типологии креативных изменений в структуре данного дискурса; о новых коммуникационных технологиях в рамках театрального дискурса.

Ключевые слова: *театральный дискурс, дискурсивное пространство, вариативность, креативность, гибридизация дискурса.*

THEATRICAL DISCOURSE: CREATIVITY WITHOUT ANY ALTERNATIVE

Andrei E. Levitsky

Lomonosov Moscow State University, Moscow

The article tackles the structure of theatrical discourse within the framework of variability for attracting spectators. Variability of this discourse structure reveals itself in creativity. Topicality of the research traces the cognitive-and-discursive paradigm; aims at singling out the structure of theatrical discourse as well as borders of its variability. Resources applied include Moscow theatres advertising materials produced in 2014–2023; videos of performances shot at the above time as well as evaluation remarks on those performances in social nets; 300 recordings of addresses to spectators at Moscow theatres in 2019–2023. Methods of structural, discourse analysis, formal-and-essential analyses shape the core of the research. The results reached deal with the structure and variability borderlines within the framework of theatrical discourse; typology of creative changes within the above discourse; application of new cooperative technologies within the theatrical discourse.

Keywords: *theatrical discourse, discursive space, variability, creativity, discourse hybridization.*

---

¹ Исследование выполнено при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

Современная дискурсология в эпоху своего становления решает целый ряд задач. Ключевыми среди них являются определение и структура дискурса, присущие ему методы анализа, таксономия различных дискурсивных практик. Среди наиболее актуальных подходов к дискурсу выделяется его понимание одновременно как процесса и результата языковой деятельности [Кибрик, Плунгян 1997: 276–339]; как вербализованной деятельности, представляющей собой совокупность процесса и результата, и обладающей собственно лингвистическим и экстралингвистическим планами [Красных 2003]; как отражения не только приобретенного человеком знания, но и опоры для создания новых миров. Если текст рассматривается как готовая данность, то дискурс рассматривается как процесс его создания. Следовательно, дискурс является некой моделирующей структурой, в которой сосуществуют фрагменты отраженной действительности, предназначенные для конструирования потенциально возможных миров (ср. [Кубрякова, Александрова 1999: 194]).

Дискурс — это систематическое устройство для обработки оязыковленной мысли, а также эмпирического опыта, в который укладывается система категорий прошлого и будущего, существующего и возможного миров на основе пережитого опыта, с учетом ситуационных разрешений и допустимых обстоятельств, правил игры и их нарушений. Дискурс конституируется ограниченным числом высказываний, возникших и воплощенных в определенное время. Таким образом, дискурс — это результат мыслительной и языковой обработки эмпирического опыта, воплощенного в пространственно-временной системе координат посредством определенных пропозиций [Красных 2003; Кубрякова, Александрова 1999; Темнова 2004].

Представленное понимание дискурса предполагает «мозаичное» решение проблемы таксономии дискурсивных практик. Дискурсологи исходят из того, что формы дискурса так же разнообразны, как и формы человеческой жизни (см., например, [van Dijk 1995; Schiffrin 1994]). Для понимания разнообразия дискурса А.А. Кибрик предлагает учитывать не менее четырех параметров — модус, жанр, функциональный стиль и формальность, которые являются независимыми друг от друга и дают сложную комбинаторику различных взаимодействий. Практически все актуальные проблемы дискурсивного анализа решаются по-разному для различных дискурсивных практик [Кибрик 2009: 16]. Так, художественный дискурс, включающий литературный, театральный, кинодискурс, теле- и радиодискурс обладает максимально возможным простором для креативности (см., например, [ЛДРТ 2021]).

Если за основу типологии взять понимание дискурса как коммуникативного события, сферу коммуникативной деятельности, которая, в свою очередь, обуславливает содержательное своеобразие, то дискурс «раскрывается не одним отдельным текстом, но интертекстуально, в комплексном взаимодействии многих отдельных текстов» [Чернявская 2006: 76]. Таким образом, объединение соотношенности сферы деятельности и содержания выходят на передний план.

Данное направление наиболее полно соответствует пониманию дискурса как явления, объединяющего вербализованную информацию (т. е. текст) и невербализованную, «затекстовую» информацию, которая характеризует каждую дискурсивную практику, отражая как социальные, этнокультурные и индивидуально-личностные параметры автора, так и знания, свойственные определенной цивилизации, эпохе, моде, общественно-политической формации. Таким образом, речь идет, с одной стороны, о культуре автора вербализованного текста, а с другой стороны — о культуре социума, частью которого он является. Такая своеобразная «двуликость» делает дискурс высокоинформативным и достаточно гибким для понимания представителями разных этнических и социальных групп, как среди современников, так и представителей последующих поколений, что представляет поле для эксперимента, т. е. креативной деятельности индивида. Вызов стандарту языковому или содержательно-формальному, который проявляется в появлении новых слов и новых значений, а также реализации изменений текстовой архитектоники, раскрывает возможные границы вариативности той или иной содержательной формы. Значительный интерес в изучении дискурсивных практик прошлых лет направлен на поиск сходств и отличий путей достижения определенной цели, но в условиях, отличающихся от текущих.

Не подлежит сомнению, что с течением времени дискурс трансформируется как по содержанию, так и форме. Нынешние поколения являются свидетелями трансформаций в общественно-политическом, медийном, медицинском, педагогическом, спортивном, гастрономическом и многих других дискурсивных практиках, которые сохраняют для потомков информацию о нашем времени. Не стоит в стороне от перемен и театральный дискурс. Считаю целесообразным уделить место этому термину, поскольку в исследовательской практике не всегда различают драматический, драматургический и театральный типы дискурса. Последний шире по своему содержанию, чем два других, каждый из которых касается важнейшей, но лишь определенной части театрального дискурса, связанной непосредственно со сценическим

действием — ключевой целью участия в данном действе как его создателей (творческих коллективов), так и потребителей (зрителей).

Дискурс драматический, или дискурс драмы, играет базовую роль для театрального дискурса, поскольку формирует основу как театрального, так и драматургического дискурса. Важным является зарождение и «распаковка» формы и содержания драматического произведения, которое впоследствии станет спектаклем.

Драма рассматривается как некий формат знания, в котором информация распределяется по всему пространству текста, что способствует объединению когнитивного и дискурсивного начал. Пьеса как формат знания есть некое единство, состоящее из структур знания [Кубрякова 2008], т. е. концептосфер, действующих в рамках единого дискурсивного образования. Следовательно, драматический дискурс — это объемное когнитивно-коммуникативное пространство в рамках художественного произведения, где в контакт вступают сознания персонажей, драматурга, постановочного коллектива и зрителя в момент действия [Голованева 2010]. Итак, драматическому дискурсу, или дискурсу драмы посвящено значительное количество научных исследований (см., например, [Логинова 2021; Петрова 2017]). Анализ употреблений данного термина доказывает, что он мыслится как часть театрального дискурсивного пространства, содержащего информацию о тексте пьесы, ее авторе и тех знаниях, которые активированы непосредственно в сознании постановочной команды и зрительской аудитории.

Вместе с тем, театральное пространство включает и драматургический дискурс, аккумулирующий информацию о самой постановке, начиная с авторских ремарок, дополнительных источников, раскрывающих историю создания текста пьесы, дух того времени, его оценку драматургом, а также рецепцию постановки профессиональным экспертным сообществом. Материалы, относящиеся к драматургическому дискурсу, служат основой подготовки будущих драматургов, режиссеров, актеров, критиков, искусствоведов и других деятелей театра. В частности, драматургический дискурс определяется как, во-первых, когнитивно-коммуникативное событие, раскрывающее внутреннее содержание художественного произведения; во-вторых, область взаимного проникновения активизированных зон сознания продуцента и реципиентов текста пьесы [Алефиренко, Голованева, Озерова, Чумак-Жунь 2012]. Среди специфических особенностей, которые данный дискурс реализует, выделяются репертуарность, ритуализованность, регламентированность и сценичность [Zheltukhina, Vikulova, Mikhaylova, Borbotko 2017].

Отличительной чертой драматургического дискурса является разговорная стилизация персонажной речи и ремарки, касающиеся повышения диалогичности драматургического дискурса: поведения персонажей, их костюмов, реквизита, звуков, музыки, цвета, света, оформления сцены, ее механики, компьютерных технологий, которые используются постановочной командой в ходе работы над значимыми для драматурга фрагментами пьесы. Таким образом, ткань пьесы раскрывает суть драматургического процесса и позволяет оценить его результат. Следовательно, дискурсивный анализ предполагает рассмотрение текста пьесы с учетом взаимодействия социальных, психологических, культурных и иных факторов, которые отражают форматы знания автора и постановочной команды в процессе создания драматургического произведения [Зайцева 2002; Кубрякова, Александрова 2008; Кубрякова, Петрова 2010].

Драматургический дискурс отражает междисциплинарный характер современной лингвистики, поскольку речь идет о подходах к анализу информации с позиций когнитивной науки, теории коммуникации, прагмалингвистики, психологии, философии, этнологии, конфликтологии, литературоведения, культурологии, искусствоведения (ср. [Каринова 2012]).

Театральный дискурс, в нашем понимании, не ограничивается лишь драматическим и драматургическим дискурсами. Он уже длительное время находится в эпицентре внимания лингвистов. Так, к примеру, его трактуют как вид синергетического дискурса, реализация которого связана с проявлением некоего эмерджентного признака. Иными словами, этот вид дискурса представляет собой определенную форму естественно-языковой практики, в ходе которой текст как основа для театрального действия трансформируется в коммуникативное пространство. Считается также, что в публичном коммуникативном пространстве театральный дискурс как знаково-символическая деятельность обладает рядом инвариантных черт: целостностью, связностью, информативностью, синтетичностью, конвенциональностью, коммуникативно-прагматической направленностью, а также вариативной медийностью, если новости о спектакле распространяются в информационном пространстве [Кашкин 2000]. Обратим также внимание на институциональный характер театрального дискурса как формы объединения профессионального сообщества людей, имеющих отношение к театру [Кашкин 2000; Кривоносов, Шевченко 2011].

Театральный дискурс является одним из наиболее гибридизированных, поскольку отражает жизнь общества, включая все его сферы,

жизнь различных социальных, профессиональных, этнических и возрастных групп. Именно поэтому дискурсивное пространство спектакля в идеале должно максимально полно отразить в художественной форме мир вокруг нас и нас в этом мире. Иными словами, мы имеем дело с дискурсом жизни каждой этно-социокультурной группы, что так сильно притягивает зрителей. За то, чтобы посмотреть на себя со стороны, мы включаемся в театральный дискурс.

Театральный спектакль мыслится как коммуникативное событие, реализуемое в физическом пространстве театра, представляющем собой не просто контейнер информации, но место, в котором, «дискурсивное пространство как физическое совпадает с последним по своему топосу, по месту локализации говорящего» [Плотникова 2018: 32–33]. Предлагаем рассмотреть структуру названного выше театрального дискурсивного пространства, которое включает в себя драматический и драматургический дискурсы.

Театральный дискурс характеризуется существенными вариантными чертами. Безусловно, приоритет принадлежит театральному действию, в котором заложен образ события, положенный драматургом в основу фабулы и сюжета пьесы. Именно этот текст должен заинтересовать режиссера, чтобы он собрал творческую группу для воплощения идеи драматурга в сценическое произведение. Театральный дискурс, тем самым, раскрывает свою вариативность, которая проявляет его креативность, что приводит к уникальности спектакля. Множественность интерпретаций, которую ранее не выделяли в качестве существенных свойств театрального дискурса, на наш взгляд, является одним из важнейших его качеств. Таким образом, театральный дискурс значительно отличается от других видов дискурса. Работа творческого коллектива над созданием нового продукта должна не повторять предыдущие интерпретации, а учитывать потребности общества и отражать понимание творческим коллективом исходного материала. Так, поставленная в 2017 г. в Театре на Таганке «Чайка 73458», по данным режиссера этого спектакля Д. Казлаускаса, является 73 458-й постановкой в мире. В данный момент в Москве в репертуарах театров насчитывается десять постановок этого шедевра А.П. Чехова. Добавим к ним балет в Большом театре по мотивам этого драматического произведения. Наш анализ показывает, что эти постановки существенно отличаются по количеству актеров, использованию авторского текста, музыки, интерпретации сюжетных линий, вовлечению зрителей в действие, костюмам, декорациям, реквизиту и длительности. Каждый из этих спектаклей привлекает зрителей, невзирая на то, что они уже видели другие

постановки, смотрели кинофильм или читали текст пьесы. Безусловно, для знаний зрителей вызовом является балет по мотивам «Чайки», поскольку приходится сравнивать предыдущую информацию с новой. Так же вызовом для зрителя были шедшие ранее в Москве детектив и оперетта по мотивам «Чайки» А.П. Чехова. В этой связи стоит упомянуть спектакль «Записная книжка Тригорина», написанная американским драматургом Т. Уильямсом как попытка перевода пьесы А.П. Чехова, которая шла в 1990-х гг. на сцене театра имени Н.В. Гоголя. Увидеть новые смыслы — основной посыл постановочной команды разглядеть новое в хорошо известном — действует на зрителя безотказно.

На основе сопоставления исходного и текста-деривата пьес нами выделены следующие модели трансформации: 1) исходное название + новый сюжет; 2) новое название + исходный сюжет; 3) новое название + объединение сюжетов разных пьес; 4) исходное название + объединение сюжетов разных пьес; 5) исходное название + частичные изменения (персонажи, место или время действия, незначительные изменения в тексте); 6) исходное название + новый жанр при сохранении основной сюжетной линии; 7) новое название + новый жанр при сохранении основной сюжетной линии.

Для постановочного коллектива спектакля начальный этап во временном плане происходит значительно раньше, чем в пространство театрального дискурса вовлекаются зрители. В отличие от последних постановщики ведут активную подготовку к спектаклю. При этом зритель никак не является пассивным лицом, его образ мышления, жизненный опыт и знания, прогнозируемые в театре, активно влияют на подготовку и ход действия. Данный процесс по своей сути инвариантен.

Театральной дискурс видится нам как ориентированный на реципиента, т. е. «зрителецентричный», где буквально всё направлено на удовлетворение его эстетических, моральных, этнических, культурологических, психологических и других устремлений. Данное понимание не дает ответ на вопрос о месте непрофессионалов, т. е. людей, не являющихся специалистами в искусстве театра, но любящих и спонсирующих его. Человек идет в театр не только получить подтверждение своих взглядов на жизнь и мир, в котором он живет, но для расширения своих знаний, поиска путей решения морально-этических и иных проблем. Именно театральный дискурс выступает своего рода психологом, психотерапевтом, советчиком, который помогает посмотреть на жизненные ситуации, волнующие зрителя. Театру зритель нужен для оценки эстетических поисков, не говоря уже о материальной стороне бытия актера. В нашей концепции зритель занимает свое особое место в

театральном дискурсе, поскольку его роль относится к инвариантным компонентам.

Зритель, находясь в театре и присутствуя на спектакле, становится частью пространства, дискурсивного по своей сути [Слышкин, Борботько 2018]. Он как необходимая составляющая этого дискурса вовлекается на этапе ознакомления с театральной афишей или иными рекламными материалами. Выбор спектакля и театра, где его можно увидеть, это — ознакомительный этап, от которого зависит дальнейшее развертывание театрального дискурса для зрителя. В наше время выбор может быть сделан на основе информации из интернета, теле- и радиопередач, листовок, фотографий и афиш, а также советов друзей или просто приглашений, когда зритель избавлен от выбора. В этот процесс вовлечены работники медиасферы, которые постоянно совершенствуют формы влияния на потенциальную аудиторию. Для привлечения зрителей широко используется коммуникативная стратегия активного воздействия [Ксензенко, Великоднев 2022]. На этом этапе формируются ожидания по поводу спектакля. В дальнейшем зритель исходит из данного ожидания, сверяя свои впечатления с первоначальными. Если реальность соответствует или превосходит ожидания, зритель удовлетворен, а в противном случае — недоволен увиденным. В любом случае, зритель должен быть подготовлен к походу в театр, иначе он не сможет выступить полноценным участником театрального дискурса. Начальный этап отличается высокой вариативностью и креативностью в процессе поиска, получения, обработки и передачи информации.

Как известно, для зрителя «театр начинается с вешалки». Точнее — с приходом в театр начинается следующий, активный этап действия в театральном дискурсе. Само здание театра, прохождение через охрану, контакты с капельдинерами, другими зрителями, наличие новых рекламных и продвигающих материалов, уют и комфорт, специфическая театральная атмосфера формируют инвариантную основу данного этапа театрального дискурса. На протяжении длительного времени третий звонок являлся водоразделом между подготовкой к спектаклю и самим действием. С 90-х гг. прошлого века в театральном дискурсе появилось новшество, которое стало инвариантным и едва ли не одним из основных на этом этапе развертки театрального дискурса. Сказался научно-технический прогресс, когда зрители массово стали пользоваться сотовыми телефонами и пейджерами, звонки на которые серьезно мешали актерам демонстрировать свою работу и другим зрителям, вынужденным отвлекаться от действия на сцене. Как реакция на систематические нарушения театрального этикета, администрации те-

атров пополнили театральный дискурс новым жанром — обращение к зрителям. Данное решение явилось безальтернативным, потому что нарушение театрального этикета такого плана (это не нарушение дресскода, которое вряд ли повлияет на работу актеров и ее восприятие зрителями) абсолютно критично. Таким образом, театральный дискурс пополнился новым инвариантным компонентом. Думается, что уже нет театрала, которому нужно напоминать о том, чтобы перед началом спектакля выключить сотовый телефон. Вместе с тем, эта форма коммуникации стала развивать вариативность. Так, в сильной позиции обращения к зрителям наряду с вопросами противопожарной безопасности, авторских прав, соблюдения масочного режима во время пандемии и многого другого находятся просьбы оказания материальной помощи театру, зрителей знакомят с историей театра, его репертуаром, звучит также и иная информация.

Следующий после обращения к зрителям этап знаменует контакт зрителя и актеров — апогей театрального дискурса. Именно в этот момент начинается реализация тех устремлений, ради которых зрители пришли в театр, а постановочная команда готовилась удивить, растрогать, очаровать, убедить, рассказать или заставить задуматься о чем-то важном, провести какие-то параллели с прошлым, настоящим или очертить перспективы возможного будущего. Этот контакт традиционно завершается аплодисментами, слезами или смехом, цветами и подарками, поклонами и разрешенным фотографированием, а также съемкой этих моментов на видео.

Нельзя отрицать и тот факт, что всё действие воспринимается зрителем как реципиентом информации, представленной в художественной форме. Цель театрального процесса оказать влияние на эмоциональное состояние, расширить сознание зрителя. Роль последнего во время представления сводится к сопереживанию и чувственной рефлексии, вызванных спектаклем. Наконец, «ресурсом и сферой реализации дискурса выступает контекст культуры: одни знаковые системы противопоставляются другим как центр и периферия, внутренние и внешние, между которыми происходит обмен содержанием» [Кривоносов, Шевченко 2011: 137].

Знаменем нового времени является и следующий этап театрального дискурса, так называемой обратной связи, в которой активными деятелями являются зрители, пишущие отзывы, размещающие фото и видео в социальных сетях, чатах, форумах, на различных интернет-платформах, сделанные в театре. Даже если работники театра следят за активностью зрителей и реагируют на нее, то всё же их роль на

данном этапе театрального дискурса менее заметна. Динамический и интерпретационный параметры дискурса проявляются в процессе восприятия, понимания и оценки зрителем всего увиденного, услышанного и прочувствованного в театре. Этот этап обладает высокой долей вариативности, позволяя зрителям демонстрировать свою креативность.

В заключение отметим, что театральный дискурс первой половины XXI в. претерпел значительные изменения, которые касаются как его структуры, так и формы, отраженной в соотношениях дискурса драматурга и дискурса спектакля. Отмеченные модификации касаются, во-первых, зрителя, т.к. они нацелены на повышение его роли в театральном дискурсе, а, во-вторых, требуют значительной креативности от постановочной команды.

Литература

Алефиренко Н.Ф., Голованева М.А., Озерова Е.Г., Чумак-Жунь И.И. Текст и дискурс. М.: Флинта: Наука, 2012.

Голованева М.А. Драматический текст и драматический дискурс: коммуникативно-когнитивное сопряжение категорий // Известия ВГПУ. 2010. № 2 (46). С. 52–55.

Зайцева И.П. Современная драматургическая речь: Структура, семантика, стилистика. Дисс. ... д-ра филол. наук. М., 2002.

Каримова Д.Х. Драматургический текст и драматургический дискурс: о соотношении понятий // Известия ВГПУ. 2012. № 6 (70). С. 46–50.

Кашкин В.Б. Введение в теорию коммуникации. Воронеж: Изд-во ВГТУ, 2000.

Кибрик А.А. Модус, жанр и другие параметры классификации дискурсов // Вопросы языкознания. 2009. № 2. С. 3–19.

Кибрик А.А., Плунжан В.А. Функционализм // Фундаментальные направления современной американской лингвистики. М.: Изд-во МГУ, 1997. С. 276–339.

Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М.: Гнозис, 2003.

Кривоносов А.Д., Шевченко А.С. Понятие и структура театрального дискурса // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2011. № 4. Т. 7. С. 129–139.

Ксензенко О.А., Великоднев О.А. Синтаксические способы организации профессионального дискурса активного воздействия // Современная коммуникативистика. 2022. № 1 (56). С. 87–92.

Кубрякова Е.С. О методике когнитивно-дискурсивного анализа применительно к исследованию драматургических произведений (пьесы как особые форматы знания) // Принципы и методы когнитивных исследований языка. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2008. С. 30–45.

Кубрякова Е.С., Александрова О.В. О контурах новой парадигмы знания в лингвистике // Структура и семантика художественного текста. Доклады VII Международной конференции. М.: ИЯз РАН, 1999. С. 186–197.

Кубрякова Е.С., Александрова О.В. Драматические произведения как особый объект дискурсивного анализа (к постановке проблемы) // Известия РАН. СЛЯ. № 4. 2008. С. 3–10.

Кубрякова Е.С., Петрова Н.Ю. Лингвокультурологический статус драмы (новое в изучении пьес) // Вопросы когнитивной лингвистики. 2010. № 2. С. 64–73.

Логинова Е.Г. Семиотический резонанс в естественной коммуникации и художественном дискурсе. Рязань: РГУ им. С. А. Есенина, 2021.

ЛДРТ — Лингвокреативность в дискурсах разных типов: Пределы и возможности: коллективная монография / Отв. ред. И.В. Зыкова. М.: РВалент, 2021.

Петрова Н.Ю. Построение перспективы в тексте пьесы (на материале англоязычной драмы). М.: Культурная революция, 2017.

Плотникова С.Н. Дискурс и дискурсивное пространство // Дискурс как универсальная матрица вербального взаимодействия. М.: ЛЕНАНД, 2018. С. 31–62.

Слышкин Г.Г., Борботько Л.А. Коммуникативное пространство театра: digital-эволюция и перспективы // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2018. № 4 (32). С. 126–133.

Темнова Е.В. Современные подходы к изучению дискурса // Язык, сознание, коммуникация: Сб. ст. М.: МАКС Пресс, 2004. Вып. 26. С. 24–32.

Чернявская В.Е. Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия. М.: Флинта: Наука, 2006.

Dijk T.A.van. Discourse Semantics & Ideology // Discourse & Society. 1995. Vol. 6, № 2. P. 243–290.

Schiffrin D. The Textual & Contextual Basis of Discourse // Semiotica. 1994. Vol. 102, № 1 / 2. P. 101–124.

Zheltukhina M.R., Vikulova L.G., Mikhaylova S.V., Borbotko L.A., Masalimova A.R. Communicative theatre space in the linguistic and pragmatic paradigm // XLinguae Journal. 2017. Vol. 10. № 2. P. 85–100.

«ЗДРАВИЦИНА» И «ЗДРАВЛОГИЗМЫ»: ХЕЛСИСТСКИЙ ДИСКУРС КАК ТЕРРИТОРИЯ ЯЗЫКОВЫХ ЭКСПЕРИМЕНТОВ

А.В. Нагорная

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва*

В статье предложен лингвистический взгляд на один из самых влиятельных трендов в западной культуре конца XX — начала XXI вв. — хелсизм. Под хелсизмом понимается возведение здоровья в ранг высшей ценности и возложение на человека ответственности за его сохранение. В статье рассматриваются особенности хелсистского дискурса, отмечается тенденция к его радикализации, устанавливаются социальные акторы, заинтересованные в его продвижении, выявляются стратегии, способствовавшие установлению его культурной гегемонии. Особое внимание уделяется языковым инновациям, связанным с хелсизмом. Описываются два типа языковых экспериментов: придание семантической пластичности существующим словам и создание новых слов-терминов. Рассматриваются попытки противостояния хелсистской идеологии, приводятся примеры языковых инноваций, создаваемых противниками хелсизма, в том числе, и на низовом уровне культуры.

Ключевые слова: *хелсизм, хелсистский дискурс, неологизм, пластичные слова, языковой эксперимент.*

“HEALTHICINE” AND “HEALTHOLOGISMS”: HEALTHIST DISCOURSE AS A TERRITORY OF LANGUAGE EXPERIMENTS

Alexandra V. Nagornaya

National Research University Higher School of Economics, Moscow

The paper offers a linguistic look at a highly influential trend in the late 20th-early 21st century Western culture known as healthism. Healthism refers to elevating physical wellbeing to the status of a pan-value and making the individual responsible for its preservation. The paper considers the main features of the healthist discourse, traces the tendency towards its radicalization, identifies social actors that are interested in its promotion, and reveals strategies that facilitate its cultural hegemony. The paper focuses on language innovations generated by healthism. It describes two main types of language experiments: making the extant words semantically plastic and creating new words. It also looks at the attempts to counteract healthist ideology and provides examples of language innovations coined by the opponents of healthism.

Keywords: *healthism, healthist discourse, neologism, plastic words, language experiment.*

В 1872 г. английский писатель Сэмюэль Батлер анонимно издал сатирический роман о вымышленном государстве, жизнь которого регулировалась парадоксальными законами. Самым необычным из них

было признание физического нездоровья преступлением, наказание за которое зависело от возраста заболевшего и тяжести его состояния. Например, если человек терял зрение или слух после 65 лет, ему назначался штраф, а если заболевание наступало в более раннем возрасте, его приговаривали к тюремному заключению. Хроническое заболевание квалифицировалось как особо тяжкое преступление, а его носитель провозглашался рецидивистом. С. Батлер присвоил этому государству вполне благозвучное, но необычное имя *Erewhon*, анаграммировав в нем слово *nowhere* («нигде»)¹. Тем самым он подчеркнул абсурдность описываемого им жизнеустройства, невозможность существования подобных законов на практике.

Сто лет спустя, однако, эти антиутопические идеи получили неожиданное развитие, оформившись во вполне реальный социокультурный тренд, который не только сохранил сущностную батлеровскую парадоксальность, но и оказался представленным в языке столь же нетривиальными формами. Речь идет о морализации здорового образа жизни, о превращении его в «торжественную обязанность, если не в священный обряд» [Morris 1998: 159], о порицании нездоровья.

К концу 1970-х гг. этот тренд обрел настолько выраженную культурную визуальность на Западе, что возникла потребность в создании особого термина для его обозначения. В 1980 г. Р. Кроуфорд предложил термин *healthism* [Crawford 1980], который успешно закрепился в англоязычных дискурсах и используется в русском языке в транслитерированной его версии — *хелсизм*.

Заметим, что выбранная Р. Кроуфордом форма слова свидетельствует о том, что он видел в новом тренде не просто особый тип соматической культуры, а разновидность идеологии и даже, отчасти, дискриминационной практики. Хелсизм встал в один ряд с другими изм-течениями, которые не только постоянно множатся, но и обнаруживают тенденцию к сложному ветвлению, что приводит к появлению в языке объемного пласта весьма своеобразной лексики. Ср.: *ageism, childism, classism, fetusism, foodism, heightism, languigism / linguisticism, lookism, parentism, speciesism, etc.*

Такой явно отрицательный концептуальный ракурс был задан Р. Кроуфордом неслучайно. Изначально конструктивная идея ответственности за собственное телесное благополучие, которая возникла еще в античную эпоху и время от времени актуализировалась в публичных дискурсах на протяжении многих столетий [Promoting... 2000: 3],

¹ Ср. перевод: *Едгин* (нигде) — прим. авт.

в XX в. оказалась радикализированной. Внимательное отношение к здоровью носит теперь не рекомендательный, а предписательный характер, а само здоровье превратилось в пан-ценность [Crawford 1980: 380]. Стремление к духовному совершенствованию и личностному росту оказалось вытесненным вечным поиском «Священного Грааля здоровья» [Biosemiotic Medicine 2016: 156].

Формирование этой новой культурной доминанты вызывает обоснованное беспокойство у философов, культурологов, социологов и психологов. Б. Шпатц называет современную западную культуру «средой гегемонистского хелсизма» [Spatz 2015: 85]. Д.Б. Моррис признает, что хелсизм фактически стал «светской религией». Эта религия санкционирует маргинализацию «больных и увечных», для которых культура становится «минным полем», если они не выказывают готовности включиться в «национальный квест» по достижению полного здоровья [Morris 1998: 159]. Еще более жестко высказывается о хелсизме П. Скробанек, который называет его «эрзац-религией» и «суррогатом спасения души». Хелсизм, по его мнению, — это средство заполнения духовного вакуума, наступившего вследствие секуляризации общества и активного продвижения консьюмеристских ценностей [Skrobanek 1994: 17]. Особенно примечательно то, что этическая уязвимость этой новой религии неочевидна, и это препятствует ее критическому осмыслению. Фокусируя избыточное внимание на теле, хелсизм отнюдь не пропагандирует гедонизм и нарциссизм, как этого можно было бы ожидать. Напротив, он требует жесткой «телесной дисциплины» [Ortega 2013] и аскетизма, без которых невозможно достижение той физической кондиции, которая признается оптимальной. Человек должен ограничивать себя в еде и одновременно нагружать себя физически, что требует постоянных осознанных усилий и существенных временных и энергетических затрат. Он фактически оказывается поработанным неустанной заботой о собственном здоровье.

О способности хелсизма поработать как индивида, так и культуру в целом пишет А. Иллич. Он описывает феномен «экспроприации здоровья» культурой [Illich 1976: 11], развивая фуколдианские идеи гипермедикализации общества. Современный человек полностью лишен соматической автономии, он не имеет более права самостоятельно решать, здоров он или болен, полагаясь на собственные ощущения: «До тех пор, пока не будет **доказано**², что человек здоров, он считается больным» [Там же: 42]. Он лишается и естественного права на страдание,

² Выделено нами. — прим. авт.

на принятие болезни как данности, с которой нужно смириться, на наделение ее какими бы то ни было положительными личностными смыслами, наконец, на пренебрежение ей. На него налагается обязанность не довольствоваться «удовлетворительным» состоянием, а стремиться к полному выздоровлению, даже если достижение этой цели принципиально невозможно. Право на здоровье превращается в обязанность быть здоровым, в «моральный долг гражданина» [Dworkin, Wacks 2009: 35] и даже в доказательство его патриотизма [Biosemiotic Medicine 2016: 155].

Как и любая другая идеология, хелсизм отражает интересы определенных социальных акторов и продвигает их. По мнению многих исследователей, в 1970-х гг. хелсизм стал крайне выгоден политикам, прежде всего, в США. Ограниченные возможности медицины (особенно в области онкологии) и необходимость сокращения расходов на здравоохранение вкупе с желанием сохранить лицо подсказывали элегантный выход: возложить ответственность за собственное здоровье на самих граждан и потребовать от них следования определенным предписаниям (см.: [Promoting... 2000: 3]). Эти предписания в значительной степени касаются образа жизни и необходимости отказа от вредных привычек. Хелсизм в наиболее полной, экстремальной своей версии не только является формой публичной педагогики, но и служит оправданием дискриминации, сегрегации и даже евгеники [Biosemiotic Medicine 2016: 155]. Пьяницы, чревоугодники, курильщики и люди, ведущие малоподвижный образ жизни, стали рассматриваться как низшие классы [Crawford 1980], сознательно стремящиеся к самоликвидации. Им предоставляется выбор: взять на себя ответственность за свой образ жизни или страдать от последствий собственного бездействия и безволия [Ortega 2013]. Хелсизм, таким образом, не просто оправдывает, но активно продвигает этически порочную практику виктимблейминга, пресекая малейшие попытки объяснить нездоровье действием внешних факторов (неблагоприятные условия внешней среды, профессиональные риски, ущербность медицинской практики, порочность социальной политики и т. п.). Весьма типичной для хелсистского дискурса является фраза Дональда Арделла: «Единственный тиран, с которым вы сталкиваетесь, — это ваша собственная инертность и отсутствие силы воли» [Ardell 1977: 7].

Этот важнейший аспект хелсизма породил еще один интересный изм-тренд с соответствующим ему термином-неологизмом *lifestylism*, который можно встретить в русскоязычных текстах в двух формах: «жизнестилизм» и «лайфстайлизм». Это идеология, трактующая любое

заболевание как следствие неправильного выбора стиля жизни [Skrobanek 1994: 16]. Прочность ее позиций в массовом сознании весьма убедительно показал Д. Перусек, продемонстрировав многочисленными примерами из личного опыта, как любой разговор об онкодиагнозе немедленно провоцирует вопрос: «Курил ли больной?» [Perusek 2012]. От лайфстайлизма, в свою очередь, отпочковались «эйблизм» (*ableism* — дискриминация по признаку трудоспособность / нетрудоспособность), «бодизм» (*bodyism* — культурно санкционированное предпочтение идеально сложенных, атлетических тел), «весизм» (*weightism* — стигматизация ожирения), «канцеризм» (*cancerism* — стигматизация рака как заболевания, вызванного неправильным стилем жизни и мышления) и ряд других течений и соответствующих им дискурсов.

Важнейшую роль в продвижении хелсизма сыграла активная коммерциализация западной медицины. Во второй половине XX в. она превратилась в сверхдоходный бизнес, а настойчиво внушаемая мысль о необходимости тщательного мониторинга своего состояния превратила граждан в активных потребителей весьма недешевых медицинских услуг, значительная часть которых не обладает ни клинической, ни терапевтической ценностью и нацелена на выявление патологий, которые лишь *могут* проявиться в будущем. Врачебное сообщество превратилось в «жрецов» нового культа, а их постоянно растущее культурное влияние и право диктовать гражданам выбор стиля жизни позволили Ю. Хабермасу ввести в научный обиход термин-неологизм *therapeutocracy* («терапевтократия») [Habermas 1987].

Весьма примечательно то, что быстрый и прочный успех хелсистской политики специалисты объясняют, в том числе, грамотным выбором речевых стратегий продвижения. Вместо «мегалитического директивного языка, подавляющего человеческие устремления» [Hokowhitu 2014: 34], активисты хелсизма используют такие формы, которые позволяют репрезентировать его как осознанный зрелый выбор в пользу прогрессивного, модного и правильного образа жизни. Обратим внимание на засилье слова *right* («правильный») и в англо-, и в русскоязычном хелсистском дискурсе: *the right food, eating right, the right exercise, правильная еда, правильное питание, правильные продукты*. «Правильный» вытеснил и «полезный», и «подходящий», и «вкусный», и «умеренный», и даже «диетический», став зонтичным понятием и вобрав в себя смысл каждого из этих слов. Заметим, что в англоязычном дискурсе директивность навязываемого выбора дополнительно усиливается обязательным для *right* определенным артиклем.

Такое же безграничное семантическое «расползание» наблюдается и у центрального для хелсистского дискурса слова *health* («здоровье»). Ответственность за этот процесс в значительной степени лежит на Всемирной организации здравоохранения, которая в 1948 г. закрепила в своем Уставе новое определение здоровья как «состояния полного физического, психического и социального благополучия, а не просто отсутствия болезни или немощи»³. Это определение многие исследователи считают не просто широким, а «тоталитарным», поскольку оно охватывает практически все аспекты человеческого бытия, заставляя трактовать все сферы нашей жизни с точки зрения здоровья или нездоровья (см. [Conford 2020: 14]). Утратив жесткую семантическую привязку к сфере медицины, слово *health* и его дериват *healthy* превратились в общее наименование для всего правильного и желательного, гарантирующего душевный комфорт и социальное благополучие, а также соответствующее культурным ожиданиям. Ср.: **healthy** *lifestyle, relationship, development, economy, choices, skepticism, respect, balance, competition, behaviors, debate, growth, start, work, love, activity, comparison, margin, difference, dialogue, outlet, communication, coping, interest, autonomy, sense (of self-esteem / humor/ self-preservation / self-regard / work-life balance), politics, marriage, society, alternative, community, profit, attitude, ecosystems, democracy, number of (players / songs, etc.), fear, business, boundaries, benefits, portion, distance, changes, ego, church, sexuality, approach, degree of sth., diversity, percentage, identity, income, tension, version, disrespect, challenge, mindset, dislike, afterlife, adaptation, aversion, etc.*⁴.

Подобные примеры соответствуют определению «пластичное слово», которое предложил Уве Поерксен [Poerksen 1995]. К пластичным он относит слова типа «развитие», «проект», «стратегия», «проблема», которые обладают семантической «текучестью» (*malleability*) и могут использоваться как угодно, в зависимости от интенций говорящего. Это неизбежно означает, что они становятся удобным инструментом для разного рода дискурсивных манипуляций, а в нашем случае — еще и экспансии хелсистского дискурса, проникновению хелсистских идей в самые разные коммуникативные практики.

Апологеты хелсизма пытаются придать слову *health* не только семантическую, но и морфологическую пластичность, экспериментируя с конверсией. Ответственность за свое здоровье предполагает

³ Health is a state of complete physical, mental and social well-being and not merely the absence of disease or infirmity. <https://www.who.int/about/governance/constitution> (Дата обращения: 20.05.2023).

⁴ COCA (<https://www.english-corpora.org/coca/>) (Дата обращения: 20.05.2023).

наделение человека агентивностью: он должен не просто думать о здоровье, а «здровадействовать». Исследуя множественные возможности по преумножению здоровья, человек «проактивно» использует «энергию своего тела, разума и окружающего его мира» [Brown 2022: 7]. В таком режиме жизнедеятельности здоровье перестает быть существительным и превращается в глагол (*health is a verb* [Там же]). Исследователи приводят данные из других лингвокультур, доказывающие отсутствие когнитивных препятствий для такого переосмысления. Так, в одном из исчезнувших индейских языков барбаренью понятие «здоровье» могло быть выражено только глаголом активного действия (*shumawish*), который обозначал интеракцию между человеком и окружающим его ландшафтом; человек «делал» здоровье, а не «обладал» им [Religion... 2005: 143].

В этом обновленном глагольном формате слово *health* используется как в работах теоретиков новой философии здоровья, так и в речи рядовых ее сторонников. Ср.: название книги “Health Yourself. The Candy, Booze & Sex Prescription” (K.G. Davis); цитата из женского журнала: *I believed that I was a healthy person, so I thought I could ‘health’ my way out of heart failure*⁵. Заметим, правда, что во втором случае глагол *health* закавычен, что говорит о непривычности такой формы для рядового носителя языка, об осознаваемом экспериментальном характере номинации.

Напомним, что подобного рода манипулятивные эксперименты с конверсией не новы. Они используются в тех случаях, когда по тем или иным причинам необходимо подчеркнуть активно-деятельностный аспект какого-либо феномена. При этом необычность глагольной формы часто требует некоторой подготовительной работы, например, экспликации оснований для перехода слова в разряд глаголов. Один из самых исторически ранних и ярких примеров — это заявление президента США Гранта о том, что он на самом деле является глаголом: *The fact is I think I am a verb instead of a personal pronoun. A verb is anything that signifies to be; to do; to suffer. I signify all three* (цит. по: [May I Quote You... 1998: 96]). Та же стратегия используется Д. Чопра и Р. Танзи для продвижения динамической концепции человеческого мозга: *Their brain is transforming itself constantly. Just as you cannot step into a river into the same place twice, you can’t step into the brain in the same place twice. Both are flowing. The brain is a process, not a thing; a verb, not a noun* [Chopra, Tanzi 2012: 248]. Достоинно внимания предложение считать

⁵ <https://www.womenshealthmag.com/health/a33337936/heart-failure-marathon-training-story/> (Дата обращения: 18.05.2023)

глаголом язык, поскольку его усвоение — это целенаправленная деятельность [Barton, Daffurn 2021]. Не менее интересно звучит фраза *mother is a verb*, с помощью которой автор привлекает наше внимание к тому объему работы, которую приходится рутинно проделывать матери [Knott 2019]. Во всех этих случаях конверсия — это эффективный и эффектный прием, позволяющий не только привлечь внимание читателя или слушателя, но и заставить его надолго задуматься.

Наряду с конверсией, используются и другие словообразовательные возможности, в результате чего появляются единицы, обладающие выраженными формальными признаками новизны. В их числе, например, *healthen*⁶ и *healthify*⁷. Оба они семантически уже, чем глагол *to health*, и используются в значении «укрепить здоровье», «стать здоровее». Несмотря на их семантическую прозрачность и вполне привычную морфологическую форму (ср.: *to strengthen*, *to lengthen*, *to signify*, *to beautify*), они не находят пока однозначного признания со стороны языкового сообщества. Так, в сети ведутся споры о том, можно ли признать их валидными словами при игре в *Scrabble*. В отличие от них, абстрактное существительное *healthing* практически стало частью коммуникативного мейнстрима⁸.

За более сложными «здравологизмами» часто стоят и куда более глубокие сдвиги в «здравосознании». Особый интерес для нас представляет концепция «здравяцины» (*healthicine*), которую предложил канадец Т. Коленчук. Заметим, что он не имеет никакого отношения к медицине, будучи компьютерным специалистом на пенсии. Этот факт сам по себе весьма примечателен, поскольку он доказывает важность низовых инициатив в развитии хелсистского дискурса. Т. Коленчук является автором, по крайней мере, шести книг, и ведет собственный сайт, где он регулярно размещает материалы⁹. Нам интересна не столько его концепция как таковая, сколько те лексические нововведения, которыми она оформляется.

Здравяцина призвана стать антитезой медицине. Последняя дискредитировала себя сфокусированностью на болезнях, не предлагая эффективного средства их исцеления и ограничиваясь лишь их лечением. Критикуя такой подход, Т. Коленчук называет медицину «симптомициной» (*symptomicine*), утверждая, что она лишь способствует

⁶ <https://www.wordsense.eu/healthen/> (Дата обращения: 21.05.2023).

⁷ <https://www.healthifyme.com/in/> (Дата обращения: 21.05.2023).

⁸ <https://www.healthing.ca/> (Дата обращения: 21.05.2023).

⁹ <http://healthicine.org/wordpress/> (Дата обращения: 19.05.2023).

хронизации заболеваний. Пытаясь определить содержание термина «здоровье», он предлагает обратиться к этимологии этого слова и трактовать его как «целостность». Целостность здоровья у Т. Коленчука оказывается еще более тотальной, чем в определении ВОЗ. Он включает в нее «баланс всех физических, ментальных, духовных и социальных компонентов» [Kolenchuk 2014: 4] не только индивида, но и общества, причем одним из таких компонентов оказывается и болезнь. Таким образом, здоровье перестает быть противоположностью болезни. Т. Коленчук, однако, считает необходимым ввести в описание особое слово-антоним для болезни, предлагая незамысловатый, но тем не менее, неконвенциональный, вариант *healthiness*. *Healthiness*, поясняет он, — это отдельный случай состояния *healthy*, аналогично тому, как *illness* служит для обозначения отдельного случая состояния *ill*. Претендуя на создание инновационной и глобальной теории здоровья, Т. Коленчук заимствует известную фразу из Декларации независимости США, внося в нее важную правку: «Каждый имеет право на жизнь, свободу и стремление к здоровью» (*Everyone has a right to life, liberty, and the pursuit of healthiness*) [Kolenchuk 2014; 8]. С помощью этого несложного приема основатель здравницы возводит свой проект в ранг дела государственной важности.

Разумеется, подобные псевдонаучные построения, как и напор, с которым они продвигаются, вызывают протест не только у специалистов в области культуры, о чем мы писали выше, но и у рядовых граждан. Это неприятие хелсизма находит отражение в низовом словотворчестве, когда появляются откровенно саркастические «здравологизмы»-сленгизмы. Как и в случае с официальной версией хелсизма, эти эксперименты могут быть связаны с семантическим расширением базового для этого дискурса слова *здоровье*. Так, *health* может использоваться в «полумеждометной» функции в восклицательных предложениях при описании какого-то чрезвычайно приятного опыта. Ср.: *Dude 1: I slammed two bitches last night. Dude 2: Aww man that's health!*¹⁰ Это слово может употребляться и в предикативной функции для положительной характеристики человека, ср.: *Yo, son, Jenny wants to do you, and I hear she's totally health in bed!* Одновременно с этим оно может служить средством выражения сарказма в тех случаях, когда внимание к собственному здоровью превращается в одержимость: *In High school she was hot now Lisa is just health*. Уничижительным является и словосочетание *health hugger*, используемое для обозначения человека, чье увлечение

¹⁰ Здесь и далее примеры из Urban Dictionary (urbandictionary.com). (Дата обращения: 21.05.2023)

современными медицинскими теориями по поддержанию здоровья выходит за границы разумного.

Встречаются словосочетания и обороты речи, негативная окрашенность которых более очевидна. В их числе *health nazi* — человек, агрессивно продвигающий собственные взгляды на правильный образ жизни, не признающий никаких альтернативных точек зрения и постоянно подмечающий «лайфстилистические» ошибки других. Менее агрессивен, но не менее последователен в продвижении хелсистских идей *health preacher* — «здравопроповедник». В отличие от них, *health freak* и *health nut* — это относительно безобидные хелсисты, которые одержимо следуют рекомендациям по правильному образу жизни, но не навязывают их другим. Фокус на правильном питании отражен в коллокациях *health foodie* и *health glutton*. Особенно интересен «здравочревоугодник», поскольку он олицетворяет собой санкционированную культурой дестигматизацию одного из смертных грехов.

Существует ряд оборотов, которые манипулятивно обыгрывают идею правильности всего, что приносит пользу здоровью. Так, в речи современных американских подростков регистрируется саркастическая фраза *for my health*, которая используется в тех случаях, когда человек не желает объяснять, почему он делает что-либо именно таким образом¹¹. Ср.: “*Hey! Why do you sit when you play the guitar?*” “*For my health!*” Весьма любопытен и оборот *based on health advice*, который имеет хождение преимущественно в австралийских дискурсах, где его клишированность позволяет использовать его в аббревиированной форме *ВНА*. Его появление связано с недавней пандемией Covid-19, когда политики и общественные деятели разных рангов вводили непопулярные ограничения, ссылаясь на медицинские рекомендации. Откровенная манипулятивность отсылок к официальной медицине способствовала тому, что это дискурсивное клише стало саркастическим маркером любого действия, доставляющего дискомфорт другим и воспринимаемого как нежелательное. Ср.: *Based on Health Advice you’re going to jail; ВНА you’re on dunny duty*.

Одновременно с этим регистрируются и более «нишевые» языковые эксперименты, в результате которых появляются слова и обороты, не ориентированные на массового «потребителя» и требующие для своего понимания определенного уровня образованности. Самым ярким из них мы считаем *Schrödinger’s Health* — оборот, которым обозначается состояние физической и ментальной амбивалентности (то ли

¹¹ Ср.: *Почему? — По кочану! или Зачем? — За надом!*

здоров, то ли болен) и который отсылает нас к известному мысленному эксперименту Шрёдингера, отвергающему законы здравого смысла.

Подводя итог, отметим, что хелсизм представляет собой весьма неоднозначное социокультурное явление, дискурс которого глубоко манипулятивен. Значительная часть этих манипуляций осуществляется с помощью искусственного размывания семантики простых и привычных слов и наделения их несвойственными им функциями. Хелсизм порождает и новые языковые единицы, которые используются как для продвижения его идей, так и для противостояния его культурной гегемонии, причем это словесное творчество наблюдается на разных уровнях культуры: от обыденного, низового уровня рядового ее носителя до специализированного элитарного уровня науки.

Литература

Ardell D.B. High-Level Wellness: An Alternative to Doctors, Drugs, and Disease. Emmaus: Rodale Press, 1977.

Barton G., Daffurn N. Language Is a Verb: A Review of Teaching Language as Action Language Is a Verb: A Review of Teaching Language as Action in the ELA Classroom // *Journal of Adolescent & Adult Literacy*. 2021. Is. 64(4). P. 480–482.

Biosemiotic Medicine: Healing in the World of Meaning / Ed. by F. Goli. Switzerland: Springer, 2016.

Brown J. The Clozapine Clinic. Health Agency in High-Risk Conditions. New York: Routledge, 2022.

Chopra D., Tanzi R.E. Super Brain. Unleashing the Explosive Power of Your Mind to Maximize Health, Happiness and Spiritual Well-being. New York: Harmony Books, 2012.

Conford Ph. Realising Health. Cambridge: Cambridge Scholars Publishing 2020.

Crawford R. Healthism and the Medicalization of Everyday Life // *International Journal of Health Services*. 1980. Is. 10(3). P. 365–388.

Dworkin Sh. L., Wacks F.L. Body Panic: Gender, Health, and the Selling of Fitness. New York: NYU Press, 2009.

Habermas J. The Theory of Communicative Action, Volume 2. Lifeworld and System: A Critique of the Functionalist Reason. Cambridge: Polity Press, 1987.

Hokowhitu B. If You Are Not Healthy Then What Are You? Healthism, Colonial Disease and Body-Logic // *Health education. Critical perspectives*. Oxford & New York: Routledge, 2014. P. 31–47.

Illich I. Medical Nemesis. The Expropriation of Health. New York: Pantheon Books, 1976.

Knott S. Mother Is a Verb: An Unconventional History. London: Penguin, 2019.

Kolenchuk T. Introduction to Healthicine. California: CreateSpace Independent Publishing Platform, 2014.

May I Quote You, General Grant? Observations and Utterances of the North's Great Generals / Ed. by R. Bedwell. Nashville: Cumberland House Publishing, 1998.

Morris D.B. Illness and Culture in the Postmodern Age. Berkeley: University of California Press, 1998.

Ortega F. Corporeality, Media Technologies and Contemporary Culture. Milton Park: Taylor & Francis, 2013.

Perusek D. Cancer, Culture, and Individual Experience: Public Discourse and Personal Affliction // *Ethos*. 2012. Vol. 40. Is. 4. P. 476–506.

Poerksen U. Plastic Words: The Tyranny of a Modular Language. Pennsylvania: Penn State University Press, 1995.

Promoting Health Behavior. How much freedom? Whose responsibility? / Ed. by D. Callahan. Washington, D.C.: Georgetown University Press, 2000.

Religion and Healing in America / Ed. by Barnes L.L., Sered S.S. Oxford: Oxford University Press, 2005.

Skrobanek P. The Death of Humane Medicine and the Rise of Coercive Healthism. Suffolk: The Social Affairs Unit, 1994.

Spatz B. What a Body Can Do: Technique as Knowledge, Practice as Research. London & New York: Routledge, 2015.

ЛИНГВОКРЕАТИВНОСТЬ В МЕДИЙНОМ ДИСКУРСЕ: ДИАХРОНИЧЕСКАЯ ПЕРСПЕКТИВА (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛО- И РУССКОЯЗЫЧНОЙ ПРЕССЫ РАЗНЫХ ТИПОВ ЗА 1990–2022 гг.)¹

Е.С. Шмелёва

Московский государственный лингвистический университет, Москва

Статья посвящена изучению особенностей реализации лингвокреативности в медийном дискурсе и содержит результаты сопоставительного параметрического анализа лингвокреативности, проведенного на материале англо- и русскоязычной прессы. Диахроническому изучению подлежали статьи качественной и популярной прессы за период 1990–2022 гг. В ходе исследования было установлено, что наибольшим количеством языковых новаций характеризуется язык прессы 1990–1999 гг. Наиболее часто в рассмотренных выборках реализуются лингвокреативные лексического и синтаксического уровней; анализ попарных корреляций лингвокреативных также выявил активную роль словообразования как инструмента реализации лингвокреативности в англоязычной прессе. Число установленных интердискурсивных вкраплений не превышает 1 % от лингвокреативных всех выборок, при этом в дискурсе медиа отмечена тенденция к взаимодействию с художественным и религиозным дискурсами.

Ключевые слова: *лингвокреативность, параметрический анализ, медийный дискурс, качественная пресса, таблоиды.*

LINGUISTIC CREATIVITY IN MEDIA DISCOURSE: DIACHRONIC PERSPECTIVE (BASED ON MATERIAL OF ENGLISH AND RUSSIAN LANGUAGE PRESS OF DIFFERENT TYPES DATED 1990–2022)

Ekaterina S. Shmelyova

Moscow State Linguistic University, Moscow

The article aims to study the peculiarities of linguistic creativity in media discourse and contains the results of contrastive parametric analysis of linguistic creativity implemented on the material of English and Russian language press. The articles from quality and popular press dated 1990–2022 have been thereby researched diachronically. In the course of the study, the largest number of linguistic innovations has been identified in the press of 1990–1999. In the contexts considered, linguocreative items are most often actualized on the lexical and syntactic levels; the analysis of pairwise correlations of linguocreative items also revealed the active role of word formation as a tool of linguistic creativity in English language press. The number of linguocreative items actualized interdiscursively does not exceed 1 % in all the texts considered, whereby research findings show that media discourse typically interacts with the fiction and religious types of discourse.

Keywords: *linguistic creativity, parametric analysis, media discourse, quality newspapers, tabloids.*

---

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00040) в Институте языкознания РАН.

1. Вводные замечания

В ходе развития медийный дискурс трансформируется, что в особенности касается такой формы его существования, как пресса. Так, давление со стороны интернет-изданий уже определило фактический переход прессы на интернет-платформы, углубив проблематику полимодальности. Происходят изменения и в области формы представления информации, при этом одним из ключевых инструментов привлечения читательского внимания служит лингвокреативность — именно тематике лингвокреативности в медийном дискурсе посвящено текущее исследование. Заметим, что под лингвокреативностью мы, вслед за И.В. Зыковой, понимаем «способность глубинных (концептуальных) оснований (как результатов познания мира) системно порождать разнородные знаки языка, способствуя развитию или эволюционированию последнего, и обеспечивать процесс их коммуникативной адаптации к построению прагматически ориентированного дискурса, в ходе которого базовые формы языковых знаков могут подвергаться разного рода преобразованиям, т. е. модифицироваться» [Зыкова 2017: 638].

На предыдущем этапе исследования нами рассмотрен материал англо- и русскоязычной качественной прессы 2000–2020 гг., в результате чего были выявлены такие особенности реализации лингвокреативности в дискурсе медиа, как ставшие общепринятыми и потому не воспринимающиеся как креативные отклонения от норм языка (грамматические девиации, лексические клише, повсеместное употребление некоторых тропов, например, метонимии) [ЛДРТ 2021: 501–505], а также тенденция к метадискурсивной реализации лингвокреативности [ЛДРТ 2021: 532–535] и к гибридизации лингвокреативности разных уровней [Шмелева 2021]. Под термином «лингвокреатема» мы, вслед за Г.А. Копниной и А.В. Сквородниковым, понимаем «языковые / речевые единицы, рождающиеся в результате творческой речевой деятельности» [Копнина, Сквородников 2014: 101].

Представляется, что обозначенная научная проблематика актуальна и по сей день, поскольку медийный дискурс, в силу его неразрывной связи с развитием современных технологий, является источником многочисленных языковых новаций. В текущем исследовании апробированная ранее методика параметризации лингвокреативности применена к более обширному материалу за репрезентативный временной промежуток, что позволило в большей степени объективно оценить такое комплексное явление, как языковая креативность.

2. Цель, методика и материал исследования

Целью исследования на текущем этапе явилось контрастивное диахроническое изучение особенностей реализации лингвокреативности в медийном дискурсе на материале газет разных типов, публикующихся на английском и на русском языках. Для достижения поставленной цели был составлен рабочий корпус объемом 600 статей; следуя классификации Т.Г. Добросклонской [Добросклонская 2007: 59], были рассмотрены медийные тексты новостного и информационно-аналитического типов. На основе рабочего корпуса впоследствии было сформировано 5 выборки, каждая из которых включила 50 статей средним объемом 1500–3000 п. з.: англоязычная качественная пресса 1990–1999 гг., англоязычные таблоиды 1990–1999 гг. и 2000–2022 гг., русскоязычные таблоиды 1990–1999 гг. и 2000–2022 гг. Такой объем материала видится достаточным для достижения поставленных целей и задач, поскольку в других выборках, изученных ранее с использованием методики исследования, отсутствовали значимые отклонения результатов (см. [Зыкова, Киосе 2020: 9]).

К исследуемым материалам применялись методики дискурсивно-параметрического анализа: в текстах рабочего корпуса выявлялись лингвокреативные различия различных уровней (фонологические, словообразовательные, морфологические, лексические, синтаксические и орфографические) (о разработке понятия «параметризация лингвокреативности» см. в [Зыкова, Киосе 2020]); полный список выделенных параметров лингвокреативности представлен в [ЛДРТ 2021: 558–560]); впоследствии они были обработаны программой HETEROSTAT [Киосе, Ефремов 2020] и проанализированы вручную, что позволило сделать значимые выводы о креативности дискурса выбранного типа.

3. Результаты параметризации лингвокреативности: английский подкорпус (качественная пресса 1990–1999 гг.; таблоиды 1990–1999 гг. и 2000–2022 гг.)

Работа с англоязычным подкорпусом явилась продолжением предыдущего направления исследования [ЛДРТ 2021: 499–557], вследствие чего мы расширили корпус текстов качественной прессы 2000–2022 гг. посредством включения статей из “The Economist” и “The Guardian” за 1990–1999 гг. Также были отобраны тексты наиболее тиражных англоязычных таблоидов (“The Daily Express”, “The Daily Mail”, “The Daily Mirror”, “The Sunday Mirror”, “The Sun”) за 1990–1999 гг. и 2000–2022 гг. Ниже представлены результаты, полученные в отношении

наиболее активных уровней реализации лингвокреативности в трех указанных выборках (см. таблицу 1).

Таблица 1.

Результаты параметрического анализа лингвокреативности на материале английского подкорпуса: уровневая реализация лингвокреатем

Количественный показатель случаев реализации лингвокреативности	Качественная пресса 1990–1999 гг.	Популярная пресса 1990–1999 гг.	Популярная пресса 2000–2022 гг.
Общий	2578 на 1421 предложение	663 на 618 предложений	898 на 682 предложения
На фонологическом уровне	242	42	113
На словообразовательном уровне	38	6	33
На лексическом уровне	1578	425	581
На синтаксическом уровне	690	156	146
На орфографическом уровне	30	31	23

Наибольшее число лингвокреатем из расчета к количеству предложений было зафиксировано в англоязычной качественной прессе 1990–1999 гг., при этом объем языковых новаций, зафиксированных в текстах таблоидов, оказался почти в 2 раза меньше.

В отношении уровневой активации микропараметров лингвокреативности был сделан вывод о наибольшей частотности реализации лексических лингвокреатем, среди которых параметр лингвокреативности <410> «стилистический троп (прием)» представляется наиболее активным. Термин «стилистический прием», вслед за Е.Г. Беляевской, трактуется нами как «многоступенчатая когнитивная модель формирования контекста», которая «по-разному функционирует в разных типах дискурса» [Беляевская 2013: 9, 16]. Следуя этому определению, мы отмечали лишь такие случаи актуализации стилистических приемов, которые представляются креативными для медийного дискурса, т. е. чья креативность является дискурсивно обусловленной. На предыдущем этапе исследования качественной англоязычной прессы 2000–2020 гг. нами установлено, что такие стилистические приемы, как метафора (1), эпитет (2) и аллюзия (3) демонстрируют наибольшую частотность случаев креативной реализации в медийных текстах [ЛДРТ 2021: 512]. Аналогичные данные были получены и в отношении рассматриваемых выборок:

(1) Метафора: *After two years in a deep coma, the Japanese patient may at last be waking up.* — *После двух лет в глубокой коме японский пациент, возможно, наконец просыпается.* (“Still waiting for the sun”, “The Economist”, 09 сентября 1999 г. — Речь идет о росте японской йены. — *Прим. авт.*);

(2) Эпитет: *He [Tony Blair] should tell his pal Bill to get lost and never darken his saint-like presence again.* — Он [Тони Блэр] должен сказать своему приятелю Биллу «чесать» отсюда и больше не омрачать его богоподобное бытие. (“Politically Incorrect”, “The Sunday Mirror”, 20 сентября 1998 г.);

(3) Аллюзия: *Mad, Vlad and Bad — Безумный, плохой и Влад* (“Mad, Vlad and Bad”, “The Sun”, 19 апреля 2022 г. — Речь идет об аллюзии на описание, данное Лорду Байрону Леди К. Лэмб: mad, bad, and dangerous to know. — Прим. авт.).

В ходе проведения сопоставительного параметрического анализа анализируемых выборок наше внимание привлек ряд особенностей реализации лингвокреативности в дискурсе таблоидов 1990–1999 гг. В частности, выявлено достаточно незначительное суммарное число фонологических лингвокреативных элементов (см. таблицу 1), при этом подавляющее большинство установленных случаев фонологической лингвокреативности строится на реализации параметра <104> «звуковой повтор». Интересно, что на предыдущем этапе исследования 90 % примеров лингвокреативных элементов такого рода были установлены в рамках заголовков [ЛДРТ 2021: 516], в то время как в рассматриваемой выборке в 75 % отмеченных случаев креативный звуковой повтор реализуется на уровне текста статей, что расширяет его прагматический потенциал, позволяя активировать за пределами медийного заголовка звуковые фреймы. Звуковой фрейм, как пишет Е.Г. Беляевская, является концептуальную структуру, содержащую «данные о некотором звуке и сопряженных с этим звуком ассоциациях и реакциях получателя информации» [Беляевская 2014: 17]. Например, в контексте (4) звуковой повтор поддерживает юмористический эффект, возникающий вследствие сообщения парадоксального факта:

(4) *If you would like to visit a mass meeting of social misfits, rejects of society or the mentally ill, make your way to the seaside.* (Без заголовка, “The Sunday Mirror”, 20 сентября 1998 г.).

Любопытен также результат, полученный в отношении орфографических параметров лингвокреативности. Наиболее часто лингвокреативные элементы такого рода реализуются в текстах таблоидов 1990–1999 гг. (5 % от лингвокреативных элементов выборки), причем в таблоидах 2000–2022 гг. их число вдвое меньше (2,5 % от лингвокреативных элементов выборки), что мы склонны связывать с изобретением глобальной сети Интернет и последующим переходом лингвокреативности на уровень орфографии из текстов медиа в область интернет-дискурса. В выборке статей таблоидов 1990–1999 гг. наиболее часто реализуется параметр лингвокреативности

<604> «графическое акцентирование», при этом в 90 % случаев был зафиксирован такой инструмент выделения, как замена строчных букв прописными (5):

(5) *The Daily Mirror asked YOU, our readers, to say whether Diana should eventually be our Queen. — «Дейли Миррор» попросили ВАС, наших читателей, сказать, должна ли Диана в конце концов стать нашей Королевой. (“Queening it”, “The Daily Mirror”, 27 августа 1992 г.).*

На предыдущем этапе исследования уже была установлена тенденция к совместному характеру актуализации микропараметров лингвокреативности в медийном дискурсе, что мы также называем гибридизацией (см. подробнее [Шмелева 2021]). Параметрический анализ лингвокреативных выборок, рассмотренных на текущем этапе, выявил схожие результаты (см. таблицу 2).

Таблица 2.

Результаты параметрического анализа лингвокреативности на материале английского подкорпуса: коэффициент попарных корреляций наиболее активных параметров лингвокреативности

	Качественная пресса 1990–1999 гг.	Популярная пресса 1990–1999 гг.	Популярная пресса 2000–2022 гг.
Кодовое обозначение микропараметров лингвокреативности и коэффициент их попарных корреляций	<408> и <503> (0,6) <302> и <407> (0,4) <406> и <505> (0,3) <401> и <410> (0,3) <406> и <505> (0,3)	<401> и <410> (0,3) <408> и <503> (0,3) <408> и <505> (0,3)	<401> и <410> (0,4) <301> и <411> (0,4) <302> и <411> (0,3) <104> и <401> (0,3) <104> и <410> (0,3) <408> и <503> (0,3)

Наиболее активно во всех выборках реализуется попарная корреляция параметров лингвокреативности <408> «парадигматическая активность» и <503> «синтаксическая фигура», что представляется логичным, поскольку в ее основе нередко лежит синтаксическая фигура антитезы, которая, в свою очередь, основывается на парадигматической активности антонимичных лексем (6):

(6) *While the power of Colombia’s illegal armies has grown, that of the drug traffickers has diminished. — В то время как власть незаконных колумбийских армий возросла, власть торговцев наркотиками уменьшилась. (“A new class of trafficker”, “The Sun”, 09 сентября 1999 г.).*

Словообразовательные параметры лингвокреативности также демонстрируют высокий коэффициент попарных корреляций несмотря на незначительный суммарный показатель реализаций (менее 4 % от

установленных лингвокреативных выборов, см. таблицу 1), при этом наиболее многочисленны корреляции словообразовательных лингвокреативных с лингвокреативными лексического уровня. Так, результатом креативного словообразования в ходе аффиксальной модификации (параметр <301>) и окказионального словосложения (параметр <302>) наиболее часто служат лексические неологизмы, окказионализмы (параметр <407>) и модификация имен собственных (параметр <411>), причем в случае последней правомерно говорить о двух основных процессах: креативной номинации (прозвища, обращения) (7) и креативной трансонимизации (образовании имен нарицательных на основе имен собственных) (8). Под трансонимизацией мы, вслед за В.М. Калинкиным, понимаем процесс, при котором «внешняя форма имени остается неизменной, но меняется денотативно-сигнификативный компонент и референт» [Калинкин 2006: 87].

(7) *Gorby sends in the tanks.* — «Горби» шлет танки. (“Gorby sends in the tanks”, “The Daily Mirror”, 12 января 1991 г. — Речь идет о тогдашнем главе СССР М.С. Горбачеве. — *Прим. авт.*);

(8) *Trumptastic!* — *Трампастически!* (“D’Oh!-nald Trump”, “The Sun”, 9 ноября 2016 г. — В статье дается положительная оценка деятельности Д. Трампа на посту Президента США. — *Прим. авт.*).

На финальном этапе исследования англоязычной прессы нами рассматривались особенности интердискурсивной реализации лингвокреативности, т. е. примеры «введения в медийный дискурс элементов, которые представляют другие типы дискурса» [ЛДРТ 2021: 529]. Наибольшее число креативных интердискурсивных вкраплений было зафиксировано в таблоидах 2000–2022 гг., что отвечает тенденциям к интеграции, характерным для СМИ XXI в. Сопоставление результатов, полученных в отношении всех выборов, выявило, что наибольшее число креативных интердискурсивных вкраплений в тексты англоязычной прессы происходит из области художественного (9), религиозного (10) и рекламного (11) дискурсов.

(9) *War and Peace* — *Война и мир* (“War and Peace”, “The Economist”, 9 июля 1998 г. — В заголовке содержится аллюзия на одноименный роман Л.Н. Толстого, при этом статья повествует о гражданской войне в Колумбии. — *Прим. авт.*).

(10) *But decrees are not the word of God.* — Но указы не являются *словом Божиим* (“Brazil near edge”, “The Sun”, 20 ноября 1997 г.).

(11) *BLOCKED drain? Need a good war, or a new top Euro-crat? The answer is at hand. Send for Maggie! — Забилась канализация? Нужна «хорошая» война или новый топовый еврократ? Ответ под рукой. Пошлите за Мэгги! («Lady T for President?», “The Sunday Mirror”, 21 марта 1999 г. — Речь идет о Маргарет Тэтчер. — Прим. авт.).*

Отмечено, что реализация интердискурсивных вкраплений в медийных текстах нередко служит возникновению комического эффекта, который, по нашему мнению, происходит из несоответствия или даже полярности областей, актуализируемых лингвокреатемами из дискурса другого типа. А. Кестлер называет такое «сочетанием прежде не соотнесенных структур» бисоциацией [Koestler 1964: 656] и связывает с данным когнитивным процессом формирование юмора: «Если результатом процесса <...> соединения будет *столкновение*, это послужит возникновению юмора» («If the process of <...> connection is a *collision* then humour will ensue») [Koestler 1964: 50].

4. Результаты параметризации лингвокреативности: русский подкорпус (таблоиды 1990–1999 гг. и 2000–2022 гг.)

В рамках данного этапа исследования был проведен сопоставительный анализ особенностей реализации лингвокреативности в медийном дискурсе на материале статей из наиболее тиражной русскоязычной популярной прессы 1990–1999 гг. и 2000–2022 гг., включая «Аргументы и факты», «Комсомольскую правду» и «Московский комсомолец» (далее АиФ, КП и МК). Результаты параметрического анализа лингвокреативности, проведенного на материале выборок из данных изданий, приведены в таблице 3.

Таблица 3.

Результаты параметрического анализа лингвокреативности на материале русского подкорпуса: уровневая реализация лингвокреатем

Количественный показатель случаев реализации лингвокреативности	Популярная пресса 1990–1999 гг.	Популярная пресса 2000–2022 гг.
Общий	1542 на 1041 предложение	986 на 806 предложений
На фонологическом уровне	147	83
На словообразовательном уровне	38	20
На лексическом уровне	548	522
На синтаксическом уровне	730	330
На орфографическом уровне	68	28

Исходя из приведенных данных, рассмотренные тексты таблоидов 1990–1999 гг. содержат на 25 % больше случаев реализации лингвокреативности разных уровней, чем статьи таблоидов 2000–2022 гг.

Если говорить об уровне реализации лингвокреативности, в статьях обоих корпусов в общей сложности было установлено достаточно ограниченное число примеров фонологической лингвокреативности (не более 10 % от лингвокреативных выборок), что мы связываем с письменной формой представления текстов (в отличие, например, от кинодискурса, где число фонологических лингвокреативных примеров может быть несравнимо больше), при этом на указанном уровне, как и в текстах английского корпуса, наиболее часто реализуется параметр лингвокреативности <104> «звуковой повтор». Иллюстрацией может послужить контекст, где аллитерация на основе повторения твердого дрожащего «р» активизирует звуковой фрейм, связанный с ощущением нависшей опасности (12):

(12) *У самодельных баррикад появились бронетранспортеры. Десантники вместе с рижскими омоновцами разогнали собравшихся здесь жителей. Раздалась выстрелы.* («ОМОН пошел в атаку. Но не дошел», КП, 22 августа 1991 г.).

На словообразовательном уровне также было установлено незначительное число лингвокреативных единиц — около 2 % от лингвокреативных выборок. Среди случаев реализации лингвокреативности, установленных на указанном уровне, встречаются отдельные примеры креативного словообразования (13), однако более активно в выборках русскоязычной прессы активизируется параметр <306> «аттракция производных слов» (14).

(13) *Конечно, сегодня, когда мы пережили минувшей зимой массовое заражение сверхзаразным, но более легким «Омикроном» — эта ситуация не кажется такой уж смертельной.* («Индия обвинила ВОЗ в умышленном вранье о смертности из-за ковида», МК, 17 мая 2022 г.);

(14) *Этот номер у них не прошел, а у нас — вышел.* («Мы опоздали, но пришли!», КП, 22 августа 1991 г.).

Многие выявленные единицы, представляющие собой результат креативного словообразования, обладают неформальным регистром и, соответственно, также активизируют параметр лингвокреативности <401> «смена регистров коммуникации», который относится уже к области лексической лингвокреативности. Среди лингвокреативных, установленных в дискурсе русскоязычных таблоидов 1990–1999 гг. и 2000–

2022 г. на различных уровнях, лексические лингвокреатемы ожидаемо многочисленны: в текстах статей 2000–2022 г. примеры такого рода составили 52 % от всех лингвокреативных единиц выборки, а в статьях 1990–1999 г. — 37 % от лингвокреатем выборки (см. таблицу 3).

Наше внимание при рассмотрении результатов параметрического анализа текстов 2000–2022 г. привлекло значительное число примеров актуализации параметра <401> «смена регистров коммуникации»: 25 % от лексических лингвокреатем выборки, из которых почти 2/3 представляют собой случаи введения единиц неформального регистра (15):

(15) *Получается, по факту введут для бабулек рецептурный отпуск на стоек. <...> Неужели непонятно, что не пьют алкаши меновазин?* («Йод и зеленку в России предлагают отпускать по рецепту», МК, 12 мая 2022 г.).

Многочисленные случаи актуализации параметра лингвокреативности <401> «смена регистров коммуникации» были отмечены и в популярной прессе 1990–1999 г. (21 % от лексических лингвокреатем выборки), однако реализация данного параметра в выбранном временном отрезке характеризуется определенными особенностями. Так, для текстов популярной прессы начала 1990-х гг. характерен более формальный тон изложения, который в том числе задается посредством введения в контекст формальных лексических единиц (16):

(16) *Здравствуйте, читатель, мы два дня не виделись, мы по вас скучали.* («Мы опоздали, но пришли!», КП, 22 августа 1991 г.).

Однако, начиная примерно с 1992 г., материал исследования характеризуется значительно более неформальным, порой даже разговорным, тоном изложения (17). Причиной, вероятно, стало вступление в силу в августе 1990 г. Закона СССР «О печати и других средствах массовой информации» и, как следствие, фактическая отмена государственной цензуры:

(17) *Диссонансом прозвучала речь главы социалистической партии Александра Мороза, заявившего, что от консультаций пахнет липой* («СНГ — что прыщ в носу?», КП, 06 января 1993 г.).

Если говорить о лингвокреативности на уровне синтаксиса, примеры такого рода составили треть (33 %) от всех лингвокреатем корпуса за 2000–2022 г. и почти половину (47 %) лингвокреатем, зафиксированных в выборке статей 1990–1999 г. (см. таблицу 3). Наибольшее число реализаций было зафиксировано в отношении параметра лингвокреативности <505> «параллельная конструкция (или

однородные члены предложения)». Мы склонны объяснять частотность активации данного параметра его тенденцией к гибридизации с другими параметрами лингвокреативности (см. таблицу 4).

Таблица 4.

Результаты параметрического анализа лингвокреативности на материале русского подкорпуса: коэффициент попарных корреляций наиболее активных параметров лингвокреативности

	Популярная пресса 1990–1999 гг.	Популярная пресса 2000–2022 гг.
Кодовое обозначение микропараметров лингвокреативности и коэффициент их попарных корреляций	<406> и <410> (0,4) <408> и <503> (0,3) <408> и <505> (0,2)	<406> и <410> (0,5) <401> и <406> (0,4) <408> и <503> (0,3)

По нашим данным, параметр лингвокреативности <505> наиболее часто реализуется совместно с параметром лингвокреативности <408> «парадигматическая активность», что объяснимо, поскольку в основе креативной реализации однородных членов предложения нередко лежат синонимичные лексические единицы (18):

(18) *Это подписи новых правителей, уверенных, что у гласности могут быть рыбные дни. Это расчерки, решившие «или сделать нас счастливыми, или проломить череп».* («Еще можно сменить правительство, но уже нельзя сменить народ», КП, 22 августа 1991 г.).

Основываясь на парадигматической активности, параметр лингвокреативности <408>, в целом, редко реализуется изолированно и, согласно результатам исследования, еще более многочисленны случаи его попарных корреляций с параметром <503> «синтаксическая фигура (вкл. антитезу)» (19):

(19) *Нет, все агитируют за Ельцина или за Зюганова, глубокомысленно размышляя о том, как победившая половина будет утихомиривать побежденную. Или о том, как побежденная начнет стрелять в победившую.* («В поисках Президента. Никогда не выбирай зло», МК, 06 июня 1996 г.).

Также были выявлены многочисленные попарные корреляции лексических параметров лингвокреативности (см. таблицу 4), что свидетельствует о высокой активности данного уровня реализации лингвокреативности, о чем подробно говорилось ранее.

Наконец, в отношении интердискурсивной реализации лингвокреативности были получены следующие результаты. Суммарное число примеров интердискурсивной лингвокреативности не превышает 1 % от количества лингвокреативных выборок, при этом наибольшее

число лингвокреативных вкраплений в тексты русскоязычной прессы происходит из художественного и религиозного дискурсов. К примеру, статья 1992 г. стилизована под «современную сказку-быль по мотивам произведений Д. Свифта и последнего съезда народных депутатов» (20). Представляется, что введение элементов художественного дискурса позволяет автору в экспрессивной и иносказательной форме дать оценку актуальным на тот момент событиям или создать, используя термин В.И. Карасика, своего рода «мистификацию» [Карасик 2022: 53]:

(20) Действующие лица: с одной стороны — Избранник народа, он же Знамя реформ, с другой — много избранников народа. Литературная обработка и Художественная постановка — средствами массовой информации. Сюжет прост, как кирпич. («Гулливер в стране депутатов», КП, 22 декабря 1992 г.).

Другой примечательный пример содержится в статье по тематике майских беспорядков 1993 г., где реализованы лингвокреативные вкрапления из области религиозного дискурса, иносказательно оценивающие действия властей как построенные на обмане, — такова, следуя логике автора статьи под красноречивым заголовком «Организованное пророчество», и природа религии:

(21) Похоже, что пророчество Р.И. Хасбулатова <...> оправдалось. Да и депутатами ВС РФ <...> сделано немало. Именно они организовали Первомайское шествие и стычку с милицией и ОМОНОм, именно им нужны герои-мученики. («Организованное пророчество», АиФ, 18 мая 1993 г.).

Представляется, что в обоих случаях результатом лингвокреативной реализации интердискурсивных вкраплений, как и в аналогичных примерах английского корпуса, является возникновение юмористического эффекта.

5. Сопоставление специфики реализации лингвокреативности в медийном дискурсе в диахронической перспективе: английский vs. русский подкорпус

На конечном этапе исследования были сопоставлены количественные показатели случаев реализации лингвокреативности в рамках пяти выборок из рабочего корпуса англо- и русскоязычной прессы разных типов за 1990–2022 гг. и для полноты картины привлечены результаты по предыдущему этапу исследования в отношении англоязычной качественной прессы 2000–2020 гг. Полученные данные (см. таблицы 1 и 3) указывают на то, что именно язык прессы 1990–1999 гг. характеризуется наибольшим количеством языковых новаций, при этом тип

издания или даже язык, на котором оно публикуется, играет меньшую роль. Представляется, что данный результат можно объяснить главенствующей ролью газет и журналов среди всех средств массовой информации 1990–1999 гг. Некоторое снижение числа лингвокреативных единиц в медийном дискурсе 2000–2022 гг., вероятно, связано с распространением глобальной сети Интернет и последующим «упрощением» языка изложения в прессе.

В отношении активации микропараметров лингвокреативности в англо- и русскоязычной прессе были сделаны выводы, схожие с результатами предыдущего этапа исследования [ЛДРТ: 551–552]. Наибольшей частотностью реализации в рамках рассмотренных выборок характеризуются лингвокреативные единицы лексического и синтаксического уровней (см. таблицы 1 и 3). Однако более низкие показатели в отношении суммарного числа случаев реализации лингвокреативности на других уровнях (в первую очередь, на фонологическом, словообразовательном и орфографическом) не свидетельствуют об их меньшей креативности: напротив, лингвокреативные единицы такого рода, ввиду ограниченного числа реализаций, примечательны для реципиента, вследствие чего они нередко актуализируются в заголовках медийных статей.

Наибольшее число попарных корреляций параметров лингвокреативности в обоих подкорпусах медийных текстов было установлено в рамках самых активных уровней (лексического и синтаксического), однако в текстах англоязычного подкорпуса нами также выявлена высокая частотность случаев попарной корреляции лексических лингвокреативных единиц с лингвокреативными единицами словообразовательного уровня, что указывает на активную роль словообразования как инструмента реализации лингвокреативности в англоязычной прессе.

Сопоставительный анализ особенностей интердискурсивной реализации лингвокреативности в медийных текстах показал, что число креативных интердискурсивных вкраплений не превышает 1 % от лингвокреативных единиц всех выборок, при этом в дискурсе медиа отмечается явная тенденция к взаимодействию с художественным и религиозным дискурсами.

В будущем видится перспективным продолжение работы в заданном направлении и дальнейшее применение методики параметризации лингвокреативности для изучения особенностей функционирования медийного дискурса. В частности, исследование может быть проведено в отношении медийных текстов, публикующихся на других языках (например, на немецком). Перспективной сферой для изучения видится проблематика мультимодальности, чья значимость в качестве

объекта научных изысканий лишь возрастает вследствие фактического перехода прессы в интернет-пространство. Интересным представляется и сравнение уже полученных результатов с дискурсами других типов.

Литература

Беляевская Е.Г. «Звуковые» фреймы и анализ нарративного дискурса // Вестник МГЛУ. Вып. 17 (703). М.: Рема, 2014. С. 15–23.

Добросклонская Т.Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ: современная английская медиаречь. М.: Флинта: Наука, 2008.

Зыкова И.В. Метаязык лингвокультурологии: константы и варианты. М.: Гнозис, 2017.

Зыкова И.В., Куосе М.И. Параметризация лингвистической креативности в междискурсивном аспекте: кинодискурс vs. дискурс детской литературы // Вопросы когнитивной лингвистики. 2020. Вып. 2. С. 26–40.

Калинкин В.М. От литературной ономастики к поэтонимологии // Logos Onomastiki (науч. журнал). 2006. Вып. 1. С. 81–89.

Карасик В.И. Мистификация как дискурсивный феномен // Когнитивные исследования языка. Вып. 4 (51). Тамбов: Издательский дом «Державинский», 2022. С. 53–59.

Куосе М.И., Ефремов А.А. HETEROSTAT. Программа HETEROSTAT комплексного расчёта параметров дискурса. Дата регистрации: 21.09.2020. Государственный номер регистрации: 2020661240.

ЛДРТ — Лингвокреативность в дискурсах разных типов: Пределы и возможности: коллективная монография / Отв. ред. И.В. Зыкова. М.: РВалент, 2021.

Копнина Г.А., Сковородников А.П. Стилистика креатива и эколингвистика: точки соприкосновения // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. Вып. 8 (38): в 2-х ч. Ч. I. С. 101–104.

Шмелева Е.С. Гибридизация (лингво)креатива в англо- и русскоязычных медиа (на материале текстов о событиях актуальной российской политики) // Критика и семиотика. 2021. № 2. С. 107–122.

Koestler A. The Act of Creation. London: Hutchinson, 1964.

ТОЛКОВАНИЕ СПОРНЫХ ЮРИДИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ КАК ИСТОЧНИК ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ КРЕАТИВНОСТИ И КАК СРЕДСТВО ЕЕ ДИСКУРСИВНОГО ОГРАНИЧЕНИЯ

А.Е. Босов

Арбитражный суд Республики Коми, Сыктывкар

В статье обосновывается базовое условие коммуникативной успешности юридического текста — постулат некреативности (антикреативности, тривиальности). Нарушение этого принципа приводит к тяжбам, которые разрешаются с помощью судебного толкования спорных текстов. Рассматривая споры из договоров, суды прибегают к таким приемам толкования, которые позволяют не только нивелировать семантические помехи (создаваемые ошибками или языковой небрежностью), но и subordinировать смыслы либо наделить смыслом то или иное условие договора. В основе этих приемов лежит принцип кооперативного речевого поведения, а также дискурсивный запрет на бессмыслицу, «иллокутивное самоубийство» (по З. Вендлеру) и невероятный смысл. Выявляя коммуникативные имплицатуры договора, суд вторгается в сферу чужих смыслов, но именно ограничение креативности сторон и позволяет разрешить правовой конфликт.

Ключевые слова: *юридический дискурс, антикреативность, принцип кооперации, толкование договора, запрет на бессмыслицу.*

INTERPRETATION OF LEGAL TEXTS AS A SOURCE OF LINGUISTIC CREATIVITY AND AS A MEANS OF LIMITING VARIETY IN SEMANTICS

Artyom E. Bossov

Arbitration court of the Komi Republic, Syktvykar

Paper explains the maxim of anti-creativity (triviality) as a basic condition for communicative success of a legal text. The violation of the maxim leads to litigations that are settled through the use of judicial interpretation. When considering disputes arising out of contracts, courts use different techniques that permit not only to level out semantic interferences but also to subordinate (to rank) possible senses or to give meaning to any contract term. Judges use the cooperative principle, discursive ban on nonsense and on “illocutionary suicide” (according to Z. Vendler) as well. Revealing communicative intentions of contracting parties, judge intrudes into the sphere of other people’s senses, however, this restriction of linguistic creativity allows them to resolve a legal conflict.

Keywords: *legal discourse, anti-creative speech behavior, cooperative principle, interpretation of a treaty, discursive ban on nonsense (senselessness).*

Сколько, например, различных слов в мире, и ни одного из них нет без значения. Но если я не разумею значения слов, то я для говорящего чужестранец, и говорящий для меня чужестранец. <...> А потому, говорящий на незнакомом языке, молись о даре истолкования.

1 Кор., XIV, 10, 11, 13

1. Креативность в юридическом дискурсе

Различные дискурсивные практики имеют неодинаковую потребность в лингвистической креативности. Очевидно, что творчество является базовым свойством художественного дискурса и поощряется им. В религиозных дискурсивных практиках креативность может допускаться (проповеди, духовная литература), ограничиваться (агиографические тексты), практически или полностью запрещаться (канонические и богослужебные тексты). Схожесть юридического дискурса с религиозным заключается в естественном отказе от креативности, в имманентной, системообразующей не-креативности. Воспользовавшись знаменитым постулатом Дж.Р. Сёрля об идиоматичности [Сёрль 1986: 215], можно сформулировать аналогичный для юридического дискурса: «*Говори некреативно, если только нет особой причины говорить креативно*»¹. Проведенные ранее наблюдения позволили сделать вывод о том, что даже изрядное количество всевозможных ошибок и неточностей, которые по традиции так волнуют составителей пособий по культуре речи, не только не приводит к коммуникативному провалу юридических текстов, но нередко вообще никак не сказывается на их восприятии и понимании [Босов 2017]. Следование «постулату некреативности»² является базовым условием коммуникативной успешности юридического текста в той же самой мере, в которой соблюдение постулата идиоматичности приводит к успешности косвенных речевых актов естественного языка.

Итак, обычный юридический текст должен быть чужд креативу, потому что правовая норма регулирует стандартные общественные отношения, а любой акт языкового творчества может привести

¹ Еще в начале XX в. русский юридический дискурс имел серьезную устную опору, сейчас вопросы судебного изрека появляются в основном на страницах гламурных адвокатских журналов. Судоговорение окончательно вытеснено *судописанием*, главной тенденцией которого является сакрализация письменных текстов [Босов 2019: 784], в связи с чем наш постулат точнее было бы изложить так: «*Пиши некреативно, если только нет особой причины писать креативно*».

² Думается, его вполне можно именовать и *постулатом (принципом) тривиальности*.

к дисбалансу, к упущению важных деталей, к нарушению правопорядка. Понимая это, лица, вовлеченные в юридический дискурс, прибегают к типовым формам и клишированным формулировкам. Такой выбор оправдан как в правовом, так и в лингвопрагматическом отношении, поскольку использование этих форм является оптимальной гарантией правовой защиты и одновременно экономит ресурсы, которые необходимо потратить на составление документа.

Научный интерес представляют случаи нарушения принципа тривиальности. Юридический креатив проявляется там, где имеется правовой спор; юридический конфликт порождается креативностью — с ее помощью он и разрешается. Любопытно здесь следующее. Мотивационно-прагматические установки продукта лингвистической креативности в художественном и политическом дискурсах могут быть самыми разными, при этом интенциональность как свойство креативного речевого поведения очевидна, чего нельзя утверждать в отношении юридического дискурса, в котором «креативные» тексты могут быть результатом личных речевых предпочтений или правовых заблуждений автора-составителя. Подлинная креативность реализуется в юридическом дискурсе тогда, когда разрешается правовой спор о толковании документов или отдельных их положений, то есть в ходе судебного разбирательства.

В какую бы форму ни облекалось толкование (интерпретация, перевод, экзегеза), оно в конечном счете поглощено задачей отыскания или придания смысла тексту. Разновидности и методы толкования описаны филологами настолько основательно и вместе с тем неоднозначно, что само изучение этой литературы нередко связано с необходимостью ее предварительной дешифровки. Суд и тяжущиеся стороны занимаются тем, что уместнее всего назвать бытовым (профанным) толкованием, то есть таким, которое осуществляется не профессиональным лингвистом, а рядовым носителем языка для личных повседневных нужд.

2. Подходы к судебному толкованию

Договоры наиболее сложны для интерпретации. В правовой науке различают два основных вида судебного толкования — нормативное и казуальное. Первое является прерогативой высших судебных инстанций (Конституционного и Верховного судов РФ). Казуальным толкованием называется та интерпретация спорного текста, к которой приходит суд при рассмотрении конкретного дела.

Заключению договора нередко предшествуют напряженные переговоры, и проект договора может претерпеть много изменений, но с

того момента, когда договор подписан, каждая сторона считается его автором. В лингвопрагматическом отношении договор уникален тем, что его стороны — одновременно и адресаты этого текста, поскольку, предоставляя права всем своим участникам, он обязывает их к исполнению обязательств.

Нормативное, или официальное, толкование — это такое разъяснение, которое разрешает правовую коллизию средствами не столько филологическими, сколько юридическими, договорными: непонятная норма формулируется иначе, устанавливаются обязательные семантические ограничения, регулирующие правильное (соответствующее закону) и неправильное (не соответствующее закону) прочтение и применение нормы. Можно сказать, нормативное толкование антикреативно, ибо с его помощью пресекается вероятность разночтений. Казуальное толкование более филологично, и потому оно интереснее для исследования, так как предполагает возможность хотя бы для теоретической дискуссии.

Казуальное толкование, хотя и названо выше профанным, исходит из подходов, которые в общем виде закреплены в законе, то есть которые обязательны (в отличие от профессиональных (филологических) методов толкования). Так, в статье 431 Гражданского кодекса Российской Федерации (Кодекс) указано:

При толковании условий договора судом принимается во внимание буквальное значение содержащихся в нем слов и выражений. Буквальное значение условия договора в случае его неясности устанавливается путем сопоставления с другими условиями и смыслом договора в целом.

Если правила, содержащиеся в части первой настоящей статьи, не позволяют определить содержание договора, должна быть выяснена действительная общая воля сторон с учетом цели договора. При этом принимаются во внимание все соответствующие обстоятельства, включая предшествующие договору переговоры и переписку, практику, установившуюся во взаимных отношениях сторон, обычаи, последующее поведение сторон.

Эти правила могут показаться как чрезмерно упрощенными, так и предельно неясными, а потому нерабочими. Действительно, предлагаемая процедура толкования лишена научной строгости, не предлагает четких ориентиров и вряд ли может быть названа методом. В сущности, в первом абзаце комментируемой статьи заключен трюизм, которым можно привлечь внимание юриста, но никак не филолога. Сложности же в приведенной формуле повсюду: что понимать под «буквальным значением», «смыслом договора в целом», как технически установить этот смысл и особенно — «действительную общую волю сторон»?

Часть недоумений разрешается в пунктах 43–47 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25.12.2018 № 49 «О некоторых вопросах применения общих положений Кодекса о заключении и толковании договора» (Постановление, ВС РФ, Пленум).

Остановимся на наиболее значимых положениях Постановления³.

1. *Буквальное значение содержащихся в договоре слов и выражений определяется с учетом их общепринятого употребления любым участником гражданского оборота, действующим разумно и добросовестно, если иное значение не следует из деловой практики сторон и иных обстоятельств дела; условия договора подлежат толкованию таким образом, чтобы не позволить какой-либо стороне договора извлекать преимущество из ее незаконного или недобросовестного поведения (пункт 4 статьи 1 Кодекса); толкование договора не должно приводить к такому пониманию условия договора, которое стороны с очевидностью не могли иметь в виду; условия договора толкуются и рассматриваются судом в их системной связи и с учетом того, что они являются согласованными частями одного договора*⁴ (пункт 43 Постановления).

Уже в первом приближении видно, что при посредстве «чистой лингвистики» решается лишь несущественная часть юридических задач: во-первых, определяются типы лексических значений (буквальное значение — это прямое номинативное значение) с одновременным исключением из сферы толкования всех переносных (окациональных) значений, во-вторых, устанавливается, что условия договора надлежит интерпретировать исходя из их композиционного единства с другими его условиями (выявление структурно-семантических связей). Избранный Пленумом подход ориентирован на речевую ситуацию: толкование призвано выявить пропозициональные установки, невербализованные компоненты смысла.

В качестве стартовых координат для толкования избираются следующие.

(1.1). Спорный текст интерпретируется с позиции *простеца* (М.М. Бахтин), то есть с точки зрения рядового носителя языка, не обремененного в равной мере ни специальными лингвистическими, ни

³ К юридическим документам (в особенности к процессуальным, то есть к тем, которые составляются судом и участниками судебного разбирательства) очень подходит образ «мозаики цитаций», предложенный Ю. Кристевой с оговоркой на М.М. Бахтина [Кристева 2004: 167]. Вероятно, именно по той причине, что юридические документы почти целиком составлены из чужих текстов (также неоригинальных), цитаты в них не принято оформлять кавычками. Следуя традиции, прибегнем к этому способу и мы (точные выдержки из закона и судебных актов приведены без кавычек, но со ссылками на источники).

⁴ Пленум употребляет термин «системное толкование».

юридическими познаниями (их наличие не исключается и не запрещается, но оно и не обязательно).

(1.2). Этот обычный человек должен действовать при толковании разумно и добросовестно⁵. Более того, такое поведение ожидается от участника гражданских правоотношений и предписывается ему законом в качестве *modus operandi* (пункт 3 статьи 307 Кодекса). По сути, перед нами правовая рецепция того, что в лингвистической прагматике названо принципом кооперации (Г.П. Грайс).

(1.3). Незаконное или недобросовестное поведение одной стороны договора не должно поощряться толкованием, обеспечивающим ей какое-либо преимущество перед другой стороной.

Из (1.2) и (1.3) следует важная дискурсивная особенность: если в ходе рассмотрения дела суд установит, что поведение одного контрагента незаконно, неразумно или недобросовестно либо что спорное условие создает предпосылки для такого поведения, то «буквальное значение» не принимается (недобросовестная сторона утрачивает право на защиту). Иначе говоря, противоречащий праву, но лингвистически верный вывод отклоняется.

(1.4). Наличие судебного спора о толковании свидетельствует об отказе хотя бы одной стороны договора от предписанного законом кооперативного поведения. В этой связи Пленум вводит запрет на невероятный смысл (исключается *такое понимание условия договора, которое стороны с очевидностью не могли иметь в виду*), а это вполне укладывается в грайсовский принцип кооперации. Примечательно, что в Постановлении нет речи о бессмысленном высказывании: правовая доктрина и судебная практика интуитивно и, кажется, органично пришли к постулату о невозможности бессмысленного высказывания в юридическом дискурсе, то есть к тому, что не считалось очевидным и в рамках художественного дискурса [Радбиль 2016]. Юридический текст должен быть осмысленным — нельзя же устанавливать бессмысленные правила в рамках не-художественного высказывания, в противном случае мы будем иметь дело не с договором и не с правовым текстом, а с чем угодно другим.

Отметим и другую значимую особенность запрета на бессмыслицу. Правила юридического дискурса, в отличие от художественного, публицистического или политического, не позволяют просто отмахнуться от текста, признав его чепухой или безвкусицей, поскольку отношения сторон опосредованы договором, каким бы коммуникативно

---

⁵ Понятия разумности и добросовестности восходят к принципу *bona fides* («добрая совесть») римского права.

неудачным он ни был. Договор *обязан иметь смысл* независимо от соблюдения правил грамматики, законов референции и кооперации, наличия и массовой доли любых семантических девиаций и, наконец, независимо от того, вкладывался ли сторонами договора в него какой-либо смысл вообще.

В правовой науке есть поэтическое понятие исцеления (конвалидации) сделки, которое в некоторых случаях позволяет сохранить договор, изначально составленный с пороками, влекущими его недействительность. Такое исцеление смыслом становится возможным благодаря закреплению в (1.4) принципу, с применением которого реализуются право и обязанность суда *наделить* смыслом представляющееся бессмысленным высказывание, *приписать* определенный смысл тому, что хотя бы одной из сторон договора толкуется иначе.

2. Если условие договора допускает несколько разных вариантов толкования, один из которых приводит к недействительности договора или к признанию его незаключенным, а другой не приводит к таким последствиям, по общему правилу приоритет отдается тому варианту толкования, при котором договор сохраняет силу (пункт 44 Постановления).

В целом содержание этого пункта перекликается с (1.4) и не требует отдельного комментария, однако отметим еще одну важную параллель с лингвистической прагматикой. Правовой наукой тоже воспринято понятие иллюкутивного самоубийства (З. Вендлер), точнее, идея о недопустимости такой ситуации в юридическом дискурсе: условие договора о несоблюдении это договора лишает его правового смысла. В качестве иного, более яркого примера иллюкутивного самоубийства можно привести ситуацию, когда в договор включается оговорка о мнимости сделки (стороны сообщают, что заключают договор для вида, без намерения создать соответствующие ему правовые последствия) или о притворном ее характере (договор заключен с целью прикрыть другую сделку). Подобные конструкции кажутся неправдоподобными, между тем в действительности встречаются еще более фантастические.

Например, в ходе рассмотрения дела № А29-7372/2021⁶ общество требовало от исправительной колонии возратить денежные средства, перечисленные по сделке, в которой, согласно приговору суда, одновременно сочетались черты мнимости, притворности и совершенности под влиянием обмана. Особого внимания заслуживало утверждение истца о том, что обо всех этих пороках сделки он узнал лишь из приговора, которым гражданин (фактически руководивший обществом

⁶ Судебные акты по всем арбитражным делам публикуются официально и могут быть без труда найдены по номеру в Картоотеке арбитражных дел (kad.arbitr.ru).

супруг директора) был осужден за присвоение имущества. Однако и без особых юридических познаний ясно, что совершение мнимой сделки возможно лишь волей обеих сторон, которые имеют целью скрыть свои намерения от третьих лиц, но не друг от друга.

3. При неясности условий договора и невозможности установить действительную общую волю сторон иным образом толкование условий договора осуществляется в пользу контрагента стороны, которая подготовила проект договора либо предложила формулировку соответствующего условия. Пока не доказано иное, предполагается, что такой стороной было лицо, профессионально осуществляющее деятельность в соответствующей сфере, требующей специальных познаний (например, банк по договору кредита, лизингодатель по договору лизинга, страховщик по договору страхования и т. п.) (пункт 45 Постановления).

В этом пункте отражен принцип римского права *interpretatio contra proferentem* («толкование против предложившего»)⁷: предполагается, что у стороны, которая составила проект договора, больше возможностей обеспечить себе выгодные условия, поэтому интерпретировать надлежит не в ее пользу. Однако установление автора проекта — далеко не всегда тривиальная задача. В этой связи в действие вступает дополнительное правило, оно позволяет при помощи толкования защитить ту сторону договора, которая не является профессиональным игроком на рынке и, следовательно, могла упустить при совершении сделки какие-либо значимые нюансы.

4. При толковании условий договора суд с учетом особенностей конкретного договора вправе применить как приёмы толкования, прямо установленные статьей 431 Кодекса иным правовым актом, вытекающие из обычаев или деловой практики, так и иные подходы к толкованию. В решении суд указывает основания, по которым в связи с обстоятельствами рассматриваемого дела приоритет был отдан соответствующим приемам толкования условий договора (пункт 46 Постановления).

Иными словами, перечень приемов толкования открыт, а методы их реализации вариативны; такую свободу судебного усмотрения следует признать соответствующей задачам правосудия, так как многообразии договорных конструкций не может быть ни предсказано, ни ограничено.

5. ...При квалификации договора... необходимо прежде всего учитывать существо законодательного регулирования соответствующего вида

---

⁷ Пример такого толкования можно найти, например, в определении ВС РФ от 24.02.2022 № 305-ЭС21-22419 по делу № А40-94872/2020 (договор подряда).

обязательств и признаки договоров... независимо от указанного сторонами наименования квалифицируемого договора, названия его сторон, наименования способа исполнения и т. п. (пункт 47 Постановления).

Эти названия и наименования могут не соответствовать действительности либо не вполне ей соответствовать, поэтому, если полагаться только на то, как поименован договор и стороны (как стороны назвали сами себя), то можно упустить из виду важные правовые особенности. Нарушение приведенного правила было отмечено в одном из дел: договор, названный договором аренды, содержал в себе элементы договора инвестирования, что вносило существенные коррективы в процедуру его расторжения⁸. Другой случай — противоположный: суды проигнорировали название договора подряда и ошибочно приписали ему элементы купли-продажи строительных материалов, нарушив при толковании еще и запрет на невероятный смысл (пункт 43 Постановления)⁹.

6. Еще одно замечание по части доктрины судебного толкования касается дискурсивного принципа, который отражен одновременно в (1.2)–(1.4), (2) и (3) и который предлагается называть *субординацией смыслов*: при возможности нескольких толкований (лингвистическом равноправии смыслов) преимущество отдается кооперативному (добросовестному), защищающему интересы слабой стороны договора и сохраняющему сделку, оформленную с некритическими пороками. Ограничение сторон в креативном толковании креативности само по себе содержит креативный, дискурсообразующий потенциал.

7. Общие подходы к толкованию, изложенные в Постановлении, развиваются, а иногда и корректируются в актах ВС РФ по конкретным делам. Так, например, Президиум уточнил: сначала используются правила, установленные пунктом 1 статьи 431 Кодекса, а при невозможности с их помощью установить действительную общую волю сторон договора применяются правила пункта 2 названной статьи¹⁰.

3. Реализация приемов толкования в судебной практике

Ни относительная простота, ни относительная сложность статьи 431 Кодекса не делают ее мертвой нормой. Хороший оперативный потенциал описанных подходов к толкованию подтверждается судебной практикой.

⁸ Определение ВС РФ от 30.08.2022 № 305-ЭС22-5403 по делу А40-77969/2021.

⁹ Определение ВС РФ от 04.10.2022 № 307-ЭС22-6812 по делу А56-122126/2018.

¹⁰ Постановление от 07.10.2020 № 9-ПВ19.

Кейс № 1

Транспортная компания (исполнитель) потребовала от нефтегазовой компании (заказчика) убытков, возникших из-за отказа ответчика увеличивать тарифы на услуги по перевозке сообразно росту цен на топливо¹¹. Спорным был следующий пункт договора:

«Величина тарифов, определенная по итогам тендерных торгов, подтверждается расчетом тарифов с выделением топливной составляющей (с указанием норм расхода, вида топлива и его цены на дату начала действия договора). Величина тарифов может быть изменена по согласованию сторон в связи с изменением стоимости топлива (бензина, дизельного топлива) как в сторону увеличения, так и в сторону уменьшения не чаще 1 раза в квартал путем заключения дополнительных соглашений к Договору.

Пересмотр тарифов осуществляется с момента превышения:

- 5 % стоимости топлива, включенной в тариф по состоянию на 01.01.2017 год;

(...)

- 4 % стоимости топлива, включенной в тариф по состоянию на 01.01.2020 года».

Истец считал увеличение тарифов обязанностью ответчика, последний — правом. При толковании текста учитывалось следующее.

Для выражения грамматического значения долженствования, которое коррелирует в области права с понятием обязательства, стороны не ограничивались какой-то одной речевой моделью, а широко и безошибочно использовали практически весь общеречевой лексический репертуар и набор морфологических форм и синтаксических конструкций с соответствующей семантикой.

Так, на лексическом уровне значение долженствования выражено в другом пункте договора глаголом «подлежать» (со значением ‘находиться в числе тех лиц или предметов, которые должны подвергаться чему-либо’): *«Тарифы подлежат корректировке при включении в производственную программу уникального (неаналогичного) транспортного средства и ранее в ней неиспользовавшегося».*

Юридический подстиль ограничен в выборе лексики, поэтому модальность долженствования раскрывается в грамматике. В договоре широко использованы индикативные конструкции, обозначающие действие, которое следует совершить грамматическому субъекту при

¹¹ Дело А29-7257/2020.

наступлении определенных в тексте обстоятельств (либо действие, которое мыслится единственно возможным к совершению при данных обстоятельствах, либо действие, которое совершается периодически при этих обстоятельствах): исполнитель ежеквартально предоставляет заказчику акт сверки; заказчик возмещает исполнителю дополнительные расходы; исполнитель уплачивает заказчику штраф.

Не менее часто обязательность к исполнению выражается пассивными конструкциями с возвратными глаголами: акт сверки... подписывается исполнителем, крепляется печатью и возвращается обратно заказчику; при предоставлении исполнителем транспорта с опозданием составляется акт, в акте обязательно фиксируется; комиссия создается раз в квартал, стороны освобождаются от ответственности, сроки предоставления финансового обеспечения устанавливаются.

Договор — это перечень релевантных для сторон условий (правил поведения), поэтому очевидно, что во всех приведенных случаях имеются в виду не факультативные, а обязательные действия. Иначе допускается условие о несоблюдении условий (то самое иллокутивное самоубийство): акт необязательно подписывать, скреплять печатью и возвращать, дополнительные расходы возмещать ни к чему, штраф можно не оплачивать и т. д.

Суд заключил: спорная пассивная конструкция с возвратным глаголом («Пересмотр тарифов осуществляется с момента превышения...»), как и во всех аналогичных в грамматическом отношении случаях, обозначает обоюдную *обязанность* сторон принять меры к пересмотру тарифов при достижении стоимостью топлива пороговых значений. В первом абзаце пункта закреплено *право* сторон изменить величину тарифов путем заключения дополнительных соглашений в тех случаях, когда стоимость топлива не превысила пороговых значений, которые приведены во втором абзаце пункта.

Суд применил здесь и принцип *contra proferentem*, признал истца слабой стороной договора, а ответчика — злоупотребившим правом.

Кейс № 2

Общество потребовало от Корпорации неустойку за просрочку выполнения работ¹². Ответчик не оспорил наличие просрочки, но высказался о полном отсутствии у него обязательства платить неустойку: из буквального толкования пункта договора следует, что ее размер ограничивается пятью процентами от стоимости несвоевременно

¹² А29-11451/2019.

оплаченных работ, между тем все работы оплачены заказчиком, поэтому неустойка равна нулю.

Разобрав композицию и языковые особенности договора, суд заключил, что вариант толкования пункта договора, предложенный Корпорацией, противоречит здравому смыслу и экономическим интересам Общества. Если принять позицию ответчика, то размер неустойки, на которую вправе претендовать заказчик, добросовестно исполнивший свое обязательство по оплате, тем ниже, чем быстрее и полнее данное обязательство реализовано. При таком толковании получается, что Корпорация, допустившая существенную просрочку, полностью освобождается от ответственности, причем именно в силу того, что ее контрагент исправно выполнил свои обязательства. Такое положение вещей явно абсурдно и не могло удовлетворять законным интересам заказчика.

С учетом изложенного, а также общеправового принципа, исключающего недействительность договорного условия только потому, что в нем допущена описка (*grammatica falsa non vitiat chartam*¹³), суд пришел к выводу, что в пункте договора установлено пятипроцентное ограничение, зависящее от стоимости несвоевременно *выполненных* работ.

4. Выводы

1. Базовый принцип речевого поведения юристов заключается в намеренном отказе от лингвистического творчества. Креативность приводит к аномальному смыслопорождению, к правовому конфликту, который снимается посредством судебного толкования спорных текстов.

2. Одна из причин креативности в юридических текстах — это банальное нарушение правил грамматики, референции (псевдокреативность). Подлинная креативность, используемая в целях языковой игры, проявляется не при порождении договора, а в последующей интерпретации этого текста его сторонами, каждая из которых одновременно является адресатом и автором, а потому претендует на монополию в области смыслов.

3. Судебное (профанное) толкование основывается на подходах логического анализа языка и имеет серьезные преимущества перед сугубо лингвистическим (профессиональным) толкованием, поскольку задача первого — разрешить правовой спор, а не породить новый.

¹³ Грамматические ошибки не делают документ недействительным.

Литература

Босов А.Е. Верификация письменных доказательств и поиски истины в современном судебном дискурсе // *Логический анализ языка. Понятие веры в разных языках и культурах*. М.: «Гнозис», 2019. С. 783–794.

Босов А.Е. Современный юридический дискурс: понятность vs. нормативности // *Культура русской речи (Готовские чтения): Тез. докл. V Международной научной конференции*. М.: Издательство Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 2017. С. 17.

Кристева Ю. Избранные труды: Разрушение поэтики / Пер. с франц. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004.

Радбиль Т.Б. Постулат о невозможности бессмысленного текста в свете лингвистики креатива // *Труды института русского языка им. В.В. Виноградова*. 2016. Т. 7. № 7. С. 99—111.

Сёрль Дж. Р. Косвенные речевые акты // *Новое в зарубежной лингвистике*. М.: Прогресс, 1986. Вып. 17: Теория речевых актов. С. 195–222.

МАТРИЦА КОГНИТИВНЫХ ФИЛЬТРОВ КАК ИНСТРУМЕНТ АНАЛИЗА ЛИНГВОКРЕАТЕМ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛОЯЗЫЧНОМ ДИСКУРСЕ

М.П. Таймур

Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, Москва

Настоящая статья посвящена исследованию возможностей авторского метода «матрицы когнитивных фильтров», состоящей из шести фильтров, для моделирования процесса инферирования смысла лингвокреатем реципиентом в мультимодальном онлайн-дискурсе при активации ряда определенных когнитивных механизмов, его порождающих. В работе показано, что данный метод позволяет получать как теоретические данные о вероятностном прогнозировании уровня возможного когнитивного резонанса и диссонанса во время коммуникативного акта, так и эмпирические данные во время проведения лингвокогнитивного эксперимента среди англоязычных респондентов (334 англоговорящих участника из 11 стран). Теоретический анализ 1500 лингвокреатем и лингвокогнитивный эксперимент показали, что при помощи использования матрицы когнитивных фильтров возможен пошаговый анализ лингвокреатемы, где смыслы лингвистических и нелингвистических компонентов инферируются реципиентами в их совокупности.

Ключевые слова: *матрица когнитивных фильтров, когнитивный механизм, лингвокреативность, дискурс.*

THE MATRIX OF COGNITIVE FILTERS AS A TOOL FOR THE ANALYSIS OF LINGUOCREATEMS IN MODERN ENGLISH DISCOURSE

Maria P. Taymour

Plekhanov Russian University of Economics, Moscow

This article is devoted to the study of the author's method of the "matrix of cognitive filters", consisting of six filters. It is used for modeling the process of inferring meaning by a recipient in a multimodal online discourse when a number of certain cognitive mechanisms that generate it are activated. The paper shows that this method allows obtaining both theoretical data on possible level of cognitive resonance and dissonance during a communicative act, and empirical data during a linguocognitive experiment among English-speaking respondents (334 English-speaking participants from 11 countries). Theoretical analysis of 1500 linguocreatems and linguocognitive experiment showed that using the matrix of cognitive filters it is possible to analyze a creative element step by step, where the meanings of linguistic and nonlinguistic components are inferred by recipients in their totality.

Keywords: *matrix of cognitive filters, cognitive mechanism, linguistic creativity, discourse.*

Лингвокреативность как речевая коммуникативная стратегия в ранних исследованиях традиционно считалась характерной чертой

поэзии, однако на сегодняшний день в рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы исследуются самые различные типы мономодальных и мультимодальных дискурсов, являющихся областью реализации креативного потенциала как системы языка, так и языковой личности [Демьянков 2021; Зыкова 2014; Ирисханова 2009; Канашина 2016; Киосе 2022; Таймур 2021, Шмелева 2022 и др.]. Языковое творчество как определенное нарушение узуса характерно, как правило, для коммуникантов с лингвокреативным типом мышления (или гибким интеллектом), который отличается оригинальностью, спонтанной гибкостью, оперативностью, дивергентностью и ассоциативностью, способностью к переосмыслению, развитым чувством юмора. Язык, вовлеченный в личностный процесс познания, инференции и интерпретации смыслов, создание новых концептов, может рассматриваться как фактор, который реализует коммуникативные и познавательные индивидуальные намерения [Болдырев 2017].

Мультимодальные тексты, связывающие разные знаковые системы, характеризующие современные средства массовой информации и являющиеся основной частью репрезентативной культуры общества XXI в., могут считаться базисом коммуникативно-научной и текстолингвистической дискуссии, а непрерывно возникающие новые формы текстов обеспечивают ранее неизвестные возможности глобальной коммуникации. Подобные семиотически неоднородные или гетерогенные тексты находятся в фокусе научных междисциплинарных исследований, не теряющих свою актуальность, на протяжении последних нескольких десятилетий. Семантический потенциал невербальных и вербальных семиотических систем кардинально отличается, обеспечивая различие в формировании их значений. Адаптируя один из постулатов гипотезы лингвистической относительности Сепира-Уорфа, гласящий, что ситуация, которую описывают на двух различных языках, это две разные ситуации, а не одна, описанная различными способами, можно согласиться с тем, что мир, представленный вербально, не совпадает с описанным с помощью изображения. Это вполне логично, потому что восприятие изображений индивидом происходит одновременно, в то время как текст можно воспринимать исключительно последовательно, линейно.

Языковая ситуация в современном мире может быть охарактеризована как время технологизации языка коммуникации — наблюдается проникновение Интернета в те сферы жизни, где ранее коммуникация происходила исключительно офлайн, и использование в онлайн-дискурсе лексики, относящейся к мультимодальным текстам

в виртуальной реальности. Данная лексика демонстрирует как особые социально-культурные характеристики, так и индивидуальные языковые особенности, обусловленные функциональной и социокультурной спецификой ее появления, использования и распространения: она высокометафорична и описательна, сочетает в себе элементы разных стилей, сохраняет некоторые особенности профессионального технического жаргона, общеупотребительной и неформальной игровой лексики, имеет черты как устной, так и письменной речи, подчиняется имманентным закономерностям конкретного языка. Можно утверждать, что основная функция подобных лексических единиц — это повышение результативности виртуальной коммуникации как фактора развития нового цифрового общества и нового цифрового / информационного языка, а кроме того, номинирование возникших в результате появления интернет-пространства реалий для ликвидации появившихся лексических лагун в узуальном, стандартном вокабуляре.

Термин «лингвокреатема» видится нам наиболее подходящим для описания продуктов лингвистической креативности в мультимодальном онлайн дискурсе (ср. «креатема», «речема», «экспрессема»). Лингвокреатема представляет собой моно- либо полимодальную единицу дискурса, которая является многосложным когнитивно-стимулирующим знаковым комплексом. Это определенный набор концептов, переосмысленный, видоизмененный и переданный в результате письменной либо устной коммуникации адресату. Ключевую роль играет достижение задуманного прагматического эффекта: при его достижении у реципиента можно констатировать наличие когнитивного резонанса; в противном случае имеет место возникновение когнитивного диссонанса (или ментального напряжения), что нередко приводит к сбою либо провалу коммуникации. Исследование факторов, влияющих на это, представляет собой актуальную проблему современной когнитивной лингвистики, которой были посвящены наши работы (см. подробнее [Голубкова, Таймур 2019, 2020, 2021; Таймур 2020, 2022 и др.]), и именно данной задаче посвящено настоящее исследование. Кроме того, представляется важным анализ прагматических свойств различных моно- и мультимодальных лингвокреативов современного англоязычного дискурса. Анализ проводился на материале более 1500 единиц из онлайн-источников на английском языке: политические обозрения, британская и американская периодика, социальная и коммерческая реклама, комиксы, интернет-мемы, демотиваторы и прочие.

Рабочая гипотеза представляла собой следующее утверждение: инферирование смысла лингвокреативом реципиентом происходит при

активации ряда определенных когнитивных механизмов, его порождающих, и при моделировании данного процесса при помощи создания авторского метода исследования — т. н. матрицы когнитивных фильтров (термин введен автором настоящей работы) — и делает возможным получение как теоретических данных о вероятностном прогнозировании возникновения у реципиента когнитивного резонанса и диссонанса, так и эмпирических данных при помощи проведения лингвокогнитивного эксперимента среди англоязычных респондентов.

Для доказательства либо опровержения выдвинутой гипотезы были исследованы особенности функционирования следующих ключевых когнитивных механизмов: когнитивный механизм концептуальной метафоры; когнитивный механизм концептуальной интеграции; когнитивные механизмы оценочной концептуализации / категоризации; когнитивный механизм компрессии / декомпрессии; когнитивный механизм профилирования (в т. ч. баннерной слепоты); когнитивный механизм концептуальной метафтонимии. Матрица когнитивных фильтров (МКФ) представляет собой обобщенную когнитивную модель мультимодальной креатемы и позволяет определять приблизительный уровень ее «успешности» у реципиента. МКФ можно определить как шестиуровневую систему анализа этапов функционирования основных когнитивных механизмов формирования смыслов лингвокреатемы (см. рис. 1).

Мы предположили, что если во время коммуникативного акта лингвокреатемой преодолеваются все фильтры, то после окончания процесса инференции возможно прогнозирование наличия у адресата когнитивного резонанса, т. е. достижение автором требуемого / ожидаемого коммуникативно-прагматического эффекта. Если процесс дешифрования требует повышенного ментального напряжения со стороны реципиента (т. е. некоторые фильтры, имеющие различное влияние, «задерживают» лингвокреатему), то здесь высока вероятность возникновения когнитивного диссонанса. Однако последний может быть преодолен в результате инвестирования со стороны адресата большего количества времени и мыслительной энергии. В таком случае мы предлагаем обозначать когнитивный диссонанс как положительный (ПКД). Если же даже после этого порог понимания остается не преодоленным — как отрицательный (ОКД). Нередко при создании лингвокреатем автор ставит перед собой задачу вызвать у целевой аудитории определенный уровень ПКД, что позволяет обеспечить лучшую салиентность и запоминаемость. Но в определенных случаях возникает ОКД, что является крайне нежелательным результатом коммуникативного акта.

Матрица когнитивных фильтров	
Фильтр 0	Уровень «баннерной слепоты»
Фильтр 1	Уровень оценочной категоризации / концептуализации
Фильтр 2	Уровень компрессии информации и профилирования
Фильтр 3	Уровень концептуальных метафор
Фильтр 4	Уровень концептуальной метафониимии
Фильтр 5	Уровень концептуальной интеграции
	Когнитивный резонанс (диссонанс)

Рис. 1. Матрица когнитивных фильтров (МКФ)

Рассмотрим особенности функционирования каждого фильтра, составляющего МКФ:

а) фильтр 0 позволяет определить уровень удачности расположения лингвокреатемы на отрезке дискурса: если внимание представителя целевой аудитории на ней не задерживается, это автоматически обозначает бессмысленность дальнейшего анализа (по этой причине при проведении лингвокогнитивного эксперимента мы по умолчанию считали данный фильтр преодоленным во всех случаях);

б) фильтр 1 позволяет определить, совпадает ли первоначальная оценка лингвокреатемы реципиента (нередко с помощью примарных концептуальных метафор, имеющих в объеме его базового когнитивного багажа) с заложенной автором;

в) фильтр 2 позволяет оценить уровень экономии вербальных и невербальных средств, задействованных в лингвокреатеме, благодаря активации механизма профилирования, представляющего собой поэтапное (де)фокусирование различных составляющих лингвокреатему элементов;

г) фильтр 3 позволяет проанализировать присутствующие концептуальные метафоры (структурные, ориентационные, онтологические), выраженные вербальными и невербальными средствами;

д) фильтр 4 позволяет определить взаимодействие метафор и метонимий в лингвокреатеме, особенно когда не представляется возможным провести разграничение между этими феноменами, а также определить тип присутствующей метафониимической модели;

е) фильтр 5 дает возможность провести анализ характера как общего, так и исходных ментальных пространств, влияющих на общий конечный смысл блендированного пространства.

Данный метод может быть использован как для анализа составляющих существующую лингвокреатему компонентов, с базированием выводов на ментальных реакциях реципиентов, так и для анализа потенциальных реакций при создании новых лингвокреатем. Это может быть особенно актуально в коммерческих проектах, например, рекламных постерах. Несомненно, при использовании данного авторского метода необходимо принимать во внимание типичный фоновый объем знаний и основные характеризующие факторы (например, образование, пол, возраст, социальный статус и проч.) среднестатистического представителя целевой аудитории. В настоящем исследовании мы предлагаем для этого создавать «аватар адресата»: например, если лингвокреатема представляет собой социальную рекламу «Води автомобиль осторожно», то, очевидно, аватар адресата может представлять собой совершеннолетнего гражданина одного из полов, обладающего автомобилем и разрешением на его вождение (что, как правило, свидетельствует об определенном уровне достатка). Лингвистические и экстралингвистические элементы подобной лингвокреатемы, принимающей участие в рекламном проекте, должны подбираться соответственно этим данным. Нарушение этого правила повышает вероятность возникновения когнитивного диссонанса либо положительного когнитивного диссонанса при инференции реципиентами заложенных автором глубинных смыслов. Несомненно, единой формулы для создания лингвокреатем, воспринимаемых одинаково абсолютным большинством адресатов, не существует (что было вполне убедительно доказано проведенным в рамках настоящего исследования лингвокогнитивным экспериментом), и по этой причине следует рассчитывать на большую либо меньшую (но не 100 %-ю) степень вероятности их «успешности».

Лингвокогнитивный онлайн-эксперимент для тестирования матрицы когнитивных фильтров, проведенный в рамках настоящего исследования, предназначался для определения вероятностных причин появления у респондентов положительного / отрицательного когнитивного диссонанса либо когнитивного резонанса. В эксперименте приняли участие 334 англоговорящих участника из 11 стран, возраст от 16 до 67 лет, 42 % представителей мужского пола, 58 % представителей женского пола. Участникам было предложено поэтапно проанализировать несколько наиболее типичных лингвокреатем, представляющих

собой социальную рекламу, коммерческую рекламу и интернет-демотиваторы (см. рис. 2).

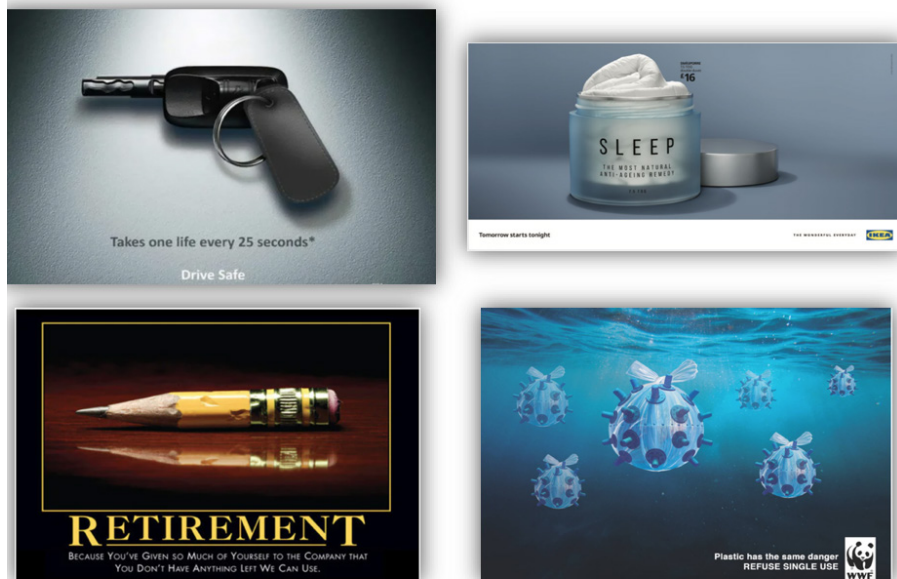

Рис. 2. Лингвокреатемы для лингвокогнитивного анализа

Эксперимент должен был опровергнуть или подтвердить выдвинутую нами ранее гипотезу о том, что использование МКФ позволяет разделить общее впечатление респондента на составляющие компоненты и мотивировать появление у последнего той или иной реакции (резонансность / ПКД / ОКД) при столкновении с лингвокреатемой. Для решения поставленной задачи анкета имела особенную структуру — каждая лингвокреатема сопровождалась шестью вопросами, где каждый вопрос был нацелен на определение успешности прохождения одного из шести когнитивных фильтров (например, первый вопрос с заданными вариантами ответов был сформулирован как “What is your first impression from the poster?” для идентификации результата действия когнитивного механизма оценочной категоризации / концептуализации). Также реципиентам в большинстве случаев было предложено дать развернутый ответ на задаваемый вопрос, что способствовало более глубокому дальнейшему анализу (подробнее см. [Taymour 2023]).

Результаты, полученные при проведении данного онлайн-эксперимента, позволили с высокой степенью уверенности констатировать следующее:

а) матрица когнитивных фильтров представляет собой высокоэффективный инструмент, который может быть широко использован для детального анализа разнокодовых составляющих лингвокреатем;

б) уровень резонансности лингвокреатемы зависит не только от составляющих ее компонентов, но и таких внешних факторов, как личностные характеристики респондента, о чем свидетельствовал широкий разброс оценок каждой из предложенных лингвокреатем;

в) разнокодовые составляющие креативного дискурсивного элемента дополняют смыслы друг друга. Первичный фокус зависит от расположения элементов. В отобранных для эксперимента лингвокреатемах в него попадал иконический элемент, поскольку он изображается более крупным, чем вербальные составляющие, и располагается в центре;

г) возникновение ПКД отмечалось в 3–4 % случаев (респондентам требовалось дополнительное время на инференцию, о чем свидетельствовали их комментарии);

д) ОКД возникал в 4–7 % случаев, и практически во всех из них от 1 до 3 фильтров МКФ не были пройдены успешно.

Итак, теоретический анализ и практический лингвокогнитивный эксперимент показали, что при помощи использования матрицы когнитивных фильтров возможен пошаговый анализ лингвокреатемы, где смыслы лингвистических и нелингвистических компонентов инферируются реципиентами в их совокупности. Подобная возможность качественной оценки уровня восприятия дискурсивного элемента и появления когнитивного резонанса / ОКД / ПКД может иметь прагматическую ценность как для дальнейших теоретических научных исследований, так и для всевозможных коммерческих проектов.

Литература

Болдырев Н.Н. Проблемы вербальной коммуникации в когнитивном контексте // Когнитивные исследования языка. 2017. № 2. С. 5–14.

Голубкова Е.Е., Таймур М.П. Факторы преодоления когнитивного диссонанса в смешанных метафорах (на материале английского языка) // Когнитивные исследования языка. 2019. № 36. С. 147–154.

Голубкова Е.Е., Таймур М.П. Вербально-графическая метафора: рецепты успешного приготовления // Когнитивные исследования языка. 2020. № 2 (41). С. 386–391.

Голубкова Е.Е., Таймур М.П. О границах креативности: почему непонятное понятно // Когнитивные исследования языка. 2021. № 1 (44). С. 229–235.

Демьянков В.З. Когнитивный диссонанс: когниция языковая и внеязыковая // Когнитивные исследования языка. 2011. № 9. С. 33–40.

Зыкова И.В. Роль концептосферы культуры в формировании фразеологизмов как культурно-языковых знаков: Автореф. дисс. ... д-ра филол. наук: 10.02.19. М., 2014.

Ирисханова О.К. О понятии лингвокреативности и его роли в метаязыке лингвистических описаний // Когнитивные исследования языка. 2009. № 5. С. 158–171.

Канашина С.В. Интернет-мем как новый вид полимодального дискурса в интернет-коммуникации (на материале английского языка): Дисс. ... канд. филол. наук. М.: МГЛУ, 2016.

Киосе М.И. С кем дружит метафора? Тропы и другие средства лингвокреативности в дискурсе детской литературы // Язык. Человек. Культура. Сборник научных трудов, посвященных юбилею М.Л. Ковшовой. М.: ИЯз РАН, 2022. С. 246–252.

Таймур М.П. Многоуровневый анализ смешанной метафоры как лингвокогнитивного феномена (на материале английского языка) // Вопросы когнитивной лингвистики. 2020. № 3. С. 71–76.

Таймур М.П. Лингвокреативность в мультимодальном дискурсе (на материале английского языка): монография. Москва: РУСАЙНС, 2022.

Шмелева Е.С. Лингвокреативность в медийном дискурсе // Лингвокреативность в дискурсах разных типов: Пределы и возможности: коллективная монография / Отв. ред. И.В. Зыкова. М.: РВалент, 2021. С. 499–557.

Taymour M.P. Linguistic Creativity in Modern Multimodal Microtexts in English. Part 1. Moscow: RuScience, 2023.

АНОМАЛЬНОЕ УПОТРЕБЛЕНИЕ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДИСКУРСИВНЫХ СЛОВ В НОВЕЙШЕЙ ПОЭЗИИ¹

Е.В. Захаркив

Институт языкознания РАН, Москва

В статье исследуется специфика аномального функционирования прагматических единиц, участвующих в непосредственной коммуникации, — персональных дискурсивных слов. Особенности их употребления в новейшей поэзии выявляются на фоне конвенционального употребления в разговорной речи. В фокус исследования попадают маркеры коммуникации, традиционно служащие для привлечения внимания, передачи эмоционального состояния субъекта, хезитации и норм этикета. Активное взаимодействие поэтического дискурса с разговорным языком нацелено на преодоление установок, связанных с представлением о поэзии как о возвышенном регистре языка, а также на осмысление «инертных» паттернов речевой интеракции. Частотное употребление дискурсивных слов, при участии которых реализуется (авто)коммуникативная направленность высказывания, свидетельствует о смещении фокуса поэтической рефлексии на прагматическое измерение языка.

Ключевые слова: *персональные дискурсивные слова, поэтический дискурс, аномальное употребление, прагматическое значение, разговорный язык.*

ABNORMAL USE OF PERSONAL DISCOURSE MARKERS IN CONTEMPORARY POETRY

Ekaterina V. Zakharkiv

Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Moscow

The article examines the specifics of the anomalous functioning of pragmatic units involved in direct communication, namely personal discourse markers. The features of their use in contemporary poetry are revealed in comparison to conventional use in ordinary language. The focus of the study is on communication markers that traditionally serve to attract attention, convey the emotional state of the subject, hesitation and etiquette. The intensive interaction of poetic discourse with ordinary language is aimed at overcoming attitudes associated with the idea of poetry as an elevated register of language, as well as at comprehending “inert” patterns of speech interaction. The frequent use of discourse markers indicates a shift in the focus of poetic reflection to the pragmatic dimension of language and marks the (auto)communicative orientation of the utterance.

Keywords: *personal discourse markers, poetic discourse, abnormal usage, pragmatic meaning, ordinary language.*

---

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (по проекту № 19-18-00040 «Параметризация лингвокреативности в дискурсе и языке») в Институте языкознания РАН.

1. Введение

Понятие аномалии в лингвистике разрабатывали Ю.Д. Апресян, Н.Д. Арутюнова, Т.В. Булыгина, Б.А. Успенский и др. [Апресян 1990; Арутюнова 1987; Булыгина, Шмелев 1997; Успенский 2007]. Аномалии в литературном тексте (в прозе А. Платонова) исследовали И.М. Кобозева и И.Н. Лауфер [Кобозева, Лауфер 1990]. Указывая на проблему классификации аномалий, Т.Б. Радбиль определяет коммуникативно-прагматические аномалии в качестве отклонений, имеющих «лишь языковую форму манифестации, но не обязательно языковую природу» [Радбиль 2006: 8]. Вместе с тем возможны языковые аномалии, проявленные на уровне выражения, но при этом прагматически допустимые. В связи с этим противоречием Т.Б. Радбиль вслед за Ю.Д. Апресяном [Апресян 1990] разграничивает понятие «система» и «узус», под первым подразумевая набор имеющихся в языке единиц и правил, а под вторым — реальное использование языка. На основе этого несоответствия выделяются три типа аномалий:

1) аномалии формальные и семантические (проявленные в плане выражения и плане содержания языкового знака);

2) аномалии семантические и прагматические (относящиеся к «аномалиям смысла», возникшим в результате нарушений в вербализации лексической или грамматической семантики в пределах языковой системы стандартного языка и нарушения);

3) аномалии семантические, прагматические и логические (концептуальные) (в которых фиксируется некоторое логическое нарушение — при отсутствии грамматической языковой девиантности) [Радбиль 2006].

В настоящем исследовании мы не ставим задачу подробно разграничить отклонения в соответствии с тем планом, в котором они возникают, однако, определяя релевантные анализу отклонения, мы основываемся на разработках Т.Б. Радбиля и его терминологии. Акцентируя внимание на коммуникативно-прагматическом аспекте поэтического высказывания², мы учитываем комплексную природу языковых аномалий.

---

²Повышение роли прагматики в поэтическом дискурсе восходит к концепции «языковых игр» Л. Витгенштейна и актуализируется в современном контексте в связи с паттернизацией коммуникации, повышением роли коммуникативного канала и формированием нового коммуникативно-медиального интерфейса, что влияет на структуру, процессы развертывания смысла и интерпретации как в интернете, так и в других медиа.

В связи с доминированием поэтической функции, ориентацией на сообщение как таковое и установкой на языковой эксперимент в поэтическом дискурсе (см. подробнее [Якобсон 1960]), мы рассматриваем аномалии в поэзии в русле реализации креативного потенциала языка. Согласно И.В. Зыковой, в фокусе современных исследований по лингвокреативности «находится взаимообусловленность процесса креативного использования языка и процесса стереотипизации; взаимосвязь дискурсивных практик с состоянием языковой системы; соотношение устойчивости и вариативности языка» [Зыкова 2021: 12]. Мы исследуем эти вопросы на материале поэтического дискурса.

Опираясь на существующее разграничение естественной коммуникации и поэтической (авто)коммуникации, мы провели лингвопрагматический анализ и обратились к рассмотрению функционирования персональных дискурсивных слов (далее — ДС). Эти единицы выражают процедурное значение [Blakemore 2002], направленное на самоидентификацию субъекта и преодоление норм стандартной коммуникации.

В своем анализе функционирования ДС мы учитываем англо-американский подход ([Schiffrin 1996; Fraser 1999; Auer, Maschler 2016]) и опираемся на результаты сотрудничества французских и российских лингвистов ([Баранов, Плунгян, Рахилина 1993; Киселева, Пайар 1998]), а также на недавние исследования в области ДС ([Кибрик, Подлеская 2009; Викторова 2014; Зализняк Анна А., Падучева 2018] и др.).³

ДС — класс единиц, возникших в языке в результате перехода из знаменательных и служебных частей речи в разряд прагматических маркеров. Эти единицы выражают интенции, эмоциональную и дискурсивную стратегию участников коммуникации (в т.ч. поэтической (авто-)коммуникации) и характеризуются грамматической неизменяемостью, ослаблением синтаксических связей и денотативного значения. В большинстве существующих исследований рассматривается функционирование ДС в повседневной речи и обыденном языке. Хотя некоторые ученые анализируют использование ДС в поэтическом дискурсе [Dardano 1999; Соколова 2019; Соколова, Захаркив 2021], вопрос их функционирования в современной поэзии остается недостаточно изученным.

³ Современные исследования ДС опираются на две основные интенции говорящего: регулирование интеракции и организацию внутренней структуры высказывания. В основе дихотомических классификаций ДС (регулирование интеракции и организация структуры высказывания) лежит концепция языковых функций М. Халлидея и Р. Хасан, выделяющих две функции («межличностную» и «текстуальную»), не ориентированные на описание позиционального содержания [Halliday, Hasan 1976].

Персональные ДС обладают выраженной направленностью на адресата и апеллируют к диалогической непосредственной коммуникации. Учитывая, что автокоммуникативный характер поэтического дискурса (согласно концепции Ю.М. Лотмана [Лотман 2000]) дополняется интерперсональной коммуникацией на современном этапе влияния цифровых медиа на поэзию, мы используем понятие «персональные ДС». Под этим термином подразумевается реализация двойной направленности высказывания: на возможных внешних участников поэтической коммуникации и на собственное «я» субъекта, что сочетается в контексте с формами дейксиса первого лица. Мы также учитываем, что автор текста, в определенной степени совпадающий с субъектом речи, выступает и его читателем. Персональные ДС могут принимать участие в псевдиалогических конструкциях, моделировать ситуации прямого диалога с читателем и сопровождаться маркерами хезитации.

В рамках данной группы мы рассмотрим специфику функционирования прагматических маркеров, традиционно служащих для привлечения внимания (*понимаете ли, сами понимаете*), хезитации (*ну*), норм этикета (*извините, пожалуйста*) и передачи эмоционального состояния субъекта (*О!*) и отображающих взаимодействие поэтического дискурса (далее — ПД) и разговорного языка.

2. Аномальное функционирование ДС в ПД

Опираясь на модель коммуникации Р.О. Якобсона и характеристики адресованности / неадресованности высказывания, можно выделить основные коммуникативные интенции говорящего, которые относятся к ситуации: конативная, эмотивная и фатическая.⁴

Рассмотрим особенности аномального функционирования ДС, участвующих в реализации каждой из этих функций.

---

⁴ Коммуникативную модель Р. Якобсона можно считать расширенной по отношению к предшествующей теории К. Бюлера, который пишет о тройственной функции языка: экспрессивной (выражение эмоций), апеллятивной (побуждение к действию, направленность на адресата) и репрезентативной (сообщение как таковое) [Бюлер 1993]. Р. Якобсон выводит шесть функций языка, определяя их как ориентации (отношения) на шесть элементов коммуникативной ситуации: референтивная (коммуникативная) — ориентация на контекст (референт); экспрессивная (эмотивная) — ориентация на адресанта (выражение отношения говорящего к тому, о чем он говорит), конативная (апеллятивная) — ориентация на адресата; фатическая — ориентация на контакт; метаязыковая — ориентация на код, язык выражения; поэтическая — ориентация на сообщение. Отдельно выделяется магическая функция языка (обращение говорящего к потусторонним силам), которая представляет собой разновидность конативной (апеллятивной) функции [Якобсон 1975].

1) Конативная (апеллятивная) функция

*здесь дело **понимаете ли... ну**, в этой как вам сказать
в такой особенной если так можно выразиться*

***ну... сами понимаете... нет**, не интонации, конечно,*

не интонации

*да вы всё понимаете я вижу просто оба не можем
подобрать правильное слово для этого*

[...]

*вот как бы некоторая вещь... **ну** или не вещь а субстанция там
короче нечто*

[...]

простите если загрузил но хочется всё-таки объяснить

***ну** то есть само существование этого скажем так, нечто
оно мерцает*

(Д. Давыдов)

Множественные ДС в примере из текста Д. Давыдова, в основном маркирующие hesitation, связаны с «преодолением коммуникативного затруднения» [Добровольский, Левонтина 2017]. В приведенном примере частотное употребление ДС указывает на «заминку»: субъект не может подобрать слово, которое исчерпывающе передало бы подразумеваемый смысл и, по формулировке И.Б. Левонтиной и Д.О. Добровольского, «подталкивает сам себя» [Там же]. Опираясь на эту интерпретацию *ну* в качестве *автоимператива*, мы относим данное ДС к конативной функции (при автокоммуникативной направленности).

При помощи *ну* и других частотных ДС отображается тщетный поиск подходящей формулировки для выражения некой идеи, не поддающейся выражению. Ситуация непосредственной коммуникации моделируется за счет включения многочисленных единиц, маркирующих адресацию к собеседнику (*как вам сказать, сами понимаете, простите*), а также единиц, свойственных неформальному общению (*вот как бы, короче, ну то есть, там и др.*). Сам объект обсуждения намеренно не называется, и на протяжении всего текста предпринимаются множественные попытки представить определение *этому* при помощи отвлеченных авторских аналогий и ассоциаций: *представьте такой себе значит пленэр / ну там какое болотце или...* Ближе к концу текста субъект подводит свое высказывание к тезису о том, что *целостность она как бы состоит из всяких мелких деталек*, подразумевая, что любой предмет требует подробного и разностороннего рассмотрения. В тексте также частотны авторефлексивные метакомментарии, касающиеся неспособности субъекта адекватно обозначить предмет речи (*надо это объяснять иначе; как вам точнее объяснить; это такая сложная*

штука для объяснения; просто оба не можем / подобрать правильное слово для этого). Таким образом, в приведенном фрагменте можно выделить несколько пересекающихся функций: конативную, метаязыковую и фатическую (*простите*).

В этом фрагменте отображена специфика реализации такой «классической» поэтической стратегии как неназывание предмета⁵ в современном ПД. Если в классической поэзии невозможность называния выражалась через призыв к молчанию (Ф. Тютчев “*Silentium!*”) или анафорическую замену (В. Маяковский «Про это»), то в современной поэзии в фокусе рефлексии оказывается сам процесс внутреннего поиска номинации. В результате чего происходит замена лексически неназываемых единиц ДС, обладающими большей функциональностью. Таким образом, реализуется не только стратегия умолчания («неназывания»), но и смещение фокуса поэтической рефлексии на прагматическое измерение языка, эксперимент над которым соотносится со структурно-функциональным поворотом в лингвистике (поворотом от изучения формы слова к его функциональному использованию) [Фещенко 2022].

Кроме того, отметим, что за счет частотного включения ДС достигается эффект непосредственной коммуникации с использованием подчеркнуто разговорных выражений. Во взаимодействии разговорной речи и поэзии демонстрируется стремление расширить границы поэзии в преодолении установок, связанных, в частности, с представлением о ней как о возвышенном регистре языка.

ДС *знаешь*, которое в конвенциональной коммуникации выполняет регулятивную функцию [Лекант 1988: 132–135], в следующем фрагменте маркирует признание субъекта в собственной неудаче:

И знаешь, Джек, я проиграл.

И знаешь, Джон, я проиграл.

И знаешь, Фёдор, я проиграл.

И знаешь, Мухаммед, я проиграл.

И знаешь, Янис, я проиграл.

[...]

Стою теперь в чужом городе на незнакомой улице

(С. Тимофеев)

⁵ Осмысляя эту стратегию как черту поэтической коммуникации, И.И. Ковтунова поясняет, что в поэтическом дискурсе «наименование предмета речи бывает не только избыточным, но и невозможным в силу его сложности, отсутствия готового имени, или нежелательным, поскольку имя дает лишь общее понятие о предмете, не раскрывая индивидуального представления поэта о его сущности» [Ковтунова 1986: 7].

ДС *знаешь* в составе стилистической анафоры с союзом *и* с каждой новой строки участвует в формировании высказывания с параллельными синтаксическими конструкциями. Отличие предложений друг от друга заключается в разных собственных именах, помещенных между ДС и тема-рематической частью высказывания. Употребление имен, апеллирующих к различным языкам и культурам, указывает на то, что, по мнению субъекта, сообщение обладает статусом универсального факта. В рамках такой интерпретации подчеркивается категоричность высказывания, содержащего мнение актанта. Следовательно, единица *знаешь* сигнализирует о высокой степени уверенности субъекта в собственной оценке ситуации. Учитывая автокоммуникативность поэтического дискурса, использование различных номинаций в составе параллельных конструкций может также служить выражением идеи о «внутреннем мультикультурализме» эмигранта, что подтверждается последней приведенной строкой (*Стою теперь в чужом городе на незнакомой улице*).

В приведенном примере употребленное ДС *знаешь* маркирует заведомо обреченную на неудачу интенцию установления контакта. Субъект обращается к персонажам, говорящим на разных языках, на единственном (русском) языке, повторяя одно и то же сообщение (что в свою очередь может также обозначать технику самоубеждения). Как и в предыдущем примере мы выявляем специфику современного ПД в аспекте реализации распространенного приема лексико-синтаксического повтора. Если в классической поэзии в качестве основной функции повтора отмечалась функция средства связи в структурно-композиционном аспекте [Метлякова 2011], то в современной поэзии больший акцент помещается на экспрессивно-апеллятивной функции этого приема [Джамалова 2017], что особенно проявлено на примере приведенного фрагмента, в котором множественному воспроизведению подвергается прагматический маркер.

В следующем фрагменте из стихотворения Ч. Бернстина ДС *well* предваряет конструкцию, содержащую внешнюю адресацию, сигнализируя о конфронтации участников коммуникации (*shady days after all's said*):

*Really did, that I can't and won't and wouldn't for a word of stealth
become agent of your impeccable
surfeit, shady days after all's said. Well, my hear, where is the t, the
only one you're ever gonna, or is that going to, or too, gonna needles,
needless, to sew, say.*

(Ch. Bernstein)

В тексте используется прием игры слов, осуществленной при помощи омофонии и созвучия. Так, само обращение *my hear* коррелирует с традиционным эпистолярным обращением *my dear* и в то же время функционирует как императив *hear* 'услышь'. В следующей конструкции (*where is the t*) *t* может обозначать омофоничное ему слово *tea* ('чай')⁶. *To* (частица инфинитива или предлог направления движения) омофонично приведенной ему паре *too* ('тоже'); *needles* ('швейные иглы') — *needless* ('бесполезный'). Далее употребляется графон *gonna* наравне с грамматически корректной формой *is going to*. Мотивация такой игры, возможно, состоит в том, чтобы сместить фокус со специфики коммуникации (в данном случае апеллирующей к переписке в различных форматах) на демонстрацию эстетического потенциала поэтического языка. Таким образом, производится критика инструментального отношения к языку, в результате которой язык объективируется посредством эксплицитного выдвигания поэтической функции на первый план, что способствует активизации и деавтоматизации читательского внимания.

2) Фатическая (контактоустанавливающая) функция

*за двоих передайте, пожалуйста,
что мы устали, но благодарны,
спасибо*

(Е. Соколова)

ДС *пожалуйста* в приведенном фрагменте участвует в приеме омонимической аттракции. Этот прием реализуется за счет активизации полисемии слова *передавать* в двух значениях: 1) передавать некий объект другому субъекту (в данном случае оплату) 2) воспроизводить чье-либо сообщение третьему лицу. Таким образом, происходит наложение устойчивого выражения, используемого в общественном транспорте при оплате проезда «передайте [за проезд]» и оборота «передать [сообщение]». При этом *пожалуйста* маркирует обе просьбы, как и сопутствующий маркер благодарности *спасибо*. Отметим, что омонимическая аттракция в данном случае, как и в предыдущих примерах основана на различии в прагматическом значении, проявляющемся в конституациях речевого взаимодействия, а не на лексическом.⁷

⁶ Подобные сокращения используются в смс-переписке или онлайн-коммуникации. Так, можно указать на ироническое осмысление такого формата диалога посредством использования индексов переключения между разными дискурсами.

⁷ Омонимию понимают как явление звукового совпадения слов при их семантическом различии. Мы же имеем дело с прагматической омонимией, когда различие обнаружи-

В следующем примере моделируется поэтическая автокоммуникация:

*кажется на меня все смотрят и без сочувствия а как-то
укоризненно что ли
извините говорю в пустоту голова болит с вами тоже на-
верное такое бывает
не смотри шепчу на меня **пожалуйста** кошка и ты не смо-
три собака
и Ты Ты **пожалуйста** закрой что ли глаза ненадолго.*

(С. Львовский)

Просьба, в которой содержатся маркеры речевого этикета (*извините, пожалуйста*), в первом случае адресована кошке, в последней строке — вероятно, богу (поскольку местоимение *Ты* употреблено с большой буквы). Субъект просит окружающих закрыть глаза, хотя из контекста можно заключить, что он находится в одиночестве (*говорю в пустоту*) и предположительно сам закрывает глаза, что обычно происходит при головной боли (о которой нам известно из контекста). Персональная этикетная единица формально обращена к неговорящим существам и сущностям, что позволяет субъекту дистанцироваться от собственного «я», проектируя модель автокоммуникации. Эта автокоммуникация связана с ситуацией самокритики, о чем свидетельствует контекст (*все смотрят и без сочувствия а как-то укоризненно*), и потребностью прекратить произведение этой критики, на что нацелено употребление маркеров этикета (*извините, пожалуйста*).

Р.Т. Лакофф выделяет сохранение дистанции как одну из компонентов мотивации выбора вежливых речевых формул [Lakoff 1973]. При этом использование маркера разговорной единицы *что ли* сигнализирует о максимально сокращенной дистанции, что формирует противоречие в рамках данной конструкции в связи с уважительным написанием местоимения *Ты* с большой буквы. Посредством репрезентации такой изменчивости в выражении отношения к адресату эксплицируется вариативность характера автокоммуникации, который может различаться даже в рамках одного высказывания.

3) Эмотивная (экспрессивная) функция

По мнению Д.А. Савостиной, *О!* в поэзии выполняет различные функции интенсификации эмоций и состояний, как, например, уверенность, восхищение, восторг, печаль, разочарование, гнев, сожаление, удивление и т. д. Как отмечает исследователь, конструкции с единицей *О!* придают высказыванию характер книжности, традиционной поэтичности. Так как эти функции *О!* были рассмотрены в указанной работе на

важется не в контексте, а в коммуникативной конситуации.

поэтическом материале, мы привели пример с отличающимся функционированием ДС *О!*.

*о, упоительны видения
недвижных спящих, маама, маать ооо маааать!
ооо ооочь, оооо оооочь
[...]
ооочь, ооо доооооочей незрячих
оооон оооо оооон*

(Е. Мнацаканова)

В эссе, посвященном творчеству Е. Мнацакановой, В.В. Фещенко рассуждает о словесно-музыкальном единстве ее поэзии, отмечая такую характерную черту, как «абсолютную слитность поэтической материи, заимствующую свое качество у музыкального материала» [Фещенко 2021: 1]. Похожим образом в данном фрагменте усиливается «осязаемость» (по формулировке Р.О. Якобсона) знака *о*, но при этом его междометная (дискурсивная) функция не игнорируется (что показано при помощи употребления *О!* в конструкциях перед существительными, в основном, обращениями). Во втором и последующих употреблениях *о* растягивается до трех и четырех знаков. Пример растяжения (пропевания) повторяется и в составе слов, где присутствует фонема *о*, также укажем и на другие проявления пропевания гласных: в словах *маама, ооочь* (усечение от *дочь*) и т. д.

*о касание о казание
о казалось о кусалось
о кружилась от скакалось от лежо от леска рас
[...]
о просто так
о колесье*

(И. Краснопер)

В последнем примере актуализируется полисемия единицы *о* посредством фрагментации смежных слов. Таким образом, *о* может выступать как фрагмент слова (приставка), как предлог и как ДС (междометие). Такой эксперимент, включающий в себя фрагментацию слов как окказиональный способ образования других единиц, нацелен на метаязыковую рефлексю моделей словообразования.

3. Выводы

Частотное употребление ДС в ПД связано с установкой на взаимодействие с разговорной речью. Однако использование ДС в ПД отличается как структурно, так и прагматически. В ПД ДС подвергаются метаязыковой рефлексии, в ходе которой над стереотипными единицами

производится эксперимент, нацеленный на осмысление «инертных» паттернов коммуникации, а также на самоидентификацию субъекта. Кроме того, реализуется пограничный статус ДС, относимых к персональной группе в силу того, что любое поэтическое высказывание, формально направленное на внешнего адресата, отмечено высокой степенью автокоммуникативности.

Также отметим формирование приема намеренного нарушения постулатов эффективной коммуникации, что формирует установку на т. н. антидиалог. Такая установка может быть реализована посредством «сгущения» ДС, репрезентации изменчивости в выражении отношения к адресату, иронии, выражаемой по отношению к современным форматам диалога, активизации полисемии, проявляющейся в коммуникативных конситуациях, направленности высказывания на план выражения, рефлексии моделей словообразования и др.

Кроме того, в статье отмечается специфика современной поэзии по отношению к предшествующей традиции, которая выражается в ее ориентированности на прагматическое измерение языка.

Литература

- Апресян Ю.Д.* Языковые аномалии: типы и функции // *Res Philologica: Филологические исследования. Памяти академика Георгия Владимировича Степанова (1919–1986)*. М.; Л.: Наука, 1990. С. 50–71.
- Арутюнова Н.Д.* Аномалии и язык (к проблеме языковой «картины мира») // *Вопросы языкознания*. М.: Наука, 1987. Вып. 3. С. 3–19.
- Баранов А.Н., Плунгян В.А., Рахилина Е.В.* Путеводитель по дискурсивным словам русского языка. М.: Помовский и партнеры, 1993.
- Булыгина Т.В., Шмелев А.Д.* Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М.: Языки русской культуры, 1997.
- Бюлер К.* Теория языка. Репрезентативная функция языка. М.: Универс, 1993.
- Викторова Е.Ю.* Дискурсивные слова: единство в многообразии // *Известия Саратовского ун-та. Сер. Филология. Журналистика*. 2014. Т. 14. Вып. 1. С. 10–15.
- Джамалова М.К.* Виды лексического повтора в языке новейшей поэзии // *Научное обозрение: гуманитарные исследования*. 2017. Вып. 4. С. 166–173.
- Зализняк Анна А., Падучева Е.В.* Опыт семантического анализа русских дискурсивных слов: пожалуй, никак, все-таки // *Вестник РУДН. Серия: Лингвистика*. 2018. Вып. 3. С. 628–652.
- Добровольский Д.О., Левонтина И.Б.* Дискурсивные частицы и способы их перевода: «ну» в романе Владимира Сорокина «Очередь» // *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог»*. Вып. 16 (23). 2017. С. 106–117.
- Зыкова И.В.* Язык и дискурсы: на новых рубежах теории лингвокреативности // *Лингвокреативность в дискурсах разных типов: Пределы и возможности: коллективная монография / Отв. ред. И.В. Зыкова*. М.: Р.Валент, 2021. С. 11–20.

Киселева К., Пайар Д. Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстно-семантического описания. М.: Метатекст, 1998.

Кобозева И.М., Лауфер Н.И. Языковые аномалии в прозе А. Платонова через призму процесса вербализации // Логический анализ языка. Противоречивость и аномальность текста. М.: Наука, 1990. С. 125–139.

Ковтунова И.И. Поэтическая речь как форма коммуникации // Вопросы языкознания. М.: Наука, 1986. Вып. 1. С. 3–13.

Лекант П.А. Современный русский литературный язык: учебник / Под ред. П.А. Леканта. 2-е изд., испр. М.: Высшая школа, 1988.

Лотман Ю.М. Автокоммуникация: «Я» и «Другой» как адресаты (О двух моделях коммуникации в системе культуры. М.: Семиосфера, 2000. С. 159–165.

Метлякова Е.В. Лексический повтор как семантико-стилистическая категория организации лирического текста в раннем творчестве Анны Ахматовой: Дисс. ... канд. филол. наук. Ижевск, 2011.

Радбиль Т.Б. Языковые аномалии в художественном тексте: Дисс. ... д-ра филол. наук. М., 2006.

Рассказы о сновидениях: Корпусное исследование устного русского дискурса / Под ред. А.А. Кибрика, В.И. Подлесской. М.: Языки славянских культур, 2009.

Савостина Д.А. Междометие О! как средство субъективности в поэтической речи // Вестник Московского государственного областного университета. 2011. Вып. 2. С. 34–38.

Соколова О.В. От авангарда к неоавангарду. Язык, субъективность, культурные переносы. М.: Культурная революция, 2019.

Соколова О.В., Захаркив Е.В. Креативная прагматика поэтического дискурса // Критика и семиотика. 2021. Вып. 2. С. 88–106.

Успенский Б.А. Ego Loquens: Язык и коммуникационное пространство. М.: РГГУ, 2007.

Фещенко В.В. «Мелодией, смыкающей пределы...»: метаморфозы музыкословия у Елизаветы Мнацакановой // Альманах-огонь. 2021. URL: <http://fajro.abcs-group.ru/ElizavetaMnatsakanova.html>. (Дата обращения: 15.12.2022).

Фещенко В.В. Язык в языке. Художественный дискурс и основания лингвостетики. М.: НЛО, 2022.

Якобсон Р.О. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». М.: Прогресс, 1975. С. 193–231.

Auer P., Maschler Y. A Family of Discourse Markers. Across the Languages of Europe and Beyond. Berlin/Boston: Walter de Gruyter GmbH, 2016.

Blakemore D. Relevance and Linguistic Meaning: The Semantics and Pragmatics of Discourse Markers. Cambridge: Cambridge University Press, 2002.

Dardano M. Segnali discorsivi della prima poesia italiana // Scritto e parlato. Metodi, testi e contesti. Rome: Aracne, 1999. P. 79–97.

Fraser B. What Are Discourse Markers? // Journal of Pragmatics. 1999. Vol. 31. P. 931–952

Halliday M.A.K., Hasan R. Cohesion in English. Longman Group Ltd, 1976.

Lakoff R.T. The logic of politeness: or, minding your P's and Q's // Papers from the Ninth Regional Meeting of the Chicago Linguistic Society. Chicago, Illinois: Chicago Linguistic Society, 1973. P. 292–305.

Schiffrin D. Discourse Markers. Cambridge: Cambridge University Press, 1987.

ЛИНГВОКРЕАТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ПРОЗВИЩ В ТЕКСТАХ СОВРЕМЕННЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ МЕМУАРОВ¹

Э.Р. Нигматуллина

Институт языкознания РАН, Москва

Статья посвящена исследованию прозвищ как лингвокреативного параметра на материале мемуаров современных политиков. Специфика использования лингвокреативных прозвищ в тексте мемуаров, авторами которых являются бывшие президенты Америки, является недостаточно изученной. В работе анализируются мемуары Б. Клинтона “My Life”, Б. Обамы “A Promised Land” и Д. Трампа “Great Again: How to Fix Our Crippled America”. В ходе исследования нами использовался метод параметризации лингвистической креативности, позволяющий выявить и сравнить специфику реализации лингвокреативных прозвищ в трех изучаемых мемуарах, включая частоту их употребления. Результаты исследования показали, что в текстах политических мемуаров реализуются три типа прозвищ: 1) прозвища-модификации имени носителя; 2) прозвища, основанные на качествах, достижениях или партийной принадлежности; 3) прозвища, основанные на семейных ценностях и истории. Наиболее креативными являются единицы второй группы, поскольку представляют собой результат запоминающегося словотворчества автора, который описывает характер именуемого. Дальнейшие исследования могут быть направлены на анализ других мемуаров политиков и сравнение результатов с полученными в данном исследовании. Также возможно изучение влияния лингвокреативных прозвищ на восприятие политических лидеров обществом.

Ключевые слова: *политические мемуары, клички, прозвища, лингвистическая креативность.*

LINGUOCREATIVE POTENTIAL OF NICKNAMES IN THE TEXTS OF MODERN POLITICAL MEMOIRS

Elina R. Nigmatullina

Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Moscow

The article is devoted to the study of nicknames as a linguo-creative parameter based on the memoirs of modern politicians. The specifics of using linguo-creative nicknames in the text of memoirs, the authors of which are former presidents of America, is insufficiently studied. The paper analyzes the memoirs of B. Clinton “My Life”, B. Obama “A Promised Land” and D. Trump “Great Again: How to Fix Our Crippled America”. In the course of the study we applied the method of parameterization of linguistic creativity. It allowed us to identify and compare the specific character of the linguo-creative nicknames’ realization in the memoirs, including the frequency of their use. The results of the study showed that three groups of nicknames are used in the texts of political memoirs, i.e. 1) nicknames-modifications of the bearer’s name; 2) nicknames based on

---

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00040) в Институте языкознания РАН.

qualities, achievements or party membership; 3) nicknames based on family values and history. The most creative are the units of the second group, since they are the result of the author's word creation, which is memorable and describes the character of the name bearer. Further research may be aimed at analyzing memoirs of other politicians and comparing the results obtained in this study. Studying the influence of creative nicknames on the perception of political leaders by society also shows considerable promise.

Keywords: *political memoirs, nomination, nicknames, linguistic creativity.*

1. Вводные замечания

Вопрос о том, что такое «политические мемуары», является не до конца решенным в силу недостаточной изученности этого типа политического текста. В последние годы изучению политических мемуаров было посвящено большое количество работ разной направленности. Например, с помощью мемуаров политиков исследуется личность политиков [Журавлева 2012; Кознова 2011; Роговский 2018], их поведение [Селиверстова 2004], самопрезентация [Ефремов 2022; Журавлева 2022]. Другие работы посвящены исследованию метафор и метафорического моделирования событий [Сурина 2005, 2006, 2007; Зубакина 2014] и особенностям репрезентации адресата [Журавлева 2011] на материале мемуаров. Политические мемуары являются ценным источником информации для историков и исследователей, поскольку они повествуют о прошлых событиях и решениях, которые повлияли на ход истории, а также способствуют лучшему пониманию личности политических деятелей. Например, А.А. Балашов видит советские и зарубежные политические мемуары отражающими события карибского кризиса [Балашов 2022].

Несмотря на большое количество таких исследований, ни одно из них не снимает дискуссионность политического мемуарного текста как объекта или материала исследования.

В рамках нашего исследования под текстом политических мемуаров мы понимаем текст, написанный политиком и командой специалистов (PR-менеджеров, спичрайтеров, советников и пр.), который сочетает в себе параметры политического, художественного, медийного, публицистического и автобиографического текстов и преследует различные прагматические цели [Нигматуллина 2022].

По нашему первичному предположению, в тексте политических мемуаров прозвище становится не просто лексической единицей, являющейся контекстуальным синонимом имени, но и обладает специфическими чертами. При этом соотношение общепринятых и

лингвокреативных прозвищ может быть не пропорциональным. Целью нашего исследования является определение лингвокреативных прозвищ и частоты их реализации в тексте мемуаров, авторами которых являются современные политики — бывшие президенты Америки. Для исследования были отобраны мемуары Б. Клинтона “My Life”, Б. Обамы “A Promised Land” и Д. Трампа “Great Again: How to Fix Our Crippled America”.

Выбор этих мемуаров объясняется несколькими факторами. Во-первых, интересным видится описание принятия важных решений и трудностей, как на пути становления политического деятеля президентом, так и во время его правления. Во-вторых, авторский текст каждого политика связан с его идиостилем, а значит, и с набором характерных для него средств реализации политических стратегий и идей. В-третьих, мемуары, написанные собственно политиком и его соратниками в лице PR-группы, освещают весь спектр проблем и задач внешней и внутренней политики, знакомят читателя с президентом, членами его семьи, электоратом и оппозиционерами, а также другими ключевыми фигурами на политической арене.

2. Дискурсивные характеристики текста политических мемуаров

Анализ и унификация свойств текстов, представляющих мемуарный дискурс, необходимы для выявления закономерностей процесса их создания. Ранее мы уже упоминали о том, что тексты политических мемуаров являются эклектичными [Нигматуллина 2022], однако не были определены подробные характеристики таких текстов.

На сегодняшний день не существует единого списка характеристик, которыми обладает текст политических мемуаров. Основываясь на свойствах политического текста, отметим, что наиболее применимой к нашему материалу видится классификация А.П. Чудинова [Чудинов 2012]. В этой связи представляется важным сопоставление политического текста (в общем понимании) с мемуарным текстом политиков, которые традиционно рассматриваются как целое и частное.

Следующие характеристики являются отличительными (или сходными) для политического текста в целом и для политических мемуаров в частности.

В качестве первой характеристики А.П. Чудинов выделяет **авторство**, заявляя об **институциональном статусе автора** в политическом тексте. Эта особенность сохраняется и в тексте политических мемуаров. Институциональный статус политических мемуаров высок, но

ниже в сравнении с другими типами политических текстов (например, по сравнению с обращением президента к населению страны). Отмечается, что личностный характер позволяет политику рассказать больше о других лицах и событиях, чем в политическом тексте официального стиля. При этом автор политического произведения берет на себя ответственность за написанное, но создает текст совместно с командой PR-специалистов. Из этого можно сделать вывод о несовпадении создания, например, политической статьи, и «неединоличного» создания мемуарного политического текста.

Следующее свойство рассматриваемых произведений заключается в **адресности** текста (методе политика прямо или косвенно воззвать к своей аудитории посредством выбора тем, стиля повествования, обращений и др. средств для наиболее интересного и эффективного преподнесения информации читателю). Текст политмемуаров (как и политический текст вообще) имеет группового адресата и направлен единомышленникам и населению страны как потенциальным избирателям.

Еще одна черта политических мемуаров и политического текста указывает на схожесть рассматриваемых текстов с публицистическими или медиатекстами. Это **общедоступность** политической коммуникации vs. ее «**понятность только единицам**» [Чудинов 2012: 55]. На наш взгляд, анализ материала политических мемуаров политиков указывает, что общедоступность является вариативным явлением, зависящим от экстралингвистических факторов (например, обсуждаемой темы, известности участников событий, осведомленности читателя и прочих факторов). При этом различная интерпретация одной и той же информации способствует манипуляции, так как позволяет использовать разные смыслы для достижения желаемых результатов. Вероятность разного толкования способна стать причиной непонимания у других людей, что может установить контроль политика над ситуацией. Это значит, что разная интерпретация может быть эффективным манипулятивным инструментом для достижения личных целей политика.

А.П. Чудинов указывает и на **ритуальность** и **информативность** политической коммуникации. Рассматривая политические мемуары, следует отметить, что ритуальность (исполнение сценариев и социальных ролей) снижена, но увеличена информативность, проявляющаяся в насыщенности событиями. Другая черта политического текста — это **редукционизм vs. полнота информации**. Как и в политическом тексте вообще, в тексте мемуаров политиков автор пользуется возможностью опущения какой-либо информации, которую он считает

несущественной для упоминания, акцентируя внимание на необходимых ему фактах.

Стандартность vs. экспрессивность — это аспекты, важные для создания эффективных политических мемуаров (т. е. успешно передающих политический опыт, достижения и оказывающих влияние на общество). Стандартность способствует логическому и последовательному изложению информации, в то время как реализация экспрессивных приемов и средств способствует выражению взглядов автора, его убеждений и положений, выносимых в рамках различных кампаний.

Диалогичность vs. монологичность зависит от типа политического текста. В анализируемых нами мемуарах форма письменного изложения по структуре сходна с монологом. Это предполагает повествование от первого лица и субъективность суждений, влияющую на понимание читателя. Стоит отметить, что не все мемуары основываются на принципе монологичности (см. например, [Глухих 2019]), а учитывают опыт или мнение других участников событий.

Оценочность в политических мемуарах выражается в субъективном представлении событий, оппонентов и сторонников, межличностных отношений и, ввиду этого, искажении фактов действительности. Оценка личности, событий и процессов может быть положительной и отрицательной, имплицитной и эксплицитной, но неизменно присутствует в политмемуарах.

Агрессивность vs. толерантность. Анализ политических мемуаров показал, что обе эти характеристики связаны с идиостилем автора. К более резкой критике оппонентов склонен Д. Трамп. В то время как Б. Клинтон и Б. Обама, по нашему мнению, используют толерантность как стратегию достижения личных целей (например, проявление терпимости к разным точкам зрения оппонентов).

Это приводит нас к мысли о том, что рассмотрение текста политических мемуаров как строго информативного текста для массового адресата не вполне корректно. Сравнительный анализ политического текста в его широком понимании и текста политических мемуаров позволяет сделать вывод о наличии у них сходств и различий. Оба типа текста нацелены на массового адресата. Прежде считалось, что политический текст соотносится с текстом политиков как общее с частным. Справедливо отметить, что аудитория читателей политического мемуарного текста конкретного политика будет меньше по сравнению с аудиторией политического текста вообще. Политические мемуары предполагают описание личного опыта и мнения автора, то есть содержат

более субъективную и эмоциональную перспективу, в то время как политический текст в целом тяготеет к формальному стилю.

Таким образом, организация политического текста мемуаров побуждает обращать внимание на необычные единицы и методы, в частности на прозвища, которые присутствуют в тексте мемуаров.

3. Лингвокреативность прозвищ в мемуарах американских президентов

Номинация многократно становилась объектом исследования лингвистов, что подчеркивает необходимость их дальнейшего изучения в контексте лингвокреативности и требует специального внимания со стороны исследователей.

Имя представляет собой уникальную единицу, служащую для идентификации человека. История имени берет начало еще в древних цивилизациях, оно идентифицировало человека, связывало его с божественным началом и считалось, что оно способно оберегать носителя. По мере развития человечества, оно помогало не только в обращении к человеку, но и в сохранении памяти о нем. Впоследствии имя стало отражать классовую принадлежность, социальный статус и указывать на семейные (родственные) связи. С развитием христианства имя человека начало носить еще и сакральный смысл, могло наделить чистотой носителя имени и защищало его от невзгод и злых духов [Белова 2015].

В наше время имя является элементом личной идентификации человека. Оно способно отразить его индивидуальность, историю его семьи, культурную и национальную принадлежность. Реализация имени (а также прозвищ) может стать выражением креативности в литературе, искусстве, музыке и других сферах жизни, в частности, в политической сфере. С одной стороны, прозвище представляется отражением личности человека, использование которого может быть продиктовано поведением, чертами характера, успехами и неудачами и т. д. С другой стороны, оригинальные прозвища способствуют созданию уникального образа личности. Реализуя их в тексте, автор подчеркивает характер именуемого и делает его личность запоминающейся для читателей. Мы предполагаем, что реализация прозвищ служит и другим целям автора.

Выше мы писали, что номинация и прежде становилась предметом исследования на политическом материале. Например, А.В. Дмитриева и М.В. Голомидова исследовали прецедентные имена в рамках политической рекламы на материале поликодовых видеотекстов Франции и России. Установлено, что прецедентные имена исторических деятелей и реалий в российских видеотекстах характеризуются более широким

разнообразием в сравнении с французскими видеоклипами. Авторы указывают на ключевую роль прецедентных знаков в рамках стратегий самопрезентации и дискредитации [Дмитриева, Голомидова 2019].

Другие исследования посвящены непосредственно изучению прозвищ политиков. Например, с точки зрения перехода имени собственного в другой ономастический ряд [Новикова, Талецкая 2019]. О.Н. Новикова и Т.Н. Талецкая отмечают тенденцию к активному словообразованию в русском и английском языках, основанную на именах политических деятелей. Прозвища представляют собой «знаки определенного времени с его ценностными установками, при этом преобладает положительная оценка как мотивация называния» [Новикова, Талецкая 2019].

Исследование прозвищ вообще осуществляется в русле и многих других направлений. Е.И. Беглова на материале газет приходит к выводу о том, что прозвища являются результатом экспрессивно-стилистического словообразования, а эмоциональность в таких именах превалирует над семантикой [Беглова 2015]. Оценочный компонент рассматривается и в работе И.Н. Шустовой [Шустова 2019]. В результате исследования автор делит прозвища, данные Д. Трампом по семантическим признакам на тематические группы. Автор приходит к выводу о том, что уничижительные прозвища являются вербальным проявлением агрессии (*Crooked Hillary*, *Mad Alex* и др.). Е.О. Давыденкова рассматривает характерные особенности имен собственных на материале языка политической прессы. Выявлено, что прозвища, используемые в разговорной речи, активно реализуются и в языке современной итальянской прессы [Давыденкова 2016].

Эти и другие исследования свидетельствуют о том, что на сегодняшний день есть потребность в проведении исследования, посвященного прозвищам на материале политических мемуаров. Отдельное внимание изучению лингвокреативного потенциала прозвищ уделялось в работах [Киосе 2021; Соколова 2021].

Прозвища способны стать брендом, полностью заменить или даже вытеснить имя человека, а также помочь в формировании карьеры, в частности, современного политика. Будучи инструментом формирования имиджа автора, «второе имя» служит элементом узнаваемости личности. Прозвище способно стать визитной карточкой человека, вызывать положительные или отрицательные эмоции, оставлять «шлейф» воспоминаний о произошедших событиях. Прозвища могут использоваться и намеренно, при условии, что говорящему необходимо сделать акцент на характеристике, «упакованной» в прозвище человека, например:

(1) *Both **Axe** and Dan thought that taking a clear, unequivocal stand against the war would help in a Democratic primary* [Obama 2020: 56].

В данном примере актуализируется прозвище советника Б. Обамы Дэвида Аксельрода (*Axe*), которое первоначально использовалось в узких кругах, а позднее способствовало дальнейшему развитию его карьеры и в других сферах (например, как автора подкаста “The Axe Files”). Таким образом, подобные «вторые имена» могут быть использованы для формирования общественного мнения и определенных политических установок. Это примеры указывают на существование группы прозвищ, основанных на имени или фамилии именуемого.

В целом, использование прозвища для именования человека в политической сфере предполагает обсуждение личности именуемого и оценочных суждений автора. Достаточно вспомнить прозвище М. Тэтчер «Железная леди», по сей день используемое для обозначения первой женщины премьер-министра Великобритании, а также любой властной особы с сильным характером, например:

(2) *John Major (...) was hurt by constant unfavorable comparison to his predecessor, Margaret Thatcher, something **the Iron Lady** did nothing to discourage* [Clinton 2004: 478].

С этим связана одна из важнейших функций актуализации прозвищ мемуаристами-политиками — это создание имиджа участников событий, а также самого автора-президента. Прозвище позволяет передать черты характера, особенности поведения и внешности политиков, что способствует большей осведомленности о личности именуемого деятеля, например:

(3) *A few weeks earlier, Byron “**Whizzer**” White had announced his retirement after thirty-one years on the High Court* [Clinton 2004: 476].

В рамках нашего исследования была зафиксирована еще одна особенность реализации прозвища. В рассматриваемых текстах оно используется для указания на политические и иные убеждения именуемого. Предполагается, что подобный маркер приверженцев к определенной группе позволяет читателю быть информированным о происходящем и идеологии именуемого. Таким образом, прозвища, связанные с чертами характера, особенностями поведения и внешности, приверженности именуемого к какой-либо группе, можно выделить в качестве второй группы прозвищ.

Использование клички как идентификатора «своего» и «чужого» может быть продиктовано необходимостью критики или поддержки

других деятелей. Например, в следующих примерах выражены оценочные суждения президента. В последующем эта критика станет частью избирательной кампании, что неизбежно повлияет на ход политической гонки и даже карьеру политика, например:

(4) *Who did they turn to for help? Who else? **Uncle Sucker**. That's us* [Trump 2016: 35].

Еще одна особенность прозвищ состоит в том, что они становятся широко используемыми не только в политической среде, но и в повседневной речи. Их реализация является отражением популярности участников политических событий и их идеологии, например:

(5) *In the West Wing, birtherism was treated like a bad joke, and my younger staffers were heartened by the way late-night TV hosts frequently skewered "**the Donald**"* [Obama 2020: 695].

Из этого можно сделать вывод о том, что прозвища общественных и политических деятелей являются компонентом национальной культуры, что сужает свободу языкового творчества автора.

Интересно отметить, что отдельные креативные прозвища, используемые Б. Клинтоном и Б. Обамой, связаны с продвигаемой идеологией обоих политиков, основанной, в частности, на семейных ценностях. Но Д. Трамп практически не использует прозвища участников событий. При упоминании других лиц мемуарист использует полные имена (*Vladimir Putin*), их аббревиатуры (*JFK*), уменьшительно-ласкательные варианты имен (*Terry Lundgren*), а также общепринятое и известное прозвище (*Raymond «Ray» LaHood*). Приведем примеры из мемуаров Б. Обамы и Б. Клинтона:

(6) *My grandmother's sister Opal — we called her **Otie** <...>* [Clinton 2004: 13].

(7) *«It's part of being a well — informed citizen,» my grandmother, whom we all called **Toot** (short for **Tutu**, or Grandma, in Hawaiian) <...>* [Obama 2020: 5].

Это позволяет выделить *третью группу прозвищ, основанных на семейных ценностях и истории*, включаемых в текст. Они могут использоваться для создания чувства принадлежности к определенной культуре и демонстрации родственных связей между людьми.

Другая особенность прозвища заключается в том, что, подобно именам, они влияют на целостность текста. Реализация номинации позволяет автору мемуаров установить связь между структурными частями текста. Прозвище в таком случае выступает в качестве ключевого слова, которое не только обеспечивает когерентность текста, но и создает

достоверную картину событий. Прозвище является не только самостоятельным инструментом и параметром лингвокреативности, но и позволяет создать контекст для реализации других прагматически направленных средств, например:

(8) *America is the most powerful country in the world and we shouldn't be afraid to say it. "Iron Mike" Tyson, the famous fighter, once explained his philosophy, saying, "Everybody has a plan until they get punched in the mouth."* [Trump 2016: 32]

(9) *Over the course of the campaign, I'd watched Michelle adapt to our new circumstances with unerring grace — charming voters, nailing interviews, perfecting a style that showed her to be both chic and accessible. It was less a transformation than an amplification. her essential "Micheness" burnished to a high shine.* [Obama 2020: 234]

(10) *I can still hear **Mama Gina** saying, "A-Beel, a-Beel, you gotta eat some more."* [Clinton 2004: 44]

Таким образом, выделенные прозвища становятся сопутствующим фактором для реализации других параметров на разных уровнях: эмотивов, игры слов, цитат (пример 8), окказиональных неологизмов, метафор, однородных членов предложения, состоящих из единиц оценочной лексики (пример 9), фонетического эллипсиса (пример 10) и других.

Считается, что текст политических мемуаров приближен к политическому тексту (в широком понимании) и предполагает употребление общепринятых прозвищ общественно-политических деятелей. Однако проведенный нами анализ политических мемуаров указывает, что в рассматриваемых текстах присутствуют и лингвокреативные прозвища.

Для подтверждения этого положения мы воспользовались методом параметризации лингвокреативности (см. подробнее о методе в [ЛДРТ 2021; Зыкова 2021]). Его применение предполагает внимание к неконвенциональным элементам, которые могут быть зафиксированы с помощью корпусной разметки и дифференцированы по степени проявления креативности в них. Данный метод включает выявление характерных черт реализации прозвищ, используемых для обозначения участников событий. Целесообразность проведения исследования единичных параметров лингвокреативности обоснована объемом исследовательского материала, а также тем, что прозвище, на наш взгляд, является ключевым лингвокреативным параметром, связанным

с созданием и пониманием политических мемуарных текстов. При использовании метода параметризации лингвокреативности необходимо проводить анализ текста мемуаров с учетом особенностей реализации ключевого параметра и выявить наиболее характерные и запоминающиеся прозвища, используемые для обозначения людей. Это позволяет более точно описать их характеры и поведение, а также понять, какие эмоции и ассоциации вызывают эти прозвища у читателей.

В рамках проведенного исследования мы установили, что актуализация прозвищ в текстах политических мемуаров американских президентов имеет ряд особенностей. Прозвища политиков связаны с тремя ключевыми факторами, предопределившими наличие трех типов (или групп) прозвищ. В результате проведенного исследования мы выделили три типа прозвищ (см. [Нигматуллина 2023]): 1) прозвища-модификации имени носителя; 2) прозвища, основанные на качествах, достижениях или партийной принадлежности; 3) прозвища, основанные на семейных ценностях. Количественные данные исследования представлены в схемах (см. рис. 1).

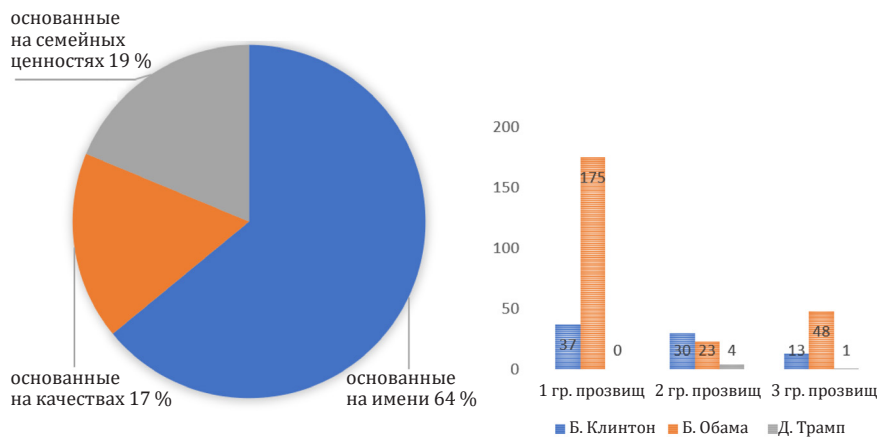

Рис. 1. Относительные и абсолютные показатели трех типов прозвищ, используемых в исследуемых политических мемуарах

Самой разнообразно представленной группой стала вторая (прозвища, основанные на качествах, достижениях или партийной принадлежности). Однако в количественном отношении превалирует группа, представляющая собой модификации имени носителя. При этом

прозвища, основанные на семейной истории, не являются самой многочисленной группой. Результаты показывают, что Б. Обама использует прозвища, связанные с семьей, гораздо чаще Б. Клинтона и Д. Трампа (всего 47 случаев реализации). Любопытно отметить, что Б. Обама ранее не был замечен в скандалах, связанных с верностью супруге и ссорах с детьми (в отличие от его коллег-президентов). В то же время прозвища-модификации имени отличаются меньшей степенью креативности ввиду того, что они восходят к источнику.

4. Заключение

В результате проведенного исследования мы пришли к выводу о том, что в тексте современных политических мемуаров реализуются различные лингвокреативные единицы. Однако наиболее интересным, по нашему мнению, видится определение того, какие прозвища используются политиком в рассматриваемых текстах. Такое внимание к прозвищам объясняется тем, что не все прозвища, используемые мемуаристом, лингвокреативны.

Прозвища как лингвокреативный параметр способствуют созданию образа политиков и близких их кругу лиц, а также установлению связи с читателем с помощью средств выразительности. Помимо этого, они отражают личные качества участников событий, оценочное отношение автора или определенные события, связанные с политической карьерой. Прозвища являются частью культуры и социального дискурса, а благодаря языковой креативности автора общество лучше понимает и запоминает именуемых. Кроме того, некоторые прозвища используются для критики или поддержки определенных политиков, что может повлиять на общественное мнение и результаты политической гонки.

Лингвокреативный потенциал дальнейшего изучения прозвищ, реализующихся в современных политических мемуарах, является широким полем исследования языковых средств, используемых авторами-политиками для создания определенных образов, описания характеров личностей и формирования отношения к ним. Одним из путей дальнейшего исследования является определение специфических языковых средств, используемых для создания прозвищ, анализ их семантики и эмоциональной окраски, интересный и на материале других дискурсов. Представляется интересным и сравнительный анализ результатов данного исследования с результатами, полученными в ходе анализа британских политмемуаров. Проведенное исследование проиллюстрировало важную роль прозвищ в политической сфере,

а дальнейшие работы в представленном русле позволят раскрыть особенности политической коммуникации, культуры, взаимоотношения участников событий, а также понять предпосылки и результаты политических процессов.

Литература

Балашов А.А. Карибский кризис в мемуарах советских и зарубежных политических деятелей // Дни науки студентов Владимирского гос. ун-та им. А.Г. и Н.Г. Столетовых: Сб. мат-ов научно-практич. конф-ии. Владимир: ВлГУ им. А.Г. и Н.Г. Столетовых, 2022. С. 2060–2065.

Беглова Е.И. Эмоционально-оценочный потенциал прозвищ современных политических деятелей (на материале газет 2000-х гг.) // Рациональное и эмоциональное в русском языке: сб. тр. Междунар. научн. конф-ии (г. Москва, 20–21 ноября 2015 г.) / Отв. ред.: П.А. Лекант М.: ИИУ МГОУ, 2015. С. 241–245.

Белова О.В. Сакральные имена в славянских народно-христианских легендах (имянаречение, переименования и трансформации имен) // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология. Мат-лы III Междунар. научн. конф-ии. Екатеринбург, 2015. С. 30–32.

Глухих Н.В. Диалогичность текста политических мемуаров Е.М. Примакова // Проблемы и перспективы развития науки в России и мире: сб. ст. Междунар. научно-практич. конф-ии. Пенза: Аэтерна, 2019. С. 101–103.

Давыденкова Е.О. Имена собственные в языке итальянской политической прессы // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 63. С. 87–89.

Дмитриева А.В., Голомидова М.В. Прецедентные имена исторических деятелей и реалий в поликодовых видеотекстах российской и французской политической рекламы: коммуникативно-прагматический аспект // Научный диалог. 2019. № 8. С. 25–40.

Ефремов Б.В. Репрезентация личности автора в политических мемуарах на английском языке // Огарёв-Online. 2022. № 176. URL: <https://journal.mrsu.ru/wp-content/uploads/2022/04/statya-efremov.pdf> (Дата обращения: 17.04.2023).

Журавлева Е.А. Актуализация категории автора в текстах политических мемуаров (на материале мемуаров президентов США). Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. СПб., 2012.

Журавлева Е.А. Особенности языковой репрезентации категории адресата в политических мемуарах (на материале мемуаров Б. Клинтона My Life) // Современные исследования социальных проблем. 2011. № 4. С. 99–100.

Журавлева Е.А. Самоидентификация автора в политических мемуарах // Вестник УдГУ. История и филология. 2022. № 2. С. 229–236.

Зубакина Т.Н. Метафорическое моделирование историко-политического события (на материале мемуаров У. Черчилля "The Second World War"). Дисс. ... канд. филол. наук. Пермь, 2014.

Зыкова И.В. Язык и дискурсы: На новых рубежах теории лингвокреативности // Лингвокреативность в дискурсах разных типов: Пределы и возможности: коллективная монография / Отв. ред. И.В. Зыкова. М.: Р.Валент, 2021. С. 11–20.

Киосе М.И. Лингвокреативность в дискурсе детской литературы // Лингвокреативность в дискурсах разных типов: Пределы и возможности: коллективная монография / Отв. ред. И.В. Зыкова. М.: Р.Валент, 2021. С. 363–451.

Кознова Н.Н. Литературные портреты политических деятелей в мемуарах русских писателей-эмигрантов // Вестник МГОУ. Русская филология. 2011. № 1. С. 82–88.

ЛДРТ — Лингвокреативность в дискурсах разных типов: Пределы и возможности: коллективная монография / Отв. ред. И.В. Зыкова. М.: Р.Валент, 2021.

Нигматуллина Э.Р. Типы прозвищ и их реализация в мемуарах политика (на материале мемуаров Б. Клинтона “My Life”) // Политическая лингвистика. 2023. Вып. 99. С. 103–108.

Новикова О.Н., Талецкая Т.Н. Имена современных политиков в словообразовании: трансонимизация. Вестник БашГУ. 2019. Вып. 24, № 1. С. 129–134.

Роговский А.А. Фигура советского политического деятеля в писательских мемуарах русских эмигрантов первой волны (А. Луначарский в очерках Г. Иванова и В. Ходасевича) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 79. С. 55–58.

Селиверстова Л.Н. Речевое поведение политических деятелей Германии XX века (на материале их публичных выступлений и мемуаров). Дисс. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2004.

Соколова О.В. Лингвокреативность в рекламном и поэтическом дискурсах // Лингвокреативность в дискурсах разных типов: Пределы и возможности: коллективная монография / Отв. ред. И.В. Зыкова. М.: Р.Валент, 2021. С. 258–362.

Сурина А.В. Метафорическая самооценка в мемуарах политических лидеров постсоветской эпохи // Известия УрГПУ. Лингвистика. 2005. № 15. С. 137–143.

Сурина А.В. Метафорические заглавия современных российских политических мемуаров: смысловой и прагматический аспекты // Вестник ЮУрГУ. Лингвистика. 2006. № 61. С. 149–152.

Сурина А.В. Метафорическое моделирование российской действительности в мемуарах политических лидеров постсоветской эпохи. Дисс. ... канд. филол. наук. Н. Тагил, 2007.

Чудинов А.П. Дискурсивные характеристики политической коммуникации // Политическая лингвистика. 2012. № 2. С. 53–59.

Шустова И. Н. Роль уничижительных прозвищ в языке политики // Известия ВГПУ. 2019. № 282. С. 213–216.

Источники

Clinton B. My Life. New York: Knopf, 2004.

Obama B. A Promised Land. New York: Viking. 2020.

Trump D. Great Again: How to Fix Our Crippled America. New York: Threshold Editions. 2016.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

БЕЛЯЕВСКАЯ Елена Георгиевна — доктор филологических наук, профессор кафедры лексикологии английского языка, факультет английского языка, Московский государственный лингвистический университет.

BELYAEVSKAYA Elena G. — Doctor of Sciences (Philology), Professor of the Chair of English Lexicology, Faculty of the English Language, Moscow State Linguistic University.

БОСОВ Артем Евгеньевич — кандидат филологических наук, судья Арбитражного суда Республики Коми.

BOSOV Artyom E. — Candidate of Sciences (Philology), Judge of the Arbitration Court of the Komi Republic.

ГВИШИАНИ Наталья Борисовна — доктор филологических наук, профессор кафедры английского языкознания, филологический факультет, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова.

GVISHIANI Natalia B. — Doctor of Sciences (Philology), Professor of the Chair of English Linguistics, Department of Philology, Lomonosov Moscow State University.

ДЕМЬЯНКОВ Валерий Закиевич — доктор филологических наук, заведующий отделом теории и практики коммуникации имени Ю.С. Степанова, Институт языкознания РАН.

DEMYANKOV Valery Z. — Doctor of Sciences (Philology), Head of Yuri Stepanov Department for Theory and Practice of Communication, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences.

ЗАХАРКИВ Екатерина Васильевна — научный сотрудник (по гранту РФ 19-18-00040) отдела теории и практики коммуникации имени Ю.С. Степанова, Институт языкознания РАН.

ZAKHARKIV Ekaterina V. — Researcher of Yuri Stepanov Department for Theory and Practice of Communication, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences.

ЗОЛЯН Сурен Тигранович — доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник ОНК «Институт образования и гуманитарных наук», Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта.

ZOLYAN Suren T. — Doctor of Sciences (Philology), Professor, Leading Researcher of Educational and Scientific Cluster “Institute of Education and Humanities”, Immanuel Kant Baltic Federal University.

ЗЫКОВА Ирина Владимировна — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела теоретической лингвистики, Институт языкознания РАН.

ZYKOVA Irina V. — Doctor of Sciences (Philology), Leading Researcher of the Department of Theoretical Linguistics, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences.

ИЛЫН Михаил Васильевич — доктор политических наук, кандидат филологических наук, профессор, руководитель центра перспективных методологий социально-гуманитарных исследований, Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН.

ILYN Mikhail V. — Doctor of Political Sciences, Candidate of Sciences (Philology), Professor, Head of the Centre for Advanced Methodologies of Social and Humanities Research, Institute of Scientific Information for Social Sciences, Russian Academy of Sciences.

КИОСЕ Мария Ивановна — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Центра социокогнитивных исследований дискурса, Московский государственный лингвистический университет; ведущий научный сотрудник Лаборатории мультимедийной коммуникации, Институт языкознания РАН.

KIOSE Maria I. — Doctor of Sciences (Philology), Leading Researcher of the Centre for Sociocognitive Discourse Studies, Moscow State Linguistic University; Leading Researcher of the Laboratory of Multichannel Communication, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences.

КРАСИКОВА Елизавета Александровна — кандидат филологических наук, доцент общеинститутской кафедры подготовки преподавателей редких языков, Институт иностранных языков имени Мориса Тореза, Московский государственный лингвистический университет; младший научный сотрудник (по гранту РФ 19-18-00040) отдела теоретической лингвистики, Институт языкознания РАН.

KRASIKOVA Elizaveta A. — Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor of the Department of Training Teachers of Rare Languages, the Maurice Thorez Institute of Foreign Languages, Moscow State Linguistic University; Junior Researcher (funded by research project № 19-18-00040, Russian Science Foundation) of the Department of Theoretical Linguistics, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences.

КРАСНЫХ Виктория Владимировна — доктор филологических наук, профессор кафедры общей теории словесности, филологический факультет, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова.

KRASNYKH Victoria V. — Doctor of Sciences (Philology), Professor of the Chair of Discourse and Communication Studies, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University.

КУЛЕВА Анна Сергеевна — кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела корпусной лингвистики и лингвистической поэтики, Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН.

KULEVA Anna S. — Candidate of Sciences (Philology), Leading Researcher of the Department of Corpus Linguistics and Linguistic Poetics, Vinogradov Russian Language Institute, Russian Academy of Sciences.

КУЛИДЖАНЫН Сюзанна Самвеловна — младший научный сотрудник (по гранту РФ 19-18-00040) отдела теоретической лингвистики, Институт языкознания РАН.

KULIDZHANYAN Suzanna S. — Junior Researcher (funded by research project № 19-18-00040, Russian Science Foundation) of the Department of Theoretical Linguistics, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences.

ЛЕВИЦКИЙ Андрей Эдуардович — доктор филологических наук, профессор кафедры лингвистики, перевода и межкультурной коммуникации, факультет иностранных языков и регионоведения, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова.

LEVITSKY Andrei E. — Doctor of Sciences (Philology), Professor of the Chair of Linguistics, Translation and Intercultural Communication, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University.

МЕЧКОВСКАЯ Нина Борисовна — доктор филологических наук, профессор кафедры теоретического и славянского языкознания, профессор кафедры классической филологии, Белорусский государственный университет.

MECHKOVSKAYA Nina B. — Doctor of Sciences (Philology), Professor of the Chair of Theoretical and Slavic Linguistics, Professor of the Chair of Classical Philology, Belarusian State University.

НАГОРНАЯ Александра Викторовна — доктор филологических наук, профессор Школы иностранных языков, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

NAGORNAYA Alexandra V. — Doctor of Sciences (Philology), Professor of the School of Foreign Languages, HSE University.

НИГМАТУЛИНА Элина Рустемовна — кандидат филологических наук, научный сотрудник (по гранту РФФИ 19-18-00040) отдела теории и практики коммуникации имени Ю.С. Степанова, Институт языкознания РАН.

NIGMATULLINA Elina R. — Candidate of Sciences (Philology), Researcher (funded by research project № 19-18-00040, Russian Science Foundation) of Yuri Stepanov Department for Theory and Practice of Communication, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences.

НИКОЛИНА Наталия Анатольевна — кандидат филологических наук, профессор кафедры русского языка, Институт филологии, Московский педагогический государственный университет.

NIKOLINA Natalia A. — Candidate of Sciences (Philology), Professor of the Chair of the Russian Language, Institute of Philology, Moscow Pedagogical State University.

ПЕТРОВА Зоя Юрьевна — кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела корпусной лингвистики и лингвистической поэтики, Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН.

PETROVA Zoya Yu. — Candidate of Sciences (Philology), Leading Researcher of the Department of Corpus Linguistics and Linguistic Poetics, Vinogradov Russian Language Institute, Russian Academy of Sciences.

РАДБИЛЬ Тимур Беньюминович — доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теоретической и прикладной лингвистики, Институт филологии и журналистики, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского.

RADBIL Timur B. — Doctor of Sciences (Philology), Professor, Head of the Chair of Theoretical and Applied Linguistics, Institute of Philology and Journalism, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod.

РЕВЗИНА Ольга Григорьевна — доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, филологический факультет, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова.

REVZINA Olga G. — Doctor of Sciences (Philology), Professor of the Chair of the Russian Language, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University.

СОКОЛОВА Ольга Викторовна — доктор филологических наук, старший научный сотрудник отдела теории и практики коммуникации имени Ю.С. Степанова, Институт языкознания РАН.

SOKOLOVA Olga V. — Doctor of Sciences (Philology), Senior Researcher of Yuri Stepanov Department for Theory and Practice of Communication, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences.

ТАЙМУР Мария Павловна — кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков № 1, Высшая школа социально-гуманитарных наук, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова.

TAYMOUR Maria P. — Candidate of Philology, Associate Professor of Chair of Foreign Languages № 1, Higher School of Social Sciences and Humanities, Plekhanov Russian University of Economics.

ФАТЕЕВА Наталья Александровна — доктор филологических наук, главный научный сотрудник отдела корпусной лингвистики и лингвистической поэтики, Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН.

FATEEVA Natalya A. — Doctor of Sciences (Philology), Principal Researcher of the Department of Corpus Linguistics and Linguistic Poetics, Vinogradov Russian Language Institute, Russian Academy of Sciences.

ФЕЩЕНКО Владимир Валентинович — доктор филологических наук, старший научный сотрудник отдела теории и практики коммуникации имени Ю.С. Степанова, Институт языкознания РАН.

FESHCHENKO Vladimir V. — Doctor of Sciences (Philology), Senior Researcher of Yuri Stepanov Department for Theory and Practice of Communication, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences.

ЧЕРНЕЙКО Людмила Олеговна — доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, филологический факультет, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова.

CHERNEYKO Ludmila O. — Doctor of Sciences (Philology), Professor of the Chair of the Russian Language, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University.

ШАРАПОВА Екатерина Вячеславовна — кандидат филологических наук, научный сотрудник отдела экспериментальной лексикографии, Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН.

SHARAPOVA Ekaterina V. — Candidate of Sciences (Philology), Researcher of the Department of Experimental Lexicography, Vinogradov Russian Language Institute, Russian Academy of Sciences.

ШЕСТАКОВА Лариса Леонидовна — доктор филологических наук, главный научный сотрудник отдела корпусной лингвистики и лингвистической поэтики, Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН.

SHESTAKOVA Larisa L. — Doctor of Sciences (Philology), Principal Researcher of the Department of Corpus Linguistics and Linguistic Poetics, Vinogradov Russian Language Institute, Russian Academy of Sciences.

ШМЕЛЁВА Екатерина Сергеевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры стилистики английского языка, факультет английского языка, Московский государственный лингвистический университет; старший научный сотрудник (по гранту РФФ 19-18-00040) отдела теории и практики коммуникации имени Ю.С. Степанова, Институт языкознания РАН.

SHMELYOVA Ekaterina S. — Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor of the Chair of English Stylistics, Faculty of the English Language, Moscow State Linguistic University; Senior Researcher (funded by research project № 19-18-00040, Russian Science Foundation) of Yuri Stepanov Department for Theory and Practice of Communication, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences.

ЭПШТЕЙН МИХАИЛ НАУМОВИЧ — кандидат филологических наук, заслуженный профессор теории культуры и русской литературы университета Эмори (Атланта, США).

EPSTEIN Mikhail N. — PhD, Samuel Candler Dobbs Professor of Cultural Theory and Russian Literature, Emory University, Atlanta (GA), USA.

Научное издание

**ДИСКУРС И ЯЗЫК
В ЭПОХУ «БОЛЬШИХ ДАННЫХ»:
ВАРИАТИВНОСТЬ,
КРЕАТИВНОСТЬ,
ЭКСПЕРИМЕНТ**

Сборник научных статей

Ответственный редактор И.В. Зыкова

Редактор Колесниченко В.Р.
Корректор Комарова И.В.
Компьютерная верстка Колесниченко В.В.

Подписано в печать 04.10.2023 г.
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Формат 60×90 1 / 16. Объем 23,0 усл. п.л.
Тираж 300 экз. Заказ №

Сайт издательства «Р.Валент»: www.rvalent.ru,
e-mail: rvalent@yandex.ru

ДИСКУРС И ЯЗЫК В ЭПОХУ «БОЛЬШИХ ДАННЫХ»

ВАРИАТИВНОСТЬ

КРЕАТИВНОСТЬ

ЭКСПЕРИМЕНТ

Беляевская Е.Г.
Босов А.Е.
Гвишиани Н.Б.
Демьянков В.З.
Захаркив Е.В.
Золян С.Т.
Зыкова И.В.
Ильин М.В.
Киосе М.И.
Красикова Е.А.

Красных В.В.
Кулева А.С.
Кулиджанян С.С.
Левицкий А.Э.
Мечковская Н.Б.
Нагорная А.В.
Нигматуллина Э.Р.
Николина Н.А.
Петрова З.Ю.
Радбиль Т.Б.

Ревзина О.Г.
Соколова О.В.
Таймур М.П.
Фатеева Н.А.
Фещенко В.В.
Чернейко Л.О.
Шарапова Е.В.
Шестакова Л.Л.
Шмелёва Е.С.
Эпштейн М.Н.

ISBN 978-5-93439-654-2

9 785934 396542

Москва • «Р.Валент»